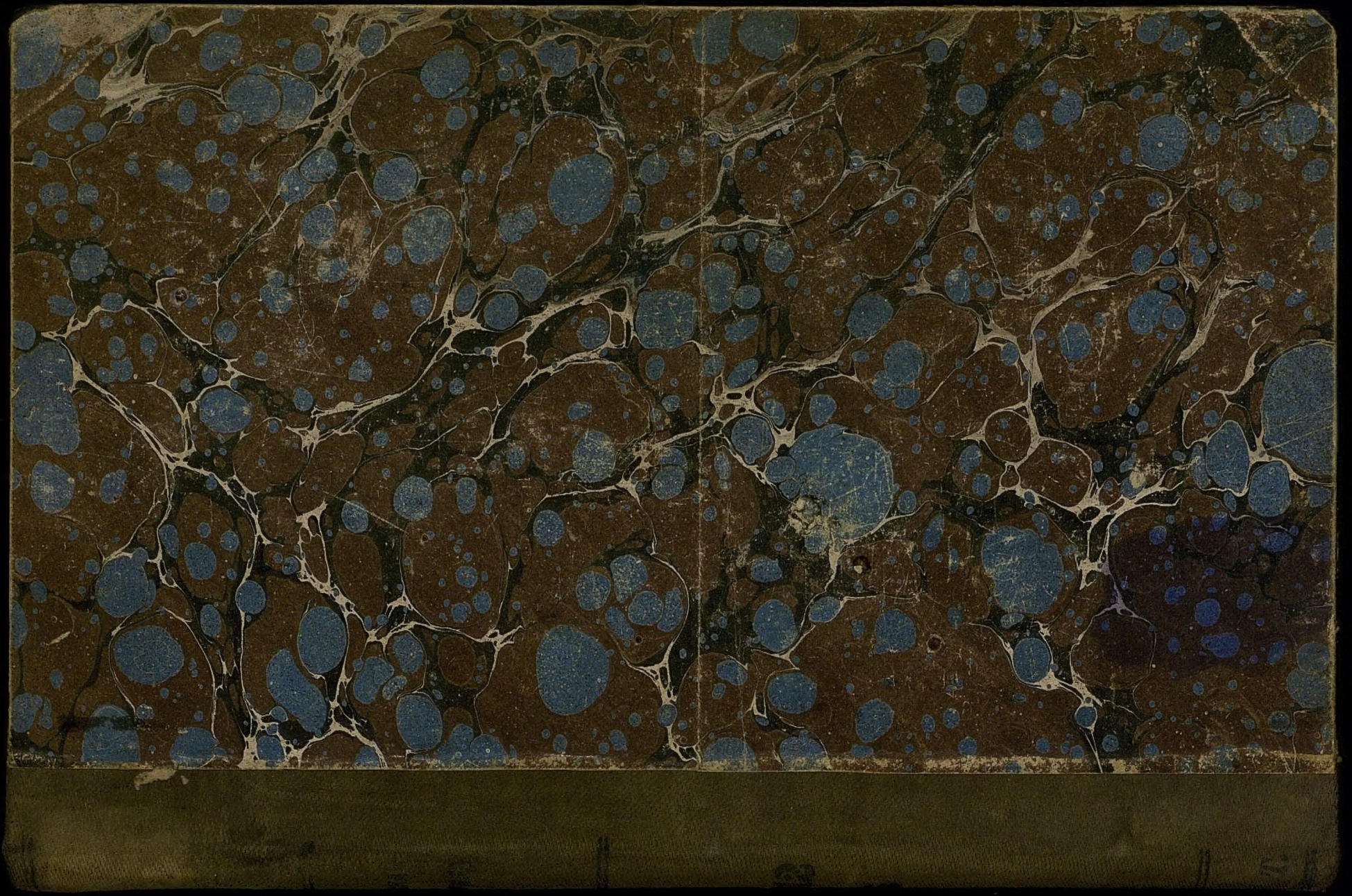

9(47)1
Д88С к 5

1849 — 1880 —

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Журнальный фонд Московской обл. библиотеки

Годъ XLIII-й. МАЙ. 1912 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. **Берлинскій Конгрессъ 1878 года.** (Дневникъ, веденный на мѣстѣ Д. Г. Анучинымъ). Сообщ. А. С. Анучина . . . . 223—236

II. **Дневникъ статсъ-секретаря Григорія Ивановича Вилламова. 1807 г.** Сообщ. Н. А. Вилламовъ. 237—244

III. **Можно ли было выручить Портъ-Артуръ въ маѣ 1904 года?** Психолого-стратегическій очеркъ. В. Ф. . . . . 245—289

IV. **Въ Румыніи передъ войной 1877 г.** Г. И. Бобрикова . . . . . 290—295

V. **Н. Г. Чернышевскій.** (Наброски по неиздан. матеріаламъ). А. А. Лебедева. 296—309

VI. **Сибирская казачья дивизія въ походѣ противъ Японіи въ 1904 и 1905 годахъ.** (Дневникъ участника съ 2 февраля 1904 г. по 30 іюля 1905 г.). Г. А. Данилова . . . . 310—322

VII. **Въ дружескомъ кругу.** (Изъ воспоминаній о графѣ Д. А. Милютинѣ). С. Лаврентьевой . . . . 323—331

VIII. **Встрѣчи и столкновенія.** (И. Е. Андреевскій, П. Г. Рѣдкинъ, И. Я. Горловъ). Р. И. Сементковскаго. 333—352

IX. **Яковъ Іоганъ Урсинусъ.** Профессоръ-депутатъ Екатерининской комиссіи для сочиненія проекта новаго Уложенія. А. Г. Воронова . . . . 353—360

X. **Николай Михайловичъ Пржевальскій.** Преждевременная смерть у порога пятаго путешествія. П. Козлова . . . . 361—385

XI. **Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г. г.** Е. А. Рагозиной . . . . 386—395

XII. **Настроеніе русской арміи на поляхъ Венгріи въ 1848—49 г. г.** В. Т. 396—408

XIII. **Сто лѣтъ назадъ.** Письма И. П. Оденталя къ А. Я. Булгакову о петербургскихъ новостяхъ и слухахъ. С. О. Долгова . . 409—429

XIV. **Въ маѣ 1812 года.** Т. . . 430—444

XV. **Изъ записной книжки „Русской Старины“:**
а) **Рескриптъ Императора Павла I новгородскому губернатору Митусову.** Сообщ. С. Н. Митусовъ. 332

XVI. **Библіографическій листокъ** (на оберткѣ).

Приложенія: 1) Памятникъ Пржевальскому на берегу Иссыкъ-Куля. 2) Портретъ прапорщика Николая Михайловича Пржевальскаго.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1912 года.

Пріемъ по дѣламъ редакціи по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 ч. пополудни. Редакція помѣщается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. 18. Телефонъ 37—66.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. Т-ва п. ф. „Электро-Тип. Н. Я. Стойковой“. Знаменская, 27.
1912.

V-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го мая 1912 года.

Библіографическій листокъ.

Великій Князь Николай Михаиловичъ. Петербургскій Некрополь. Томъ первый. (А—Г). Спб. 1912.

Цѣнная работа эта, полезная для хронологическихъ, біографическихъ и генеалогическихъ справокъ, составляется по порученію Августѣйшаго издателя извѣстнымъ знатокомъ русской исторіи В. И. Саитовымъ, выпустившимъ въ 1883 г., подъ тѣмъ же заглавіемъ, списокъ петербургскихъ могилъ. Послѣдній поглощенъ настоящимъ сборникомъ, въ который вошли имена многихъ погребенныхъ на петербургскихъ кладбищахъ отъ основанія столицы до нашихъ дней. Составитель пользовался не только сохранившимися надгробными надписями, но и указаніями печатныхъ источниковъ. Въ виду огромности матеріала въ списокъ внесены не всѣ погребенные, а лишь носители болѣе или менѣе выдающихся именъ и представители наиболѣе культурныхъ общественныхъ круговъ. Наведеніе справокъ облегчено введеніемъ въ общій алфавитъ дѣвическихъ и первобрачныхъ фамилій, свѣтскихъ именъ монашествующихъ, псевдонимовъ актеровъ и писателей.

Сочиненія Пушкина. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. Переписка. Подъ редакціей и съ примѣчаніями В. И. Саитова. Томъ третій. (1833—1837). Спб. 1911.

Этимъ прекраснымъ томомъ почтенный редакторъ закончилъ изданіе текста переписки Пушкина, и теперь остается ждать примѣчаній. В. И. Саитовъ старательно провѣрилъ текстъ по подлинникамъ, одно обнаруженіе и добываніе которыхъ было серьезной работой, побѣдилъ немало хронологическихъ трудностей и далъ русскому читателю полное изданіе корреспонденціи великаго поэта. Всякое другое изданіе, за исключеніемъ нѣсколькихъ малозначительныхъ частностей, по необходимости будетъ сводиться къ простой перепечаткѣ саитовской редакціи. Сорокъ писемъ и записокъ Пушкина и къ Пушкину опубликовано въ третьемъ томѣ впервые. Перечислимъ ихъ подробно, чтобы читатель могъ сразу обратить вниманіе на эти новинки. Пушкину принадлежатъ двадцать четыре №№—715 (кн. В. Ѳ. Одоевскому), 797 (А. В. Никитенкѣ), 857 (Ваттемару), 864 и 865 (С. А. Соболевскому), 875 (графу А. Х. Бенкендорфу), 949, 955, 956 и 965 (кн. Одоевскому), 981 (кн. П. А. Вяземскому), 1020 (С. С. Хлюстину), 1043 (И. А. Яковлеву), 1110 (кн. В. Ѳ. Одоевскому), 1125 (С. Л. Пушкину, отцу), 1132 (А. И. Тургеневу), 1151 (Ѳ. Н. Глинкѣ), 1152 (неизвѣстному), 1153 (гр. Ѳ. И. Толстому), 1155 и 1156 (кн. В. Ѳ. Одоевскому), 1159 (С. Д. Нечаеву), 1161 (П. П. Каверину) и 1173 (гр. А. Х. Бенкендорфу). Корреспондентамъ поэта принадлежатъ шестнадцать №№: 702 и 716 (письма гр. А. И. Чернышева), 881 (княг. Трубецкой), 903 (гр. К. Л. Фикельмонта), 982, 1004, 1060, 1080, 1099, 1103 (кн. П. А. Вяземскаго), 1016 (П. Я. Чаадаева), 1100 (гр. В. А. Сологуба, французскій текстъ), 1105 (гр. Е. Ф. Канкрина), 1128 (П. А. Осиповой), 1144 (A. Magenis) и 1150 (Н. И. Павлищева).

Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1905 годъ. Спб. 1912.

Отчеты Публичной Библіотеки служатъ для ученыхъ работниковъ полезнымъ справочникомъ, хотя главная цѣль ихъ—представить жизнь высшаго книгохранилища въ теченіе даннаго времени. Въ отчетномъ году библіотека, по обыкновенію, обогатилась множествомъ старинныхъ и рѣдкихъ книгъ и рукописей. Между прочимъ, въ нее поступило обширное собраніе иностранныхъ книгъ, относящихся до русско-японской войны, коллекція оффиціальныхъ актовъ крымскаго ханства XVII—XVIII столѣтій, двадцать восемь рукописей изъ собранія купца Плигина, матеріалы, относящіеся до польскаго возстанія 1863 г., нѣкоторыя бумаги А. Т. Болотова, записки по законовѣдѣнію, читанныя К. П. Побѣдоносцевымъ въ 1885—1888 г.г. Наслѣднику Цесаревичу-Николаю Александровичу, нынѣ царствующему Государю Императору.

Ив. Федоровъ. Опытъ хронологической канвы къ біографіи В. Г. Бѣлинскаго, съ приложеніемъ библіографическаго указателя. Смоленскъ. 1911.

Книжка небезполезная, хотя составлена очень небрежно, „кустарнымъ", такъ сказать, способомъ. Составитель работалъ, повидимому, безъ достаточнаго вниманія къ матеріалу, которымъ пользовался, и, что гораздо хуже, не выяснилъ себѣ необходимыхъ методическихъ пріемовъ. Поэтому онъ далъ лишь первоначальный черновой очеркъ. „1837 ноября 21. Горькая участь Бѣлинскаго", указываетъ г. Федоровъ, хотя отлично знаетъ, конечно, что участь Бѣлинскаго была горька не только въ названный день его жизни. „1840—46 г. Появленіе знаменитыхъ статей Бѣлинскаго",—слишкомъ многообъемлющее указаніе: въ этотъ періодъ создалось болѣе трехъ четвертыхъ всего литературнаго наслѣдія Бѣлинскаго, съ „знаменитыми" и отнюдь не знаменитыми статьями включительно. Переговоры съ Пушкинымъ, хотѣвшимъ пригласить Бѣлинскаго въ „Современникъ", велись вовсе не черезъ И. И. Панаева, а черезъ Нащокина. Библіографическій указатель литературы о Бѣлинскомъ составленъ тоже небрежно, по случайнымъ даннымъ. Книжка нуждается въ основательной переработкѣ.

М. М. Стасюлевичъ и его современники въ ихъ перепискѣ. Подъ редакціей М. К. Лемке. Т. I. Спб. 1911.—Т. II. Спб. 1912.

Послѣ покойнаго М. М. Стасюлевича, выдающагося общественнаго дѣятеля и ученаго, остался огромный архивъ, хранящій слѣды его живыхъ и крѣпкихъ связей съ многими крупными людьми и основными теченіями русской жизни послѣдняго полусто-

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

Памятникъ Пржевальскому
на берегу Иссыкъ-Куля.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА"

на 1912 годъ.

Вступая въ 1912 году въ сорокъ третій годъ своего существованія, **„Русская Старина"**, благодаря измѣнившимся условіямъ цензуры, извлекаетъ изъ своего архива цѣлый рядъ цѣнныхъ записокъ и даетъ мѣсто особенно интереснымъ воспоминаніямъ, а также исторически обработаннымъ матеріаламъ и подлиннымъ документамъ.

Имѣя въ виду современныя условія общественной жизни Россіи, редакція предпринимаетъ цѣлый рядъ мѣръ къ обновленію и расширенію журнала.

Сохраняя своихъ прежнихъ многочисленныхъ сотрудниковъ, редакція предполагаетъ напечатать въ 1912 году: Статьи и матеріалы о 1812 годѣ. **А. Ф. Кони.**—„Изъ воспоминаній и замѣтокъ судебнаго дѣятеля". „Житейскія встрѣчи". Воспоминанія **И. И. Янжула** о пережитомъ и видѣнномъ. **А. А. Мазона**—Матеріалы для біографіи и характеристики И. А. Гончарова. **В. М. Спасской.**—Воспоминанія о Гончаровѣ. **Н. А. Вилламовъ.**—Дневникъ статсъ-секретаря Григорія Ивановича Вилламова. **А. А. Лебедева.**—Г. Е. Благосвѣтловъ и Н. Г. Чернышевскій. **Бар. Ш.**—Изъ воспоминаній о Некрасовѣ. **Анучина.**—Берлинскій конгрессъ 1878 г. (авторъ пишетъ о кн. Горчаковѣ, гр. Шуваловѣ, гр. Милютинѣ, кн. Бисмаркѣ, кронпринцѣ Фридрихѣ, Дизраэли, гр. Андраши и др.). **Е. Лермонтовой.**—Вопросъ о самодержавіи Царевны Софіи Алексѣевны.—По неизданнымъ документамъ. **Р. И. Сементковскаго.**—Встрѣчи и столкновенія съ Л. Н. Толстымъ, С. П. Боткинымъ, С. П. Бѣляевымъ, Е. А. Кожуховымъ, М. П. Соловьевымъ, А. К. Пыпинымъ, М. О. Вольфомъ, И. А. Гончаровымъ, Н. К. Шильдеромъ, И. К. Мердеромъ, И. Е. Андреевскимъ, А. Д. Градовскимъ, П. Г. Рѣдкинымъ, П. А. Гайдебуровымъ, К. В. Трубниковымъ, В. В. Стасовымъ, Ф. Ѳ. Павленковымъ, А. Ф. Марксомъ, П. И. Вейнбергомъ, А. М. Скабичевскимъ, В. П. Безобразовымъ, М. М. Шершевскимъ, Робертомъ Молемъ и др. **Н. А. Мурзанова.**—Къ біографіи декабристовъ: кн. С. А. Волконскаго, В. А. Давыдова и М. С. Лунина. **В. В. Шереметевскаго.**—Басурманская неволя. **М. В. Безобразовой.**—Дневникъ академика В. П. Безобразова. **П. К. Козлова.**—Николай Михайловичъ Пржевальскій. **А. И. Слезскинскаго.** — Тайный другъ Пушкина. **В. Н. Свѣтозарова.**—Развитіе легенды о смерти Царевича Дмитрія. **П. Л. Юдина.**—Къ дѣлу Мировича. Изъ астраханской жизни Суворова. **Е. Г. Вейденбаума.**—Присяга Ермолова Императору Николаю I-му. **И. П. Мордвинова.**—Письма Г. Р. Державина къ Е. И. Горихвостовой. **В. Д. Корсаковой.**—Князь Платонъ Степановичъ Мещерскій и письма къ нему Екатерины II, Павла I, Румянцева-Задунайскаго и др. **А. И. Сергѣева.**—Изъ быта духовенства. **Н. А. Лашкова.**—Посѣщеніе Спасо-Яковлевскаго монастыря Императрицей Маріей Ѳеодоровной и Императоромъ Александромъ I. **Е. А. Рагозиной.**—Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—78 гг., при чемъ авторъ, описывая жизнь Турціи и ея обитателей, касается гр. Игнатьева, Нелидова, Ону, Макѣева, кн. Церетели, Гобартъ-паши, сэра Элліота, Зичи, гр. Корти, лорда Сольсбери, бар. Каличе, Кіамиль-паши, Османъ п., Керимъ, Намукъ, Сивфетъ, Мухтаръ-пашей и др. **Е. К. Андреевскій.**—М. И. Драгомировъ—командующій войсками округа и генералъ-губернаторъ. **А. Ф. Петрушевскаго.**—Изъ моихъ воспоминаній. **А. Г. Воронова.**—Іоганъ Урсинусъ. **И. И. Онноре.**—11 лѣтъ въ театрѣ. **М. Ф. Чулицкаго.**—Изъ старыхъ дѣлъ („Сонное видѣніе", „Преступная мысль" и „О сумасбродѣ Иванѣ Андреевѣ"). **М. М. Мариной.**—Лэди Портеръ. **П. А. Данилова.**—Сибирская дивизія въ походѣ противъ Японіи въ 1904 и 1905 гг. **Л. Н. Любимова.**—Изъ жизни инженера путей сообщенія. **В. Ф. Руднева.**—На крейсерѣ „Африка". **Н. А. Попова.**—Изъ замѣтокъ стараго ремонтера. **А. Синицына.**—Изъ воспоминаній стараго врача. **Е. В. Андріашевой.**—Воспоминанія стараго педагога. Воспоминанія **Веселовскаго, Леваковскаго, Виноградскаго, Скворцова** и др.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ журналѣ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 руб. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 18.

ПРИ ЖУРНАЛѢ
„РУССКАЯ СТАРИНА“
ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
„Стенографическій Отчетъ Портъ-Артурскаго процесса”.

Русскому обществу, безусловно заинтересованному судебнымъ процессомъ о сдачѣ П.-Артура, приходится довольствоваться газетными отчетами о процессѣ, всегда неполными, а зачастую и искаженными, несмотря на присутствіе въ залѣ засѣданій стенографовъ, оффиціально допущенныхъ для записи.

Въ настоящее время намъ удалось пріобрѣсти всѣ стенограммы, и мы, идя навстрѣчу желаніямъ публики, рѣшили ихъ издать.

Изданіе будетъ исполнено болѣе чѣмъ въ ПЯТИ выпускахъ по подпискѣ и стоимость его на обыкновенной бумагѣ и безъ портретовъ съ выпуска 4 повышена—ШЕСТЬ рублей.

На веленевой бумагѣ и съ портретами подсудимыхъ, ихъ защитниковъ и выдающихся свидѣтелей—ДВѢНАДЦАТЬ рублей.

По выходѣ всѣхъ выпусковъ—стоимость ихъ будетъ увеличена.

Подписка принимается:

Въ СПБ. въ ред. журн. „Русская Старина“ (гдѣ помѣщается контора этого изданія)—Фонтанка, 18;

въ книжныхъ магазинахъ:

„Новаго Времени“, Невскій, 40;

„Т-ва М. О. Вольфъ“, Гостиный дв., 18, и Невскій, 13, и въ книжн. складѣ Березовскаго, Колокольная, № 14.

Въ Москвѣ: въ книжн. магаз. М. О. Вольфъ, Моховая ул. и Кузнецкій мостъ.

За точность записей поручились стенографы, фамиліи которыхъ будутъ напечатаны въ отчетѣ. За исправленіе техническихъ терминовъ, фамилій и названій мѣстностей—отвѣтственны защитники, которые, всѣ безъ исключенія, взяли на себя трудъ по провѣркѣ отчета.

Состоящимъ на государственной службѣ за поручительствомъ казначеевъ допускается разсрочка: 2 руб. при подпискѣ и по 1 рублю по полученіи каждаго выпуска.

Книжные магазины, принимающіе подписку на „Стенографическій отчетъ“, платятъ: вмѣсто 6 руб.—5 руб. и вмѣсто 12 руб.—11 руб.

Берлинскій Конгрессъ 1878 года [1]).

(Дневникъ, веденный на мѣстѣ Д. Г. Анучинымъ).

Воскресенье 11 (23) іюня. Здѣсь насъ собираются развозить. Ѣздили въ Потсдамъ, еще туда же поѣдемъ, а потомъ на маневры хотятъ звать въ Магдебургъ. Такъ что неизвѣстно, чѣмъ начнемъ день и чѣмъ окончимъ.

Жара продолжается здѣсь сильная. Не знаю куда сегодня поѣду—собирался въ Шарлотенбургъ, тамъ прекрасныя пальмы, говорятъ, почти столь же хорошія, какъ и въ Франкфуртѣ. Кромѣ того тамъ чудный памятникъ королевѣ Луизѣ, матери императора — я всегда подолгу имъ любуюсь.

Обѣдаютъ здѣсь теперь гораздо лучше, чѣмъ прежде; я съ удовольствіемъ ѣмъ даже здѣшніе супы, можетъ быть это оттого, что съ 77 года отвыкъ въ походѣ отъ хорошей русской кухни? Весьма вѣроподобно, но во всякомъ случаѣ я доволенъ здѣшними обѣдами и нахожу ихъ только черезчуръ длинными—шесть, семь блюдъ, насилу переплывешь.

Ягодъ здѣсь бездна, а клубника огромнѣйшая. У кронъ-принца давали чуть ли не въ полъ-кулака и сочная.

Иду сейчасъ въ посольскую церковь. Къ сожалѣнію, она нехороша, а хоръ пѣвчихъ положительно плохъ. Походомъ мнѣ приходилось

---

[1]) См. „Русск. Старину“ апрѣль 1911 г.

часто слушать небольшой, но чудесный хоръ великаго князя. Здѣсь какая-то балалайка. Послѣ обѣдни узнаю подробности о вчерашнемъ засѣданіи Конгресса.

Прилагаю копію съ предложенія Англіи, внесеннаго на четвертое засѣданіе Конгресса (10 (22) іюня):

„Admission de la frontière des Balkans pour la principauté de la Bulgarie; la province au sud des Balkans assumerait le nom de Roumélie orientale.

„L'incorporation de sandjak de Sophia avec rectification strategique des frontières dans la principanté serait consentie soit contre le maintien de Varna dans les mains des Turcs, soit contre l'exctusion des bassins du Mesta Karasou et Strouma Karasou de la Rumélie orientale. La Roumélie orientale sera placée sous l'autorité politique et militaire directe du sultan, qui l'exercera dans les conditions suivantes:

„Il aura le droit de pourvoir à la défense des frontières de terre et de mer de la province, de pourvoir y tenir des troupes et de les y fortifier.

„L'ordre intérieur sera maintenu par la milice, dont les officiers seront nommés par le sultan, qui tiendra compte de la religion de la population.

„Le gouverneur général aura le droit d'appeler les troupes ottomanes dans le cas où la sécurité intérieure se trouverait menacée".

„Границею княжества Болгарскаго будутъ признаны Балканы съ присвоеніемъ провинціи, лежащей къ югу отъ Балканъ, названія восточной Румеліи.

„Согласіе на включеніе Софійскаго санджака въ княжество, съ стратегическимъ исправленіемъ границъ, можетъ быть дано либо при условіи оставленія Варны въ рукахъ турокъ, либо изъятія бассейновъ Места-Карасу и Струма-Карасу изъ восточной Румеліи. Восточная Румелія, въ политическомъ и военномъ отношеніи, будетъ подчинена непосредственной власти султана, которому будетъ предоставлено право осуществлять эту власть при соблюденіи ниже слѣдующихъ условій:

„Ему будетъ предоставлено право обороны сухопутныхъ и морскихъ границъ провинціи, право содержать въ ней войска и возводить для оныхъ укрѣпленія.

„Внутренній порядокъ будетъ поддерживаться милиціей, коей офицеры будутъ назначаться султаномъ, который долженъ при этомъ принимать во вниманіе религію мѣстнаго населенія.

„Генералъ-губернатору предоставляется право вызывать турецкія войска въ томъ случаѣ, когда внутренней безопасности будетъ угрожать опасность".

Далѣе говорится о западной и южной границахъ еще неопредѣленныхъ.

Графъ Шуваловъ заявилъ съ своей стороны, что русскіе уполномоченные, согласившись на образованіе Болгаріи и Румеліи въ предположенныхъ для нихъ Англіей границахъ, и значительно уменьшивъ предѣлы Болгаріи Санъ-Стефанскаго договора—сдѣлали все, что могли, и то съ крайнимъ сожалѣніемъ и тяжелымъ чувствомъ, но затѣмъ не могутъ не протестовать противу требуемыхъ султану правъ. Англія, говорилъ онъ, хочетъ защищать сильнаго противу слабаго, Турцію противу Болгаріи, — мы въ правѣ требовать защиты слабаго противу сильнаго, и предложилъ Конгрессу такое письменное контрпредложеніе:

„1) Le sultan aura le droit de pourvoir à la défense des frontières de terre et de mer de la province et celui de pouvoir y tenir des troupes et de les y fortifier.

„2) L'ordre intérieur de la Roumélie orientale sera maintenu par les milices, dont les officiers seront nommés par le sultan qui tiendra compte de la religion de la population.

„Les plénipotentiaires de Russie pensent toutefois que le principe sur lequel on est d'accord, que l'intérieur de la Roumélie orientale ne soit occupé que par des milices indigènes—devrait être sauvergardé. Il ne pourrait l'être, selon leur opinion, que si une commission européenne était chargée de fixer les points que le gouvernement ottoman pourrait occuper sur les frontières et la force approximative de ces occupations. (См. запись подъ 3 (15) іюня).

„Les plenipotentiaires de Russie sont également autorisés à accepter le point relatif au droit du gouverner général d'appeler des troupes ottomanes dans les cas où la sécurité intérieure ou extérieure se trouverait menacée.

„Mais ils croient nécessaire de ne point se departir du principe que le congrès statue sur les cas et le mode de l'entrée des troupes ottomanes dans la Roumélie orientale. Ils demandent en conséquence que le congrès, discute cette eventualité, car si elle se présenterait, elle serait un sujet d'alarmes pour l'Europe".

„1) Султану предоставляется право обороны сухопутныхъ и морскихъ границъ провинціи, право содержать въ ней войска и возводить для оныхъ укрѣпленія.

„2) Внутренній порядокъ въ восточной Румеліи будетъ поддерживаться милиціей, коей офицеры будутъ назначаться султаномъ, который долженъ сообразоваться при этомъ съ религіей мѣстнаго населенія.

„Уполномоченные Россіи полагаютъ однако, что принципъ, относительно котораго достигнуто соглашеніе, — а именно, чтобы внутреннія части восточной Румеліи были заняты исключительно турецкой милиціей — долженъ быть соблюденъ, а это возможно, по ихъ мнѣнію лишь въ томъ случаѣ, если комиссіи европейскихъ державъ будетъ поручено опредѣлить всѣ пункты, каковые оттоманское правительство имѣло бы право занять на границѣ и приблизительную численность силъ оккупаціонныхъ войскъ (см. запись подъ 3 (15) іюня).

„Уполномоченнымъ Россіи предоставляется также принять тотъ пунктъ, коимъ генералъ-губернатору предоставляется право призывать оттоманскія войска въ случаяхъ, когда внутреннему или внѣшнему спокойствію будетъ угрожать опасность.

„Но они полагаютъ нужнымъ не отступать отъ принципа, установленнаго конгрессомъ относительно случаевъ и способа вступленія оттоманскихъ войскъ въ восточную Румелію. На этомъ основаніи они находятъ необходимымъ, чтобы конгрессъ обсудилъ эту возможную случайность, ибо иначе, въ случаѣ ея возникновенія, она могла бы вызвать тревогу въ Европѣ“.

Конгрессъ принялъ къ свѣдѣнію согласіе на включеніе въ Болгарію Софійскаго санджака и на безусловное оставленіе за ней же Варны и ея окрестностей. Что касается до права занятія Румеліи турецкими войсками и поддержанія въ ней порядка мѣстными милиціями, то по этому поводу окончательная редакція къ двумъ предложеніямъ (Россіи и Англіи) будетъ составлена къ слѣдующему засѣданію Конгресса — первымъ уполномоченнымъ Франціи — Ваддингтономъ.

„Наше положеніе день ото дня становится хуже и хуже, встрѣтилъ насъ графъ Шуваловъ въ ½ 2-го сегодня. Я только что продиктовалъ донесеніе въ Петербургъ, и вотъ каково его содержаніе:

„Обстоятельства настолько выяснились, что теперь мы ясно ви-

димъ противъ насъ всю Европу, за исключеніемъ Германіи [1]). Европа ничего не сдѣлала для насъ, но произведетъ репрессію, чтобы поддержать противу насъ Австрію и Англію. Если бы только нашлась возможность безъ войны—которой не хотятъ—отнять у насъ все нами достигнутое, то отняли бы охотно. Германія съ нами, но ничего сдѣлать не можетъ для насъ, и князь Бисмаркъ преспокойно уѣдетъ въ Киссингенъ, оставивъ насъ драться съ Англіей и Австріей, а можетъ быть и еще съ кѣмъ-нибудь. Что мы можемъ выиграть? а) *въ нравственномъ смыслѣ* — 1) независимость Румыніи, но это мало насъ занимаетъ; 2) независимость Сербіи—но ей хотятъ дать больше, чѣмъ мы желаемъ; 3) образованіе княжества Болгарскаго; б) *въ матеріальномъ:* Бессарабію, часть Малой Азіи съ Карсомъ и Батумомъ. Объ остальномъ думать невозможно. Я буду просить Государя положительно выразить его волю на этотъ счетъ, и если возможно замѣнить князя Горчакова; пусть пришлетъ первымъ уполномоченнымъ Милютина, это будетъ для насъ большая поддержка—онъ пользуется царскимъ довѣріемъ и можетъ, видя наши затрудненія, положительно сказать: слѣдуетъ ли поддерживать наши требованія или отказаться отъ нихъ, въ виду, извѣстной ему, степени готовности нашей къ войнѣ. Назначеніе Жомини третьимъ уполномоченнымъ ничему не поможетъ; онъ и теперь работаетъ, слѣдовательно, только отнимутъ его".

„Андраши мнѣ (Шувалову) многіе часы развивалъ идею, что въ виду общественнаго мнѣнія, крайне возбужденнаго въ Венгріи, Австрія не можетъ оставаться на случай войны нейтральною. Скажутъ—Россія отдѣлается отъ Турціи и Англіи и ударитъ на насъ. Лучше же теперь драться съ нею, совокупно съ союзниками".

Въ три часа собрались у Убри: онъ, Шуваловъ, я и Нелидовъ. Разсуждали о VII и VIII ст. Санъ-Стефанскаго договора, подлежащихъ обсужденію завтра, на 5-мъ засѣданіи Конгресса. Статья VII—о выборѣ князя и устройствѣ государственнаго порядка; ст. VIII—о русской оккупаціи.

Разумѣется, какъ знакомый со всѣми подробностями дѣла, я долженъ былъ передать все, что мнѣ было извѣстно о заведенныхъ въ Болгаріи порядкахъ и о томъ, какъ мы хотѣли сдѣлать выборъ князя. Моя записка объ этомъ еще изъ Санъ-Стефано пошла къ

---

[1]) Печальное заблужденіе нашей дипломатіи. *Ред.*

Горчакову и теперь находится здѣсь въ копіи и переводѣ на французскій языкъ, для представленія Конгрессу.

Шуваловъ остался очень доволенъ моимъ разсказомъ.

„Теперь я все знаю; все ясно понимаю и могу отлично отвѣтить на всѣ вопросы, которые могутъ встрѣтиться на Конгрессѣ. Это объ устройствѣ теперешнемъ, перейдемъ къ выбору князя“.

— По введеніи во всемъ краѣ первоначальнаго гражданскаго управленія—говорилъ я,—мы полагали, примѣрно въ іюлѣ мѣсяцѣ текущаго года, собрать въ Филиппополѣ нотаблей болгарскихъ—въ лицѣ: представителей духовества всѣхъ исповѣданій, предсѣдателей управительныхъ и судебныхъ совѣтовъ и другихъ вліятельныхъ лицъ для обсужденія вопроса о выборномъ законѣ. По произведеніи выборовъ, на основаніи выработаннаго земскими людьми, выборнаго закона, полагалось созвать новыхъ, правильно избранныхъ представителей страны для написанія, при русскомъ и турецкомъ коммиссарахъ, конституціи для Болгаріи. Затѣмъ должно было приступить къ выбору князя, что по нашимъ разсчетамъ могло послѣдовать не ранѣе, какъ черезъ годъ или полтора послѣ заключенія мира.

И это все было понято, найдено основательнымъ и вполнѣ объясняющимъ, почему нельзя немедленно приступить къ выбору князя, а слѣдовательно почему замедляется пребываніе тамъ нашего коммиссара.

Затѣмъ говорю я, можетъ быть вамъ зададутъ вопросъ: что же это за избирательный законъ, на какихъ основаніяхъ онъ будетъ обсуждаемъ? То мы полагали: *право избирать* предоставить всѣмъ безъ различія гражданамъ, достигшимъ 25-и лѣтняго возраста и имѣющимъ собственность или платящимъ какія-либо подати. *Право быть избраннымъ* имѣлось въ виду поставить въ зависимость отъ образованія и владѣнія собственностью; такъ полагалось, что избранными могутъ быть лица духовныя, учителя и владѣльцы недвижимыхъ имуществъ по цензу, установленному для различныхъ мѣстностей края. Неграмотнымъ не предоставлялось бы права быть избранными.

Шуваловъ, обращаясь ко мнѣ—„вотъ что я вамъ скажу на это; всегда я находилъ и считалъ васъ способнымъ отстаивать подобныя идеи и не сердитесь, что выскажусь прямо—настаивалъ, чтобы за подобные ваши взгляды не давали вамъ тѣхъ назначеній, какія для васъ предлагали. Развѣ вы не знаете, что это соціализмъ? Что духовенство и учителя вездѣ ведутъ къ революціи? Развѣ можно предложить это Конгрессу? Кромѣ Ваддингтона всѣ будутъ противъ насъ. Я не могу взять на себя подобнаго предложенія, чтобы имъ

окончательно не возбудить всѣхъ противъ Россіи". Шуваловъ разгорячился и говорилъ очень возбужденнымъ тономъ.

Я спокойно отвѣтилъ, что мнѣ весьма пріятно узнать, что для меня имѣлись въ виду другія и вѣроятно высшія назначенія, но что я всегда говорю и дѣйствую въ силу убѣжденія, стараясь имѣть о всемъ свое собственное мнѣніе и не желая угождать чужимъ взглядамъ и требованіямъ. Такъ и въ настоящемъ случаѣ, я говорю именно такъ, какъ слѣдуетъ сообразно съ обстоятельствами и какъ иначе быть не можетъ. Затѣмъ я началъ доказывать, ссылаясь на составленную мною еще въ Санъ-Стефано записку, одобренную главнокомандующимъ и, сколько мнѣ извѣстно, присланную сюда въ дѣлахъ канцеляріи князя Горчакова.

Относительно вѣрности описанія мною мѣстныхъ средствъ, полномъ почти отсутствіи въ Болгаріи другой интеллигенціи кромѣ духовенства и учителей, подтверждалъ и Нелидовъ, сказавшій, что онъ безусловно соглашается со всѣмъ высказаннымъ мною.

Шуваловъ сказалъ, что онъ не будетъ противъ этого спорить и такъ будетъ говорить на Конгрессѣ, но что у себя въ Россіи онъ всегда былъ, есть и будетъ противникомъ подобныхъ взглядовъ. Разстались мы однако друзьями. „Не сердитесь же на меня", сказалъ онъ. Я поблагодарилъ его за откровенность.

Условились сойтись опять у Убри завтра въ 11 ч. утра.

Вечеръ провелъ не особенно пріятно. Хорошо узнать, что меня имѣли въ виду на высшія должности, но досадно, что недруги мои успѣли создать мнѣ совершенно ложную репутацію, разумѣется съ цѣлью вредить мнѣ. Невольно припомнилась мнѣ исторія 1868 г., когда гр. Шуваловъ, совершенно не зная меня лично и даже не видавъ въ глаза, по нелѣпымъ навѣтамъ жандармовъ, требовалъ моего удаленія съ должности губернатора въ царствѣ Польскомъ.

Понедѣльникъ 12 (24) іюня. Въ 11 ч. утра, придя къ Убри, я засталъ у него Шувалова. Видя, что они заняты разговоромъ по другимъ вопросамъ, я пошелъ въ канцелярію. Взявъ тамъ Annuaire diplomatique за 1877 г., я нашелъ, что совершенно такія же основанія выборовъ, какія приводилъ я, предлагались на Константинопольской конференціи представителями Европы [1]). Нашелъ

---

[1]) Въ проектѣ органическаго регламента для Болгаріи, выработаннаго конференціей, значилось: An. dipl. 1877 стр. 317).

«Serons électeurs et eligibles:

«1) tous les habitans de la province à partir de l'age de 25 ans, possedant une propriété ou payant une contribution quelconque;

также свою записку и въ ней то же самое. Кромѣ того убѣдился, что въ инструкцію, данную князю Дондукову-Корсакову, включены главнѣйшія мѣста изъ моихъ записокъ о томъ, что нами сдѣлано въ Болгаріи и что предполагалось, съ поясненіемъ, что всѣ эти мѣры, а въ томъ числѣ и предположенія о выборахъ, одобрены мин. вн. дѣлъ и рекомендуются для руководства въ будущемъ.

Собравъ все это—иду въ кабинетъ къ Убри. Показываю Шувалову. Онъ смѣется.—„Это вы все о вчерашнемъ?“—Да, о вчерашнемъ. Какъ видите, я говорилъ слово въ слово то, что предлагала Константинопольская конференція.—„А что такое кон. конференція? Кто тамъ былъ? говоритъ Шуваловъ. Салисбюри—ничего не понимаетъ, остальные тоже; орудовалъ всѣмъ Игнатьевъ и такъ вы единомышленникъ Игнатьева—въ этомъ нѣтъ ничего хорошаго“.—Въ такомъ случаѣ скажите соумышленникъ.—„Ну да, да, да“, отвѣчалъ Шуваловъ, смѣясь. Тѣмъ все и окончилось. Убри взялъ сдѣланныя мною по этому выписки, на засѣданіе Конгресса.

Сегодняшнее 5-ое засѣданіе Конгресса назначено раньше, въ часъ дня, потому что представители Франціи и Италіи обѣдаютъ въ Потсдамѣ у кронъ-принца.

Вторникъ 13 (25) іюня. Жара преслѣдуетъ насъ. Дышать свободно можно часовъ съ 4, а до того пробираться по тѣни. Въ послѣдніе годы нѣмцы насадили много деревьевъ въ Берлинѣ, и зелени здѣсь довольно; устроили прекрасныя лужайки и довольно мизерные цвѣтники, но видно, что очень занимаются городомъ; улицы постоянно политы и чистота вездѣ нѣмецкая. Пріятно смотрѣть на такіе порядки и на такія мостовыя.

Долго ли мы здѣсь пробудемъ? Никто ничего не знаетъ. Главное дѣло въ нашемъ вопросѣ сдѣлано. Сѣверной Болгаріи обиженной, урѣзанной, но все-таки свободной, даны, по возможности, самыя пространныя границы и этимъ обязаны нашимъ мнѣніямъ, которыя мы высказали на первомъ нашемъ засѣданіи 3-го іюня (я, Бобриковъ и Боголюбовъ). Въ Петербургѣ ихъ вполнѣ одобрили. Третьяго дня вечеромъ, возвратился оттуда Боголюбовъ и тогда же уѣхалъ въ Маріенбадъ, гдѣ очень заболѣлъ раненый его братъ.

«2) le clergé et les ministres des differents cultes;
«3) les professeurs et les maîtres d'ecole».

Горчаковъ лежитъ въ постели, и здоровье его особыхъ опасеній не возбуждаетъ, но онъ такъ старъ, что нельзя предвидѣть, чѣмъ все это можетъ кончиться. Все бремя свалилъ на Шувалова, который и есть первымъ уполномоченнымъ съ самаго начала Конгресса.

Съ Биконфильдомъ говорятъ по-французски. Онъ говоритъ по-французски плохо, но понимаетъ до такой степени, что свободно слѣдитъ за ходомъ дебатовъ на Конгрессѣ. Сперва было давали ему разныя записки, но нашли это неудобнымъ. Биконсфильдъ бралъ ихъ и, отговариваясь невозможностью отвѣчать немедленно, откладывалъ до слѣдующаго засѣданія. Теперь записокъ не даютъ болѣе или стараются не давать, и онъ ограничивается одними устными дебатами. Это ускоряетъ дѣло. Жидовина онъ порядочная и по физіономіи и по своимъ дѣйствіямъ.

Андраши тоже порядочно антипатиченъ. Это худой, поджарый человѣкъ съ лохматой головой и отвратительными руками, которыя онъ всегда выставляетъ впередъ, передъ грудями, съ согнутыми пальцами. Всѣ свои рѣчи на Конгрессѣ и частныхъ совѣщаніяхъ онъ начинаетъ заявленіемъ, что совершено раздѣляетъ все высказанное Биконсфильдомъ. Впрочемъ, въ дальнѣйшемъ развитіи разговора, онъ иногда отступаетъ отъ принциповъ своего друга-еврея. Шуваловъ отлично представляетъ его и говоритъ, что безъ содроганія и безъ гадливости не можетъ видѣть его руки.

Надо справедливо сказать—и это отзывъ всѣхъ вообще—нашъ Шуваловъ (Горчаковъ не бываетъ на всѣхъ засѣданіяхъ) смотритъ истымъ джентльменомъ, grand seigneur'омъ и производитъ очень хорошее впечатлѣніе. Приличенъ также толстенькій и чистенькій Убри.

Турки, говорятъ, сидятъ чурбанами. Шуваловъ разсказывалъ, что когда обсуждался вопросъ о правѣ султана—охранять границы Румеліи и имѣть въ ней войска, первый турецкій уполномоченный Каратеодори-паша (министръ публичныхъ работъ) ограничился только неидущимъ къ дѣлу объясненіемъ, что болгары въ теченіе многихъ вѣковъ были вѣрными и спокойными подданными имперіи, сдѣлавшими большіе матеріальные успѣхи, и что до послѣдняго времени гармонія царствовала между различными группами населенія. По существу онъ не сказалъ ни одного слова, такъ что рѣшительно ничѣмъ не поддержалъ выставленныя на Конгрессѣ предложенія о правахъ султана [1]). Изъ турокъ я двухъ много разъ

---

[1]) Случай этотъ, въ смягченномъ видѣ, занесенъ въ протоколъ 4-го засѣданія Конгресса.

видѣлъ въ Адріанополѣ—Садулла-Бея и Санъ-Стефано—Мегеметъ-Али-пашу. Его здѣсь называютъ клоуномъ и шутомъ. Въ Санъ-Стефано же, окруженный блестящимъ военнымъ эскортомъ, онъ производилъ весьма недурное впечатлѣніе своею физіономіею; здѣсь же въ простомъ черномъ казакинѣ и фескѣ онъ дѣйствительно выглядитъ неказисто.

Вчера было 5-е засѣданіе. Поговаривали сперва, что на восьми засѣданіяхъ все покончатъ. Едва-ли это такъ. Много разъ еще придется собираться, да дай Богъ, чтобы только окончили скорѣе и благополучнѣе для насъ. Для Россіи этотъ Конгрессъ большое испытаніе и, безъ малѣйшаго сомнѣнія, общественное наше мнѣніе будетъ сильно недовольно его результатами, но надо видѣть, что дѣлается здѣсь, чтобы понять всю трудность нашего положенія передъ возможностью образованія сильной противу насъ коалиціи, а главное намъ ужасно повредила наша податливость въ отношеніи Австріи—еще до начала войны получившей согласіе на занятіе Босніи и Герцоговины и Англіи—успѣвшей заручиться компрометтирующимъ насъ лондонскимъ меморандумомъ. Кромѣ того промахнулись еще при заключеніи перемирія 19 (31) января, не опредѣливъ время передачи намъ крѣпостей Варны и Шумлы. А незанятіе Галиполи и Константинополя, а отмѣна отправленія готовыхъ совсѣмъ войскъ въ Македонію! Да что и говорить, ошибокъ и самыхъ фатальныхъ множество, одна сидитъ на другой.

Среда, 14 (26) іюня. Въ 11 ч. утра было совѣщаніе у Шувалова. Онъ передалъ намъ, что на 5-мъ и 6-мъ засѣданіяхъ Конгресса происходило слѣдующее:

1) Ваддингтонъ заявилъ, что изготовляемый имъ текстъ соглашенія о правахъ султана охранять границы Румеліи и имѣть въ ней войска—еще не выработанъ.

2) Что предложеніе наше о необходимости общаго согласія великихъ державъ на выборъ болгарскаго князя—принято; хотѣли было остановиться на большинствѣ голосовъ.

3) Наша оккупація 9 мѣсяцевъ и 3 мѣсяца на очищеніе; срокъ этотъ считается со времени утвержденія рѣшеній Конгресса.

Бисмаркъ сказалъ ему: „я и слышать не хочу о болгарахъ; чего вы отъ нихъ ожидаете? Не только бы шесть мѣсяцевъ, но если бы и шесть лѣтъ сидѣли ихъ нотабли, не выдумать имъ ничего путнаго. Важно, чтобы турки не перерѣзали имъ горла, а больше не мое дѣло. Если мнѣ станутъ говорить о болгарахъ, я предпочитаю уѣхать въ Киссингенъ“.

— Говорилъ я, продолжалъ Шуваловъ, обращаясь ко мнѣ, и о вашихъ съ Черкаскимъ дѣйствіяхъ въ Болгаріи. Андраши очень васъ одобрилъ; говоритъ, что система ваша очень проста и практична, да тутъ же прибавляетъ: „а потому срокъ оккупаціи можетъ быть сокращенъ“. Каковы выводы! Я лучше переношу грубости Биконсфильда, чѣмъ вѣжливости Андраши.

4) Этотъ Андраши еще на пятомъ засѣданіи (12 (24) іюня) предложилъ во всѣхъ статьяхъ Санъ-Стефанскаго договора слова: „русскіе комиссары“, „русско-турецкая комиссія“ замѣнить словами „европейскіе комиссары“ и „европейская комиссія“. На шестомъ засѣданіи (13 (25) іюня) англичане не только поддержали это, но Салисбюри внесъ предложеніе о замѣнѣ, безъ замедленія, военнаго нашего управленія по вопросамъ административнымъ и финансовымъ—европейскою комиссіею въ Болгаріи и правительствомъ султана въ Румеліи [1]). Конгрессъ, по предложенію итальянскаго уполномоченнаго Корти, поручилъ ему посредничество между Россіей и Англіей съ Австріей. По этому поводу, сегодня въ 12 ч., въ англійскомъ посольствѣ должно состояться, передъ засѣданіемъ Конгресса, совѣщаніе Австріи, Англіи, Италіи и Россіи.

По замѣчанію Шувалова, Салисбюри въ Лондонѣ объяснялъ, что Англіи нѣтъ дѣла до Сѣверной Болгаріи, а потому возбужденный на Конгрессѣ вопросъ слѣдуетъ цѣликомъ отнести къ проискамъ Австріи.

Шуваловъ рѣшился не уступать и сказалъ: „мы были готовы на соглашеніе по Южной Болгаріи, гдѣ—ошибочно или правильно—вы видѣли свои интересы, но не допустимъ Европу испортить намъ дѣла въ Сѣверной Болгаріи. Не хотимъ никакой европейской комиссіи, но если нашъ комиссаръ, по Санъ-Стефанскому договору, долженъ былъ вести дѣло въ присутствіи турецкаго комиссара, то ничто не мѣшаетъ Европѣ наблюдать чрезъ своихъ консуловъ [2]).

---

[1]) Когда принесли протоколъ 6-го засѣданія, я прочелъ въ немъ, что Салисбюри не устыдился заявить Конгрессу, что англійскій посланникъ въ Константинополѣ телеграфируетъ ему самыя тревожныя свѣдѣнія „о поведеніи военнаго губернатора въ Болгаріи, принимающаго мѣры, могущія повліять на политическое и финансовое будущее края“. Это ни на что не похоже.

[2]) По этому поводу, въ Берлинскій трактактъ вошла слѣдующая статья VI. „Временное управленіе Болгаріи, до окончательнаго составленія органическаго устава Болгаріи, будетъ находиться подъ руководствомъ Россійскаго Императорскаго Комиссара. Для содѣйствія ему, съ цѣлью наблюденія за ходомъ временнаго управленія, будутъ призваны Императорскій Оттоманскій Комиссаръ и Консулъ, для сего назначенные прочими державами, подписавшими настоящій трактатъ. Въ случаѣ разногласія

Въ ½ 12-го у Горчакова. Онъ сидѣлъ въ креслѣ въ халатѣ и ермолкѣ. Очень измѣнился, какой-то налитой, но собирается на сегодняшнее засѣданіе. Знаешь, что онъ такой безобразный старикъ, а все-таки, глядя на него, нельзя не признать его—по виду—почтеннымъ и пріятнымъ старикомъ.

1) Шуваловъ объяснилъ, что разсказано выше.

2) По соглашенію съ Горчаковымъ и выслушавъ Жомини и меня, рѣшили твердо остановиться на консулахъ, которые и безъ того были прежде и будутъ впредь, слѣдовательно, пусть они наблюдаютъ и пишутъ своимъ посламъ въ Константинополѣ, а тѣ представляютъ изъ себя какъ бы аппелляціонную инстанцію въ качествѣ конференціи.

3) Болгарія не отдѣляется отъ Турціи, слѣдовательно, по международному праву, нельзя на нее возложить часть долга. (Совѣщаніе съ нѣкоимъ юристомъ Брунсвикомъ (?), который утверждаетъ то же самое).

4) Дань будетъ опредѣлена черезъ годъ, когда приведутся въ извѣстность средства страны. Часть дани можетъ и должна пойти на уплату долга Турціи по европейскимъ займамъ.

Убри не было; у него особое совѣщаніе съ Гаймерле, Нелидовымъ и Швёгелемъ, о выкупѣ желѣзной дороги въ Южной Болгаріи.

А. И. Нелидовъ сегодня вечеромъ ѣдетъ въ Петербургъ, доложить о всемъ Государю.

NB. Въ день послѣдняго засѣданія Конгресса, (13 (25) іюня) не во время преній, Андраши просилъ Салисбюри сдѣлать письменное заявленіе о занятіи Австріей Босніи и Герцеговины. Тотъ отказался. Бисмаркъ соглашался взять это на себя, но съ тѣмъ, чтобы заявленіе было подписано и Андраши. На это Андраши не согласился, такъ какъ занятіе Босніи и Герцеговины — *должно быть навязано Австріи.* Вотъ какъ обдѣлываются дѣла! Кажется, Шуваловъ заявитъ объ этомъ отъ себя, такъ какъ на счетъ дозволенія Австріи занять Боснію и Герцеговину есть между нами и ею соглашеніе. Ну, соглашеніе соглашеніемъ, зачѣмъ же самимъ подставлять голову.

между консулами, оно будетъ разрѣшаться большинствомъ голосовъ, а при несогласіи этого большинства съ Императорскимъ Россійскимъ Комиссаромъ или съ Императорскимъ Оттоманскимъ Комиссаромъ, представители въ Константинополѣ державъ, подписавшихъ трактатъ, собравшись на конференцію, постановляютъ рѣшеніе".

Четвергъ 15 (27) іюня. Утромъ видѣлъ Шувалова на самое короткое время. У него былъ Салисбюри; говорили о Черногоріи. Потомъ оба вмѣстѣ пошли въ англійское посольство. Салисбюри очень типичная личность, бѣгаетъ по городу, заломивъ шляпу назадъ и въ разстегнутомъ длинноломъ сюртукѣ.

Пятница 16 (28) іюня. Утромъ, въ 11 ч. передъ восьмымъ заданіемъ Конгресса, мы собрались у Шувалова.

На 7-мъ засѣданіи (14 (26) іюня) конченъ былъ вопросъ о Болгаріи, при чемъ князь Горчаковъ сказалъ блестящую, но безсодержательную рѣчь, въ которой однако довольно ехидно выразилъ, что двое его коллегъ сдѣлали въ послѣднихъ засѣданіяхъ, на которыхъ онъ не былъ, большія уступки, показывающія, до какой степени Россія, дѣлая подобныя жертвы, желаетъ мира [1]).

Образована особая редакціонная комиссія, изъ уполномоченныхъ отъ всѣхъ державъ, для установленія окончательнаго текста мирнаго трактата.

Рѣшено приступить къ вопросамъ о Босніи, Черногоріи, Сербіи и Румыніи.

Турція представила предложеніе о границахъ Сербіи; оно сегодня было уже напечатано и разослано (№ 6).

Выйдя къ намъ, Шуваловъ прочиталъ полученную вчера отъ Государя телеграмму отъ 15 (27) іюня. Изъ депеши видно, что Государь остается вѣрнымъ конвенціи съ Австріей о предоставленіи ей занятія Босніи и Герцеговины, но „*желаетъ и требуетъ*“, чтобы Австрія дала свой голосъ за возвращеніе намъ Бессарабіи [2]).

„Австрія напугала Англію, представивъ ей, что со временемъ Сербія, Черногорія и Болгарія образуютъ на Балканскомъ полуостровѣ большое славянское государство. Австрія во всемъ поддерживала Англію противу насъ, теперь эта хочетъ отплатить подругѣ. Я (гр. Шуваловъ) смѣялся подобной выдумкѣ. Весьма вѣроятно, что Черногорія возьметъ Сербію или обратно, но болгарскій элементъ совершенно противный, и потому я хочу, чтобы для защиты Болгаріи отнюдь не давать Сербіи Пирота.

„Сегодня, кажется, Салисбюри предложитъ, чтобы Австрія заняла войсками Боснію и Герцеговину въ виду улаженія вопроса о

---

[1]) Изъ всѣхъ 20-ти засѣданій Конгресса, князь Горчаковъ не былъ только на 4, 5 и 6-мъ, а именно 10/22, 12/24 и 13/25 іюня. Остерманомъ онъ не прикидывался и былъ дѣйствительно боленъ.

[2]) Если Россія хотѣла остаться вѣрною конвенціи съ Австріей, зачѣмъ же было забыть объ этомъ при заключеніи Санъ-Стефанскаго договора? Были ли и какія даны по этому поводу инструкціи Н. П. Игнатьеву?

водвореніи бѣглецовъ и поддержанія спокойствія въ этомъ краѣ. Андраши, вѣроятно, скажетъ, что, принимая это на себя, Австрія считаетъ необходимымъ обезпечить себѣ гражданскую администрацію въ этихъ мѣстахъ. Я противъ не скажу ничего.

„Объ Enclave говорить не будутъ до рѣшенія вопроса о Босніи и Герцеговинѣ".

На вопросъ Боголюбова: „кому должны и могутъ Божо Петровичъ и Радоничъ передать Черногорскій меморандумъ?"—Шуваловъ отвѣчалъ: „скажите, что въ моихъ рукахъ дѣло ихъ будетъ лучше, но если сегодня вопросъ ихъ не разрѣшится благопріятно, то тогда могутъ подавать кому хотятъ".

„Австрія требуетъ проведенія желѣзной дороги отъ Митровицы по южному направленію, а не на Новый Базаръ. За симъ говорятъ, что окрестности желѣзной дороги должны принадлежать Турціи, дабы дорога не была подъ выстрѣлами сербовъ и черногорцевъ. Турецкое предложеніе, которое мы сегодня читали (№ 6), сходно съ австрійскимъ".

Греки будутъ допущены на Конгрессъ по греческимъ дѣламъ, и на сегодняшнемъ засѣданіи Бисмаркъ заявитъ о назначеніи греческимъ правительствомъ своихъ уполномоченныхъ. Французы предлагали Шувалову, чтобы онъ далъ имъ письменное заявленіе о томъ, чего мы хотимъ для Греціи. Онъ обѣщалъ справиться.

Обращаясь къ намъ, Шуваловъ спрашиваетъ:

— „Не знаете ли вы чего-нибудь по этому вопросу?"

Мы всѣ отвѣчаемъ, что ничего не знаемъ.

— „Я тоже; министерство иностранныхъ дѣлъ тоже. Горчаковъ можетъ быть что-нибудь и зналъ, да перезабылъ".

Бывшій на совѣщаніи Сорокинъ (архиваріусъ русскаго отдѣленія Конгресса) сказалъ, что, сколько ему помнится, въ Петербургѣ, на совѣщаніи 20-го апрѣля, рѣшено было сопротивляться насчетъ присоединенія Enclave къ Босніи и Герцеговинѣ въ томъ случаѣ, если Грецію получитъ Ѳессалію и Эпиръ. Вотъ и все. Итакъ наше министерство иностранныхъ дѣлъ не приготовило ничего на счетъ Греціи.

— „Придется, сказалъ Шуваловъ, предоставить Франціи сдѣлать заявленіе и принять его ad referendum".

Печальное положеніе! Какое у насъ ко всему равнодушіе.

Сообщила А. С. Анучина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Дневникъ статсъ-секретаря Григорія Ивановича Вилламова.

1806 г. [1]).

13 ноября. Вторникъ. Графъ Васильевъ обѣщалъ собрать свѣдѣнія и сообщить, можетъ ли банкъ помочь намъ. Отъ него я пошелъ къ графу Кочубею, чтобы переговорить объ отправленіи сестеръ милосердія. Онъ посовѣтовалъ нанять извощиковъ для ихъ перевозки, такъ какъ вслѣдствіе частой отправки курьеровъ и офицеровъ по тракту, по которому имъ предстоитъ ѣхать, почтовыя лошади до того измучены, что одинъ изъ послѣднеприбывшихъ курьеровъ долженъ быть пройти нѣсколько станцій пѣшкомъ.

Въ числѣ бумагъ, представленныхъ сегодня Императрицѣ, была вѣдомость о воспитывающихся на средства ея дѣтяхъ въ разныхъ заведеніяхъ и о суммахъ, которыя на это расходуются. Цифра была та же, какъ приведена мною 1-го ноября, т. е. 246, воспитаніе которыхъ стоитъ 60.735 руб. Когда я показалъ ей эту бумагу, Императрица сказала мнѣ: *А Я все-таки держу пари, что есть лица, которыя найдутъ, что не дѣлаю достаточно добра* [2]).—Пусть онѣ сдѣлаютъ десятую долю этого, возразилъ—я, тогда онѣ увидятъ. Императрица мнѣ назвала дамъ, которымъ предназначены ордена Св. Екатерины по случаю предстоящихъ крестинъ. Это были: суп-

[1]) См. „Русская Старина“, апрѣль 1912 г.

[2]) Et je paris pourtant qu'il y a des personnes qui trouvent que je ne fais pas encore assez de bien.

Муниципальный фонд Московской обл. библиотеки

руга фельдмаршала Ельмитъ, графиня Завадовская, г-жи Гурьева, Ламбздорфъ, княгиня Шаховская, графиня Ожаровская, которой былъ почти обѣщанъ орденъ еще въ 1797 году, и г-жа Тутолмина, супруга московскаго военнаго губернатора. Еще она хотѣла сказать Государю относительно Степана Сергѣевича Ланскаго и Лунина, вѣроятно, чтобы назначили ихъ сыновей камеръ-юнкерами, послѣдній желалъ этого, а также хотѣла сказать о князѣ Лобановѣ о принятіи его вновь на службу, то же и о Тутолминѣ (Иванѣ Ѳедоровичѣ). Наконецъ она мнѣ говорила о Загряжскомъ, который проситъ какъ особую милость о назначеніи камеръ-юнкеромъ Гончарова, который женится на его племянницѣ. Эта просьба ей казалась крайне неумѣстной, такъ какъ молодой человѣкъ не имѣлъ другихъ заслугъ кромѣ женитьбы на племянницѣ Загряжскаго и тѣмъ болѣе нескромной просьбой, что пять племянницъ Загряжскаго были взяты послѣдовательно ко двору. Единственно, что она обѣщала ему, это—передать письмо, написанное имъ, Государю.

Императрица сказала мнѣ, что Великая Княгиня Марія Павловна по послѣднимъ извѣстіямъ была намѣрена ѣхать въ Шлезвигъ или Альтону; что есть извѣстіе о подписаніи мира, хотя послѣднее еще не достовѣрно, но одно вѣрно, что Домбровскій устраиваетъ возстаніе въ польскихъ провинціяхъ, принадлежащихъ Пруссіи, и идетъ рѣчь о протекторатѣ Бонапарта. Виро Кюльвейнъ сообщилъ мнѣ, что Беннигсенъ, перейдя Вислу и двигаясь навстрѣчу французамъ, едва не былъ окруженъ ими, но узнавъ, что двойныя, противъ его, силы двигаются по различнымъ направленіямъ, принялъ благое намѣреніе перейдти обратно Вислу и теперь находятся:—французы въ Варшавѣ, а наши напротивъ ихъ;—что Галь былъ опустошенъ за то, что нѣсколько студентовъ, хорошихъ стрѣлковъ, вооруженныхъ ружьями, стрѣляли по Бонапарту, и изъ шести, семи пуль ни одна не задѣла его, но убили генерала, ѣхавшаго рядомъ съ нимъ. Между тѣмъ фельдмаршалъ Каменскій еще здѣсь и ѣдетъ только завтра, какъ говорятъ, черезъ Москву. Кюльвейнъ также сообщилъ мнѣ, что вчера согласились на условія, поставленныя Каменскимъ, при которыхъ онъ принимаетъ командованіе, а именно: 1) Чтобы солдаты были одѣты по-старому, безъ косъ и пудры. 2) Чтобы ему дано право производить и разжаловывать до чина полковника. 3) Чтобы онъ могъ распоряжаться тѣми генералами, которыми онъ захочетъ, и не обязанъ принимать всѣхъ тѣхъ, которые будутъ присланы изъ Петербурга. 4) Что онъ не обязанъ спрашивать, ни получить диспозиціи и плановъ кампаніи изъ Петербурга, на что ему предоставляется право дѣйствовать по его усмотрѣнію.

Если дѣйствительно онъ поставилъ такія условія (о чемъ я

слышалъ и отъ другихъ), то я его еще болѣе уважаю и вижу въ немъ человѣка, который имѣетъ желаніе быть полезнымъ и, нахожу, что хорошо сдѣлали, если приняли эти условія. Я обѣдалъ у Императрицы и генералъ Кнорингъ, который ѣдетъ въ армію то же. Послѣ обѣда я прочиталъ нѣсколько газетъ и былъ отпущенъ въ 7 часовъ.

15. Четвергъ. Императрица сообщила мнѣ, что ордена Св. Екатерины пожалованы согласно ея представленія, что сынъ Сергѣя Степановича будетъ назначенъ камеръ-юнкеромъ, но Лунинъ нѣтъ, такъ какъ всѣхъ назначено уже шесть, но что Государь далъ слово назначить его при первомъ случаѣ: въ Новомъ Году или ко дню Св. Пасхи и приказала мнѣ сообщить объ этомъ письмомъ Лунину.

16. Пятница. Я пошелъ на службу вмѣсто Полетики (у котораго въ домѣ корь) и потомъ былъ въ банкѣ для полученія капитала Великаго Князя Николая, для помѣщенія въ ломбардъ, но еще облигаціи, посланныя къ графу Васильеву, не были получены въ Банкѣ.

Только сегодня фельдмаршалъ Каменскій уѣхалъ къ арміи.

17. Суббота. Вечеромъ Императрица подписала 7 рескриптовъ о пожалованіи орденовъ Св. Екатерины особамъ, поименованнымъ выше. Обѣдали въ кабинетѣ въ самомъ маленькомъ обществѣ и такъ какъ вчера Императрица предоставила мнѣ на выборъ остаться обѣдать или нѣтъ, то, напротивъ, сказала мнѣ, что на сегодняшній день она мнѣ этого выбора не предоставляетъ. Вечеромъ послѣ 9 часовъ она поручила мнѣ чтеніе нѣмецкихъ газетъ, полученныхъ ею отъ Николая Романцова, послѣдніе №№ отъ 15 ноября, изъ нихъ было видно, что владѣнія Пруссіи въ Германіи были раздѣлены на 4 департамента, что Ганноверъ присоединенъ къ королевству Нидерландскому, равно какъ и Ольденбургъ, что наша Великая Княгиня находится въ Шлезвигѣ, а наслѣдный принцъ вернулся въ Веймаръ; что Магдебургъ сдался черезъ 15 дней, Штетинъ и Кюстринъ тотчасъ же; что Гессенъ принялъ законы Наполеона, тамъ же была помѣщена прокламація къ полякамъ Домбровскаго; подробности отступленія генерала Блюхера къ Любеку и сраженія, продолжавшагося на улицахъ города, и, наконецъ, сдачи Блюхера и Гогенлое. Это чтеніе продолжалось до полуночи.

18. Воскресенье. Сегодня день крестинъ Вел. Княжны Елисаветы Александровны.—Высочайшее семейство собралось у Императрицы Маріи и оттуда состоялся выходъ въ церковь. Новорожденную несла принцесса Амалія. Подушку поддерживали фельдмаршалъ Салтыковъ и графъ Строгановъ (отецъ). Государь ушелъ во время службы въ сосѣднюю комнату. Я былъ въ церкви. Какъ только началось

молебствіе, былъ произведенъ 301 выстрѣлъ изъ крѣпости. Сегодня же появился манифестъ, возвѣщающій о рожденіи Великой Княжны, и другой, содержащій въ себѣ объявленіе войны французамъ.

Второй отлично написанъ и гораздо лучше, нежели объявленный 30 августа. Я его приписывалъ перу Завадовскаго, узнавъ, что онъ въ настоящее время состоитъ въ тайномъ комитетѣ и почтенъ довѣріемъ, но впослѣдствіи узналъ отъ Императрицы, что манифестъ писанъ Сперанскимъ. Я по случаю объявленія войны сказалъ въ шутку (но дай Богъ, чтобы шутка была пророчествомъ) нѣсколькимъ лицамъ, что пришелъ въ церковь, чтобы слышать, на какомъ языкѣ будетъ говорить новорожденная Вел. К-на, и что она начала съ русскаго, прокричавъ: ура! ура! Это должно быть хорошее предзнаменованіе.

Кромѣ крестовъ Св. Екатерины, данныхъ сегодня, были еще слѣдующія милости.

Старая супруга фельдмаршала Кутузова Авдотья Ильинишна, генеральша Гудовичъ, супруга командующаго въ Грузіи и княгиня Голицына Наталья Петровна получили портреты. Вчера еще Императрица говорила мнѣ, что она противилась пожалованію послѣдней, такъ какъ она была вдова бригадира, но Государь отвѣтилъ, что теперь уже поздно, такъ какъ онъ пообѣщалъ. Я полагалъ, что пожалованіе произошло вслѣдствіе просьбы Императрицы Елисаветы, и потомъ узналъ, что я былъ правъ.

Въ этомъ случаѣ справедливо было исполнить ея просьбу, такъ какъ Императрица Елисавета нечасто испрашивала милости у своего Августѣйшаго супруга.

Князь Волконскій Григорій Семеновичъ получилъ голубую ленту, графъ Кочубей и генералъ Вязмитиновъ (военный министръ)—ордена Св. Владимира 1-й степени. Генералъ Тутолминъ, московскій военный губернаторъ—брилліантовую табакерку съ портретомъ Его Величества; графъ Толстой оберъ-гофмаршалъ 50.000 руб. Говорятъ, что ему предлагали тоже голубую ленту, но онъ замѣтилъ, что это ему доставитъ много завистниковъ, и предпочелъ деньги, въ которыхъ нуждался.

Г-нъ Гурьевъ получилъ брилліантовые знаки Св. Александра, Мухановъ и Ланской (Степанъ) Св. Анны съ брилліантами, Дмитрій Сергѣевичъ Ланской—Св. Анны 1-й степени. Назначено 6 камеръ-юнкеровъ, въ числѣ ихъ сынъ Степана Сергѣевича. Всѣ, которые слышали, что княгиня Голицына попала въ число дамъ съ портретами (Dames à portrait), улыбались и высказывали свои мнѣнія на это пожалованіе, не забывая того обстоятельства, что она вдова бригадира.

Былъ обѣдъ для первыхъ 2-хъ классовъ.

19. Понедѣльникъ. Такъ какъ Императрица вчера не занималась бумагами, у меня ихъ было за два дня, и еще прибывавшія съ почтой изъ Москвы. Она взяла бумаги и отпустила меня въ банкъ для полученія денегъ Вел. Кн. Николая. Я получилъ 103.155 р. и отнесъ ихъ въ депозитъ Воспитательнаго Дома. Вернулся во дворецъ въ 2 часа, а когда возвратилась Императрица, то было 3 часа. Я остался обѣдать. Послѣ обѣда занимались бумагами, что продолжалось до 9-ти часовъ. Изъ дворца я пошелъ пѣшкомъ, чтобы посмотрѣть иллюминацію; она была блистательная.

20. Вторникъ. Прибывъ во дворецъ, я узналъ, что Императрица вслѣдствіе нездоровья ночью не выходила изъ спальни до часу дня. Я отправился домой и нашелъ связку шведскихъ газетъ, въ которыхъ были сообщены подробности о дѣлахъ, въ которыхъ участвовали шведскія войска въ Помераніи, о сдачѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ, объ отступленіи другихъ на Лауенбургъ и Любекъ, гдѣ посажены на суда. Тамъ же говорили, что Стральзундъ приведенъ въ оборонительное положеніе и объявлено осадное. Я перевелъ эти статьи, что заняло меня до полуночи.

22. Четвергъ. Императрицѣ было лучше, но еще не совсѣмъ оправилась. Работа началась поздно, а ея было много. Императрица спросила меня, не слыхалъ ли я, что предполагается *поголовное ополченіе*, что она слышала, какъ будто объ этомъ былъ поднятъ вопросъ, но не знаетъ положительно и спросила мое мнѣніе по этому поводу.

Я сказалъ, что не считаю эту мѣру хорошей, что къ этому не прибѣгали даже въ самыя критическія минуты, тогда, когда непріятель проникалъ, такъ сказать, въ сердце государства, что новизна этого дѣла должна убѣдить, что оно повлечетъ къ безпорядкамъ, степень которыхъ трудно предвидѣть, такъ какъ требуетъ особой, новой организаціи. Въ Пруссіи дѣло другое, гдѣ каждый полкъ имѣетъ свой раіонъ комплектованія, тамъ можно брать столько, сколько нужно, ничего не нарушая; въ Швеціи то же самое, тамъ каждый полкъ имѣетъ свой округъ и можно брать $^1/_3$, $^1/_2$ и даже все, не измѣняя общей организаціи. У насъ же не то, одна мысль объ этомъ можетъ напугать все населеніе и вызоветъ большія затрудненія (чтобъ не сказать несчастія).

Она, кажется, согласилась съ моимъ мнѣніемъ, но судя по манерѣ, какъ она вела этотъ разговоръ, мнѣ пришла мысль, что вопросъ о поголовномъ ополченіи исходитъ отъ нея лично, и что она имѣла намѣреніе предложить его. Но однако съ тѣхъ поръ я не слыхалъ ничего такого, что бы могло меня утвердить или разубѣдить въ

томъ. Говорятъ, что сегодня осужденъ или, лучше сказать, конфирмованъ приговоръ надъ чиновникомъ канцеляріи генерала-адъютанта графа Ливена Степановымъ за сообщеніе важныхъ бумагъ еврею—французскому шпіону.—Онъ приговоренъ къ преломленію шпаги надъ головой и лишенію всѣхъ правъ.—Енгельсонъ разсказалъ мнѣ это дѣло такъ: еврей получилъ подрядъ на поставку въ нашу армію въ Польшѣ и просилъ свѣдѣнія о полкахъ. Такъ какъ онъ торопился, а канцелярія Ливена не удовлетворила его требованію (не знаю почему и какъ), онъ обратился къ Степанову и, какъ говоритъ, хорошему человѣку и по недостатку времени для составленія выписки, еврей пригласилъ его къ обѣду. Тотъ пришелъ и принесъ рапортъ Беннигсена, въ которомъ значилось все расположеніе его корпуса и названіе полковъ, входившихъ въ составъ его. Еврей переписалъ, что ему было нужно, потомъ это открылось, не знаю какъ, еврей уже уѣхалъ, но говорятъ, арестованъ въ дорогѣ, а Степановъ осужденъ.

23. Пятница. Императрица была въ 10 часовъ уже въ кабинетѣ и несмотря на то, что чувствовала себя еще нехорошо, приняла меня и дала перевести для Государя выписку изъ Альтонской газеты.—Это воззваніе Бонапарта солдатамъ.—Вотъ оно.

Императорская квартира. Потсдамъ

26 октября 1806 г.

„Солдаты! Русскіе хвастаютъ, что хотятъ идти къ намъ. Мы пойдемъ имъ навстрѣчу и избавимъ ихъ отъ половины пути; они найдутъ въ Пруссіи свой Аустерлицъ.

Нація, которая такъ скоро забыла великодушіе, съ которымъ мы отнеслись къ ней послѣ сраженія, въ которомъ Императоръ, его дворъ и остатки его арміи спаслись благодаря капитуляціи, дарованной нами, эта нація не способна драться съ успѣхомъ противъ насъ.

Въ то время какъ мы двигаемся навстрѣчу Русскимъ, новыя арміи, сформированныя внутри Имперіи, заступятъ наше мѣсто, чтобы охранить наши побѣды. Весь мой народъ было возсталъ, возмущенный постыдной капитуляціей, предложенной намъ въ своей продерзости прусскими министрами“.

Это воззваніе было дополнено слѣдущимъ по словамъ Бранденбургской газеты:

„Изъ уваженія къ собственности Фридриха Великаго, жители Потсдама освобождаются отъ всякой контрибуціи“.

Послѣ обѣда прислали за мной, чтобы написать обязательство въ 10.000, которые заняла Императрица для передачи Вел. Кн. Екатеринѣ Павловнѣ, какъ подарокъ къ завтрашнему дню.

Я узналъ новость, которую привезъ курьеръ, что корпусъ Буксгевдена перешелъ Вислу. Только что пріѣхалъ новый курьеръ. Графъ Толстой сказалъ, что Хотинъ взятъ нашими войсками, а черезъ минуту послѣ этого Крыловъ принесъ Толстому отъ Государя рапортъ генерала Эссена, который, принося поздравленіе съ высокой новорожденной, прибавляетъ, что молебенъ по этому случаю былъ отслуженъ въ Хотинѣ, который занятъ безъ кровопролитія.

Императрица сказала: Бонапартъ пророчествуетъ, что въ день новаго года онъ будетъ обѣдать въ Петербургѣ.

24. Суббота. По случаю нездоровья Императрицы при дворѣ общаго съѣзда не было. Я видѣлъ Ея Величество только около 2-хъ часовъ по полудни.

25. Воскресенье. Сегодня Императрицѣ было лучше, но все еще не совсѣмъ поправилась. Настоящія обстоятельства и безпокойства, повидимому, способствовали столько же болѣзни, сколько и физическія страданія. Она занялась дѣлами не прежде 2-хъ часовъ. Покончивъ, приказала мнѣ пріѣхать послѣ обѣда, чтобы заняться ея духовнымъ завѣщаніемъ, къ чему приглашали настоящія обстоятельства, хотя она вовсе не имѣла желанія умирать. Я пришелъ въ 6 часовъ, въ 7 она занялась завѣщаніемъ, и мы окончили занятія позже 8-ми. Я взялъ съ собой замѣтки относительно распредѣленія мелкихъ вещей и бриллiантовъ, записанныя ранѣе еще мною карандашемъ подъ ея диктовку, чтобы привести все въ порядокъ. Она мнѣ сказала утромъ еще, что мысль о поголовномъ ополченіи, кажется, оставлена, такъ какъ почувствовали неудобство ея. На это я сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній и выразилъ опасенія, что подобная мѣра, не обусловленная ранѣе прочно установленной организаціей, можетъ вызвать громадные безпорядки.

Наконецъ почта привезла газеты. Императрица сказала мнѣ, что тѣ, которыя задержаны, заключаютъ въ себѣ ужасныя вещи, она прочла нѣкоторыя статьи, какъ напр. письмо Бонапарта прусскому королю, въ которомъ онъ говоритъ рѣзко правду обо всемъ, что уже случилось, т. е. что онъ будетъ разбитъ, что теперь (это было до разрыва) еще онъ можетъ съ нимъ (съ Бонапартомъ) вести переговоры, какъ равный и даже съ выгодой, но что послѣ будетъ иначе; вообще онъ обращается къ нему свысока. Сегодня говорили, что курфирстъ Саксонскій умеръ—и умеръ отравленнымъ.

26. Понедѣльникъ. Георгіевскій праздникъ. Кавалерамъ ордена посланы приглашенія вчера нѣсколько поздно, и потому съѣздъ ко двору былъ немногочисленный.

Великій Князь Константинъ шелъ въ процессіи, какъ простой кавалеръ сообразно старшинству. Императрица приказала мнѣ про-

честь сегодня проектъ новой организаціи для рекрутскаго набора, представленный г-ломъ Тутолминымъ Государю и сообщенный имъ же князю Куракину и Императрицѣ. Проектъ мнѣ показался разумнымъ и хорошимъ. Онъ предвидитъ организацію милиціи, очень схожей съ принятой въ Швеціи,—а именно всѣ крестьяне дѣлятся на маленькіе кантоны изъ 100 ч., которые должны каждый содержать одного человѣка; въ мирное время человѣкъ или солдатъ остается въ деревнѣ у себя и занимается своей работой за исключеніемъ извѣстнаго времени, назначеннаго для ученья, такимъ образомъ получая содержаніе, онъ быть можетъ потребованъ въ случаѣ войны на укомплектованіе арміи, а кантонъ ста долженъ содержать другого на его мѣстѣ. Нѣсколько кантоновъ составитъ когорту, а нѣсколько когортъ—легіонъ и т. д. Онъ ратуетъ противъ настоящаго рекрутскаго набора, который является всегда неожиданно и приводитъ въ отчаяніе сельское населеніе, между тѣмъ какъ его система доставитъ постоянно и вѣрно рекрутовъ, уже нѣсколько болѣе развитыхъ для арміи и подготовленныхъ заранѣе своими кантонами, и не будетъ ложиться тягостно, такъ какъ всѣ будутъ готовы къ этому. Въ тѣхъ случаяхъ, когда будутъ брать этихъ рекрутъ, онъ желаетъ, чтобы это дѣлалось не по произволу, а по извѣстной очереди или по жребію. Вообще проектъ мнѣ нравится. Императрицѣ значительно лучше, но ее все еще безпокоятъ приступы кашля.

Сообщ. Н. А. Вилламовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Можно ли было выручить Портъ-Артуръ въ маѣ 1904 года[1])?

Психолого-стратегическій очеркъ (съ планомъ и тремя схемами).

Такъ неудачно окончилась попытка перехода въ наступленіе для выручки П.-Артура; какъ уже говорилось выше, исходъ боя 2 іюня не мало способствовалъ тому, чтобы опорочить вмѣстѣ съ нимъ идею всей операціи. Но на войнѣ важно не то, *что* дѣлается, а *какъ* оно дѣлается; о томъ, какъ „дѣлалась“ вафангоуская операція, начальникъ штаба Намѣстника г.-л. Жилинскій телеграфировалъ 4 іюня Военному Министру въ слѣдующихъ выраженіяхъ:.. „Несмотря на энергичныя настоянія Намѣстника, чтобы для дѣйствій на южномъ фронтѣ назначены были силы, дающія намъ перевѣсъ или равенство съ непріятелемъ, именно, не менѣе 48 б-новъ, ген. Куропаткинъ не выполнилъ этихъ требованій и на каждое изъ нихъ отвѣчалъ длинными письмами и отповѣдями... Ген. Куропаткинъ принялъ планъ идти къ Артуру, выставивъ достаточной силы заслонъ противъ Куроки... Но если этотъ, по моему мнѣнію, рискованный планъ, былъ принятъ, то надлежало уже выполнить его быстро и рѣшительно. Вмѣсто этого.... выдвиженіе частей впередъ шло такъ вяло и неохотно, что къ тому времени, когда японцы начали наступленіе четырьмя дивизіями, мы встрѣтили ихъ 26 баталіонами“ (т. II ч. 2 стр. 121, 122).

Изложеніе хода боевыхъ дѣйствій 1 и 2 іюня, на которыхъ я нарочно подробнѣе остановился, показываетъ, что если бы мы съумѣли

[1]) См. „Русская Старина“, апрѣль 1912 г.

только *во время* сосредоточить къ полю сраженія тѣ силы, которыя съ самаго начала предназначались въ составъ отряда ген. Штакельберга, то еще неизвѣстно, на чьей сторонѣ была бы побѣда, несмотря на крупныя тактическія ошибки, допущенныя нами въ вафангоускомъ бою.

Теперь приступаю къ болѣе подробной оцѣнкѣ всей операціи въ стратегическомъ отношеніи. Для этого постараюсь отвѣтить на слѣдующіе вопросы:

1) Преслѣдовала ли задуманная операція дѣйствительно важную и реальную цѣль.

2) Было ли выбрано для нея удобное время.

3) Имѣлись ли налицо необходимыя средства, чтобы достигнуть поставленной цѣли.

Первый вопросъ—о поставленной цѣли, въ свою очередь, разбивается на два: а) заслуживалъ ли П.-Артуръ по своему значенію на театрѣ войны, чтобы ради него не вполнѣ готовая еще М. армія перешла въ наступленіе, рискуя до извѣстной степени этимъ оказать неблагопріятное вліяніе на успѣхъ всей войны, б) была ли ему дѣйствительно необходима та помощь, которую полагали ему оказать высылкой отряда изъ состава М. арміи.

Несомнѣнно П.-Артуръ стоилъ того, чтобы изъ-за него рискнуть. Въ военномъ отношеніи онъ являлся убѣжищемъ нашего флота, который, пока П.-Артуръ держался, сохранялъ возможность угрожать морскимъ коммуникаціоннымъ линіямъ противника, а впослѣдствіи, по прибытіи на Д. Востокъ Балтійской эскадры, могъ расчитывать, совмѣстно съ нею, даже оспаривать у японскаго флота господство въ морѣ. Сочиненіе Англ. ген. штаба о войнѣ 1904—1905 г.г. признаетъ П.-Артуръ „пунктомъ наивысшаго стратегическаго значенія“ (вып. II стр. 2).

Въ политическомъ отношеніи значеніе П.-Артура было не менѣе велико. Изъ-за него въ сущности велась японцами вся война, т. к. отторженіе его въ 1895 г. отъ Японіи коалиціей державъ съ Россіей во главѣ и было источникомъ той смертельной ненависти, которую съ тѣхъ поръ питалъ къ намъ японскій народъ. Взятіе П.-Артура было бы такимъ удовлетвореніемъ его національнаго самолюбія, что международный престижъ страны Восходящаго Солнца поднялся бы на значительную высоту, а нашъ въ такой же мѣрѣ упалъ. Это могло бы повлечь за собой вмѣшательство въ нашу распрю съ Японіей нашихъ многочисленныхъ иностранныхъ недоброжелателей и принудить насъ къ преждевременному заключенію мира. Возможность такого исхода предусматривалась еще до

разрыва и учитывалась при составленіи плана войны (т. I стр. 255, 257, 264 и др.).

Едва-ли въ отношеніи оцѣнки значенія Артура могло быть какое-нибудь различіе во взглядахъ Намѣстника—Главнокомандующаго и К-щаго М. арміей, но не такъ обстояло съ вопросомъ о необходимости для П.-Артура помощи.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, находясь въ П.-Артурѣ, адмиралъ Алексѣевъ уже сталъ питать нѣкоторыя опасенія, что японцы могутъ высадиться сразу въ большихъ силахъ на Квантунѣ, въ близкомъ сосѣдствѣ съ П.-Артуромъ, и произвести отчаянную попытку, не считаясь съ потерями, овладѣть крѣпостью открытой силой или ускоренной атакой. Предположеніе о возможности такого образа дѣйствій противника основывалось на поступившихъ свѣдѣніяхъ о планахъ японской главной квартиры (т. II ч. 1 стр. 104) и казалось правдоподобнымъ: 1) въ виду пріобрѣтеннаго японцами дѣйствительно подавляющаго морского превосходства, благодаря нанесеннымъ нашему флоту 31 марта новымъ потерямъ, между тѣмъ, какъ поврежденія, понесенныя нашими судами въ ночь на 27 января, еще не были исправлены; 2) въ виду малопонятнаго промедленія японцевъ въ исполненіи того плана, который приписывался имъ какъ наиболѣе вѣроятный, а именно: сосредоточить подавляющія силы въ южной Маньчжуріи и бить ими по частямъ наши войска, по мѣрѣ ихъ подхода въ намѣченный раіонъ сосредоточенія.

Исходя изъ такого взгляда, ген.-ад. Алексѣевъ въ первой половинѣ апрѣля предложилъ К-щему М. арміей быть готовымъ оказать П.-Артуру быструю и энергичную поддержку, въ случаѣ, если бы крѣпость подверглась атакѣ противника (т. II ч. 1 стр. 104). Это было еще до боя на Ялу, когда армія Куроки находилась въ 220 верстахъ отъ нашей линіи сообщеній, для достиженія которой ей предстояло совершить переправу черезъ большую рѣку на виду войскъ нашего Восточнаго отряда, и затѣмъ форсировать трудно проходимую горную мѣстность, лежащую между р. Ялу и жел. дорогой. При этомъ условіи опасность, угрожавшая нашей арміи съ востока, представлялась менѣе близкой и грозной сравнительно съ той, которая могла возникнуть для П.-Артура въ случаѣ высадки въ южной части Квантуна 8—10 японскихъ дивизій (т. II ч. 1, стр. 102) съ цѣлью овладѣнія Портъ-Артуромъ во что бы то ни стало. Въ М. арміи въ это время насчитывалось около 75 бат. пѣхоты съ болѣе чѣмъ 200 орудіями; къ нимъ въ короткое время могли присоединиться еще 12 баталіоновъ 1. Сибирской пѣх. дивизіи, которые были задержаны въ Харбинѣ.

Когда началась высадка II японской арміи въ сѣверной части Квантунской области, опасенія за П.-Артуръ должны были уменьшиться, т. к. для достиженія крѣпости японцамъ приходилось предварительно овладѣть подготовленной Цзиньчжоуской позиціей, и отрядъ, назначенный для ея обороны, уже не рисковалъ быть отрѣзаннымъ отъ П.-Артура, а, напротивъ, влившись въ общій гарнизонъ крѣпости, усиливалъ его до 30 баталіоновъ пѣхоты. Но т. к. къ этому времени армія Куроки успѣла переправиться черезъ Ялу, нанеся серьезное пораженіе Восточному отряду, то опасность для М. арміи съ востока казалась усилившейся и заставила отнестись съ осторожностью къ вопросу о выдѣленіи значительныхъ силъ къ югу для выручки П.-Артура. Въ виду такихъ соображеній, Намѣстникъ 24 апрѣля уже не требовалъ отъ К-щаго арміей оказанія активной поддержки П.-Артуру, а признавалъ достаточнымъ ограничиться высылкой небольшого отряда съ демонстративной цѣлью по направленію къ ст. Пуландянь [1]). Отрядъ этотъ, будучи высланъ подъ начальствомъ ген.-м. Зыкова, въ составѣ 4 б-новъ, 3 эск. и сот. и 4 орудій, въ дѣйствительности до Пуландяня не дошелъ, а остановился у ст. Вафандянъ (т. VIII ч. 1 стр. 160), но возможно, что его присутствіе отсрочило перерывъ сообщеній съ П.-Артуромъ и позволило провезти въ крѣпость нѣсколько поѣздовъ съ запасами. Вышеизложенное объясняетъ, почему въ письмѣ К-щему арміей отъ 28 апрѣля (т. II ч. 1, стр. 276—277) Намѣстникъ не высказываетъ (какъ то подчеркивается въ трудѣ комиссіи) опасеній за судьбу П.-Артура; это тѣмъ болѣе понятно, что въ указанномъ письмѣ онъ исходитъ изъ предположенія, что противъ М. арміи будутъ дѣйствовать двѣ японскія арміи, а противъ П.-Артура только одна.

Намѣренія Командующаго I японской арміей послѣ боя у Тюренчена оставались пока невыясненными и казалось вѣроятнымъ, что японцами уже подготовлено все необходимое для безостановочнаго, послѣ переправы, наступленія, которое едва-ли могло бы встрѣтить серьезное сопротивленіе со стороны разстроеннаго неудачнымъ боемъ у Ялу Восточнаго отряда [2]).

---

[1]) См. схему № 1.

[2]) Къ сожалѣнію, впечатлѣніе, произведенное на нашъ высшій начальствующій персоналъ въ Маньчжуріи неудачей на Ялу и началомъ высадки японцевъ на Квантунѣ, было гораздо сильнѣе, чѣмъ эти два эпизода по существу заслуживали. Явилось безпокойство за возможность быстраго наступленія японцевъ къ раіону нашего сосредоточенія и опасеніе за разброску нашихъ войскъ, ближайшимъ послѣдствіемъ чего была, ненужная по обстановкѣ, оттяжка 1. Сиб. корпуса (расположеннаго въ качествѣ Южнаго

Но время шло, а армія Куроки не двигалась. Свѣдѣнія, полученныя въ первыхъ числахъ мая, сводились къ тому, что I армія сосредоточивается къ Фынхуанчену, оттянувъ въ окрестности этого города свои, выдвинутыя было, передовыя части (Сводки и т. д. стр. 25). Предположеніе о рѣшительныхъ дѣйствіяхъ противника въ Южной Маньчжуріи, казавшееся въ началѣ войны наиболѣе правдоподобнымъ, потеряло значительную долю своего вѣроятія; въ то же время стали опять съ настойчивостью повторяться свѣдѣнія, что главнымъ объектомъ дѣйствій японцы поставили себѣ П.-Артуръ, рѣшивъ овладѣть имъ во что бы ни стало (Сводки стр. 15, 16, 17).

Къ 1 мая въ раіонѣ нашего сосредоточенія въ Южной Маньчжуріи находилось уже 85¾ бат. 60 эск. и сот., 218 орудій и 17 инженер. ротъ (т. II ч. 1 стр. 199); въ теченіе мая долженъ былъ прибыть 4. Сибирскій корпусъ, доведя силы арміи до 118 баталіоновъ пѣхоты. Тѣмъ временемъ и Восточный отрядъ успѣлъ оправиться отъ понесеннаго пораженія и приготовиться къ отпору на перевалахъ Фынсяолинъ (Фыньшуйлинъ) и Модулинъ, на пути наступленія противника къ Ляояну. Новая остановка послѣ занятія Фынхуанчена указывала или на неготовность I японской арміи къ наступленію, или на выжиданіе ею высадки на материкѣ остальныхъ японскихъ силъ для совмѣстныхъ дѣйствій; при этомъ условіи моментъ представлялся благопріятнымъ для перехода Маньчжурской арміи въ наступленіе, пользуясь ея внутреннимъ положеніемъ относительно двухъ группъ противника—одной, перешедшей р. Ялу и другой, высадившейся у Бицзыво,—съ цѣлью нанесенія одной изъ нихъ отдѣльнаго пораженія. Въ такомъ смыслѣ была составлена въ штабѣ Намѣстника и представлена 6 мая г.-ад. Алексѣеву записка, о которой сказано выше. За проектированнымъ наступленіемъ, помимо достиженія имъ указанной стратегической цѣли, признавалось и значеніе фактора, могущаго освѣтить неопредѣленную для насъ обстановку театра войны, а также благопріятно отразиться на духѣ нашихъ войскъ. Проектъ былъ одобренъ адмираломъ Алексѣевымъ, который вообще былъ сторонникомъ рѣши-

---

авангарда въ раіонѣ Инкоу-Гайчжоу-Сеньюченъ-Ташичао), къ Хайчену и Айсянцзяну, въ ущербъ связи съ П.-Артуромъ и плану его выручки впослѣдствіи. Мало того, былъ отозванъ и вышеупомянутый отрядъ ген. Зыкова и даже его конница, выдвинувшаяся въ направленіи къ Пуландяню, чѣмъ мы добровольно лишили себя чрезвычайно важнаго въ данномъ случаѣ соприкосновенія съ южной группой противника и бросили на произволъ судьбы участокъ жел. дороги Вафангоу-Гайчжоу, который 2—3 недѣли спустя пришлось снова приводить въ порядокъ для перевозки войскъ и въ качествѣ коммуникаціоннаго пути.

тельныхъ дѣйствій, въ особенности въ отношеніи японцевъ (т. II ч. 2 стр. 122). Но не признавая въ то время, чтобы положеніе П.-Артура требовало *немедленной* выручки или поддержки, Намѣстникъ расширилъ рамки предполагаемаго наступленія, допуская возможность дѣйствій М. арміи не только противъ южной, но вообще противъ любой изъ двухъ большихъ группъ противника. Въ этомъ смыслѣ было написано К-щему арміей письмо отъ 8 мая, въ которомъ Намѣстникъ, подчеркнувъ важное значеніе для насъ сохраненія П.-Артура, какъ базы и убѣжища флота, заканчивающаго исправленіе нанесенныхъ ему поврежденій, между тѣмъ, какъ непріятельскій флотъ только-что понесъ серьезныя потери (потопленіе двухъ броненосцевъ 2 мая)—*признавалъ минуту вполнѣ благопріятной для перехода М. арміи къ активнымъ дѣйствіямъ.* Послѣднія по мнѣнію г.-ад. Алексѣева могли выразиться въ одномъ изъ слѣдующихъ способовъ: а) сначала разбить восточную группу японцевъ, послѣ чего двинуться на помощь П.-Артуру, б) перейти въ наступленіе прямо противъ южной группы противника, въ каждомъ изъ этихъ случаевъ, противъ группы противника, неявлявшейся непосредственнымъ объектомъ дѣйствій, долженъ былъ быть выставленъ достаточной силы заслонъ. Выборъ изъ указанныхъ двухъ способовъ дѣйствій предоставлялся К-щему арміей. Въ этомъ письмѣ интересно указаніе, что энергичныя дѣйствія ген. Ренненкампфа на правомъ флангѣ I яп. арміи, между прочимъ, произвели удручающее впечатлѣніе въ Японіи. Дошедшее объ этомъ до Намѣстника свѣдѣніе очевидно являлось отголоскомъ тѣхъ упомянутыхъ выше опасеній, которыя существовали въ арміи Куроки за сообщенія съ Кореей, угрожаемыя, по мнѣнію японскаго начальства, Ренненкампфомъ (т. II ч. 1 стр. 286—287). Письмо Намѣстника было передано г.-ад. Куропаткину 10 мая посланнымъ къ нему для личныхъ переговоровъ начальникомъ полевого штаба Намѣстника г.-л. Жилинскимъ.

Взглядъ близкій къ тому, котораго держался Намѣстникъ относительно положенія дѣлъ на театрѣ войны къ началу мая, высказывалъ также и тогдашній Военный Министръ. На телеграммѣ К-щаго М. арміей отъ 29 апрѣля, которой г.-ад. Куропаткинъ сообщалъ о своихъ распоряженіяхъ, покойный г.-ад. Сахаровъ написалъ, между прочимъ, слѣдующее:... „Вмѣсто того чтобы сосредоточить значит. силы, взять починъ въ свои руки, мы подчиняемся волѣ японцевъ, оставляя имъ свободу приводить безпрепятственно ихъ планы въ исполненіе; они будутъ ожидать подхода подкрѣпленій, а мы будемъ относиться къ этому пассивно, не пользуясь опасностью ихъ выдвинутаго положенія пока съ сравнительно незначительными силами“...

Въ то время, какъ Намѣстникъ, а судя по приведенной вы-

держкѣ и Военный Министръ, считали переходъ въ наступленіе Маньчжурской арміи вполнѣ своевременнымъ, К—щій этой арміей проявлялъ тенденцію скорѣе противоположнаго свойства. Это выразилось въ многочисленныхъ заявленіяхъ г.-ад. Куропаткина, встрѣчающихся въ его служебной перепискѣ съ адмираломъ Алексѣевымъ, изъ которой вообще явствуетъ, что главною цѣлью К-щій арміей ставилъ себѣ удержаться въ раіонѣ сосредоточенія, а въ случаѣ наступленія превосходныхъ силъ противника—отходить далѣе на сѣверъ (т. II ч. I, стр. 208). Такъ, между прочимъ, въ отвѣтъ на вышеупомянутое письмо отъ 28 апрѣля (стр. 276—277), въ которомъ ген.-ад. Алексѣевъ высказывалъ довольно бодрый взглядъ на общее положеніе, считая, что въ Южной Маньчжуріи мы въ состояніи оказать отпоръ противнику, ген.-ад. Куропаткинъ отвѣтилъ пессимистически настроенной депешей, въ которой указывалось на возможность отступленія даже за Тѣлинъ. То же, въ еще болѣе категорической формѣ, повторено въ депешѣ отъ 30 апрѣля, написанной подъ вліяніемъ преувеличенныхъ донесеній о дѣйствіяхъ хунхузовъ на нашихъ коммуникаціонныхъ линіяхъ [1]). Конечно при такихъ условіяхъ предложеніе Намѣстника о переходѣ М. арміи къ активнымъ дѣйствіямъ не могло встрѣтить сочувствія К-щаго М. арміей. Признавая наступленіе противъ Куроки въ данное время практически неосуществимымъ, генералъ Куропаткинъ считалъ движеніе къ П.-Артуру стратегически опаснымъ до тѣхъ поръ, пока не получится бо̀льшая увѣренность, что главныя усилія японцевъ направлены именно на П.-Артуръ. Въ дневникѣ г.-ад. Куропаткина приведенные наступательные планы Намѣстника были охарактеризованы крылатымъ выраженіемъ „авантюристической стра-

[1]) Оспаривая такой взглядъ К-щаго арміей, Намѣстникъ 3 мая (т. II ч. 1, стр. 278) указалъ ген.-ад. Куропаткину, что отступленіе наше вглубь Маньчжуріи, должно, между прочимъ, повести къ отсрочкѣ выручки П.-Артура, который, по мнѣнію Намѣстника, „едва-ли въ состояніи продержаться болѣе 2—3 мѣсяцевъ“. На этомъ основаніи г.-ад. Алексѣевъ находилъ необходимымъ дать японцамъ рѣшительный отпоръ, не отступая изъ района сосредоточенія арміи у Ляояна, и запрашивалъ заключенія К-щаго арміей по этому предмету. Такимъ образомъ въ депешѣ отъ 3 мая былъ поднятъ вопросъ *не объ активной выручкѣ П.-Артура*, какъ утверждаетъ трудъ В.-И. комиссіи (стр. 279), а объ оказаніи японцамъ отпора при настоящемъ положеніи арміи, что ясно видно изъ текста телеграммы („при расположеніи арміи у Ляояна, каждый успѣхъ нашъ надъ японцами на горныхъ перевалахъ и Ляохэйской равнинѣ отразится невыгодно на операціяхъ японцевъ подъ П.-Артуромъ, вызоветъ опасеніе ихъ за свой тылъ и облегчитъ оборону крѣпости“). Слабая же обороноспособность П.-Артура была приведена только какъ доводъ, подкрѣпляющій мнѣніе о невыгодности отступленія вглубь Маньчжуріи.

тегіи" (стр. 288). Въ отвѣтномъ письмѣ г.-ад. Алексѣеву отъ 14 мая, К-щій арміей заявлялъ, что для принятія опредѣленныхъ рѣшеній у насъ недостаетъ главныхъ данныхъ—*гдѣ будутъ находиться главныя силы японцевъ и какой окончательно планъ они примутъ* (стр. 290) Относительно наступленія къ югу въ этомъ письмѣ высказывалось, что выдѣлить для этой цѣли болѣе 24-хъ баталіоновъ невозможно; если же опредѣлится, что у Дагушана высадились значительныя силы и не получится новыхъ данныхъ, что противъ П.-Артура дѣйствуютъ бо́льшія силы, чѣмъ тѣ, которыя тамъ высадились, то выдѣлять для похода на П.-Артуръ корпусъ указанной силы весьма опасно.

Ко времени полученія Намѣстникомъ письма ген.-ад. Куропаткина у насъ еще не было извѣстно о взятіи японцами 13 мая Цзиньчжоуской позиціи; свѣдѣніе объ этомъ боѣ получилось только 16 мая.

Какъ видно, отмѣченное разногласіе въ мнѣніяхъ старшихъ начальниковъ нашихъ вооруженныхъ силъ на Дальнемъ Востокѣ зависѣло, между прочимъ, отъ разницы во взглядахъ на силы противника и на группировку его войскъ. Въ то время, какъ Намѣстникъ послѣ совершившейся высадки у Бизцыво признавалъ, что бо́льшая часть (²/₃) вооруженныхъ силъ противника уже находится на материкѣ, и что выяснившаяся группировка ихъ даетъ основаніе къ принятію опредѣленнаго рѣшенія, при чемъ не допускалось, чтобы противникъ имѣлъ надъ нами матеріальное или моральное превосходство (т. II, ч. 1, стр. 285), Командующій арміей, напротивъ, считалъ, что направленіе ½ — ²/₃ японскихъ вооруженныхъ силъ еще не опредѣлилось и что, предпринимая при этихъ условіяхъ какой-нибудь опредѣленный планъ, сопряженный съ удаленіемъ отъ раіона сосредоточенія, мы подвергаемъ себя возможнымъ ударамъ со стороны японскихъ силъ, могущихъ быть выброшенными (благодаря господству въ морѣ) въ любомъ пунктѣ побережій Ляодунскаго и Корейскаго заливовъ, при чемъ, какъ уже отмѣчалось выше, относительно численности противника у Командующаго арміей всегда была тенденція къ преувеличенію [1]). Но предположеніе, что японцы могутъ направить главный ударъ на П.-Артуръ, ген.-ад. Куропаткинымъ вообще не отрицалось, и иногда онъ

[1]) Напр., мнѣніе, что со стороны Ялу и Дагушана угрожаютъ 6 японскихъ дивизій (стр. 339). Въ письмѣ Намѣстнику отъ 26 мая, ген.-ад. Куропаткинъ оцѣниваетъ эти силы въ 70—90 тысячъ (т. II, ч. 1. Приложеніе № 31, стр. 103). Между тѣмъ во всѣхъ *трехъ* японскихъ арміяхъ, сосредоточенныхъ *въ августѣ* къ Ляояну, насчитывалось всего 112 т. (т. III, ч. 2, стр. 270).

признавалъ за этимъ предположеніемъ даже значительную долю вѣроятія, какъ видно напр. изъ записки его на имя начальника штаба арміи отъ 13 мая, въ которой, на основаніи вновь полученныхъ свѣдѣній о противникѣ, Командующій арміей признавалъ необходимымъ поспѣшить начинаніями по оказанію помощи Артуру (т. II, ч. 1, стр. 305). Подобнымъ же образомъ въ телеграммѣ на имя командира 1. Сиб. корпуса отъ 26 мая Командующій арміей считаетъ *маловѣроятнымъ*, чтобы главной цѣлью дѣйствій японцевъ была Маньчжурская армія (т. II, ч. 1, стр. 367). Но для того, чтобы приступить къ рѣшительному осуществленію операціи по выручкѣ П.-Артура, цѣлесообразности которой ген.-ад. Куропаткинъ принципіально не отрицалъ, *онъ желалъ видѣть обстановку настолько разъясненной, чтобы не было никакихъ сомнѣній относительно безопасности движенія отряда на югъ*. Въ данное же время (около половины мая) обстановка казалась Командующему арміей еще настолько темной, что заставляла даже считаться, какъ было указано выше, съ возможностью отступленія арміи къ Тѣлину и далѣе, о чемъ ген.-ад. Куропаткинъ упоминаетъ въ письмѣ Намѣстнику отъ 11 мая (стр. 285).

Но вотъ 13 мая произошло событіе, которое снова возбудило у ген.-ад. Алексѣева усиленныя опасенія за участь Портъ-Артура. По первоначальнымъ свѣдѣніямъ о боѣ у Цзиньчжоу въ немъ со стороны японцевъ приняли участіе три дивизіи. Укрѣпленная позиція, вооруженная орудіями крѣпостныхъ калибровъ и защищаемая цѣлой дивизіей, — позиція, которая признавалась надежнымъ запоромъ къ воротамъ П.-Артура, пала послѣ двухдневныхъ атакъ японской арміи. Свѣдѣнія объ этомъ боѣ, полученныя изъ нейтральныхъ источниковъ, единогласно свидѣтельствовали о крайнемъ ожесточеніи атакъ и о громадныхъ потеряхъ, понесенныхъ японцами.

Въ то время еще не было извѣстно, что Цзиньчжоуская позиція оборонялась въ сущности однимъ только полкомъ изъ отряда ген. Фока.

Вопросъ о выручкѣ П.-Артура послѣ 13 мая становился еще болѣе труднымъ, такъ какъ надобность въ помощи увеличилась, а возможность оказанія ея затруднялась переходомъ Цзиньчжоускаго перешейка въ руки противника. При этомъ условіи, разъ выручка признавалась необходимой, надо было съ ней торопиться, пока противникъ не утвердился окончательно на Цзиньчжоускомъ перешейкѣ. Но еще важнѣе матеріальныхъ послѣдствій побѣды японцевъ были ея моральные результаты: главное начальство Квантунскаго укрѣпленнаго раіона въ лицѣ ген. Стесселя пало духомъ и утратило вѣру въ способность крѣпости оказать дли-

тельное сопротивленіе такому противнику, какъ японцы, которые, судя по бою 13 мая, не стѣснялись завалить трупами своихъ солдатъ какія угодно искусственныя препятствія, чтобы сдѣлать ихъ проходимыми для штурмовыхъ колоннъ. Въ періодъ съ 13 по 15 мая генераломъ Стесселемъ было отправлено нѣсколько депешъ (полученныхъ въ Ляоянѣ 18 мая), въ которыхъ положеніе П.-Артура рисовалось въ мрачномъ видѣ. Начальникъ Квантунскаго укрѣпленнаго раіона высказывалъ категорическое мнѣніе, что главный ударъ японцевъ направляется именно на него, и что для облегченія его положенія необходима „немедленная и очень сильная, не менѣе трехъ дивизій, съ дивизіей кавалеріи, помощь; потомъ будетъ поздно; здѣсь, заключалъ Стессель, кончится все..." (Т. VIII, ч. 1, стр. 290).

21 мая въ армію прибыли два офицера, посланные изъ П.-Артура съ порученіемъ доложить Командующему арміей о тревожномъ недостаткѣ въ крѣпости артиллерійскихъ снарядовъ и мяса, а также что П.-Артуру требуется немедленная помощь въ размѣрѣ $3^1/_2$—4 дивизій (т. II, ч. 1, стр. 338).

Къ донесеніямъ Стесселя Намѣстникъ и Командующій арміей отнеслись различно: Ген.-ад. Куропаткинъ выразилъ сомнѣнія въ томъ, чтобы положеніе П.-Артура было таково, какъ его рисовалъ ген. Стессель; между прочимъ ген.-ад. Куропаткинъ указывалъ на нѣкоторыя явныя преувеличенія (въ отрицательную сторону) въ отношеніи недостатка въ крѣпости снарядовъ и продовольствія, допущенныя Стесселемъ въ его донесеніи, и выражалъ мнѣніе, что П.-Артуръ можетъ продержаться столько времени, насколько хватитъ продовольствія. Ободряя своего упавшаго духомъ подчиненнаго, Командующій арміей, по поводу просьбы о помощи, высказывалъ, что П.-Артуру нужна выручка, а не пораженіе Маньчжурской арміи по частямъ (т. II, ч. 1, стр. 336).

Что касается ген.-ад. Алексѣева, то въ донесеніяхъ изъ П.-Артура онъ усмотрѣлъ подтвержденіе своего взгляда относительно необходимости оказанія крѣпости немедленной помощи. Еще 18 мая онъ телеграфировалъ Командующему арміей о безотлагательномъ приступѣ къ выполненію операціи по выручкѣ П.-Артура (т. II, ч. 1, стр. 296). 22 мая была снова послана телеграмма Командующему арміей, въ которой, высказывая свое мнѣніе, что для овладѣнія П.-Артуромъ японцы, вѣроятно, не остановятся ни передъ какими усиліями и потерями и что изъ М. арміи для операціи на югъ можно безъ особаго риска направить 48 баталіоновъ, Намѣстникъ просилъ отзыва Командующаго арміей по вопросу о немедленной выручкѣ П.-Артура указанными силами. Положеніе у Ляояна

ген.-ад. Алексѣевъ въ этой депешѣ охарактеризовалъ, какъ „прочное“ (т. II, ч. 1, стр. 337).

По поводу указаннаго различія въ мнѣніяхъ относительно своевременности или несвоевременности перехода арміи въ маѣ 1904 года къ активнымъ дѣйствіямъ для выручки П.-Артура, въ письмахъ ген.-ад. Куропаткина и его отчетѣ, а также въ нѣкоторыхъ появившихся въ печати трудахъ другихъ авторовъ высказывалось осужденіе по адресу ген.-ад. Алексѣева, который, будто бы, подъ впечатлѣніемъ нѣсколькихъ неудачъ, испытанныхъ нашими войсками и флотомъ въ первые мѣсяцы кампаніи, отъ преувеличенной оцѣнки силы П.-Артура перешелъ въ самое короткое время къ діаметрально противоположному взгляду на обороноспособность крѣпости и благодаря этому безъ надобности вовлекъ Маньчжурскую армію въ вафангоускую „авантюру“, между тѣмъ, какъ П.-Артуръ послѣ того продержался еще почти семь мѣсяцевъ.

Дѣйствительно, въ февралѣ мѣсяцѣ Намѣстникъ во всеподданнѣйшей депешѣ высказывалъ взглядъ, что „ускоренная атака П.-Артура не обѣщаетъ японцамъ успѣха“, 3 мая предполагалъ возможнымъ сопротивленіе П.-Артура осадѣ, но лишь въ теченіе 2—3 мѣсяцевъ, а во второй половинѣ мая уже не признавалъ его обезпеченнымъ даже отъ атаки открытой силой (т. II, т. 1, стр. 343). Такія колебанія во взглядахъ адмирала Алексѣева на обороноспособность крѣпости ген.-ад. Куропаткинъ приписываетъ вліянію тревожныхъ донесеній Стесселя, въ которыхъ отразился упадокъ духа этого генерала.

О возможномъ вліяніи упадка духа ген. Стесселя на Намѣстника, а также и на силу сопротивленія самого П.-Артура, я скажу впослѣдствіи, теперь же постараюсь выяснить, что и помимо этого фактора событія первыхъ мѣсяцевъ войны могли дѣйствительно постепенно вызвать сомнѣнія относительно способности Квантунскаго укрѣпленнаго раіона съ П.-Артуромъ включительно оказать противнику то сопротивленіе, которое отъ него ожидалось по предварительнымъ разсчетамъ мирнаго времени.

Дѣло въ томъ, что до войны 1904—1905 гг. преобразованная японская армія не имѣла случая проявить во всей полнотѣ свои боевыя качества. Въ обѣихъ предъидущихъ войнахъ 1894—1895 гг. и 1900 г. японцы, хотя и дрались храбро и выказали основательную подготовку во всѣхъ отрасляхъ военнаго дѣла, но, имѣя и въ томъ и въ другомъ случаѣ противникомъ нестройныя полчища китайцевъ, они не могли дать для посторонняго наблюдателя необходимыхъ данныхъ, чтобы судить, каковы они будутъ, когда встрѣтятся лицомъ къ лицу съ европейскимъ противникомъ.

Въ I томѣ труда Военно-Историч. комиссіи приведены отзывы многихъ лицъ, изслѣдовавшихъ вопросъ о достоинствахъ японской арміи; отзывы эти вообще очень разнорѣчивы: есть между ними крайне пренебрежительные, рисующіе армію микадо чуть не въ каррикатурномъ видѣ, есть другіе, которые вполнѣ приравниваютъ японскія войска къ ихъ европейскимъ собратіямъ. Вообще же говоря, среди нашихъ начальствующихъ лицъ и войскъ, расположенныхъ на Дальнемъ Востокѣ, преобладалъ взглядъ на японцевъ, какъ на серьезнаго противника, усвоившаго себѣ все лучшее, что можно найти въ европейскихъ войскахъ, но въ характерѣ ихъ скорѣе склонны были видѣть методичность и осторожность; въ отношеніи военной мысли — нѣкоторую инертность, зависимость отъ германскихъ вліяній, вообще недостатокъ самостоятельности, въ отношеніи же воинскаго духа — отдавая должное личной храбрости и преданности долгу японскаго солдата и офицера,—мало склонны были ожидать отъ нихъ въ массѣ особенно высокаго одушевленія. Въ частности, что касается дѣйствій въ сферѣ крѣпостей, предполагали въ нашемъ будущемъ противникѣ скорѣе тенденцію къ осторожнымъ и медленнымъ способамъ дѣйствій; мнѣніе это въ первыя недѣли войны находило себѣ подтвержденіе въ томъ, что японцы, хотя и пріобрѣли сразу господство въ морѣ, не воспользовались однако этимъ преимуществомъ и неготовностью П.-Артура, чтобы попытаться атаковать его открытой силой. Но дальнѣйшія событія были таковы, что могли поколебать мнѣніе о японцахъ, какъ объ осторожномъ и не склонномъ рисковать противникѣ: отчаянныя попытки запереть входъ въ гавань П.-Артура посредствомъ брандеровъ, для чего надо было имѣть контингентъ людей, готовыхъ идти на вѣрную смерть, — высокое одушевленіе, съ которымъ сражались японцы въ бояхъ на Ялу и подъ Цзиньчжоу, особенно въ послѣднемъ, гдѣ они въ короткое время понесли громадныя потери (13 —14% всего состава арміи) [1]), а также и другіе факты первыхъ мѣсяцевъ войны — все это указывало на такой высокій подъемъ духа, на такую популярность войны съ Россіей въ народныхъ массахъ, что предположеніе объ использованіи главной квартирой этого настроенія для самыхъ рискованныхъ военныхъ предпріятій, въ родѣ овладѣнія П.-Артуромъ ускоренной атакой или посредствомъ штурма, стало пріобрѣтать значительное вѣроятіе, тѣмъ болѣе, что вообще создавшаяся за первые 3—4 мѣсяца войны об-

[1]) Убитыми и ранеными 133 оф. и 4.071 нижн. чиновъ, всего около 4.200 чел. на 30 — 32 тысячи, принимавшихъ участіе въ бою (А. Свѣчинъ, стр. 87 и 95).

становка заставляла, казалось, нашего противника торопиться нанесеніемъ намъ рѣшительнаго удара, который могъ бы служить поводомъ для иностраннаго вмѣшательства и начала переговоровъ о мирѣ.

Если бы П.-Артуръ на самомъ дѣлѣ представлялъ крѣпость въ настоящемъ значеніи этого слова, пунктъ дѣйствительно *технически* обезпеченный отъ атаки открытой силой, то можно бы и при вновь открывшихся о противникѣ данныхъ не особенно безпокоиться за его участь въ ближайшіе мѣсяцы, но какъ видно изъ отзывовъ ген.-ад. Алексѣева въ всеподданнѣйшихъ донесеніяхъ и въ предъидущей перепискѣ съ ген.-ад. Куропаткинымъ (т. II, ч. 1, стр. 51, 343) основаніемъ для признанія П.-Артура обезпеченнымъ отъ покушеній противника являлось не столько его техническое оборудованіе, сколько стойкость и доблесть защитниковъ крѣпости.

Если затѣмъ внимательно проанализировать послѣдующіе факты, то окажется, что едва-ли Намѣстникъ особенно ошибался, допуская возможность близкаго паденія крѣпости въ случаѣ избранія ея главнымъ объектомъ дѣйствій противника тотчасъ же послѣ Цзиньчжоускаго боя. Не надо забывать, что сила сопротивленія П.-Артура до войны опредѣлялась, исходя изъ предположенія, что непріятель не пріобрѣтетъ господства въ водахъ, омывающихъ Ляодунскій полуостровъ. При этомъ условіи подходъ осадной арміи къ Кванскому укрѣпл. раіону долженъ былъ произойти сухимъ путемъ, со всѣми сопряженными съ этимъ способомъ неудобствами и потерей времени, имѣя далѣе въ перспективѣ, ранѣе достиженія собственно Артура, овладѣть безъ содѣйствія флота укрѣпленной Цзиньчжоуской позиціей.

Въ дѣйствительности противникъ высадился въ разстояніи какихъ-нибудь двухъ переходовъ отъ Цзиньчжоу; послѣ двухдневнаго боя, съ помощью флота, овладѣлъ позиціей на перешейкѣ, чѣмъ открылъ себѣ доступъ къ Таліенванскому заливу съ портомъ Дальнимъ и возможностью, вмѣсто длительной сухопутной перевозки, быстро подвезти къ своей осадной арміи многочисленную артиллерію крупныхъ калибровъ.

Владѣя Цзиньчжоу и моремъ, противникъ, какъ казалось, могъ, демонстрируя противъ того или другого изъ сухопутныхъ фронтовъ крѣпости и привлекая на себя бо̀льшую часть гарнизона, выбросить въ одной изъ бухтъ Квантунскаго побережья новый сильный десантъ, который быстро двинуть противъ какой-нибудь слабой точки длиннаго сухопутнаго обвода крѣпости. Напомню, что послѣ 31 марта у насъ оставалось только два неповрежденныхъ броненосца (т. II, ч. I, стр. 107) и ко второй половинѣ мая поврежденія

судовъ еще не были исправлены[1]), хотя и у японцевъ выбыли 2 мая два броненосца (Хацузе и Яшима), но намъ достовѣрно извѣстна была гибель только одного изъ нихъ.

Въ бояхъ у Тюренчена и Цзиньчжоу, особенно послѣднемъ, японцы показали, что они не считаются ни съ какими потерями; при этомъ условіи овладѣніе неготовой крѣпостью открытой силой не казалось невозможнымъ. Что сами японцы считали этотъ способъ наиболѣе цѣлесообразнымъ, видно изъ того, что они дѣйствительно къ нему прибѣгли 2½ мѣсяца спустя; что они не сомнѣвались въ успѣхѣ такой атаки, усматривается изъ хвастливаго заявленія генерала Ноги, сдѣланнаго 6 августа иностраннымъ корреспондентамъ, что въ ближайшіе дни они будутъ свидѣтелями паденія Портъ-Артура (А. Свѣчинъ, стр. 273); что японцы въ дѣйствительности были близки къ успѣху въ послѣдній день атаки (10 августа) доказывается тѣмъ, что отбитіемъ штурма, несмотря на всю проявленную войсками доблесть, мы обязаны были случайнымъ факторамъ (тамъ же, стр. 285). Въ общемъ резервѣ крѣпости у насъ въ этотъ день былъ *одинъ баталіонъ*, на восточномъ же фронтѣ *весь резервъ былъ израсходованъ*. И все-таки, несмотря на неудачу всего штурма въ совокупности, японцы одержали нѣсколько частныхъ успѣховъ. Въ августовскихъ штурмахъ со стороны японцевъ участвовало три дивизіи и двѣ резервныя бригады, всего около 54 баталіоновъ (А. Свѣчинъ, стр. 269); гарнизонъ крѣпости, хотя со времени Цзиньчжоускаяго боя и понесъ нѣкоторыя потери въ людяхъ въ пѣхотныхъ частяхъ, но взамѣнъ того усилился морскими командами; артиллерійское вооруженіе крѣпости усилилось снятыми съ судовъ орудіями, фортификаціонная готовность увеличилась[2]). Такъ какъ ко времени Цзиньчжоускаго боя въ Маньчжуріи было только четыре японскія дивизіи, то не было ничего невозможнаго въ предположеніи, что на Квантунѣ могло быть высажено 6—8 дивизій; это нисколько не противорѣчило и свѣдѣніямъ о мобилизаціонной готовности и транспортныхъ средствахъ противника, которыми мы располагали. Оставивъ въ качествѣ за-

---

[1]) Исправленія были окончены къ 1 іюня (т. VIII, ч. I, стр. 334).

[2]) Между прочимъ были укрѣплены сыгравшія видную роль въ оборонѣ Портъ-Артура горы: Высокая, Угловая и Дивизіонная (т. VIII, ч. I, стр. 327). Бывшій комендантъ Портъ-Артура генералъ Смирновъ въ своемъ послѣднемъ словѣ Верховному суду заявилъ, что отвлеченіе арміи Оку отъ Квантуна, благодаря нашей диверсіи къ Вафангоу, дало крѣпости выигрышъ времени въ два мѣсяца, *позволившій подготовить Портъ-Артуръ къ оборонѣ*. (Дѣло о сдачѣ крѣпости Портъ-Артуръ. Отчетъ, составленный подъ редакціей В. А. Апушкина, изданіе 1908 г. стр. 454. Курсивъ мой).

слона на Цзиньчжоускомъ перешейкѣ 1—2 дивизіи, они для атаки Портъ-Артура, какъ казалось, могли располагать 5—6 дивизіями. И въ самомъ дѣлѣ, японцы къ концу мая имѣли на Ляодунскомъ полуостровѣ шесть дивизій (1., 3., 4., 5., 6. и 11.), изъ коихъ пять возможно было назначить для атаки Портъ-Артура; но едва-ли что-нибудь могло помѣшать притянуть туда же въ случаѣ надобности еще одну—двѣ дивизіи изъ числа трехъ, находившихся въ то время въ Японіи (7., 8. и 9.). Духъ японцевъ въ августѣ и маѣ былъ одинаково высокъ, между тѣмъ, какъ у насъ начальство укрѣпленнаго раіона и крѣпости, которое послѣ Цзиньчжоускаго боя до такой степени растерялось, что готово было безъ боя уступить японцамъ выгодныя позиціи „на перевалахъ“ и „Зеленыя горы“ (А. Свѣчинъ, стр. 99), къ августу замѣтно воспряло духомъ; также и гарнизонъ успѣлъ оправиться послѣ понесенной въ маѣ неудачи и нѣсколько закалиться въ бояхъ на передовыхъ позиціяхъ.

Изъ всего изложеннаго слѣдуетъ, что едва-ли ген.-ад. Алексѣевъ ошибался, высказывая въ письмѣ К—щему М. арміей отъ 22 мая, что ген. Стессель въ своихъ донесеніяхъ даетъ вѣрную оцѣнку общаго положенія Портъ-Артура (т. II, ч. I, стр. 337). Но если даже допустить, что Стессель грубо ошибался въ оцѣнкѣ матеріальныхъ данныхъ обстановки, то одно несомнѣнно явствовало изъ его депешъ, а именно, что самъ онъ палъ духомъ и утратилъ вѣру въ возможность отстоять ввѣренную ему крѣпость. При этомъ условіи можно ли было оставаться спокойнымъ за участь Портъ-Артура, хотя бы обороняемаго самыми доблестными войсками?

Не даромъ личности коменданта крѣпости приписывается такое исключительно важное значеніе. „Лучше, говорили древніе, стадо барановъ, предводимое львомъ, чѣмъ стадо львовъ, предводимое барановъ“. Вспомнимъ только, что 17 дней спустя послѣ гибели генерала Кондратенко, единогласно признаннаго душою защиты Портъ-Артура, крѣпость, несмотря на предшествовавшую доблестную оборону, была сдана японцамъ, когда еще не были истощены всѣ средства обороны. Можно ли предсказать, что бы было, если бы этотъ богатырь палъ четырьмя мѣсяцами раньше, что являлось однако простою случайностью? Такое значеніе личности въ успѣхѣ обороны крѣпости признаетъ и г.-ад. Куропаткинъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Намѣстнику, относящемся къ концу мая. Онъ пишетъ: „нѣтъ такой твердыни, которая могла бы устоять противъ энергичнаго и храбраго противника, если вѣра въ возможность отстоять эту твердыню исчезла изъ сердца начальника и если недовѣріе къ своимъ силамъ и преувеличенное мнѣніе о силѣ про-

тивника сообщилось отъ начальника войскамъ. Такъ было съ Карсомъ, съ Измаиломъ". Но если г.-ад. Куропаткинъ въ этомъ мнѣніи не расходился съ Намѣстникомъ, и оно дѣйствительно соотвѣтствовало фактическому положенію дѣлъ во второй половинѣ мая 1904 г., то естественно возникаетъ другой вопросъ, кто же былъ виновникомъ того, что во главѣ нашихъ войскъ Квантунскаго раіона, войскъ, покрывшихъ себя впослѣдствіи громкой славой защитниковъ Портъ-Артура, стояло лицо, которое могло погубить все дѣло обороны крѣпости уже въ концѣ четвертаго мѣсяца войны и, если не погубило, то только благодаря оплошности противника? Оставляя этотъ вопросъ открытымъ, ограничусь ссылкой на матеріалъ, имѣющійся въ изданіи В.-Ист. комиссіи [1]).

Доводомъ въ пользу того, что Портъ-Артуръ въ половинѣ мая вовсе не былъ въ отчаянномъ положеніи, едва-ли можетъ служить то обстоятельство, что прибывшій 17 мая изъ Портъ-Артура съ порученіемъ отъ коменданта крѣпости капитанъ ген. штаба Гурко доложилъ, что гарнизонъ достигалъ 45.000 чел., запасовъ имѣлось на продолжительное время и подавляющаго превосходства противника обнаружено не было (т. II, ч. I, стр. 332). Хотя К—щій М. арміей и старался опереться на этотъ доводъ при защитѣ своего мнѣнія о преждевременности перехода въ наступленіе, но въ дѣйствительности свѣдѣнія, привезенныя кап. Гурко, обезцѣнивались его же докладомъ (о чемъ трудъ В.-Ист. комиссіи умалчиваетъ) о намѣреніи ген. Смирнова, въ виду полнаго упадка духа у ген. Стесселя, устранить своего начальника насильственнымъ образомъ въ ту минуту, когда его настроеніе угрожало бы стать опаснымъ для дальнѣйшаго сопротивленія крѣпости [2]). Послѣдующія событія показали, что Смирновъ не привелъ своей угрозы въ исполненіе, когда Стессель 19 декабря, вопреки рѣшенію совѣта обороны, вступилъ съ ген. Ноги въ переговоры о капитуляціи...

Итакъ, изслѣдуя вопросъ о томъ, была ли въ половинѣ мая 1904 г. Портъ-Артуру дѣйствительно необходима безотлагательная помощь, прихожу къ слѣдующему заключенію: Если бы японцы, оцѣнивъ моральное впечатлѣніе, произведенное на противника потерей Цзиньчжоу, развили свой успѣхъ 13 мая неотступнымъ преслѣдованіемъ, то они могли бы подойти къ Портъ-Артуру двумя мѣсяцами раньше, нежели они сдѣлали въ дѣйствительности; а къ концу мая возможно было сосредоточить тамъ и силы, превосхо-

---

[1]) Т. VIII, ч. I, стр. 128—129.

[2]) Дѣло о сдачѣ крѣпости Портъ-Артуръ. Показаніе подполковника Гурко. стр. 193. Ген. Смирновъ не отрицаетъ этого въ своихъ показаніяхъ.

дящія тѣ, которыя были собраны къ августовскому штурму. Если и нѣтъ твердыхъ данныхъ къ утвержденію, что и всѣ остальныя приготовленія для атаки (напр. доставка осадной артиллеріи) могли быть значительно ускорены [1]), то во всякомъ случаѣ, а тѣмъ болѣе при условіи, что имѣвшіяся у насъ свѣдѣнія о противникѣ настойчиво приписывали ему намѣреніе направить главный ударъ на Портъ-Артуръ, адмиралъ Алексѣевъ, такъ же какъ и ген. Стессель, имѣлъ основаніе предполагать полную готовность противника къ производству ускоренной атаки крѣпости уже вскорѣ послѣ овладѣнія имъ Цзиньчжоуской позиціей. То обстоятельство, что въ августѣ, при болѣе благопріятныхъ для насъ условіяхъ, участь Портъ-Артура держалась, какъ говорится, на волоскѣ, доказываетъ, что удача атаки въ іюнѣ отнюдь не представляется невѣроятной, и что слѣдовательно г.-ад. Алексѣевъ вѣрно оцѣнивалъ обстановку, какъ она могла создаться послѣ Цзиньчжоускаго боя.

Но японцы не уяснили себѣ положенія и вмѣсто того, чтобы использовать успѣхъ, одержанный 13 мая, и энергично наступать къ П.-Артуру на плечахъ нашего отступающаго отряда, они, упорствуя въ выполненіи первоначальнаго плана концентрическаго наступленія въ Южную Маньчжурію (для котораго время было уже упущено) [2]), направили армію Оку на сѣверъ, подвергая ее опасности отдѣльнаго пораженія. При этомъ условіи вопросъ о деблокадѣ Артура сводился къ результату фронтальнаго столкновенія между тремя дивизіями Оку и отрядомъ ген. Штакельберга.

Отъ насъ зависѣло шансы предстоящаго столкновенія перевести на свою сторону, обезпечивъ себѣ превосходство силъ въ бою. Насколько задача эта представлялась разрѣшимой, уже говорилось раньше, а теперь постараюсь отвѣтить на второй изъ поставленныхъ вопросовъ: *было ли для движенія на выручку П.-Артура выбрано подходящее время?*

Попутно съ разборомъ перваго вопроса, я старался выяснить, что въ стратегическомъ отношеніи операція по выручкѣ П.-Артура была предпринята слишкомъ поздно. Наиболѣе подходящимъ для нея временемъ являлась первая половина мая, когда Цзиньчжоуская позиція была еще въ нашихъ рукахъ, армія Куроки не была

---

[1]) Вполнѣ возможно, что доставка осадной артиллеріи замедлилась благодаря только такому случайному обстоятельству, какъ потопленіе нѣсколькихъ японскихъ транспортовъ владивостокскими крейсерами (т. II ч. II, стр. 109).

[2]) Это упрямство привело японцевъ въ августѣ къ Ляояну, т. е. къ возможной *катастрофѣ*,—только по недоразумѣнію обратившейся для нихъ въ неполную стратегическую побѣду.

способна къ наступленію, а высадка въ Дагушанѣ, едва только начатая (съ 6 мая), не могла быть для насъ опасной. Быстро сосредоточивъ 1. Сиб. корпусъ и всѣ резервы, эшелонированные вдоль жел. дороги, мы располагали бы для наступленія силою до 60 баталіоновъ [1]); если бы у насъ было стремленіе даже не къ наступленію, а только къ связи съ отрѣзаннымъ японцами укрѣпленнымъ раіономъ, то кавалерія наша находилась бы не въ Гайчжоу, а въ Вафандянѣ или Пуландянѣ, въ соприкосновеніи съ противникомъ, имѣя позади себя исправную линію желѣзной дороги до раіона сосредоточенія; если бы всѣ наши дѣйствія были проникнуты наступательнымъ духомъ, ген. Стесселю было бы указано упорно отстаивать Цзиньчжоускую позицію (Т. VШ Ч. 1 стр. 161), имѣя въ виду совмѣстныя дѣйствія съ подходящей съ сѣвера выручкой. Надо замѣтить, что ген. Оку, со времени своей высадки и до боя у Цзиньчжоу включительно, охранялся съ сѣвера всегда очень сильно, такъ напр. во время боя охрана эта по книгѣ подполковника А. Свѣчина (стр. 87), состояла изъ 9 баталіоновъ, по труду же В.-Ист. комиссіи (Т. II Ч. 1 стр. 271—272) даже изъ всей 5. дивизіи съ придачей еще 4-хъ б-новъ. Это показываетъ, насколько Оку опасался за свой тылъ и за базу, гдѣ въ то время продолжалась высадка войскъ и обозовъ. Даже только демонстрація въ это время со стороны М. арміи или сборъ большихъ силъ въ раіонѣ Хайченъ—Гайчжоу заставила бы Командующаго II японской арміей еще болѣе ослабить войска, назначенныя для атаки позиціи, а рѣшительное наступленіе съ сѣвера въ связи съ серьезнымъ отпоромъ всѣми силами (а не однимъ только полкомъ) у Цзиньчжоу, было бы для японской арміи, не обладавшей въ то время обезпеченной базой, такими тисками, изъ которыхъ ей трудно было бы выбраться. При этихъ условіяхъ восточной группѣ японцевъ дѣйствительно только и оставалось, *хотя съ рискомъ голодной смерти въ горахъ*, броситься, какъ то было предписано главной квартирой въ Токіо (Т. II Ч. 1 стр. 348), на наши сообщенія. Но для отпариванія такихъ отчаянныхъ попытокъ мы располагали заслонами на путяхъ, ведущихъ съ востока къ Хайчену и Ляояну, а дальнѣйшей опорой могли служить войска, непрерывно подвозимыя въ раіонъ сосредоточенія.

Если нельзя считать блестящимъ стратегическое положеніе арміи, которой приходится прибѣгать къ такимъ героическимъ средствамъ, какъ обреченіе своихъ солдатъ на голодную смерть, то во всякомъ случаѣ готовность прибѣгнуть къ нимъ для выручки своихъ уже является

[1]) См. схему № 1.

серьезнымъ шансомъ на побѣду. Не таково было, къ сожалѣнію, настроеніе на нашей сторонѣ. По словамъ полковника графа Бобринскаго, приписываемымъ ему маіоромъ бар. Теттау [1]), генералъ Куропаткинъ, даже рискуя паденіемъ П.-Артура, *не намѣренъ былъ идти выручать его, пока не сосредоточитъ всѣхъ войскъ.* При такихъ условіяхъ наступленіе въ первой половинѣ мая конечно не могло состояться; время ушло на безплодную переписку между Намѣстникомъ и К-щимъ арміей, переписку, которая грозила затянуться до безконечности, если бы не послѣдовавшее Высочайшее указаніе, которымъ подтверждалась основательность опасеній Главнокомандующаго за участь П.-Артура и отвѣтственность за дальнѣйшее промедленіе въ оказаніи ему помощи возлагалась на ген.-ад. Куропаткина (т. II ч. 1, стр. 340). Указаніе это было сообщено ген.-ад. Алексѣеву телеграммой отъ 23 мая. Хотя обстоятельства были для насъ уже не такъ благопріятны, какъ до паденія Цзиньчжоу, тѣмъ не менѣе время для наступленія къ П.-Артуру еще не было окончательно упущено, мы все еще располагали возможностью выставить противъ Оку превосходныя силы, но теперь уже не демонстрація могла помочь П.-Артуру, а только рѣшительный ударъ превосходными силами. Время полумѣръ прошло. Если К-щій М. арміей, изъ чрезмѣрной осторожности, не считалъ возможнымъ собрать подъ начальствомъ ген. бар. Штакельберга такія силы, которыя обѣщали вѣрный успѣхъ, то слѣдовало совершенно отказаться отъ попытки выручки П.-Артура. До періода дождей, наступающаго обыкновенно въ началѣ іюля, оставалось еще около мѣсяца, времени было достаточно, но въ обрѣзъ—дальнѣйшее промедленіе становилось опаснымъ.

Въ общемъ на второй поставленный вопросъ отвѣтъ можетъ быть данъ такой.

Операція для выручки П.-Артура, хотя и обѣщала больше результатовъ, если бы была предпринята въ первой половинѣ мая, но и въ концѣ того же мѣсяца время для нея еще не было упущено. Даже въ томъ неудачномъ видѣ, въ который она въ концѣ концовъ вылилась, съ понесеніемъ нами частнаго пораженія подъ Вафангоу, она все-таки облегчила положеніе П.-Артура и отсрочила его паденіе. Возможно, что самое выдвиженіе арміи Оку къ сѣверу (хотя и предусмотрѣнное планомъ кампаніи) было бы замѣнено, болѣе отвѣчавшею обстановкѣ, атакою П.-Артура всѣми

---

[1]) Восемнадцать мѣсяцевъ въ Маньчжуріи съ русскими войсками. Переводъ полковника Грулева, 1907 г. стр. 130. Фактъ отнесенъ къ 20—21 мая стар. стиля.

силами, высадившимися на Квантунѣ, если бы не серьезная угроза со стороны нашего Южнаго авангарда, существованіе которой признаютъ японскіе источники (т. VIII ч. 1, стр. 339). Во всякомъ случаѣ 6. дивизія, притянутая въ II армію въ виду грозившей послѣдней опасности (тамъ же стр. 341), предназначалась для III арміи, которая, лишившись этой дивизіи, оказалась въ крайне тяжеломъ, *даже критическомъ* положеніи (тамъ же стр. 340) и должна была отсрочить до августа подготовлявшуюся на П.-Артуръ ускоренную атаку.

Для отвѣта на третій вопросъ—*имѣлись ли* къ распоряженіи Командующаго Маньч. арміей *необходимыя средства, чтобы достигнуть поставленной цѣли*—выручки П.-Артура,—разберемъ сначала, на какія ближайшія задачи эта цѣль распадалась.

Первая задача была—разбить заслонъ, выдвинутый японцами для обезпеченія блокады П.-Артура, т. е. армію Оку. Къ концу мая II японская ярмія состояла изъ трехъ дивизій, 3. 4. и 5.; такой цифрой она оцѣнивалась и нами, только №№ двухъ дивизій въ нашихъ свѣдѣніяхъ были не тѣ: вмѣсто 3. и 4.—8. и 11 (т II, ч. 1, стр. 101). Сверхъ того въ составъ арміи была впослѣдствіи зачислена 6. дивизія, но она въ концѣ мая только кончала высадку въ Таліенванѣ и къ глав. силамъ арміи присоединилась уже послѣ боя у Вафангоу.

Итакъ, прежде всего предстояло разбить три дивизіи II японской арміи, т. е. 36 баталіоновъ пѣхоты; Намѣстникомъ было указано нашъ наступающій отрядъ сдѣлать силою не менѣе 48 баталіоновъ. Хотя бой у Вафангоу показываетъ, что если бы у насъ 1 іюня было сосредоточено даже не 48, а только 36 баталіоновъ, то и въ этомъ случаѣ успѣхъ могъ легко склониться въ нашу сторону: правое крыло не было бы принуждено къ преждевременному отступленію, что дало бы возможность лѣвому крылу использовать одержанный имъ надъ 3. японской дивизіей успѣхъ, которымъ, какъ мы видѣли, послѣдняя была поставлена въ крайне тяжелое положеніе [1]); между тѣмъ сбитіе 3. дивизіи угрожало японцамъ потерею пути отступленія на Пуландянь и Цзиньчжоу. Введеніе же съ нашей стороны въ дѣло 48 баталіоновъ обѣщало еще болѣе рѣшительный успѣхъ. Естественно возникаетъ вопросъ: но сталъ ли бы ген. Оку наступать противъ нашего отряда, если бы въ составѣ послѣдняго дѣйствительно было 48 баталіоновъ? Японцы обы-

---

[1]) См. приложеніе.

кновенно бывали освѣдомлены лучше насъ, и опасеніе встрѣтить превосходныя силы побудило бы, можетъ быть, к—щаго японской арміей повременить наступленіемъ до присоединенія къ нему 6. дивизіи? По этому поводу надо замѣтить, что пресловутая освѣдомленность японцевъ была, какъ и вообще многія положительныя качества, которыя мы приписывали своему противнику, сильно преувеличена. Въ меньшей, можетъ быть, степени, чѣмъ мы, но и японцы нерѣдко ошибались въ исчисленіи силъ противника [1]). При наступленіи къ Вафангоу, ген. Оку, повидимому, не имѣлъ вполнѣ точныхъ свѣдѣній о составѣ отряда ген. Штакельберга, по крайней мѣрѣ еще 27 мая въ штабѣ II арміи русскій отрядъ считали превосходящимъ японскую армію дивизіи на двѣ, не считая конницы (соч. анг. ген. штаба вып. II, стр. 55). Въ противоположность этому подпол. Свѣчинъ считаетъ, что ген. Оку оцѣнивалъ находившіяся у Вафангоу силы русскихъ въ двѣ дивизіи (стр. 120), что однако не исключало возможности, чтобы туда были быстро притянуты значительныя подкрѣпленія изъ Гайчжоу, Инкоу и Хайчена. Во всякомъ случаѣ, зналъ или не зналъ точно Оку, съ какими силами противника ему придется имѣть дѣло, это едва-ли остановило бы его наступательный порывъ. Характеризуя к—щаго II японск. арміей, А. Г. Елчаниновъ говоритъ: „ген. Оку, не взирая на полную неудачу подъ Цзиньчжоу [2]), все же дѣлаетъ „*послѣднее отчаянное усиліе*“ и онъ же подъ Вафангоу *ставитъ на карту все* [3]), лишь бы побѣдить“. (Тактика въ дѣйствіяхъ подъ крѣпостями, 1910 г., стр. 239). Проникнутые еще до войны германской доктриной („всегда впередъ, чего бы это ни стоило“), японскіе генералы, послѣ одержанныхъ ими успѣховъ у Тюренчена и Цзиньчжоу, успѣли оцѣнить характеръ своего противника (т. II, ч. 2, стр. 108) и стали еще смѣлѣе. Впослѣдствіи ихъ смѣлость возрасла до дерзости и несмотря на это оставалась безнаказанной, подтверждая афоризмъ: удивить противника значитъ его побѣдить. По той же причинѣ и смѣлое выдвиженіе Оку съ тремя дивизіями, грозившее ему катастрофой, обратилось въ успѣхъ. Въ противоположность этому, анг. ген. штабъ въ своемъ сочиненіи о войнѣ (вып. II переводъ, стр. 175) говоритъ про насъ, что *отличительная черта всѣхъ русскихъ плановъ заключалась въ недостаткѣ рѣшимости*.

Такъ было и передъ Вафангоускимъ боемъ: желая все прикрыть (qui trop embrasse mal étreint!), у нашего начальства не хватило

---

[1]) Напримѣръ во время Ляоянской операціи, см. т. II, ч. 2. стр. 278.

[2]) Первоначальную. В. Ф.

[3]) Курсивъ мой. В. Ф.

рѣшимости изъ имѣвшихся сильныхъ резервовъ направить къ ген. Штакельбергу столько, чтобы обезпечить ему перевѣсъ надъ Оку. Этого вопроса я уже касался, возвращаюсь къ нему еще разъ, чтобы свои выводы подтвердить болѣе точными расчетами.

Къ 1 мая въ Маньчжурской арміи числилось, не считая Портъ-Артурскаго гарнизона, 85¾ баталіона пѣхоты, изъ коихъ 80 въ непосредственномъ распоряженіи К—щаго арміей. Орудій было 218 [1]) (т. II, ч. 1, стр. 199). Въ это время у японцевъ было на материкѣ три дивизіи I арміи, а II армія, того же состава, только высаживалась на Квантунѣ (тамъ же стр. 231—232). I армія еще совершенно не была готова къ наступленію по неустройству обозной и продовольственной части и только *къ 7—9 іюня* она получила возможность продолжать наступленіе отъ Фынхуанчена (т. II, ч. 2, стр. 107—108). Разстояніе отъ послѣдняго до Ляояна по этапной дорогѣ около 160 верстъ, о качествѣ дороги можно судить по тѣмъ затрудненіямъ, которыя испытывалъ Восточный отрядъ при отступленіи отъ Ялу къ переваламъ (т. II, ч. 1, стр. 245); для боковыхъ отрядовъ можно было располагать только болѣе кружными и еще худшаго качества путями. При движеніи къ Ляояну японцы могли встрѣтить сопротивленіе со стороны нашихъ войскъ на многочисленныхъ горныхъ позиціяхъ, которыя, если бы даже рѣшено было оборонять ихъ только демонстративно, и то должны были значительно задержать противника, заставляя его терять время на развертываніе и движеніе по кружнымъ дорогамъ и тропамъ. Сила позиціи на перевалахъ Фынсяолинъ (Фыньшуйлинъ) и Модулинъ еще до войны была выяснена и оцѣнена развѣдками нашихъ войскъ и офицеровъ генеральнаго штаба, и нашъ планъ стратегическаго развертыванія предусматривалъ оказаніе на этой позиціи упорнаго сопротивленія противнику; по занятіи ея Восточнымъ отрядомъ она была укрѣплена. Впослѣдствіи японцы, а вмѣстѣ съ ними и ген. Гамильтонъ, удивлялись, что русскіе безъ выстрѣла отдали такую великолѣпно-укрѣпленную позицію, которую, кстати сказать, они нѣсколько дней спустя неудачно атаковали сравнительно небольшими силами (Гамильтонъ, т. I, стр. 206). Въ сочиненіи анг. ген. штаба приводится, что дороги, по которымъ приходилось въ іюнѣ наступать I арміи, „были чуть-чуть получше тропъ, такъ что во многихъ мѣстахъ пѣхота могла идти только гуськомъ; въ этой мѣстности предпріимчивый непріятель могъ бы надолго задержать наступленіе, если совсѣмъ не остановить, но русскіе не использовали выгоды, представляемыя мѣстностью, и отступили, не оказавъ

[1]) См. схему № 1.

сопротивленія" (т. II, ч. 2, стр. 235—236). Изложенное съ достаточной ясностью свидѣтельствуетъ, что если бы во время движенія на выручку П.-Артуру армія Куроки перешла въ наступленіе къ Ляояну, то, при твердой рѣшимости оказать ей серьезный отпоръ Восточный отрядъ могъ-бы на названныхъ перевалахъ и другихъ позиціяхъ надолго задержать ее [1]). Правда, для этого надо было отрѣшиться отъ нѣкоторыхъ уже отчасти укоренившихся въ Маньчжурской арміи взглядовъ и привычекъ, какъ-то: боязни встрѣчи съ „превосходными силами", опасеній израсходовать свои резервы, прежде чѣмъ „опредѣлилось направленіе главнаго удара противника" (А. Свѣчинъ, стр. 159) и страха передъ потерей орудій, что заставляло убирать артиллерію изъ боя раньше, чѣмъ она успѣвала оказать требуемое отъ нея содѣйствіе пѣхотѣ (тамъ же стр. 158). Графъ Келлеръ не принадлежалъ однако къ числу тѣхъ генераловъ, которые уже успѣли подпасть подъ вліяніе этихъ „навязчивыхъ идей", а положеніе его облегчалось тѣмъ, что Куроки въ теченіе мая ослабилъ себя выдѣленіемъ по бригадѣ пѣхоты въ направленіяхъ къ Сюяню и къ Саймацзы; для активныхъ дѣйствій у него въ окрестностяхъ Фынхуанчена оставалась только 2. дивизія и по бригадѣ гвардэйской и 12. дивизій; хотя по нашимъ развѣдкамъ въ его арміи числились сверхъ того резервныя войска, но въ настоящее время изъ труда В.-Ист. комиссіи и другихъ источниковъ извѣстно, что въ періодъ Вафангоуской операціи, если и были на театрѣ войны резервныя войска, то въ ничтожномъ количествѣ и не для боевыхъ назначеній [2]). Между тѣмъ эти войска были однимъ изъ жупеловъ, который постоянно возбуждалъ тревогу въ штабѣ Маньч. арміи и служилъ опорной точкой для оправданія въ нужныхъ случаяхъ колебаній и нерѣшительности.

Итакъ, если бы изъ Маньч. арміи для наступленія на югъ въ началѣ мая были назначены 1. Сибирскій Корпусъ—24 бат., 5. В.-С. стр. д—ія—12. бат. и 2. бригада 35. пѣх. дивизіи—8 бат., всего 44 батал.; въ заслоны противъ Куроки 3. и 6. В.-С. стр. дивизіи—24 бат. (изъ нихъ собственно въ Восточн. отрядѣ 18 бат.), на побережье Инкоу—Сюнеченъ—2. бригада 31. пѣх.

---

[1]) Напр. во время Шахэйскаго наступленія въ сентябрѣ 1904 г. нашъ сильный Восточный отрядъ былъ задержанъ сравнительно ничтожными силами противника.

[2]) По Гамильтону два баталіона Коби (резервныхъ) были въ маѣ направлены на Саймацзинскую дорогу для защиты сообщеній I арміи отъ ген. Ренненкампфа (ч. I, стр. 165); послѣ этого о резервныхъ войскахъ при арміи Куроки упоминается только при описаніи дѣйствій въ іюлѣ мѣсяцѣ (стр. 257) и позднѣе.

дивизіи—8 б—новъ, то еще оставалась бы, за вычетомъ гарнизоновъ Мукдена и Ляояна, часть 1. Сиб. дивизіи (около 8 бат.) для назначенія въ составъ болѣе мелкихъ отрядовъ и заслоновъ. Хотя при такомъ распредѣленіи активная сила и была бы почти полностью израсходована, но непосредственной опасности арміи не грозило бы, т. к. наиболѣе чувствительное мѣсто (сѣверо-восточное побережье Ляодунскаго залива, на которомъ къ тому же высадка была маловѣроятна), было бы подъ надежной охраной, а въ случаѣ высадки противника на побережьи Корейскаго залива (какъ то дѣйствительно и случилось въ Дагушанѣ), заслонъ на Далинскомъ перевалѣ могъ бы быть усиленъ подвозимыми войсками 4. Сибирскаго корпуса; другая часть этого корпуса могла бы быть направлена въ составъ наступающаго къ П.-Артуру отряда, доведя силу его до 60 баталіоновъ. Но еще вѣроятнѣе предположить, что рѣшительное наступленіе къ югу, грозя серьезной опасностью высадившимся частямъ арміи Оку, заставило бы японцевъ отказаться отъ высадки въ Дагушанѣ, съ направленіемъ предназначенной для этого 10. дивизіи на усиленіе высадившейся на Квантунѣ арміи, что дало бы намъ возможность весь 4. Сиб. корпусъ направить въ составъ Южнаго отряда. Такимъ образомъ это наступленіе Южнаго отряда обратилось бы въ сущности въ наступленіе *главныхъ силъ* Маньчжурской арміи. Куроки, какъ мы видѣли, не былъ способенъ къ наступленію раньше начала іюня, хотя въ началѣ мая уже можно было догадаться о неготовности I японск. ярміи, но допустимъ, что изъ осторожности все-таки необходимо было обезпечить себя съ этой стороны: это достигалось категорическимъ распоряженіемъ Восточному отряду оказывать Куроки сопротивленіе на всѣхъ встрѣчающихся на пути его наступленія позиціяхъ; усиленіемъ Вост. отряда конницей, если бы таковая оказалась свободной, энергичными дѣйствіями коннаго отряда ген. Ренненкампфа на сообщенія I японск. арміи (мы видѣли, какъ японцы опасались этого); наконецъ,—если бы наступленіе японцевъ приняло угрожающій сообщеніямъ Маньчжурской арміи характеръ—4. Сибир. корпусъ вмѣсто Южнаго отряда могъ бы быть направленъ въ Восточный; слѣдующимъ резервомъ служилъ бы X арм. корпусъ, войска котораго стали подходить въ раіонъ сосредоточенія въ началѣ іюня. Но, какъ мы видѣли, I японск. ярмія въ началѣ мая могла продвинуться только на ничтожное разстояніе, а когда она получила способность наступать, въ это время война уже могла бы быть рѣшена дѣйствіями на Квантунѣ. Изъ сдѣланнаго очерка видно, что наступленіе, предпринятое въ началѣ мая, давало намъ громадной важности преимущество—*за-*

хватъ почина дѣйствій, благодаря совершенно неожиданной, но довольно опредѣленно выяснившейся въ началѣ мая новой данной: неготовности японскихъ армій къ открытію противъ насъ наступательныхъ дѣйствій.

Энергичное преслѣдованіе поставленной цѣли спутало бы противнику всѣ его карты, которыя онъ приготовился разыграть въ Южной Маньчжуріи, слишкомъ самоувѣренно расчитывая на нашу неготовность и слабую провозоспособность желѣзной дороги (т. I, стр. 255).

Далеко не такъ благопріятны были для насъ виды во второй половинѣ мая. Вслѣдствіе недостаточно упорной обороны и отсутствія поддержки съ сѣвера, Цзиньчжоуская позиція 13 мая оказалась въ рукахъ японцевъ. Съ другой стороны, предпринятая противникомъ съ 6 мая высадка въ Дагушанѣ уже начала принимать характеръ угрозы для линіи сообщенія отряда, предназначеннаго для выручки П.-Артура. Иниціатива ускользала изъ нашихъ рукъ, но, усиливъ энергію дѣйствій до крайней степени, можно было еще вырвать ее изъ рукъ противника. Хотя свѣдѣнія о размѣрѣ высадки были довольно неопредѣленны, но твердыхъ данныхъ къ тому, чтобы считать количество высадившихся тамъ войскъ болѣе 1—2 бригадъ, не было. Генералъ Мищенко, расположенный со своимъ коннымъ отрядомъ въ раіонѣ ближайшемъ къ Дагушану, больше склонялся къ тому, что размѣръ десанта не превосходитъ одной дивизіи (т. II, ч. 1, стр. 272). Развѣдыват. отд—іе хотя и допускало возможность высадки въ Дагушанѣ арміи изъ нѣсколькихъ дивизій, но къ 19 мая имѣло опредѣленное свѣдѣніе о нахожденіи тамъ только 10. дивизіи (сводка стр. 46), по другимъ свѣдѣніямъ большая часть высадившихся войскъ направлялась береговой дорогой на Бицзыво; въ направленіи на Сюянь оперировали сравнительно небольшія силы: 1—2 бригады (т. II, ч. 1, стр. 377, Сводки свѣдѣній къ 18 и 19 мая). 14 мая К—щій М. арміей опредѣлялъ силу высадившихся въ Дагушанѣ войскъ въ одну дивизію (т. II, ч. 1, стр. 305). Во всеподданнѣйшей депешѣ отъ 16 мая ген.-ад. Алексѣевъ высказываетъ категорически, что предположенія о высадкѣ у Дагушана новой арміи не оправдались: „высажена дивизія или нѣсколько болѣе, вѣроятно, лишь подкрѣпленіе I арміи“ (стр. 294). Во всякомъ случаѣ совершившаяся тамъ высадка еще болѣе уменьшала вѣроятность десанта на сѣверномъ побережьи Ляодунскаго залива, такъ какъ трудно было предположить, чтобы

противникъ допустилъ такую разброску войскъ и рѣшился на трудную десантную операцію небольшими сравнительно силами въ раіонѣ, занятомъ нашими войсками. Это признавалось и К—щимъ М. арміей, какъ видно изъ его предписанія К—ру 4. Сиб. корпуса отъ 25 мая (т. II, ч. 1, стр. 364). Наши силы въ Ю. Маньчжуріи къ 15 мая возросли до 102 баталіоновъ, 84 эск. и сотенъ и 250 орудій (не считая пограничн. стражи), изъ коихъ К—щій арміей не могъ располагать только 4-мя б—нами въ Мукденѣ; у японцевъ въ это время въ составъ арміи вошли: I-й—гв., 2. и 12. дивизіи, II-й—3. 4. и 5. дивизіи, III-й—1. 6. и 11. дивизіи, но изъ нихъ двѣ послѣднія только къ концу мая кончили высадку; также и 10. дивизія—ядро будущей IV арміи только къ 17 мая успѣла высадить въ Дагушанѣ 9 б—новъ, 1 эск., 24 гор. орудія и 1 сапер. б—нъ; высадка всей дивизіи закончилась только 27 мая (т. II, ч. 1, стр. 373). Для усиленія передовыхъ частей 10. дивизіи была направлена изъ I арміи одна бригада гвард. дивизіи, которая подошла къ 24 мая и вмѣстѣ съ частями 10. дивизіи участвовала въ занятіи 26 мая г. Сюяня. I японская армія все еще не была способна къ наступленію (т. II, ч. 1, стр. 394) [1]); передвиженіе частей ея, принятое нами было за начало обхода нашего лѣваго фланга въ направленіи на Саймацзы, не подтвердилось; къ 18 мая г. Саймацзы былъ нами снова занятъ и никакихъ сколько-нибудь значительныхъ силъ на дорогѣ оттуда въ Фынхуанченъ не оказалось (т. II, ч. 1, стр. 393).

Во всякомъ случаѣ къ половинѣ мая еще ни одна изъ японскихъ армій не была готова къ наступательнымъ дѣйствіямъ и числомъ баталіоновъ Маньчжурская армія превосходила имѣвшіяся противъ нея силы японцевъ (если не считать III-й японск. арміи, связанной П.-Артуромъ). Но, къ сожалѣнію, прибывшая за первую половину мая въ раіонъ сосредоточенія 2. Сибирская дивизія, подъ вліяніемъ различныхъ опасеній, являвшихся у К—щаго арміей, разошлась на усиленіе заслоновъ, выставленныхъ къ сторонѣ Фынхуанчена и Дагушана, между тѣмъ, какъ она могла быть вся направлена въ составъ отряда, назначеннаго для выручки П.-Артура. При тщательномъ разсмотрѣніи дѣйствительной группировки Маньчжурской арміи къ 16 мая (т. II, ч. 1, стр. 350—353) [2]) оказывается, что для наступленія къ югу можно было рас-

---

[1]) Тоже у Гамильтона Т. I стр. 166—167, Соч. Анг. ген. штаба вып. II стр. 168.

[2]) См. схему № 2.

полагать слѣдующими частями: изъ состава Южнаго авангарда—1. Сибирскимъ корпусомъ (24 батал); изъ состава общаго резерва—5. В.-С. стр. дивизіей (11½ бат.) и вторыми бригадами 31. и 35. п. дивизій (13 бат.), итого около 48 баталіоновъ; побережье Инкоу - Гайчжоу могла занять 1. бригада 2. Сиб. дивизіи, прибывшая 18 мая въ Хайченъ; заслономъ противъ Дагушанской группы служилъ 21. В.-С. полкъ (3 бат.), находившійся на Далинскомъ и Пханлинскомъ перевалахъ, поддержкой ему на случай перехода японцевъ въ наступленіе могла служить 2. бригада 2. Сиб. п. дивизіи, которую для этой цѣли слѣдовало отозвать изъ Вост. отряда, въ которомъ все еще оставалось бы 20½ б—новъ, не считая трехъ б—новъ отряда Ренненкампфа. 3. Сиб. дивизія, которая ожидалась въ періодъ между 20 и 28 мая, должна была разсматриваться, какъ общій резервъ арміи.

Чтобы сосредоточить для наступленія на югъ указанную массу 48 б—новъ, надо было проникнуться суворовскимъ завѣтомъ: „идешь въ бой, умножай войска, опорожняй посты, снимай комуникаціи“... надо было отрѣшиться отъ стремленія признавать противника вездѣсущимъ, всевѣдущимъ и всемогущимъ, а себя ни къ чему неспособнымъ и безпомощнымъ... Операція главными силами М. арміи противъ Куроки была признана невыполнимой, въ виду гористости, бездорожья, отсутствія мѣстныхъ средствъ въ раіонѣ между Ялу и жел. дорогой;—если эти обстоятельства представляли препятствіе для насъ, почему же считалось, что для японцевъ все это ни по чемъ и они, оперируя арміями по нѣсколько дивизій, могутъ переноситься по дикой, горной мѣстности, какъ птицы, не нуждающіяся, ни въ обозахъ, ни въ устроенныхъ комуникаціонныхъ линіяхъ? На такую тенденцію начальства Манчжур. арміи обратилъ вниманіе и тогдашній Военный Министръ ген.-ад. Сахаровъ, который на доставленной ему копіи письма ген.-ад. Куропаткина къ ген.-ад. Алексѣеву отъ 14 мая сдѣлалъ, между прочимъ, слѣдующія помѣтки: „Странно, что намъ мѣшаютъ и горы, и дожди, а японцамъ—ничто не мѣшаетъ“; противъ мѣста письма, къ которомъ К—щій арміей ссылается на отсутствіе у насъ транспортовъ, необходимыхъ для подвоза продовольствія въ случаѣ наступленія на востокъ: „А у японцевъ есть?“ (Т. II, ч. 1. Приложеніе № 29, стр. 94). Такія же мысли высказывалъ и начальникъ Вост. отряда ген. гр. Келлеръ, который въ письмѣ К—щему арміей отъ 22 мая, осуждая предписанный его отряду пассивный образъ дѣйствій, писалъ между прочимъ слѣдующее:..... „Отказавшись отъ всякой иниціативы на всей нашей восточной линіи, мы тѣмъ самымъ вполнѣ

подчиняемся иниціативѣ японцевъ"—„Мы ихъ всюду боимся,— они намъ мерещатся вездѣсущими..." (Т. II, ч. 1, стр. 394).

Такъ же смотрѣлъ на дѣло адмиралъ Алексѣевъ, который въ своей перепискѣ съ К—щимъ арміей постоянно предостерегалъ отъ преувеличенія силъ и предпріимчивости противника.

Такимъ образомъ, еще въ половинѣ мая было возможно приступить къ быстрому сосредоточенію для наступленія къ Портъ-Артуру не менѣе 48 баталіоновъ и обстановка на театрѣ войны, правильно понятая въ то время Намѣстникомъ, безусловно допускала, безъ особеннаго риска, направить такую массу противъ арміи Оку.

При изложеніи хода вафангоуской операціи было объяснено, что то же самое было возможно и въ концѣ мая, при чемъ ничто не мѣшало сосредоточить подъ начальствомъ ген. Штакельберга 48 баталіоновъ еще къ 31 мая, ко дню перехода въ наступленіе арміи Оку. Хотя къ концу мая Дагушанская группа противника (10. дивизія) успѣла высадиться полностью и усилилась гвардейской бригадой, что дало ей возможность овладѣть Сюянемъ, но къ дальнѣйшему наступленію она, по неустройству сообщеній, еще не была готова (т. II, ч. 1, стр. 381) [1]). Дѣйствія японцевъ въ концѣ мая въ направленіи отъ Фынхуанчена къ Ляояну, а также на Саймацзы носили явно демонстративный характеръ (т. II, ч. 1, стр. 399—402), указывая на неготовность I арміи къ наступленію. Между тѣмъ къ намъ въ теченіе второй половины мая подошла 3. Сибирская дивизія, что доводило силы наши въ южной Маньчжуріи до 118 бат., противъ 120 баталіоновъ японцевъ, изъ коихъ 24 были связаны П.-Артуромъ.

Вопросъ о необходимыхъ „средствахъ" для исполненія операціи къ югу подразумѣваетъ также и административную подготовку. По нѣкоторымъ намекамъ въ текстѣ труда В.-Ист. комиссіи (напр. т. II, ч. 1, стр. 360—361), можно думать, что наступленіе могло встрѣтить препятствія въ отношеніи обезпеченія отряда продовольствіемъ. Но болѣе подробное ознакомленіе съ этимъ вопросомъ по главѣ XIII, т. II, ч. 2 (Организація ближняго тыла) выясняетъ, что ни обезпеченіе отряда продовольствіемъ, ни устройство его

---

[1]) Для угрозы, согласно полученнаго 31 мая изъ главной квартиры предписанія, линіи сообщенія русскихъ въ направленіи въ Гайчжоу, ген. Кавамура (нач. 10. див.) предполагалъ только „занять" перевалы между Сюянемъ и Гайчжоу, назначивъ для этой цѣли два отряда, силою, въ общей сложности, *въ 6 б—новъ* (Соч. Анг. ген. шт. II стр. 129).

комуникаціонной линіи — желѣзной дороги, по существу не представляли никакихъ затрудненій (стр. 517 — 520) и если и встрѣчались нѣкоторыя шероховатости, то происходили онѣ отъ той же основной причины, отъ которой зависѣлъ медленный и несвоевременный притокъ въ отрядъ подкрѣпленій: отъ отсутствія твердой постановки цѣли и отъ постоянныхъ колебаній въ исполненіи принятаго плана. Интересно, между прочимъ, отмѣтить, что въ первой половинѣ мая, когда уже былъ выдвинутъ на очередь вопросъ о переходѣ къ активнымъ дѣйствіямъ и происходило непрерывное сосредоточеніе войскъ въ раіонѣ Ляоянъ-Гайчжоу, продовольственные запасы вывозились изъ Ляояна *на сѣверъ* для образованія промежуточныхъ магазиновъ.

Слѣдующая частная задача, которую, послѣ разбитія японскаго заслона, предстояло выполнить М. арміи, было овладѣніе Цзинь-чжоуской позиціей. Если для рѣшенія первой задачи было достаточно только сосредоточить силы, превосходящія армію Оку, то при выполненіи второй необходимо было прибѣгнуть къ широкому содѣйствію техническихъ средствъ. Этотъ вопросъ былъ поставленъ на очередь, но въ концѣ мая получилъ только частичное разрѣшеніе въ видѣ начала образованія въ Харбинѣ осаднаго парка (т. II, ч. 1, стр. 349). Во всякомъ случаѣ сосредоточеніе къ Цзинь-чжоускому перешейку необходимыхъ артиллерійскихъ и инженерныхъ средствъ потребовало бы не мало времени, что сильно усложняло вопросъ о выручкѣ П.-Артура послѣ потери нами Цзинь-чжоуской позиціи; въ какую форму могло бы вылиться обратное овладѣніе нами этой позиціей, сказать трудно, т. к. это зависѣло бы и отъ размѣра пораженія, понесеннаго арміей Оку, отъ степени энергіи, съ которой была бы использована побѣда, отъ готовности къ началу іюня японскихъ работъ на горѣ Самсонъ и на перешейкѣ (о чемъ свѣдѣній не имѣется), и отъ содѣйствія, котораго могла ожидать М. армія со стороны нашей П.-Артурской эскадры. Куроки и Кавамура въ это время навѣрное напрягли бы всѣ усилія, чтобы, дѣйствуя на наши заслоны, заставить насъ оттянуть войска Штакельберга къ сѣверу. Но волшебное слово „побѣда“, все-таки, впервые послѣ четырехъ мѣсяцевъ войны, гордо прозвучало бы въ рядахъ нашей арміи. Можно ли предсказать, каково было бы его вліяніе на моральное состояніе войскъ и ихъ начальниковъ? Можно ли предвидѣть, каковъ при этомъ условіи былъ бы результатъ неготовыхъ еще къ наступленію японскихъ войскъ восточной группы? Не воспрянулъ ли бы духомъ и П.-Артурскій гарнизонъ и не почувствовалъ ли бы себя въ силахъ сбить слабый японскій заслонъ, угрожая его еще неустроенной базѣ въ Дальнемъ? Не былъ ли бы

значительно сильнѣе произведенный на противника эффектъ выхода русской эскадры изъ П.-Артура,—выхода, который такъ ошеломилъ японцевъ даже послѣ одержанной 2 іюня побѣды (т. II, ч. 2, стр. 109)?—Все это должно конечно навсегда остаться въ области догадокъ. Ограничиваясь лишь самымъ скромнымъ изъ возможныхъ предположеній, можно съ увѣренностью сказать, что энергичныя дѣйствія съ нашей стороны противъ Цзиньчжоу отвлекли бы отъ П.-Артура часть силъ и осадныхъ средствъ III японской арміи; это обстоятельство, въ связи съ возможностью установленія болѣе тѣсной связи, а также моральнымъ значеніемъ близости выручки, способствовало бы совмѣстнымъ дѣйствіямъ гарнизона съ деблокаднымъ корпусомъ, что по меньшей мѣрѣ дало бы значительный выигрышъ времени. Какое это могло имѣть вліяніе на участь П.-Артура—ясно само собою.

Довольно вѣрную оцѣнку общаго положенія на театрѣ войны можно встрѣтить въ письмѣ тогдашняго Военнаго Министра къ К—щему М. арміи отъ 31 мая, въ которомъ ген.-ад. Сахаровъ, между прочимъ, высказалъ слѣдующія мысли: „Событія..... происшедшія въ теченіе второй половины мая мѣсяца, повидимому, не оправдали предположеній..... о наступленіи противъ М. арміи двухъ японскихъ армій, общей численностью до 100 б—новъ. Напротивъ, армія Куроки, одержавъ успѣхъ на Ялу и продвинувшись къ Фынхуанчену, тѣмъ и ограничилась, что съ довольно большой вѣроятностью объясняется ея численной слабостью сравнительно съ М. арміей. Повидимому, армія Куроки имѣла цѣлью приковать къ себѣ вниманіе, дабы дать возможность безпрепятственно высадиться другимъ японскимъ войскамъ, назначеннымъ дѣйствовать противъ П.-Артура. Преслѣдуя эту цѣль, Куроки, мелкими отрядами и не имѣющими значенія серьезныхъ попытокъ дѣйствіями противъ передовыхъ частей М. арміи, достигъ своей задачи... армія оставалась въ выжидательномъ положеніи противъ слабѣйшаго Куроки, а тѣмъ временемъ значительныя силы японцевъ высадились на побережьи Ляодунскаго полуострова, одержали крупный успѣхъ у Цзиньчжоу и отрѣзали П.-Артуръ...“ (Т. II, ч. 1, стр. 418—419).

Когда отправлялось это письмо, автору его еще не было извѣстно, что на Южно-Маньчжурскомъ театрѣ назрѣвали новыя событія, которыя должны были окончиться неудачнымъ для насъ боемъ у Вафангоу. И подобно тому, какъ ничтожныя передвиженія войскъ генерала Куроки помѣшали оказать помощь Цзиньчжоускому отряду, когда на него были направлены силы трехъ японскихъ дивизій, такъ же и на этотъ разъ слабыя демонстраціи японцевъ на востокѣ задержали въ тылу 1. Сибирскаго корпуса сильные

резервы, которые, будучи брошены 2 іюня на вѣсы боя, могли склонить побѣду на нашу сторону [1]).

Но помыслы К—щаго М. арміей по-прежнему были поглощены заботами о томъ, какъ бы преградить всѣ пути, по которымъ противникъ, такъ или иначе, могъ намъ угрожать. Одинъ взглядъ на схему расположенія нашей арміи къ 31 мая (№ 3) показываетъ, путемъ какой разброски, можно сказать „распыленія“ силъ, эта цѣль была, и все-таки не вполнѣ,—достигнута. Заботливость простиралась до того, что армейскій резервъ, который въ виду предстоящаго наступленія къ югу, конечно, долженъ бы быть отправленъ въ составъ отряда ген. Штакельберга, мало того, что былъ оставленъ въ Ляоянѣ, но одну бригаду его К—щій арміей еще 28 мая готовъ былъ отправить въ поддержку Восточному отряду (т. II, ч. 1, стр. 408). Но такъ какъ всѣмъ частнымъ начальникамъ постоянно строго-настрого указывалось не ввязывatся въ бой съ превосходными силами, то закупорка вездѣ выходила слабой, и наши передовыя части отходили подъ ничтожнымъ натискомъ противника, а иногда даже передъ воображаемымъ непріятелемъ, какъ было напр. съ отрядомъ ген.-м. Грекова, отошедшимъ 28 и 29 мая къ Сихеяну. На рѣшеніе ген.-м. Грекова отступить на переходъ назадъ, вслѣдствіе полученныхъ фантастическихъ свѣдѣній объ обходѣ его отряда японцами, несомнѣнно могла оказать вліяніе данная ему К—щимъ арміей инструкція, которая между прочимъ заключала такое классическое указаніе: „обезпечивать.... задерживая противника, стремясь выяснить его силы и направленіе движенія, но не ввязываясь въ упорный бой, *дабы ни подъ какимъ видомъ не подвергнуться пораженію, но и не упуская случая нанести вредъ противнику*“ (т. II, ч. 1, стр. 387. Курсивъ мой). Опасенія за дальніе обходы фланговъ заставляли отбрасывать войска для ихъ обезпеченія, растягивая и безъ того растянутый фронтъ. Появились не только отряды, обезпечивающіе напр. лѣвый флангъ, но и „крайній“ лѣвый флангъ и чуть-ли не „самый крайній“ лѣвый флангъ. Наступательныя попытки частныхъ начальниковъ не встрѣчали со-

---

[1]) Изъ телеграммы н—ка пол. штаба М. арміи № 5270, имѣющейся въ дѣлѣ В.-Уч. Архива № 39027 стр. 16, видно, что 1 іюня выступили изъ Ляояна 19. В.-С. стр. полкъ съ батареей, изъ Ляндяньсяна шесть баталіоновъ 2. бр. 2. Сиб. дивизіи, которые 3 іюня утромъ должны были прибыть въ Хайченъ; 2 іюня выступила изъ Ляояна въ Хайченъ 1. бр. 5. В.-С. стр. дивизіи съ артиллеріей. Вѣроятно, эти передвиженія войскъ въ южномъ направленіи были вызваны извѣстіемъ о переходѣ 31 мая арміи Оку въ наступленіе; такимъ образомъ для *отпарированія удара* резервы нашлись, но для *нанесенія удара* ихъ не оказалось.

чувствія со стороны начальства арміи, какъ напр. задуманное графомъ Келлеромъ послѣ занятія 18 мая Саймацзы и отмѣненное распоряженіемъ свыше, наступленіе къ Айянямыню; какое угнетающее впечатлѣніе эта отмѣна произвела на войска, видно изъ письма названнаго генерала къ К—щему арміей отъ 22 мая (т. II, ч. 1, стр. 393—394). Такимъ же образомъ не было одобрено ген.-ад. Куропаткинымъ и предположенное н—комъ Вост. отряда вторичное наступленіе на Саймацзы, откуда ген. Грековъ былъ оттѣсненъ японцами 25 мая. Распоряженіе въ виду этого было гр. Келлеромъ отмѣнено, также какъ и выдвиженіе 29 мая передовыхъ частей Вост. отряда въ направленіи на Фынхуанченъ, кончившееся отозваніемъ этихъ частей обратно на перевалы, съ отказомъ отъ порученной имъ развѣдки (т. II, ч. 1, стр. 411—413). Въ директивахъ ген.-ад. Куропаткина, относящихся къ этому времени, все чаще начинаютъ встрѣчаться выраженія: „озабоченъ“, „тревожусь“, „безпокоюсь“, „опасайтесь“, и предупрежденія о возможности встрѣчъ съ „большими силами противника“ [1]), что въ концѣ концовъ должно было оказывать подавляющее вліяніе на психику подчиненныхъ. Ближайшимъ послѣдствіемъ этихъ постоянныхъ тревогъ и опасеній, такъ сказать видимымъ результатомъ неспокойнаго состоянія духа вождя, было нарушеніе постоянной организаціи войскъ, т. к. для устраненія предполагаемой опасности, на угрожаемое направленіе бросалась первая попавшаяся часть;—такимъ образомъ въ маѣ мѣсяцѣ разошелся по мелочамъ только-что прибывшій на театръ войны 4. Сибирскій корпусъ. Вліяніе въ указанномъ смыслѣ К—щаго М. арміей на душевное состояніе подвѣдомственнаго ему генерала можно прослѣдить на примѣрѣ к—ра 1. Сибирскаго корпуса. Во время подготовки къ наступленію на югъ настроеніе ген. бар. Штакельберга было въ общемъ приподнятое. 17 мая, въ соображеніяхъ, представленныхъ К—щему арміей, названный генералъ находилъ немедленное выдвиженіе на югъ до Пуландяня, и даже далѣе, отряда въ 19—27 баталіоновъ вполнѣ исполнимымъ, достаточно безопаснымъ и вполнѣ своевременнымъ для отвлеченія части силъ противника отъ П.-Артура; высадка противника на побережьи Инкоу—Сюнеченъ признавалась мало вѣроятной, также какъ и нахожденіе у Дагушана цѣлой непріятельной арміи (т. II, ч. 1, стр. 356). Но не такъ смотрѣлъ на это К—щій М. арміей; признавая обстановку еще не достаточно выясненной для перехода въ наступленіе указанными силами, онъ полагалъ достаточнымъ

[1]) Напр. телеграммы гр. Келлеру отъ 19 и 20 мая, приведенныя въ Т. II Ч. I, стр. 390—391.

первоначально ограничиться разбитіемъ передовыхъ частей японцевъ, если бы они намъ таковыя подставили, для чего разрѣшилъ отправить до станціи Вафангоу, въ раіонъ, занятый передовой конницей, сначала два стрѣлковыхъ полка, а затѣмъ выдвинуть ихъ до ст. Вафандянъ и довести до бригады съ артиллеріею. Постоянно вращаясь въ кругѣ опасеній за возможность пораженія противникомъ нашихъ передовыхъ частей, умъ К—щаго арміей естественно долженъ былъ склониться къ тому же предположенію въ обратномъ смыслѣ: нельзя ли нанести отдѣльное пораженіе какой-нибудь зарвавшейся небольшой части противника? Эта мелкая цѣль въ продолженіе нѣсколькихъ дней занимаетъ вниманіе ген.-ад. Куропаткина, но, настойчиво рекомендуя ее въ телеграммѣ отъ 21 мая къ исполненію к-ру 1. Сиб. корпуса, онъ не забываетъ все-таки предостеречь своего подчиненнаго отъ вступленія въ бой съ превосходными силами противника и напомнить о необходимости сохраненія готовности для быстраго отхода (стр. 359). Въ той же депешѣ К—щій арміей предусмотрительно освѣдомляетъ ген. Штакельберга объ „активной дѣятельности японцевъ противъ лѣваго фланга арміи“ и объ „обнаруженіи ихъ присутствія въ Сыпингаѣ“: послѣднее было основано на непровѣренномъ донесеніи изъ отряда ген. Ренненкампфа, которое оказалось совершенно невѣрнымъ (т. II, ч. 1, стр. 391); что же касается вообще дѣятельности японцевъ на лѣвомъ флангѣ, то выше было объяснено, насколько она заслуживала названія „активной“. Въ телеграммѣ 22 мая К—щій арміей высказываетъ ген. Штакельбергу свою *озабоченность* „возможностью быстро изнурить конницу его отряда“. Едва-ли такое настроеніе, ставъ извѣстнымъ конницѣ, могло благопріятно отразиться на энергіи ея дѣйствій (стр. 361).

28 мая, потерявъ надежду на нанесеніе отдѣльнаго пораженія передовымъ частямъ Оку, которыя успѣли уклониться, К—щій М. арміей отнесся уже неодобрительно къ рѣшенію ген. Штакельберга выдвинуть бригаду стрѣлковъ изъ Вафангоу къ Вафандяну въ качествѣ поддержки для передовой конницы, встрѣчавшей затрудненія въ производствѣ развѣдокъ со стороны кавалеріи противника, которая опиралась на свою пѣхоту (т. II. ч. 1, стр. 368). Между тѣмъ въ это время было уже рѣшено „энергичное и быстрое“ движеніе 1. Сиб. арм. корпуса къ югу, дабы отвлечь на себя возможно больше силъ для облегченія положенія П.-Артура и въ соотвѣтствіи съ этимъ к—ру корпуса 25 мая была дана инструкція (т. II, ч. 1, стр. 363). Но устанавливая въ качествѣ общей цѣли ослабленіе арміи противника, оперирующей на Квантунѣ, инструкція запрещала „доводить дѣло до рѣшительнаго столкновенія

съ превосходными силами“ и „расходовать въ бою весь резервъ, пока не выяснится обстановка“. Рекомендовалось сверхъ того тщательное наблюденіе за флангами и высказывалось предостереженіе относительно возможности новой высадки на Ляодунскомъ полуостровѣ, „дабы ни въ коемъ случаѣ не допустить себя до обхода съ того или другого фланга“ [1]).

Подъ вліяніемъ приведенныхъ указаній наступательное настроеніе к—ра 1. Сиб. корпуса нѣсколько упало, и 26 мая онъ уже рѣшаетъ „завлечь“ противника „возможно дальше отъ Пуландяня и при первомъ удобномъ случаѣ атаковать“ (стр. 366—367). Но къ 31 мая, расчитывая на прибытіе подкрѣпленій, ген. Штакельбергъ снова предполагаетъ перейти къ активнымъ дѣйствіямъ и составляетъ соображенія объ атакѣ противника 5 іюня у Пуландяня [2]). Предположеніе это не осуществилось, т. к. Оку предупредилъ насъ переходомъ въ наступленіе. Оно впрочемъ и безъ этого не состоялось бы, т. к. ген.-ад. Куропаткинъ 2 іюня телеграфировалъ ген. Штакельбергу: „Непріятель изъ Сюяня перешелъ въ наступленіе... еще не извѣстно, не послѣдуетъ ли главный ударъ на Гайчжоу; предлагаю даже въ случаѣ побѣднаго боя не увлекаться преслѣдованіемъ, ибо Куроки... можетъ временно выйти на Ваши сообщенія...“ (т. II, ч. 2, стр. 69).

„Я предвижу“, писалъ 29 мая ген.-ад. Куропаткинъ Намѣстнику, „что начало дѣйствій къ югу Штакельберга совпадаетъ и съ началомъ энергичнаго наступленія Куроки“. Это пророчество, какъ извѣстно, не сбылось, но высказанное въ немъ опасеніе не могло не отразиться на энергіи приготовленій къ наступленію 1. Сиб. корпуса.

Такимъ образомъ, привычка К—щаго арміей возбуждать въ своихъ подчиненныхъ тревогу мало-по-малу приносила свои плоды: частные начальники начинали смотрѣть на обстановку глазами ген.-ад. Куропаткина, т. е. тоже чего-то опасаться, тревожиться и безпокоиться и, какъ въ такихъ случаяхъ водится, ссылаться на свою слабость и просить о присылкѣ подкрѣпленій. Такія просьбы

---

[1]) По этому поводу г. Г. Штакельбергъ говоритъ слѣдующее: „Подобныя указанія, противорѣчащія другъ другу, были трудно выполнимы; но они безспорно давали возможность впослѣдствіи заявлять: „Я же вамъ приказалъ дѣйствовать энергично“ или „вамъ же было указано избѣгать боя съ превосходными силами“, что дѣйствительно имѣло мѣсто не разъ; укажу лишь на упрекъ послѣдней категоріи, которому подвергся командиръ 1. Сиб. корпуса... послѣ боя подъ Вафангоу“. (Военно-Историческій Сборникъ 1911 г. № 4 статья „Ташичао“ стр. 103).

[2]) Т. II ч. 2. Приложеніе № 35, стр. 5—7.

въ свою очередь утверждали К—щаго арміей въ его собственныхъ опасеніяхъ, въ результатѣ чего получался заколдованный кругъ, изъ котораго, чѣмъ дальше, тѣмъ труднѣе было выбраться.

За короткій промежутокъ времени—май 1904 года, уже можно подмѣтить зачатки такой эволюціи въ умахъ начальствующаго персонала Маньчжурской арміи и уже по одной этой причинѣ переходъ въ наступленіе въ началѣ мая обѣщалъ больше успѣха, нежели предпринятый въ концѣ этого мѣсяца. Но во всякомъ случаѣ духъ нашихъ войскъ и ко времени Вафангоускаго боя былъ еще на надлежащей высотѣ и главной данной, обѣщавшей намъ успѣхъ въ болѣе раннее время, была *неготовность* противника, которую мы, къ сожалѣнію, въ то время не съумѣли учесть и использовать.

При существующихъ, во многомъ превратныхъ, взглядахъ, которые распространены въ нашемъ обществѣ со времени печальной памяти событій 1904—5 годовъ, взглядахъ, полагающихъ въ основаніе оцѣнки этихъ событій нашу якобы неготовность, нашу неосвѣдомленность (Ils ne savaient pas!), подавляющія силы, будто бы выставленныя Японіей въ самомъ началѣ войны, и тому подобные жупелы, которые для многихъ затмили истинный смыслъ совершившихся фактовъ, утвержденіе о неготовности японцевъ, которой мы, будто бы, не съумѣли воспользоваться, должно казаться фантастическимъ. Но при ближайшемъ ознакомленіи съ событіями, хотя бы по описанію войны, составленному В.-Ист. комиссіей, оцѣнка эта должна отпасть.

Уже къ 15 марта 1904 г. выяснилось, что предположенія наши о готовности японцевъ были преувеличены и что, напротивъ, наше сосредоточеніе въ Ю. Маньчжуріи происходитъ, благодаря успѣшной работѣ жел. дороги, быстрѣе противъ тѣхъ расчетовъ, которые были положены въ основаніе нашего плана стратегическаго развертыванія (см. всеподданнѣйшую телеграмму Намѣстника отъ 15 марта, т. II ч. 1 стр. 35). Вмѣсто 6—8 японскихъ дивизій, которыя ожидались у р. Ялу не позже половины марта, ихъ оказалось тамъ всего три и то только въ концѣ марта (т. II ч. 1. стр. 119); переправа ихъ черезъ Ялу состоялась только 17—18 апрѣля. У насъ же вмѣсто ожидаемыхъ 40 баталіоновъ къ 15 марта въ Ю. Маньчжуріи было 55, не считая четырехъ баталіоновъ, на которые былъ за это время усиленъ П.-Артуръ противъ первоначальныхъ предположеній (стр. 36). Трудно думать, чтобы при своей мобилизаціонной готовности и обиліи морскихъ транспортныхъ средствъ японцы не въ состояніи были въ продолженіе первыхъ полутора мѣсяцевъ войны сосредоточить на Маньчжурско-Корейской границѣ силы вдвое большія противъ тѣхъ, которыя они дѣйствительно тамъ

выставили; но, судя по тому, какъ пренебрежительно японцы оцѣнивали нашу общую готовность къ борьбѣ (т. I. стр. 255), имѣвшіяся къ началу войны русскія силы на Дальнемъ Востокѣ и провозоспособность Сибирской жел. дороги (А. Свѣчинъ стр. 36), надо полагать, что ради избѣжанія административныхъ неудобствъ, которыя должно было вызвать сосредоточеніе большихъ силъ на нижней Ялу, а также для улучшенія условій мобилизаціи, они рѣшили приведеніе войскъ на военное положеніе и отправленіе ихъ на Маньчжурскій театръ войны производить не торопясь, по мѣрѣ готовности, и высаживать свои арміи въ разныхъ мѣстахъ, для достиженія охватывающаго относительно насъ положенія (тамъ же стр. 35). При этомъ японцы совершенно пренебрегали нашей арміей, которая могла быть собрана въ Южной Маньчжуріи въ первые мѣсяцы войны. Затѣмъ, мало того, что они готовились вести сразу двѣ главныя операціи—на П.-Артуръ и на Ляоянъ: они допускали возможность веденія еще и третьей операціи—на Владивостокъ (тамъ же стр. 36). „Эти ошибки", говоритъ подполковникъ Свѣчинъ, „поставили японскую армію въ дни Ляоянской битвы въ критическое положеніе". „При составленіи плана войны, учитывая силы врага, осторожнѣе погрѣшить въ бо́льшую сторону, нежели въ меньшую", прибавляетъ наставительно авторъ. Ошибки, которую ставитъ подпол. Свѣчинъ въ упрекъ японцамъ, не было сдѣлано въ русскомъ планѣ, который, какъ выше указывалось, скорѣе склоненъ былъ преуменьшать свои силы, чѣмъ японскія, почему по прошествіи трехъ мѣсяцевъ войны положеніе для насъ на Маньчжурскомъ театрѣ войны оказалось не только болѣе благопріятнымъ, чѣмъ можно было ожидать по предварительнымъ соображеніямъ, но даже настолько для насъ выгоднымъ, что еще въ маѣ (а не въ августѣ, какъ полагаетъ подпол. Свѣчинъ), мы могли поставить японцевъ въ критическое положеніе, если бы у вождей нашихъ хватило прозорливости для уясненія себѣ обстановки и порыва впередъ, чтобы взять въ свои руки починъ, упущенный самонадѣяннымъ врагомъ. Наступало время возмездія за 26 января, за Ялу, за дерзкое пренебреженіе къ намъ, которое позволили себѣ японцы, наступалъ тотъ „переломъ войны", который, по словамъ г. А. Г. Елчанинова, явно чувствовался даже и въ *запоздалые* дни 31 мая, 1 и 2 іюня. (Тактика въ дѣйствіяхъ и т. д. стр. 243). Не одну узкую цѣль выручки П.-Артура, а болѣе грандіозную задачу захвата въ свои руки почина дѣйствій, преслѣдовали возникшія въ маѣ 1904 года предположенія о переходѣ М. арміей къ активнымъ дѣйствіямъ. Паденіе Цзиньчжоуской позиціи и возникшія опасенія за участь П.-Артура дѣлали задачу эту болѣе настоятельной, до из-

вѣстной степени предрѣшали вопросъ о направленіи операціи, но не мѣняли сути дѣла, которая заключалась въ томъ, чтобы, пользуясь разбросной противника и неготовностью отдѣльныхъ его группъ, сосредоточенными силами Маньчжурской арміи бить его по частямъ. Въ предъидущемъ изложеніи я старался доказать, что препятствія, которыя усматривалъ К—щій арміей къ осуществленію этой задачи, не имѣли реальнаго значенія, а зависѣли исключительно отъ склада его ума и отсутствія рѣшительности въ его характерѣ. „Постоянное давленіе на нѣсколько пунктовъ оборонительной линіи русскихъ... породитъ въ ген. Куропаткинѣ сомнѣнія... и принудитъ его скорѣе разбросать свои силы, чѣмъ сосредоточенно бросить ихъ въ какомъ-либо одномъ направленіи“ (Т. II Ч. 2. стр. 108). Такъ говорили японскіе генералы про нашего командующаго арміей, строя на этой чертѣ его характера успѣхъ своихъ предпріятій, становившихся съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе дерзкими. Смѣлость нашего наступленія къ П.-Артуру, которое, только благодаря его неудачному финалу, было охарактеризовано, какъ безразсудство, не можетъ по степени своей рискованности идти ни въ какое сравненіе съ позднѣйшими операціями японцевъ, какъ напр. обходъ слабыми силами Куроки (первоначально 1½ дивизіями) нашего лѣваго фланга подъ Ляояномъ и фланговый маршъ арміи Ноги въ февралѣ 1905 г. въ одномъ переходѣ отъ 2. Маньчж. арміи.

Но въ первые мѣсяцы войны, пока противники еще не успѣли другъ друга изучить, обѣ стороны были склонны опасаться разныхъ неожиданностей. Мы боялись движенія Куроки на перерѣзъ нашихъ сообщеній съ Харбиномъ, на столько же, на сколько онъ опасался предпріятій противъ своего тыла со стороны отряда ген. Ренненкампфа [1]); мы учитывали тяжелыя послѣдствія отъ возможной высадки японцевъ у Инкоу или Гайчжоу, въ то время когда Оку былъ охваченъ ужасомъ за исходъ своей рискованной высадки близъ Бицзыво (Т. II Ч. 1 стр. 231); мы дрожали за цѣлость своей желѣзной дороги, японцы готовы были впасть въ панику, подъ вліяніемъ потопленія двухъ—трехъ транспортныхъ судовъ крейсерами адмирала Безобразова и выхода Портъ-Артурской эскадры на нѣсколько часовъ изъ гавани (Т. II Ч. 2 стр. 109—110). Если намъ было крайне трудно пріобрѣсти моральное превосходство надъ противникомъ впослѣдствіи, послѣ Мукдена и Цусимы, то это было

---

[1]) Чувствительность японцевъ къ ихъ тылу и путямъ сообщенія отмѣчалась и развѣд. отдѣленіемъ штаба арміи, напр. въ сводкѣ къ 22 мая, стр. 54.

сравнительно легко въ маѣ 1904 года, когда рѣшительныхъ столкновеній еще не было, и когда японцы были до извѣстной степени ошеломлены нашей неожиданной для нихъ готовностью. Надо было постараться первому выйти изъ состоянія гипноза, первому обрушиться на врага, забывъ свои собственные страхи и тревоги. Этого психологическаго момента не учелъ К—щій М. арміей.

Кажется, Наполеонъ говорилъ: „если бы военныя операціи подчинялись точному математическому расчету, военное дѣло было бы удѣломъ посредственности“ (цитирую на память). Переиначивая это изреченіе, можно сказать, что тотъ, кто хочетъ наносить удары, самъ ничѣмъ не рискуя, всегда будетъ битъ. При условіи, что исполнителемъ плана перехода Маньчжурской арміи въ маѣ 1904 г. въ наступленіе было то самое лицо, которое руководило впослѣдствіи дѣйствіями нашихъ войскъ въ Ляоянскомъ, Шахейскомъ и Мукденскомъ сраженіяхъ, Вафангоуская операція должна была кончиться тѣмъ, чѣмъ она кончилась, т. е. неудачей. Совершенно вѣрно говоритъ одинъ изъ участниковъ войны 1904—5 г.г., что тѣ рѣшенія, которыя составляли основу высшаго управленія событіями въ февральскіе дни 1905 года, неизмѣнно носили характеръ *предпочтенія, отдаваемаго частнымъ успѣхамъ* передъ *рѣшительнымъ могучимъ ударомъ*, неизбѣжно связаннымъ съ *рискомъ*. „Но такія черты нашей стратегіи сказались значительно раньше Мукденскихъ боевъ, съ *первыхъ же дней* кампаніи,—и въ нихъ отразился *духовный складъ* бывшаго Главнокомандующаго“ [1]).

Получившій боевое воспитаніе въ средне-азіатскихъ походахъ, въ условіяхъ малой войны, одаренный блестящей личной храбростью, обширнымъ аналитическимъ умомъ и громадной работоспособностью, нашъ вождь не обладалъ въ равной мѣрѣ рѣшительностью характера и непреклонной волей, а также не понималъ природы современной большой войны.

Мнѣніе это, которое я позволяю себѣ здѣсь высказать, довольно близко подходитъ къ представленію, которое составили себѣ о ген.-ад. Куропаткинѣ иностранцы, занимавшіеся его личностью. Вотъ напр. какъ оцѣниваетъ его характеръ извѣстный германскій военный писатель Балкъ: весьма знаменательна для характеристики искусства вождя заботливость о постоянномъ наличіи... стратегическаго резерва. Для Куропаткина сильный резервъ служилъ наглядной гарантіей обезпеченія себя отъ всякихъ непредвидѣнныхъ случайностей въ бою. „Могу ли я цѣлесообразно использовать свой

---

[1]) Бар. А. В. Кульбарсъ. 2-я Армія подъ Мукденомъ. 1908 г. Часть II, стр. 147. (Курсивъ автора).

армейскій резервъ, если я не получаю никакихъ свѣдѣній о непріятелѣ",—эту въ своемъ родѣ классическую фразу приписываетъ авторъ К—щему Маньчж. арміей. Оцѣнивая полководческій талантъ генерала Куропаткина съ точки зрѣнія событій Ляоянскаго боя, полк. Балкъ говоритъ: „Едва-ли въ военной исторіи можно встрѣтить еще другой примѣръ того, какъ близокъ былъ полководецъ къ побѣдѣ, какъ Куропаткинъ 21 августа. Этотъ день долженъ былъ для японцевъ закончиться катастрофой, которая, вѣроятно, рѣшила бы не только участь сраженія, но и всей кампаніи". (В. Сборникъ 1911 г. №10 стр. 214).

Еще одна крупная ошибка была допущена при веденіи Вафангоуской операціи: это отсутствіе, одновременно съ наступленіемъ отряда съ сѣвера, активныхъ дѣйствій гарнизона крѣпости противъ японскаго заслона, находившагося въ очень тяжеломъ положеніи, т. к. онъ, хотя и состоялъ въ концѣ мая изъ двухъ дивизій, но одна изъ нихъ понесла большія потери въ бою 13 мая (1.), а другая (11.) едва только окончила высадку; всего это составляло около 25 т. бойцовъ, неустроившихся и неокрѣпшихъ. „Сбивъ этотъ заслонъ, отбросивъ его за Цзиньчжоу, какія могли бы мы имѣть послѣдствія, особенно при дѣйствіяхъ въ связи съ Штакельбергомъ", говоритъ по этому поводу авторъ „Тактики въ дѣйствіяхъ подъ крѣпостями" (стр. 234). Интересно, что такой образъ дѣйствій и именно въ связи съ дѣйствіями выручки съ сѣвера предлагалъ никто иной, какъ самъ ген. Стессель, правда, не съ цѣлью продлить сопротивленіе крѣпости, а ради спасенія гарнизона посредствомъ прорыва черезъ блокадный корпусъ противника (Т. II Ч. 1, стр. 338).

Почему бы К—щему арміей, если онъ дѣйствительно былъ озабоченъ оказаніемъ П.-Артуру помощи, не использовать такого наступательнаго порыва защитниковъ крѣпости, заключивъ его въ должныя границы? Едва-ли впрочемъ донесенія Стесселя встрѣчали постѣ Цзиньчжоу вѣру у ген.-ад. Куропаткина; не особенно довѣрялъ его наступательному духу также и адмиралъ Алексѣевъ, что вѣроятно и было ближайшей причиной, почему вопросъ о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ выручки и гарнизона больше не возбуждался. Надо имѣть въ виду и то, что связь съ П.-Артуромъ, хотя и не была въ то время совершенно прервана, но имѣла все-таки случайный характеръ, что должно было затруднить согласованіе операцій.

Подробное изслѣдованіе Вафангоуской операціи, на основаніи имѣющагося нынѣ военно-историческаго матеріала, приводитъ къ заключенію, что планъ этой операціи, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ предложенъ былъ адмираломъ Алексѣевымъ, *основывался на расчетахъ, получившихъ полное оправданіе въ дѣйствительности*, и что неудача операціи зависѣла исключительно отъ тактическихъ причинъ, а не отъ тѣхъ опасностей стратегическаго характера, которыя выдвигались, какъ доводъ противъ осуществленія предложеннаго плана. Если бы во время наступленія отряда ген. Штакельберга къ югу, восточной группой японцевъ были бы произведены серьезныя атаки со стороны Сюяня и Фынхуанчена, и эти атаки были бы нами отбиты только благодаря участію удержанныхъ въ тылу сильныхъ резервовъ, тогда дѣло другое; но въ дѣйствительности резервы эти, какъ мы видѣли, бродили безъ всякой пользы между Ляояномъ и Хайченомъ: восточнымъ заслонамъ они не понадобились, а къ бою южнаго корпуса—не поспѣли.

Напрасно ген.-ад. Куропаткинъ въ своемъ отчетѣ о войнѣ (Отч. т. III стр. 12) иронизируетъ надъ Куроки, что будто тотъ „не понялъ критическаго положенія нашего на восточномъ фронтѣ во время операціи къ Вафангоу“ и упустилъ случай „уже въ первыхъ числахъ іюня овладѣть Ляояномъ“. Мнѣ кажется, что въ данномъ случаѣ ген.-ад. Куропаткинъ и ген. Куроки должны бы перемѣниться ролями, ибо, какъ было объяснено, японскій Командующій арміей, *не будучи въ самомъ дѣлѣ въ состояніи наступать*, съумѣлъ однако въ теченіе всего мая мѣсяца держать К—щаго нашей арміей подъ угрозой своего наступленія и этимъ настолько ослабилъ силы, направленныя изъ М. арміи противъ Оку, что возможное пораженіе своего товарища обратилъ въ побѣду [1]). Причину же успѣха демонстрацій Куроки надо искать главнымъ образомъ въ томъ моральномъ превосходствѣ, которое японцамъ удалось пріобрѣсти послѣ частныхъ успѣховъ, одержанныхъ въ первые мѣсяцы кампаніи. Видимымъ проявленіемъ этого превосходства явилось преувеличеніе нашимъ высшимъ управленіемъ Маньчжурской арміи военныхъ силъ и средствъ японцевъ, что повело къ добро-

[1]) Въ сочиненіи Анг. ген. штаба сказано, что, получивъ отъ главквартиры, въ нач. іюня (нов. ст.) приказаніе приступить къ активнымъ дѣйствіямъ, I армія не была въ состояніи двинуться изъ-за продовольственныхъ затрудненій. Пришлось ограничиться выдвиженіемъ отрядовъ съ демонстративными назначеніями... *„Такимъ образомъ, въ продолженіе болѣе мѣсяца... Генералу Куроки удалось скрыть отъ противника не только свои намѣренія, но также численность и группировку своихъ войскъ*, чѣмъ онъ значительно облегчилъ наступленіе Второй арміи“ (вып. II стр. 168, Курсивъ мой).

вольному отказу отъ почина дѣйствій. „Численное превосходство“, говоритъ въ своемъ трудѣ подпол. Свѣчинъ, „представляетъ ту главную выгоду, что рождаетъ увѣренность въ своихъ силахъ и даетъ сверхъ матеріальнаго и чисто моральный перевѣсъ. Вмѣсто того, чтобы опереться на это сознаніе, мы сами создавали иллюзію превосходства японцевъ въ числѣ... Это преувеличеніе являлось, какъ слѣдствіемъ плохой развѣдки, *такъ и постояннаго стремленія оправдать наше отступленіе численнымъ превосходствомъ противника* [1]). На это могутъ возразить, что и Намѣстникъ-Главнокомандующій, настаивавшій на скорѣйшей выручкѣ П.-Артура, преувеличивалъ силы японцевъ, направленныя противъ этой крѣпости. Выше мною были приведены соображенія въ доказательство того, что опасенія ген.-ад. Алексѣева за П.-Артуръ имѣли весьма реальную основу, но даже тѣ изъ читателей, которыхъ мнѣ не удалось убѣдить, должны будутъ признать, что въ преувеличеніяхъ К—щаго арміей и Главнокомандующаго была существенная разница: первый преувеличивалъ силы японцевъ, гдѣ это было выгодно, *чтобы оправдать отказъ отъ наступленія*, второй оцѣнивалъ ихъ въ бо́льшую сторону тамъ, *гдѣ это вызывало необходимость въ активныхъ дѣйствіяхъ*. Это коренное различіе выразилось не только въ перепискѣ генералъ-адъютантовъ Алексѣева и Куропаткина по поводу наступленія для выручки П.-Артура, но и въ послѣдующее время, когда Намѣстникъ, высказывая сомнѣнія относительно правильности исчисленія японскихъ силъ, постоянно указывалъ на необходимость наступательныхъ дѣйствій, а К—щій арміей, вплоть до Ляоянскаго боя, всегда находилъ къ тому какія-нибудь препятствія. Къ сожалѣнію, преувеличенныя представленія о силахъ, выставленныхъ японцами, по отсутствію во время войны и въ первые годы послѣ нея иныхъ источниковъ, кромѣ нашихъ оффиціальныхъ донесеній и отчетовъ, укоренились настолько въ русскомъ обществѣ, что создали легенду о подавляющемъ численномъ превосходствѣ нашего бывшаго противника, которое, будто бы, было основной причиной всѣхъ нашихъ неудачъ. Это представленіе лежитъ и въ основѣ признанія нѣкоторыми авторами авантюристичности вафангоуской операціи, мнѣнія, которое я посильно старался опровергнуть на предъидущихъ страницахъ.

Только въ одномъ сочиненіи, въ которомъ вопросъ о вафангоуской операціи затронутъ попутно, пришлось встрѣтить авторитетное мнѣніе, не совпадающее съ установившимися по поводу ея взглядами. „Но если грозила такая отъ гибели П.-Артура опасность“,

[1]) Рус.-Яп. война 1904—5 гг. стр. 140. (Курсивъ мой).

спрашиваетъ авторъ, „нельзя ли было П.-Артуръ выручить?“.— *Безпристрастное* изслѣдованіе показываетъ, что *во время іюньской попытки*—было можно...“ (А. Г. Елчаниновъ. Тактика въ дѣйствіяхъ... стр. 240—241, Курсивъ автора).

„Наступающій“, говоритъ другой авторъ, „лучше всего обезпечиваетъ себя быстротой и энергіей своего наступленія;... но... эта „безопасность“ по плечу только тѣмъ, которые не задумываются бросить въ огонь послѣдній баталіонъ. И, понятно, не по плечу она тѣмъ, для которыхъ *отсутствіе риска есть верхъ мудрости*. Нѣтъ, надо рисковать и рисковать крупно! Моральные факторы единственные, играющіе роль на войнѣ; все остальное имѣетъ цѣнность, опредѣляемую лишь степенью его вліянія на духовную сторону бойцовъ“.

Эти слова, заимствованныя изъ отзыва г. В. Бѣляева о лекціяхъ французскаго полковника Гранмэзона (Р. Инв. 1911 г. № 255, фельетонъ), какъ нельзя лучше подходятъ къ характеристикѣ разобраннаго эпизода Маньчжурской кампаніи. Если послѣдній кончился неудачей, то именно потому, что у насъ процвѣтало осуждаемое французскимъ авторомъ правило: *стараться все знать, прежде чѣмъ рѣшиться*.

П.-Артуръ стоилъ того, чтобы изъ-за него рискнуть. „Взятіе японцами П.-Артура будетъ новымъ и наиболѣе тяжелымъ ударомъ, который подорветъ и политическій и военный престижъ Россіи не только на Дальнемъ, но и на Ближнемъ Востокѣ, и въ Средней Азіи и въ Европѣ, и несомнѣнно наши недруги воспользуются этимъ, чтобы затруднить насъ елико возможно, а друзья отвернутся отъ Россіи, какъ отъ безсильной союзницы“... (Т. II ч. 1 стр. 420). Такъ писалъ 31 мая 1904 года ген.-ад. Куропаткину покойный Викторъ Викторовичъ Сахаровъ, который, хотя и изъ Петербурга, однако настолько же ясно представлялъ себѣ положеніе въ далекой Маньчжуріи, какъ и находившійся въ самомъ средоточіи событій, но не понятый тамъ, одинокій и въ сущности безсильный, генералъ-адъютантъ Алексѣевъ. Еще въ началѣ третьяго мѣсяца войны безуспѣшно просившій о сложеніи съ него обязанностей Главнокомандующаго (Т. II Ч. 1 стр. 107), въ отвѣтъ на это признанный съ высоты Престола „отличнымъ исполнителемъ многотрудныхъ обязанностей стражника русскаго имени на дальней окраинѣ [1])“, Намѣстникъ тѣмъ не менѣе оказывался вынужденнымъ обращаться къ содѣйствію Верховной Власти для того, чтобы указанія его, какъ

---

[1]) Выраженіе Высочайшей телеграммы на имя ген.-ад. Алексѣева отъ 7-го апрѣля 1904 года (Т. II Ч. 1 стр. 108).

Главнокомандующаго, исполнялись номинально подчиненными ему органами. Но это не освободило его отъ тяжелой отвѣтственности. Подобно другому, командовавшему сухопутными войсками адмиралу, надъ которымъ десятки лѣтъ тяготѣло обвиненіе въ провалѣ плана по плѣненію Наполеона на Березинѣ, пока заблужденіе это не было разсѣяно талантливымъ изслѣдователемъ кампаніи 1812 года, В. Харкевичемъ, и ген.-ад. Алексѣевъ общественнымъ мнѣніемъ былъ признанъ виновникомъ вафангоуской неудачи, на которую онъ будто бы легкомысленно толкнулъ несочувствовавшаго идеѣ наступленія къ П.-Артуру, прозорливаго и осторожнаго К—щаго М. арміей...

Закончу свой очеркъ пожеланіемъ, чтобы въ XX вѣкѣ судъ исторіи былъ болѣе скорымъ, чѣмъ тотъ, который произнесъ свой приговоръ надъ адмираломъ Чичаговымъ, и чтобы истинная оцѣнка плана наступленія для выручки Портъ-Артура въ маѣ 1904 года и вообще событій минувшей войны утвердила въ сознаніи русскихъ военныхъ людей истину, что побѣду на войнѣ даетъ только *превосходство въ силѣ духа.*

В. Ф.

Приложеніе.

Извлеченіе изъ статьи г. Эль-Эсъ „Японецъ о Русскихъ“, помѣщенной въ № 11072 газ. „Новое Время“ отъ 8-го января 1907 г. [1]).

...Съ особеннымъ чувствомъ удовлетворенія и удивленія прочелъ я недавно отзывъ о насъ нашихъ недавнихъ счастливыхъ враговъ въ одномъ замѣчательно интересномъ сочиненіи японца о послѣдней войнѣ. Обстоятельно, подробно, съ любовью и уваженіемъ къ дѣлу, японецъ въ 18 томахъ (сочиненіе еще не закончено) описываетъ эту величайшую войну, громадно-роковое значеніе которой скоро станетъ всѣмъ осязательно-ясно. Описаніе интересно и любопытно тѣмъ, что въ немъ много разбросано характерныхъ и любопытныхъ замѣчаній объ офицерахъ, солдатахъ и высшемъ командномъ элементѣ русской арміи...

Я возьму одинъ изъ яркихъ эпизодовъ минувшей войны,—бой при Вафангоу, исходъ котораго предрѣшилъ тяжкую участь Портъ-Артура. Въ японской арміи прекрасно оцѣнили и поняли значеніе этого боя и, какъ всегда, приняли его въ полной готовности, съ

---

[1]) Подлинныя слова японскаго автора, заключенныя у г. Эль-Эсъ въ кавычки, подчеркнуты мною.

В. Ф.

опредѣленнымъ и обдуманнымъ планомъ и твердой рѣшимостью не отступать ни шагу, такъ какъ въ случаѣ пораженія арміи ген. Оку *„великій планъ разбить непріятеля тремя арміями въ долинѣ Ляохэ—рушился бы окончательно. Если бы ген. Куропаткинъ, который располагалъ въ Ляоянѣ большими силами, стремительно двинулъ на югъ вдвое большее количество войскъ и орудій, чѣмъ то, которое было отправлено имъ подъ начальствомъ ген. Штакельберга, наша армія не могла бы отразить удара“*, говоритъ откровенно японецъ. Но о какой „стремительности“ можно было мечтать у насъ, гдѣ чернилами канцеляріи заливали кровь арміи?

Послѣ долгаго топтанія на мѣстѣ, выждавъ, когда Оку взялъ Киндзоу, и вся его армія получила свободу дѣйствій, рѣшились на посылку одного корпуса (1 и 9 В.-С. стр. дивизіи) съ неполнымъ числомъ рядовъ и ослабленнаго различными командировками. Корпусомъ онъ могъ называться только по недоразумѣнію. При этомъ наши войска даже не были собраны для боя, хотя времени было больше чѣмъ достаточно, и прибывали на позицію по частямъ . .

. . . . . .

Но вотъ пришелъ день Вафангоу. *„Пока ген. Куропаткинъ, постоянно мѣняя свои намѣренія, колебался, обдумывая, что лучше, нападать ли, отступать ли или защищаться, имъ было получено повелѣніе идти къ Портъ-Артуру, чье паденіе сильно повредило бы величію Россіи среди всѣхъ народовъ“*...

1-го іюня загорѣлся жестокій бой. Сначала загремѣли батареи... *„Положеніе было крайне тяжелое... Непріятельская артиллерія точно опредѣлила дистанцію и ея снаряды попадали въ самую цѣль... Къ 2 час. 30 мин. пополудни снаряды совершенно истощились, и наша артиллерія, положительно сложа руки, должна была наблюдать за ходомъ боя“*. Пѣхота японцевъ остановила наступленіе и, не будучи въ состояніи подвинуться ни на шагъ, окопалась, *„готовясь провести опасную ночь, которая была одной изъ самыхъ тревожныхъ. Японскія войска страшно опасались ночной атаки, не будучи увѣрены въ побѣдѣ. Къ счастью, это не входило въ стратегическіе планы непріятеля“*,—саркастически замѣчаетъ японецъ.—Въ этихъ словахъ видно открытое признаніе нашего успѣха въ первый день боя, хотя съ нашей стороны дѣйствовала почти исключительно одна дивизія (1 В.-С. стр.).

Ночью мы бездѣйствовали. Наступилъ второй день боя, когда японцы рѣшились *„отомстить за свою неудачу“*. Но бой опять начался неудачно для японцевъ. Цѣлыя ихъ батареи должны были прекращать огонь, такъ какъ *„до того были засыпаны снарядами,*

что были не въ состояніи разсмотрѣть непріятельскія позиціи". Нашъ лѣвый флангъ перешелъ въ наступленіе . . . . . .

. . . . . .

Положеніе японскаго праваго фланга было критическое: „*Команд. дивизіи ген. Осима, а затѣмъ и Командующій арміей стали очень тревожиться положеніемъ дѣлъ. Бригада ген. Кодамы находилась въ критическомъ положеніи. Было вполнѣ ясно, что пораженіе тамъ, подобно прорыву плотины, охватило бы всю армію. Команд. арміей уже выдвинулъ резервы на правый флангъ и въ его распоряженіи не оставалось ни одной части*". . . . . .

. . . . . .

„*Непріятель, поражаемый* [1]) *убійственнымъ огнемъ съ нашихъ высокихъ позицій, проявилъ отчаянную храбрость*", говоритъ нашъ врагъ и не скрываетъ своего восхищенія и уваженія къ блистательной храбрости нашихъ офицеровъ.

„*Ген. Осима разсказывалъ, насколько мужественно и отважно велъ себя непріятель*"...

[1]) Рѣчь идетъ объ отступленіи русскихъ изъ боя.

В. Ф.

Въ Румыніи передъ войной 1877 г.

I.

Одно изъ лучшихъ моихъ воспоминаній принадлежитъ Румыніи, гдѣ я въ первый разъ былъ на большихъ маневрахъ, которыми князь Карлъ рекомендовалъ представителямъ иностранныхъ армій свои воспитанныя имъ войска. Второй разъ я прибылъ въ Бухарестъ военно-уполномоченнымъ главнокомандующаго нашею арміею, сосредоточенной въ Бессарабіи осенью 1876 года. И въ первый разъ, и во второй, благодаря счастливой случайности, я обезпечилъ себѣ большой успѣхъ, имѣя въ странѣ больше друзей, чѣмъ недоброжелателей.

Отъ какихъ ничтожныхъ обстоятельствъ, иногда, зависитъ успѣхъ дѣла, показываетъ знакомство мое въ первый мой пріѣздъ съ военнымъ министромъ генераломъ Флореско. Я былъ первымъ изъ русскихъ офицеровъ, бывшихъ въ Валахіи гостемъ княжества, а не распорядителемъ его судебъ. Считаясь съ этимъ, я надѣлъ для визита министру полную парадную форму и этимъ очаровалъ милѣйшаго генерала. Оказалось, что иностранные офицеры заѣзжали къ нему въ домашней формѣ. Довольный мною, министръ далъ мнѣ чудную верховую лошадь въ то время, какъ подъ остальными иностранцами была калечь. Благодаря этому обстоятельству, во все время маневровъ я былъ постоянно впереди рядомъ съ княземъ. Естественно поэтому, что всѣ свои впечатлѣнія онъ повѣрялъ только мнѣ, и тѣмъ создалось мое привилегированное положеніе. Впрочемъ еще одно обстоятельство поднимало мой престижъ. Проѣзжая по улицамъ Бухареста группой, иностранцы поражались, какъ кучера

лучшихъ экипажей, наши раскольники-старовѣры, не только снимали свои шляпы, но вставали на козлахъ и кланялись мнѣ въ поясъ. Все это мелочи, которыми однако не слѣдуетъ пренебрегать. Еще одна подробность. Маневры происходили въ окрестностяхъ Бузео, куда мывыѣзжали съ княземъ въ особомъ вагонѣ. Корректный до педантизма, князь удѣлялъ разговору съ каждымъ иностранцемъ по равному времени. Сторонясь при перегонѣ, я приближался къ нему предъ подходомъ къ станціи. Выходило такъ, что встрѣчающая на платформахъ публика и власти вездѣ видѣли выходящаго князя въ разговорѣ со мной. Отсюда появлялись въ газетахъ статьи, оттѣнявшія мое выдающееся положеніе. И это мелочь, но въ общемъ имѣвшая свое значеніе.

Почти полугодовое мое пребываніе въ Бухарестѣ передъ войной меня чрезвычайно сблизило съ предсѣдателемъ Совѣта министровъ, Иваномъ Братіано, соединявшаго тогда въ своихъ рукахъ портфели министерства внутреннихъ дѣлъ и военнаго; по отзывамъ многихъ ультра красный, румынскій Мадзини, Братіано для меня былъ въ высшей степени любезнымъ, разумнымъ и распорядительнымъ человѣкомъ, всегда ставившимъ на первый планъ сущность дѣла и пренебрегавшимъ формой. Съ его помощью мнѣ удалось подробно разработать всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя могли представить интересъ для нашей арміи, наступающей черезъ княжество въ Болгарію. Но въ особенности насъ сблизила суматоха, сопровождавшая движеніе нашихъ войскъ по румынской территоріи. Хотя времени, предшествовавшаго объявленію войны, было вполнѣ достаточно для принятія всѣхъ мѣръ, на дѣлѣ однако оказалось, что распоряженій никакихъ сдѣлано не было. Въ результатѣ рядъ недоразумѣній и столкновеній съ мѣстною властью. Въ такую-то минуту я застаю нашего милѣйшаго дипломатическаго агента, барона Стуарта, въ отчаяніи воздѣвающаго руки надъ кипою нотъ министра иностранныхъ дѣлъ, Кагольничано.

„Все по Вашей милости, дѣйствующей арміи, заварилась такая каша, а мнѣ приходится расхлебывать“, встрѣчаетъ онъ меня съ укоризной.

„Если по моей милости, то и отдайте мнѣ эту кашу, съ которой постараюсь Вамъ больше не досаждать“.

А нотъ было не мало, съ трудомъ я могъ ихъ засунуть въ портфель, а замкнуть уже было нельзя. Отправляюсь къ Братіано. Всегда привѣтливый и ласковый, справляется о моемъ здоровьѣ и садится за столъ скручивать для меня папироску, а табакъ у него былъ необыкновенно хорошій.

„Что это у Васъ за сенаторскій портфель?“.

„Да вотъ Вашъ Кагольничано забросалъ барона дипломатическими депешами. Приходится распутывать узлы, для чего я и явился къ Вамъ".

„Ахъ да, я слыхалъ, рядъ столкновеній на пути Вашихъ войскъ съ населеніемъ. Погибель куръ и живности, даже кружки отрываются отъ фонтановъ и уносятся. Все въ этомъ родѣ".

— „Это въ депешахъ, а у меня коробъ заявленій войскового начальства. Рубль размѣниваютъ на полтора франка, дрова и солома прячутся и много подобнаго, конечно, это результатъ отсутствія комиссаровъ при колоннахъ. Теперь все это больше не повторится. Въ настоящую минуту безполезно разбирать, кто правъ, кто виноватъ. Разборъ и взысканія только обострятъ отношенія, и потому я предлагаю предать все забвенію".

„Понимаю и раздѣляю Ваше мнѣніе".

И, не отдѣляя слова отъ дѣла, благодушный Братіано собственноручно рветъ на столѣ Совѣта румынскихъ министровъ оффиціальныя ноты своего министра иностранныхъ дѣлъ. Развѣ это не умница?!

Точно такъ, быстро и безповоротно, рѣшались нами сообща множество дѣлъ, на каждомъ шагу возникавшихъ при соприкосновеніи нашихъ войскъ къ мѣстнымъ румынскимъ войскамъ и населенію. Военная конвенція была заключена слишкомъ поздно, да она и не содержала въ себѣ массу условій, безъ оговорки которыхъ являвшіяся недоразумѣнія легко могли повести къ серьезнымъ столкновеніямъ. Все обсуждалось нами во-время и затрудненія устранялись моментально. Въ этомъ слѣдуетъ отдать Братіано полную справедливость.

Помню разъ, Великій Князь главнокомандующій пенялъ мнѣ, что представительное правительство княжества связываетъ своего князя по рукамъ и ногамъ, даже въ вопросахъ чисто-военнаго характера, и что самъ Великій Князь находится въ неизвѣстности и нерѣшительности, какъ производить рекогносцировку Дуная и чѣмъ обезпечить успѣхъ предпріятія.

„Во всемъ этомъ навѣрно кроется какое-нибудь недоразумѣніе", позволилъ я себѣ доложить Его Императорскому Высочеству. „Нѣтъ такого Вашего распоряженія, которое не было бы немедленно приведено въ исполненіе. Что бы Вашему Высочеству угодно было приказать?"

— „Вотъ видишь ли, при производствѣ рекогносцировокъ на такомъ обширномъ пространствѣ, какъ Дунай, нѣтъ возможности дать имъ всѣмъ прикрывающіе отряды; а находящіяся на мѣстѣ румынскія войсковыя части, пожалуй, откажутся отъ непосредствен-

наго содѣйствія. Такъ вотъ, хотя бы только тремъ партіямъ обезпечить помощь отъ румынъ".

„Слушаюсь и отвѣчаю, что будетъ исполнено".

Это было въ Плоэштахъ.

Несмотря на позднее время моего возвращенія въ Бухарестъ, я въ тотъ же вечеръ былъ у Братіано.

Ни одного слова не обронивъ противорѣчія, онъ молча сѣлъ за столъ, взялъ листъ бумаги и перо и лаконически сказалъ: будемъ писать. И вотъ, что общими усиліями, мы выработали для помѣщенія на оффиціальномъ листѣ за государственною печатью:

„Les autorités militaires sont commandés de donner à l'officier de l'armée Impériale Russe, №№ , qui se présenterait avec cet ordre, tout le concours qu'il leur demanderait, mettre à sa disposition les troupes ou les instruments dont il aurait besoin, enfin chercher a mettre en execution les dispositions qu'il jugerait convenable dans le but de toute réconnaissance ou opération militaire".

„Приказывается всѣмъ войсковымъ начальникамъ, при предъявленіи настоящаго приказа россійской арміи, №№ , оказывать предъявителю полное содѣйствіе во всемъ, что онъ потребуетъ, предоставляя въ его распоряженіе войска и всякій матеріалъ, вообще употребляя всѣ средства для успѣшнаго достиженія имъ развѣдки или боевого дѣла".

Вотъ что называется исполнить желаніе Великаго Князя въ полномъ объемѣ, до крайнихъ предѣловъ. Русскому генералу или офицеру предоставлялось право, на основаніи этого приказа, даже перебросить черезъ Дунай воинскую часть и сдѣлать на томъ берегу поискъ.

Нужно было видѣть, какъ самъ Братіано былъ доволенъ.

„Хотя я самъ и не военный, но люблю военное дѣло и хорошо его понимаю. Нельзя безъ крайняго вреда связывать руки военноначальникамъ. Думаю, что и Великій Князь наконецъ меня оцѣнитъ. Завтра поѣздъ въ Плоэшти идетъ въ 3 часа. До второго звонка всѣ три листа будутъ Вамъ вручены на желѣзно-дорожной платформѣ".

Все было исполнено, какъ было обѣщано, и въ пятомъ часу я уже былъ въ кабинетѣ главнокомандующаго.

— „Какъ это тебѣ удалось такъ полно и такъ быстро исполнить мое желаніе. А Князь говорилъ мнѣ о неодолимыхъ затрудненіяхъ. Что, очень трудно было урезонить Братіано?"

„Ваше Высочество! Замокъ отпирается ключемъ, только для него приспособленнымъ. Вы не за тотъ ключъ взялись. Что же ка-

сается до Братіано, то смѣю Васъ увѣрить, что это человѣкъ прямой и преисполненъ относительно насъ добрыхъ намѣреній. Князь Карлъ безукоризненъ, но онъ значительно менѣе практиченъ— чѣмъ Братіано. Между правительственными лицами есть много весьма способныхъ людей, но ихъ нужно близко знать, чтобы оцѣнить, на что каждый способенъ".

— „Какъ бы то ни было, а я очень радъ, что такъ дѣло скоро и хорошо оборудовалось, передай Братіано мою благодарность. Да и тебя благодарю, твоею службою я очень доволенъ. Спасибо тебѣ отъ души".

— Какъ я былъ всѣмъ доволенъ! Радостнымъ я возвращался домой, мечтая, съ какимъ удовольствіемъ буду передавать моему Братіано благодарность Великаго Князя, какъ до сихъ поръ мы съ нимъ отличились и заслужили похвалу.

Не съ однимъ Братіано я дѣла дѣлалъ. По военной части мнѣ во многомъ помогали генеральнаго штаба полковникъ Сланичано, а потомъ военный министръ генералъ Чернатъ. По внутреннимъ сообщеніямъ и желѣзнымъ дорогамъ полковникъ Фалькояно, весьма дѣльный и въ высшей степени предупредительный. Всѣхъ именъ не припомню, но безъ исключенія всѣ съ одинаковымъ вниманіемъ относились къ моимъ запросамъ и въ самое короткое время сообщали мнѣ интересовавшія меня свѣдѣнія. Благодаря такому содѣйствію, я успѣлъ представить въ штабъ дѣйствующей арміи рядъ самыхъ важныхъ свѣдѣній въ отношеніи организаціи и свойствъ румынскихъ войскъ, относительно средствъ продовольствія, подъемныхъ силъ желѣзныхъ дорогъ, путей сообщенія и расквартированія, урожая послѣдняго года, судовъ и плавучихъ средствъ на Дунаѣ и по притокамъ, мѣстонахожденій лѣсовъ на верховьяхъ сплавныхъ рѣкъ, картъ страны и плановъ позицій и т. д. Зимой полевой штабъ, въ кишиневскомъ сидѣніи, больше думалъ о возвращеніи домой, чѣмъ о наступленіи во внутрь непріятельской страны. Мои донесенія складывались въ кучу и такъ и остались безъ разработки и примѣненія къ дѣлу. Всѣ вѣрили въ благопріятный исходъ конференціи, засѣдавшей въ Константинополѣ. Мирное настроеніе преобладало.

Въ особенности настойчиво я рекомендовалъ скупку послѣдняго богатаго урожая. Надвигавшаяся гроза съ сѣвера ни для кого не была секретомъ. Большинство сельскихъ хозяевъ и крупные скупщики торопились освободиться отъ хлѣбныхъ запасовъ и складовъ, которые по ихъ мнѣнію задаромъ могли достаться наступавшимъ войскамъ. Все съ лихорадочною поспѣшностью грузилось на суда, спускалось къ Дунаю и по Дунаю къ Браилову и Галацу, чтобы

какъ можно скорѣе увезти отъ опасности за границу. Цѣна баснословно пала. За 200—300 т. рублей можно было скупить то, что въ обыкновенное время стоило въ десять разъ дороже. Скупка хлѣба за счетъ арміи, доказывалъ я, во 1-хъ, сильно поддержитъ нашихъ представителей на конференціи и, во 2-хъ, обезпечитъ нашу армію чуть на годовымъ продовольствіемъ. Если война все-таки будетъ, мы будемъ имѣть громадные хлѣбные запасы подаркомъ. Если наоборотъ натянутое положеніе разрѣшится мирнымъ исходомъ, мы заработаемъ на продажѣ большія деньги. Начальникъ штаба арміи мнѣ отвѣчалъ, что если въ главной квартирѣ существуетъ сомнѣніе на счетъ войны, то въ Петербургѣ—полная увѣренность въ мирѣ, и что Министръ Финансовъ не дастъ на эту операцію ни одного рубля.

Я настаивалъ на своемъ, упрямо повторяя, что къ военному дѣлу нельзя прилагать мирныхъ масштабовъ, что, наконецъ, съ уходомъ хлѣба изъ дунайскаго бассейна уходятъ и всѣ судовыя средства, безъ которыхъ переправа черезъ такую широкую рѣку, какъ Дунай, затруднится до невѣроятныхъ размѣровъ. Въ такомъ случаѣ необходимо приступить теперь же къ постройкѣ судовъ и плотовъ въ вершинахъ сплавныхъ притоковъ. Мнѣ отвѣчали: хорошо, но пусть заготовкой займутся румыны на свой страхъ и рискъ.

Г. И. Бобриковъ.

Николай Гавриловичъ Чернышевскій [1]).

(Наброски по неизданнымъ матеріаламъ).

3. Невѣста.

Всѣ родные и знакомые Чернышевскихъ были поражены такимъ сватовствомъ. Даже подруги Ольги Сократовны не стѣснялись говорить Николаю Гавриловичу о неудачномъ выборѣ.

„Зачѣмъ вы, Николай Гаврилсвичъ, хотите жениться на ней", говорили онѣ, указывая на странности невѣсты: „видите, какая она... Она сдѣлаетъ васъ несчастнымъ".

Но во всѣхъ такихъ случаяхъ Н. Г. непремѣнно найдетъ причину, оправдывающую О. С. Чаще всего указывали ему на то, что она будетъ помыкать имъ, какъ малымъ ребенкомъ.

— „Мнѣ и нужна такая жена, которая бы управляла мною", отвѣчалъ Н. Г.

4 Двѣ смерти.

Въ пятницу на второй или третьей недѣлѣ великаго поста была послѣ литургіи помолвка; въ квартирѣ Васильевыхъ отслуженъ молебенъ приходскимъ священникомъ Михаило-Архангельской церкви, И. И. Поздневымъ, при чемъ, кромѣ жениха и невѣсты и родствен-

[1]) См. „Русская Старина" апрѣль 1912 г.

никовъ, присутствовала и мать Николая Гавриловича. Съ большимъ умиленіемъ, съ трудомъ держась на ногахъ, стояла она при помолвкѣ своего единственнаго сына.

Рѣшено было, чтобы свадьба была тутъ же, послѣ Пасхи, на красную горку, а послѣ нея—сразу же отправиться въ Петербургъ, гдѣ Н. Г. надѣялся приготовиться къ профессурѣ.

Между тѣмъ, въ семьѣ Чернышевскихъ собиралась гроза. Евгенія Егоровна уже издавна была женщина болѣзненная; она всегда имѣла вялый видъ и часто болѣла, такъ что приходилось ложиться въ постель. Несмотря на это, она, какъ женщина религіозная, не пропускала ни одной преждеосвященной литургіи; была она на литургіи и въ ту пятницу, когда произошла помолвка ея сына. Болѣзненное состояніе Е. Е. брасалось въ глаза всѣмъ. Вскорѣ послѣ помолвки, она пошла къ своимъ родственникамъ, Акимовымъ; они передали ей всѣ сплетни, ходившія по городу объ Ольгѣ Сократовнѣ. Ужаснулась она за судьбу своего горячо любимаго сына. „Свѣта не взвидѣла“ Евгенія Егоровна,—такъ была поражена разсказомъ Акимовыхъ, что не помнила, какъ она вышла изъ квартиры, какъ ѣхала и какъ прибыла домой. Погода была скверная: дулъ вѣтеръ, было грязно, а мать Н. Г., потная, взволнованная, и не запахнулась въ сильномъ безпокойствѣ; вѣтеръ пронизалъ ее насквозь. Въ эту же ночь она заболѣла воспаленіемъ легкихъ, и уже болѣе не вставала съ постели. Лучшіе саратовскіе доктора, Покасовскій и Васильевъ, лечившіе Е. Е., ничего не могли сдѣлать. Съѣхались всѣ родственники Чернышевскихъ ухаживать за больной; пріѣхала Александра Егоровна Пыпина изъ Аткарска, гдѣ служилъ ея мужъ. Постоянно бывала при больной и старуха-тетка, жившая въ Саратовѣ. Наканунѣ дня Пасхи Гавріилъ Ивановичъ самъ служилъ для нея всенощную. Всѣ похристосовались съ больной, а въ самый день Пасхи она умерла (19. IV. 1853).

Кто не зналъ этихъ двухъ семействъ, Пыпиныхъ и Чернышевскихъ, тотъ не можетъ себѣ представить, какъ горевали они, будучи связаны самою нѣжной любовью. Горе послѣ смерти всѣми любимой и уважаемой Евгеніи Егоровны было такъ велико, что со старушкой-теткой сдѣлалось дурно. Она велѣла заложить лошадь, но тутъ же свалилась въ постель,—съ теткой сдѣлался ударъ, и когда Евгенію Егоровну выносили изъ дома въ церковь для отпѣванія, въ томъ же домѣ умерла и старушка-тетка. Такимъ образомъ, въ домѣ были двѣ покойницы.

Нормандскій, родственникъ Чернышевскихъ, прямо говорилъ, что Е. Е. убили Акимовы, передавшіе ей сплетни объ Ольгѣ Сократовнѣ.

Между тѣмъ, Николаю Гавриловичу нужно было ѣхать въ Петербургъ; онъ уже вышелъ изъ гимназіи. Безъ дѣла онъ не хотѣлъ оставаться ни одной минуты. Но оставить отца одного, привыкшаго къ семейной жизни и находящагося въ большомъ горѣ, было нельзя. Рѣшено было, что семейство Пыпиныхъ переѣдетъ изъ Аткарска въ Саратовъ для совмѣстной жизни въ домѣ Гавріила Ивановича. Н. Г. выхлопоталъ Николаю Дмитріевичу (Пыпину) и мѣсто въ Саратовѣ, куда тотъ и переѣхалъ на слѣдующую весну. Такъ какъ Чернышевскіе были знакомы съ большинствомъ начальствующихъ лицъ въ саратовскихъ учрежденіяхъ, то переводъ этотъ устроить было легко. Такимъ образомъ, оба семейства опять зажили вмѣстѣ.

Сама Александра Егоровна была пресимпатичная и умная особа. Выросши на глазахъ Г. И. (1806—1884), она, при его посредствѣ два раза была замужемъ. Гавріилъ Ивановичъ всегда относился къ ней съ особеннымъ уваженіемъ и любилъ ея общество. Всѣ знавшіе говорятъ о ней, какъ объ образцовой матери. Вѣчно занятая своимъ дѣломъ, она была хорошая хозяйка и хорошая воспитательница Шьетъ она, бывало, что-нибудь, вспоминаютъ знавшіе А. Е., а около сидятъ и дѣти за столомъ; читаютъ или учатъ уроки.

„Мамочка! Позвольте мнѣ прочитать „Московскія Вѣдомости“.

И если дѣти хорошо ведутъ себя,—она давала. У дѣтей считалось удовольствіемъ читать то, что читаютъ взрослые. Если случалось какое-нибудь горе, то никогда, бывало, не скажетъ постороннимъ; только поплачетъ сама или подѣлится съ близкими. Получивъ только домашнее образованіе, и не безъ посредства Гавріила Ивановича, она находила время среди хозяйственныхъ заботъ на чтеніе книгъ и журналовъ. Свои мнѣнія она высказывала открыто, не заботясь о томъ, приходятся ли по вкусу они другимъ или нѣтъ. Правда для нея дороже всего. Поэтому ее называли либералкой. Это вполнѣ понятно: ея мнѣніе иногда шло въ разрѣзъ съ господствующими взглядами. Такъ, напр., въ то время слишкомъ жестоко наказывали преступниковъ. А. Е. выражала къ нимъ жалость и не сочувствовала судьямъ.

„Что это вы, Александра Егоровна, такъ заступаетесь за убійцъ? скажутъ ей. „Вѣдь, вы противъ закона идете: законъ велитъ наказывать“, возражаютъ ей: „какъ же простить вину преступнику?“

— „Вовсе не заступаюсь, а зачѣмъ же ихъ тиранить“, возразитъ она. „За преступленіе его всю жизнь совѣсть терзать будетъ, а это—самое сильное наказаніе“.

Вотъ, по этимъ-то добрымъ качествамъ она была особенно дорога для Гавріила Ивановича; поэтому-то именно на нее и палъ выборъ.

5. *Свадьба.*

И. И. Введенскій, занимавшій тогда должность въ петербургскомъ кадетскомъ корпусѣ, писалъ Чернышевскому, чтобы тотъ какъ можно скорѣе ѣхалъ въ Петербургъ, иначе должность преподавателя, которой добивался Николай Гавриловичъ, займутъ другіе. Это и было причиной того, что свадьба была черезъ десять дней послѣ смерти матери Н. Г. Хотя Гавріилъ Ивановичъ и Николай Гавриловичъ желали, чтобъ свадьба состоялась въ маѣ, но Ольга Сократовна знала примѣту, что выйти замужъ въ маѣ—цѣлый вѣкъ маяться, и потому настояла на томъ, чтобы свадьба была въ апрѣлѣ.

29. IV. Была свадьба. А Гавріилъ Ивановичъ записалъ въ метрикѣ (см. слѣд. стр.).

Въ городѣ кумушки говорили: „Черезъ два гроба перешелъ къ вѣнцу, не бывать счастью этой четѣ“.

Молодые намѣревались тутъ же, послѣ вѣнца, отправиться въ Петербургъ, но Гавріилъ Ивановичъ упросилъ сына остаться на нѣкоторое время. „Миленькій сыночекъ“, говорилъ онъ, „останься денечекъ—другой; утѣшь меня, старика-отца“. Къ тому же, отъ всѣхъ предшествовавшихъ событій съ Н. Г—чемъ была нервная лихорадка; поэтому, молодые уѣхали въ Петербургъ лишь черезъ пять дней послѣ брака.

Отецъ и сынъ условились постоянно переписываться между собой. Даже назначили дни, въ которые письмо непремѣнно должно быть послано. И если письмо почему-либо не приходило въ извѣстный день, — то обыкновенно безпокоились и тотъ, и другой, такъ что посылали въ почтовую контору узнать, получена ли почта. Когда Николай Гавриловичъ учился въ Петербургѣ и Москвѣ, то почта изъ Петербурга приходила только два раза въ Саратовъ (письмо шло 14 дней, а изъ Москвы—восемь, а иногда и меньше, смотря по времени года). Съ проведеніемъ Николаевской желѣзной дороги, письма получались гораздо скорѣе, а съ развитіемъ пароходства—почта приходила нѣсколько разъ въ недѣлю. Изъ Петербурга теперь письмо получалось на шестой день. Какъ радовался Гавріилъ Ивановичъ, когда письма стали получаться на шестой день! „Какая скорь стала въ передвиженіи“, говорилъ онъ. „Какъ вы думаете, черезъ сколько времени получается почта изъ Петербурга? На шестой день! Удивительное дѣло! А прежде-то какъ долго ходила изъ Петербурга почта!“

[НЕРУКОТВОРЕННО-СПАССКАЯ ЦЕРКОВЬ].

Метрической книги на (1853) годъ, часть вторая о бракосочетавшихся.

Счетъ браковъ.	Мѣсяцъ и день.	Званіе, имя, отчество, фамилія и вѣроисповѣданіе жениха, и которымъ бракомъ.	Лѣта жениха.	Званіе, имя, отчество, фамилія и вѣроисповѣданіе невѣсты, и которымъ бракомъ.	Лѣта невѣсты.	Кто совершалъ таинство.	Кто были поручители.	Подпись свидѣтелей записи по желанію.
7	Апрѣль. 29.	Николай Гавриловъ Чернышевскій, состоящій въ Саратовской Гимназіи Старшимъ Учителемъ Русской Словесности, православнаго вѣроисповѣданія, первымъ бракомъ. Протоіерей Ѳеодоръ Вязовскій. Діаконъ Яковъ Подольскій. Дьячекъ Максимъ Семеновскій. Пономарь Иродіонъ Траецкій.	24.	Дѣвица Ольга Сократова, Коллежскаго Совѣтника Сократа Евгеніева Васильева дочь, православнаго вѣроисповѣданія.	20.	Саратовскій Каѳедральный Протоіерей Ѳеодоръ Стефановъ Вязовскій съ діакономъ сей церкви Яковомъ Подольскимъ, Дьячкомъ Максимомъ Константиновымъ Семеновскимъ и Пономаремъ Иродіономъ Іовлевымъ Траецкимъ.	По женихѣ — отецъ его Протоіерей Гавріилъ Ивановъ Чернышевскій и Учитель Саратовской Духовной Семинаріи Михаилъ Ивановъ Смирновъ. По невѣстѣ — отецъ ея, Коллежскій Совѣтникъ Сократъ Евгеніевъ Васильевъ и Коллежскій регистраторъ изъ дворянъ Василій Димитріевъ Чесноковъ.	

[Изъ архива Саратовской духовной консисторіи].

Тщательно хранилъ Гавріилъ Ивановичъ письма своего сына. Онъ собиралъ ихъ въ пачки, сложенныя по-годно, съ надписью: „Письма милаго сыночка“ такого-то года. Каждое письмо, полученное имъ, радовало Г. И—ча, и онъ прочитывалъ его вслухъ всѣмъ роднымъ, если они бывали въ домѣ Чернышевскаго во время полученія письма, въ противномъ же случаѣ только на вопросъ родныхъ Г. И. передавалъ содержаніе письма.

Разъ Н. Г. очень успокаивалъ отца въ письмѣ; вѣроятно, Г. И. въ своемъ письмѣ, отвѣтомъ на которое было письмо сына, дѣлалъ какія-нибудь рѣзкія замѣчанія. Случалось, сынъ присылалъ ему и деньги. Разъ, когда Николай Дмитріевичъ Пыпинъ сталъ при родныхъ, пришедшихъ къ нему въ гости, показывать подарки, присланные ему изъ-за границы сыномъ, Гавріилъ Ивановичъ сказалъ: „И мнѣ тоже сыночекъ прислалъ подарокъ“ и при этомъ вынулъ изъ стола 400 рублей.

VII. Николай Гавриловичъ—писатель.

До Москвы ѣхали на перекладныхъ, а изъ Москвы—по желѣзной дорогѣ, которая уже была готова. Изъ пассажировъ, ѣхавшихъ вмѣстѣ съ Чернышевскими, никто не хотѣлъ вѣрить, чтобы они были *молодые*: они говорили другъ другу *вы*. Николай Гавриловичъ былъ необыкновенно вѣжливъ къ Ольгѣ Сократовнѣ и ухаживалъ за ней, какъ за малымъ ребенкомъ. Когда поѣздъ сталъ подъѣзжать, наконецъ, къ Петербургу, и городъ сталъ виденъ, случилось одно маленькое обстоятельство. Н. Г. высунулся изъ окна, чтобы взглянуть на Петербургъ, и у него сорвало вѣтромъ его шелковую фуражку. О. С. сочла это за дурное предзнаменованіе.

„Неужели тебѣ тамъ снесутъ голову? Дай Богъ, чтобы вы не потеряли тамъ головы“, говорила она. (Впослѣдствіи О. С., разсказывая объ этомъ случаѣ, говорила: „Я шутила надъ нимъ: снесутъ тебѣ голову въ Петербургѣ, потеряешь ее тамъ“). Николай Гавриловичъ отшучивался. Въ чемоданѣ былъ другой картузъ плюшевый, который и надѣлъ Чернышевскій.

Въ Петербургѣ они нашли себѣ квартиру около 2-го корпуса (Петербургская сторона д. Бородиной, противъ Жуковки). Финансы Чернышевскихъ были очень ограничены: Н. Г. получалъ 40 рублей въ мѣсяцъ, какъ учитель, и около десяти рублей въ мѣсяцъ зарабатывалъ, какъ писатель. Сразу, по пріѣздѣ Чернышевскихъ въ Петербургъ, Краевскій предложилъ ему работать въ „Отечественныхъ Запискахъ“. Вскорѣ Н. Г. познакомился съ Некрасовымъ, который просилъ его участвовать въ „Современникѣ“.

Учительство въ кадетскомъ корпусѣ не понравилось Николаю Гавриловичу: тутъ было еще болѣе стѣсненій, чѣмъ въ Саратовской гимназіи, почему онъ скоро и ушелъ оттуда. Некрасовъ и Краевскій другъ передъ другомъ старались залучить Чернышевскаго къ себѣ въ сотрудники. Изъ-за него между Некрасовымъ и Краевскимъ шла настоящая торговля. Некрасовъ очень понравился Н. Г—чу, и онъ сдѣлался фактическимъ редакторомъ „Современника“.

„Разъ приходитъ Николай Гавриловичъ со службы домой“, разсказывала О. С. „и говоритъ мнѣ: „Что ты больше желаешь: или чтобы я получалъ больше денегъ, или чтобы я, служа въ корпусѣ, имѣлъ меньше денегъ, но получалъ чины? Признаюсь, я терпѣть не могу чиновъ“. Я согласилась больше получать денегъ, и тогда онъ оставилъ службу, и сдѣлался сотрудникомъ „Современника“.

Въ то время этотъ журналъ имѣлъ около 5.000 подписчиковъ.

Живя въ Петербургѣ, Чернышевскіе были знакомы съ Семевскими. Когда Николай Гавриловичъ съ женой былъ разъ у И. Н. Виноградова (въ Саратовѣ), то онъ говорилъ И. Н—чу, что Ф. В. Духовниковъ собиралъ свѣдѣнія о Г. Е. Благосвѣтловѣ для М. И. Семевскаго. „Ты помнишь Мишу? спросила Ольга Сократовна Н. Г—ча. „Помню“, отвѣтилъ тотъ.

Интересный разсказъ о петербургской жизни Чернышевскихъ сохранили бумаги Ф. В. Духовникова.

„У меня“, разсказывала Ольга Сократовна впослѣдствіи „бывали свои гости, у Николая Гавриловича—свои. Мои гости, какъ люди, большею частію, пустые, его не интересовали: онъ не принималъ участія въ тѣхъ удовольствіяхъ, которыя я устраивала, къ тому же ему было и некогда. Со своей стороны и я не могла присутствовать въ то время, когда къ Н. Г. собирались его гости. Я не понимала ихъ ученыхъ разговоровъ, да и, кромѣ того, отъ ихъ куренья у меня разбаливалась голова. Этотъ дымъ заставлялъ меня бѣжать изъ дома. Поэтому напоивъ гостей чаемъ и отдавъ распоряженія, какъ подавать закуску, я отправлялась въ театръ. Безъ меня никто изъ гостей не стѣснялся. Но если разговаривали о житейскихъ дѣлахъ, или читали стихотворенія, которыя я очень любила, или же разговоръ касался такихъ предметовъ, которые я понимала, я съ удовольствіемъ оставалась и слушала. Иногда Некрасовъ читалъ свои импровизаціи по поводу какого-нибудь разсказа. Здѣсь стихи составлялись шутя, между разговоромъ, такъ что не всѣ эти импровизаціи попадали въ печать. Разъ онъ произнесъ стихотвореніе, которое всѣмъ понравилось. Н. Г. былъ увѣренъ, что тотъ его записалъ, но Некрасовъ, занятый другими дѣ-

лами, совершенно позабылъ стихи. Когда Николай Гавриловичъ составлялъ книжку „Современника“, то оставилъ страницы для стихотворенія Некрасова, и напомнилъ Н. А—чу объ этомъ. Тотъ, оказалось, не могъ даже и припомнить, что онъ говорилъ. Тогда Николай Гавриловичъ прочиталъ ему стихотвореніе, съ начала и до конца, и даже записалъ его, такъ что Некрасову оставалось только исправить стихотвореніе.

Самъ Н. Г. не зналъ ни жизни, ни людей: ему было некогда знать, такъ какъ все время онъ проводилъ за книгами.

Но эти знакомые сослужили ему свою службу: онъ съ нихъ взялъ нѣкоторыя черты, которыми надѣлилъ дѣйствующихъ лицъ въ романѣ „Что дѣлать?“. Турчаниновъ, Боковъ, одинъ офицеръ и я послужили Николаю Гавриловичу матеріаломъ для изображенія лицъ въ романѣ. Черты моего характера разсѣяны на нѣсколькихъ дѣйствующихъ лицахъ „Что дѣлать?“. Вѣрочка—я, Лопуховъ взятъ съ Бокова, офицеръ—съ Кирсанова [1]). Послѣ меня спрашивали: „Кто этотъ Кирсановъ? Правда ли, вы съ нимъ живете?“.

Въ Петербургѣ, конечно, Н. Г. жилъ только литературой. Много времени отнимало хожденье въ типографію. Когда идетъ, бывало, туда, то зайдетъ нарочно въ лавочку и купитъ рѣпу: онъ очень ее любилъ. Идетъ и кожурки съ рѣпы бросаетъ по тротуару. По этимъ кожуркамъ близко знавшіе Н. Г. и узнавали, что онъ уже пошелъ въ типографію.

Жизнь Чернышевскаго въ Петербургѣ была лихорадочная: руки тряслись, мозги усиленно работали. Онъ никогда не могъ спать послѣ обѣда, да и ночью иногда спалъ по два, по три часа. Бывало, и ночью проснется, вскочитъ и начнетъ писать. Дома онъ все сидѣлъ въ кабинетѣ. Минутъ на пять зайдетъ въ половину, занимаемую Ольгой Сократовной, поцѣлуетъ руку.

Штралеръ и скрипачъ Николай Поповъ часто бывали у О. С., играя ей разныя вещи. „Ступайте, оправьте мою постель“, скажетъ она,—и тѣ повинуются. Живя въ Петербургѣ, О. С. старалась подыскать партію то одному, то другому сыну. Здѣсь Чернышевскіе получали болѣе 6.000 рублей въ годъ, и все-таки трудно было сводить концы съ концами. Ольга Сократовна говорила: „Мы постоянно нуждаемся. Какія у писателей могутъ быть деньги?“.

Одна изъ родственницъ Чернышевскихъ разсказывала про себя: „Я тогда играла, плясала, веселилась. Николай Гавриловичъ цѣнилъ во мнѣ то, что я всѣмъ въ глаза говорила правду. Я писала стихи. Онъ нѣсколько разъ говорилъ, чтобы я отдѣлала ихъ и напечатала,

[1]) Т. е., должно быть наоборотъ. А. Л.

но я не соглашалась. „Осмѣютъ, обругаютъ меня за нихъ“, говорила я ему.

— „Это лучше, если тебя обругаютъ,—больше, значитъ, чести“.

Придешь, бывало, съ гулянья, и примешься ему разсказывать, съ кѣмъ я гуляла, что говорила, какъ заставляла въ себя влюбляться. Бывало, и стыдно, а все говоришь; не скрываешь, кѣмъ увлекалась... Я любила красивыхъ мужчинъ, съ которыми весело проводила время. Это-то[1]) и цѣнилъ Н. Г. „Ты заняла меня своими разсказами“, скажетъ онъ; „ты—самородокъ, у тебя—природный умъ. Вотъ, ты и записала бы, моя несравненная“. Онъ не могъ меня съ кѣмъ-либо сравнить“.

Послѣ того, какъ Н. Г. исключительно посвятилъ себя литературѣ и сталъ пріобрѣтать извѣстность,—о немъ заговорили. Заговорили и въ Саратовѣ. Радовался Гавріилъ Ивановичъ, что сынъ сталъ пользоваться популярностью, но какъ всегда сдержанный, не хвалился его литературными успѣхами. Постоянно отъ всѣхъ знакомыхъ и незнакомыхъ слышалъ старикъ похвалы сыну за журнальныя статьи, но онъ отвѣчалъ молчаніемъ въ отвѣтъ на эти похвалы. Изъ желанія сдѣлать Г. И—чу пріятное, многіе, даже незнакомые ему, расхваливали сына, но Гавріилъ Ивановичъ не считалъ нужнымъ отвѣчать; только когда дома и въ интимной бесѣдѣ родные или знакомые заведутъ разговоръ объ успѣхахъ Николая Гавриловича, то Г. И. скажетъ въ отвѣтъ: „Да, сынъ мой пріобрѣтаетъ извѣстность въ Петербургѣ“, но болѣе—ни слова. Иногда по поводу его статей проговорится: „Хорошо-то, хорошо, и полезны для Россіи тѣ преобразованія, о которыхъ пишетъ сынъ, да раненько“. Рѣзкія статьи Н. Г—ча побуждали отца писать ему рѣзкія письма, въ отвѣтъ на которыя сынъ слалъ свои оправданія.

Въ 1855 году Саратовъ постигло бѣдствіе: были большіе пожары. Постоянно то одному, то другому домовладѣльцу подбрасывались подметныя письма, угрожавшія пожаромъ. Въ городѣ была сильнѣйшая паника. Почти во всѣхъ домахъ имущество было уложено въ возы, чтобы, въ случаѣ близкаго пожара, вывести его въ безопасное мѣсто. Нѣкоторые жители даже выѣхали изъ города и жили около него въ шалашахъ, гдѣ держали и имущество.

Всѣ пожарные и полиція измучились: иногда бывало до ста пожаровъ въ день въ разныхъ мѣстахъ города. Надъ Саратовомъ все всемя носился дымъ отъ пожара. Образовалась изъ жителей полиція для караула. Весь городъ раздѣлили на участки, которыми завѣдывали выборные. Начальникомъ надъ такой полиціей былъ

[1]) Т. е., эту искренность. А. Л.

Ганъ, предсѣдатель казенной палаты. Но ничто не помогало; пожары все возрастали. Много говору вызывали эти пожары. Говорили тогда, что поджигатели клали въ яичную скорлупу воспламеняющійся составъ и бросали яйцо на дворы. Говорили также, что заборы поливались воспламеняющимся составомъ. О пожарныхъ трубахъ говорили, что онѣ не дѣйствуютъ, такъ какъ злоумышленники вбивали въ нихъ гвозди.

Подкинуты были письма о поджогахъ и Сергіевской улицы; Г. И. и Пыпины предприняли мѣры предосторожности; запаслись на трехъ лошадяхъ водой для тушенія; вся посуда была занята водой. Въ назначенный день загорѣлось какое-то зданіе около Краснаго Креста (очень далеко отъ Чернышевскихъ, болѣе версты). Когда пожарные были измучены тушеніемъ тамъ пожара, начался новый пожаръ, на задахъ дома Кирѣева (теперь [писано въ 1890-тыхъ г.г.] И. Е. Аносова), на Московской улицѣ. Мѣсто для поджога было выбрано самое удачное: постройки Кирѣева примыкали къ деревяннымъ службамъ двухъ домовъ, выходящихъ на Сергіевскую улицу. Такъ какъ во всемъ городѣ не было другого брандъ-маіора, кромѣ И. И. Мордвинкина, всѣми уважаемаго въ Саратовѣ, то загорѣлись всѣ деревянныя постройки, которыя тянулись по Сергіевской улицѣ, по направленію къ Волгѣ. Пожаръ распространялся и на сосѣдніе кварталы, особенно на деревянные трактиры. Подулъ сильный вѣтеръ и поднялъ песокъ и пыль, которые покрывали немощенныя тогда улицы Саратова. Опасность угрожала и дому Чернышевскихъ; противъ него все горѣло, а въ домѣ и крыша, и ставни, были деревянные. Только благодаря тому, что набѣжало много знакомыхъ и причетниковъ, домъ былъ спасенъ. Сгорѣла часть Московской улицы, до дома Образцова, исключая дома Мордвинкина, который отстояли собственно потому только, что владѣлецъ его давалъ по серебряному рублю за бочку; сгорѣла и часть Сергіевской улицы, до гимназіи и Бабушкина взвоза, и то только потому, что генералъ Граббе, спасая свой домъ, распорядился вызвать весь батальонъ солдатъ, который и разломалъ всѣ постройки сосѣдей, а по этимъ постройкамъ огонь неминуемо распространился бы по другимъ домамъ.

Гавріилъ Ивановичъ сильно скучалъ безъ сына, жившаго въ Петербургѣ. Желая утѣшить его, Николай Гавриловичъ прислалъ своихъ двоихъ дѣтей на житье у Г. И. Впослѣдствіи къ дѣду прибылъ и третій внукъ. Внуки доставляли Гавріилу Ивановичу много удовольствія и служили утѣшеніемъ въ старости. Когда настало время учить старшаго, Александра,—его взяли въ Петербургъ, а Г. И—чу привезли средняго сына. Саратовскій климатъ, конечно, гораздо

лучше петербургскаго, къ тому же здѣсь дѣти всегда могли быть на свѣжемъ воздухѣ.

Въ ноябрѣ 1860 г. заболѣлъ отецъ Ольги Сократовны. Николай Гавриловичъ далъ женѣ 700 рублей, чтобы за нимъ ухаживать. Она поѣхала въ Саратовъ, но уже не застала отца въ живыхъ. Когда О. С. подъѣхала къ дому Сократа Евгеньевича,—дворникъ сказалъ ей, что тотъ уже умеръ (10 ноября 1860 г.). Она отправилась къ Гавріилу Ивановичу. Тотъ оказался больнымъ. Сначала Ольга Сократовна подумала, что онъ заболѣлъ отъ огорченія, вслѣдствіе смерти С. Е—ча, котораго онъ искренно уважалъ. Но оказалось, что дней черезъ десять послѣ смерти Сократа Евгеньевича, умеръ отъ скарлатины внукъ Г. И—ча. Это такъ поразило старика, что у него отъ неутѣшнаго плача разболѣлись и безъ того разстроенные работой по ночамъ глаза, и онъ долженъ былъ носить козырекъ. Когда ребенокъ умеръ, Гавріилъ Ивановичъ взялъ его, мертваго, на руки и долго, долго прижималъ къ сердцу. Жаль было внука старику, и онъ считалъ себя отвѣтственнымъ предъ дѣтьми за его смерть. Это безпокойство было причиной того, что старикъ страшно похудѣлъ. Не могъ безъ рыданія повѣдать о случившемся Ольгѣ Сократовнѣ убитый горемъ Г. И—чъ.

Между тѣмъ въ служебной дѣятельности Г. И—ча произошла большая перемѣна. Еще въ 1850 г. указомъ Синода дѣло Протопопова (о немъ см. ранѣе) велѣно было не считать препятствіемъ на будущее время къ награжденію его знаками отличія, установленными для бѣлаго духовенства. Въ 1853 г. онъ получилъ за службу орденъ Анны 3-ей степени.—Въ Саратовѣ произошла смѣна архіереевъ: вмѣсто преосвященнаго Аѳанасія, бывшаго здѣсь съ 1847 г. и переведеннаго въ Астрахань въ 1856 г., сюда назначили Іоанникія (Горскаго).

Новый преосвященный, еще будучи въ Сергіевой лаврѣ, разспрашивалъ монаховъ о саратовскомъ духовенствѣ. Въ Саратовѣ никто не зналъ, откуда и когда именно пріѣдетъ новый архіерей. Поэтому онъ пріѣхалъ безъ встрѣчи. Происходила служба наканунѣ праздника воспоминанія Полтавской побѣды. Во время всенощной, когда все духовенство было въ церквахъ, пріѣхалъ съ парохода новый архіерей, взявъ съ пристани простого извозчика. Такъ какъ прежніе саратовскіе архіереи имѣли постели свои, которыя и увозили при своемъ отъѣздѣ изъ епархіи, то въ архіерейскомъ домѣ не было приготовлено постели для Іоанникія. Онъ проспалъ ночь на диванѣ, одѣтый своей шубой. „Я“, говорилъ онъ послѣ, „цѣлую ночь проплакалъ“. Когда на слѣдующій день представлялся Іоанникію каѳедральный протоіерей, Вязовскій, бывшій, вмѣстѣ съ тѣмъ

и экономомъ архіерейскаго дома, архіерей высказалъ ему свое неудовольствіе, прибавивъ къ этому и многое изъ того, что говорили ему въ лаврѣ монахи о саратовскомъ духовенствѣ. Не совсѣмъ здоровый Вязовскій, уважаемый всѣми предшествующими архіереями, Моисеемъ, Іаковомъ и Аѳанасіемъ, такъ огорчился, что слегъ въ постель и заболѣлъ. Іоанникій навѣщалъ больного. Вскорѣ протоіерей умеръ. На его мѣсто назначили Гавріила Ивановича. Когда секретарь, по порученію преосвященнаго, 29 августа пришелъ на домъ къ Чернышевскому и передалъ ему о новомъ назначеніи, Гавріилъ Ивановичъ отвѣтилъ: „Не хотѣлось бы переходить отъ Сергіевой церкви, гдѣ я всю свою священническую жизнь провелъ (около тридцати лѣтъ), да и жить-то мнѣ осталось недолго. Много-много проживу я четыре года“. Слова его были пророческими. У Г. И—ча уже давно была та болѣзнь, которая свела его въ могилу.

Въ то время литературная слава Николая Гавриловича распространялась все болѣе и болѣе, и, по мѣрѣ того, какъ росла его извѣстность,—по Саратову начали ходить слухи, которые старались не доводить до Г. И—ча. Это было необходимо потому, что болѣзнь сердца, которой страдалъ престарѣлый отецъ писателя, все усиливалась. Особенно часто изъ женскаго монастыря направлялись укоризны, что Н. Г. пишетъ статьи антирелигіознаго и антиправительственнаго содержанія. А. Е. Пыпина, которой приходилось часто выслушивать такія вещи, обычно отвѣчала: „Укажите мнѣ хоть одно мѣсто, гдѣ видите вредное направленіе“.

Г. И—чъ, занятый постоянно дѣлами, не могъ читать всѣхъ статей сына, но А. Е. прочитывала все, что только выходило изъ-подъ пера Николая Гавриловича, и не находила въ его статьяхъ ничего предосудительнаго. Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что тѣ самыя лица, которыя, во время наибольшей славы Н. Г., восторгались его статьями, всегда просили Гавріила Ивановича передать сыну благодарность за возбужденіе многихъ вопросовъ въ „Современникѣ“ и выискивали случай познакомиться съ Николаемъ Гавриловичемъ, затѣмъ не только отшатнулись отъ него, но начали даже, по возможности, мстить. Они выдумывали на Николая Гавриловича разныя небылицы, бросали въ него грязью и искажали такіе факты, относящіеся къ Чернышевскому, въ которыхъ даже самые завзятые враги Н. Г. не могли отыскать ничего чернаго.

Однажды истинныхъ и мнимыхъ почитателей Чернышевскаго очень встревожилъ слухъ объ его арестѣ. Дѣло происходило такимъ образомъ. Воскресенскій, бывшій учитель Н. Г. по семинаріи будучи въ то время предсѣдателемъ Саратовской палаты уголовнаго

суда, сообщилъ архимандриту Никанору объ арестѣ Н. Г. Никаноръ, будучи въ хорошихъ отношеніяхъ съ Гавріиломъ Ивановичемъ, нарочно поѣхалъ къ нему, съ цѣлью узнать, насколько справедливъ этотъ слухъ. Въ случаѣ же, если Г. И. не зналъ объ арестѣ,—то Никаноръ имѣлъ цѣлью подготовить его къ этому тяжелому событію. Свою миссію онъ исполнилъ такъ ловко, что нисколько не напугалъ Г. И—ча. Оказалось, извѣстіе было ложное. Почти одновременно Г. И. и Пыпины получили отъ своихъ дѣтей письма, въ которыхъ не было и намека на арестъ. Между прочимъ тамъ были такія фразы: „Что дѣлается въ мірѣ политическомъ и литературномъ, Вы узнаете изъ газетъ“.

Обычно, живя въ Саратовѣ, Николай Гавриловичъ не высказывалъ при отцѣ рѣзкихъ сужденій, которыя могли бы оскорбить убѣжденія Г. И—ча: любовь къ отцу была у него очень сильна, и сынъ дорожилъ любовью Г. И—ча. Интересный фактъ разсказываетъ В. И. Дурасовъ. Пріѣхалъ однажды Н. Г. къ отцу. Пришли къ Чернышевскимъ В. И. Дурасовъ и Н. И. Костомаровъ. Подана была закуска, скоромная и постная. Н. Г. сталъ ѣсть постное. Отецъ и говоритъ ему: „Вы, петербуржцы, ѣдите тамъ, вѣроятно, скоромное. Отчего же ты не ѣшь? У насъ здѣсь и монахи ѣдятъ скоромное въ посты. Я самъ видѣлъ, какъ у Мордвинова (управляющаго Саратовской удѣльной конторой) архимандритъ Никандръ ѣлъ въ великій постъ скоромное“. Надо замѣтить, что и въ пищѣ, и въ другихъ отношеніяхъ, Н. Г. довольствовался малымъ, такъ что возбуждалъ къ себѣ удивленіе. Въ Петербургѣ, когда онъ жилъ одинъ въ большой квартирѣ, а Ольга Сократовна занимала дачу, Н. Г. ѣлъ овсянку и подобную неприхотливую пищу. Поэтому, онъ отказался отъ предложенія отца и ѣлъ постное. „Какой Чернышевскій притворщикъ!“ сказалъ мнѣ дорогою Костомаровъ, когда мы шли отъ Чернышевскихъ. „А въ Петербургѣ-то что онъ дѣлаетъ!“ (Говорятъ, Н. Г. много способствовалъ переводу Костомарова изъ Саратова въ Петербургъ). Я отвѣтилъ ему: „Онъ, вѣроятно, не хочетъ огорчать своего отца“.

Основавшись въ Петербургѣ, Н. Г. не могъ часто бывать у отца: дѣла „Современника“, лежавшія главнымъ образомъ на немъ, требовали его постояннаго присутствія. Зналъ это Гавріилъ Ивановичъ и, поэтому, не только не настаивалъ на пріѣздахъ сына въ Саратовъ, но даже совѣтовалъ ему заниматься этими дѣлами, чтобы не ставить редакцію въ неловкое положеніе. Г. И. видѣлъ самъ, что даже тогда, когда сынъ пріѣзжалъ къ нему въ Саратовъ,—ему присылалась масса писемъ, рукописей, корректуры и пр. для чтенія. Особенно много времени требовала корректура, за которой

долго просижпвалъ Н. Г., почему онъ иногда не приходилъ обѣдать и не спалъ по цѣлымъ ночамъ. Зато сынъ не лишалъ себя удовольствія поговорить съ отцомъ. Часовъ въ десять вечера, когда въ домѣ все утихало, Н. Г. спускался съ балкона къ отцу, и долго, долго шли ихъ задушевныя бесѣды. Понятно, что сынъ только изрѣдка появлялся при гостяхъ, бывавшихъ у его отца, а самъ не только не имѣлъ времени заводить новыя знакомства, чего многіе желали и усиленно добивались, но даже не бывалъ у тѣхъ, кого очень желалъ бы видѣть, о чемъ прямо говорилъ имъ, при личномъ свиданіи. Люди, знавшіе Николая Гавриловича, извиняли его и нисколько не обижались. Ихъ удивляло только то, когда онъ успѣвалъ столько работать: почти каждую почту онъ отправлялъ посылки и письма. Только тѣ, которые желали знакомиться съ Чернышевскимъ изъ-за самолюбія, очень сердились на него и называли Н. Г. гордымъ и высокомѣрнымъ. Точно такъ же велъ себя Н. Г. и въ Петербургѣ: въ то время, когда въ половинѣ О. С—ны молодежь веселилась до упаду,—онъ работалъ въ своемъ кабинетѣ, совершенно забывая о томъ, что дѣлалось внѣ кабинета.

А. А. Лебедевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Сибирская казачья дивизія въ походѣ противъ Японіи въ 1904 и 1905 годахъ [1]).

(Дневникъ участника съ 2 февраля 1904 года по 30 іюля 1905 года).

30-го апрѣля. Мысовая.

Третьи сутки сидимъ на ст. Мысовой и не можемъ добиться отъ Домелунксена отвѣта, когда же прибудутъ къ намъ наши лошади и казаки. Творится что-то возмутительно безобразное; на двѣ вчерашнія телеграммы отвѣта не получилъ. Можно ли было когда-нибудь представить себѣ такіе порядки и условія движенія на театрѣ войны, и все тотъ же вопросъ о ледоколѣ терзаетъ и умъ и сердце... Проклятіе строителямъ дороги...

Сегодня въ ночь здѣсь выпалъ снѣгъ. Около часа ночи было землетрясеніе: 3 довольно сильныхъ толчка послѣдовательно подбрасывали насъ вмѣстѣ съ вагонами и заставили было подумать о своевременности покинуть наши вагоны; однако толчковъ больше не повторялось, и мы всѣ успокоились. Были даже молодцы, которые сладко спали и этого землетрясенія не замѣтили.

---

[1]) См. „Русская Старина“ декабрь 1911 г.

2-го мая. Разъѣздъ Коновалово.

Вчера я не вытерпѣлъ и самъ отправился за казаками и лошадьми штаба дивизіи въ Кунтукъ. Со станціи „Мысовая“ ѣхалъ на тормозѣ товарнаго вагона, а часть пути въ теплушкѣ. Было холодно, вѣтряно и шелъ дождь со снѣгомъ.

Пріѣхавъ на ст. Танхой, я неожиданно замѣтилъ знакомыя лица казаковъ. Оказалось, что давно желанныхъ казаковъ и лошадей отправили изъ Кунтука, и я засталъ ихъ уже здѣсь. Стоянка въ Кунтукѣ была отвратительная. Было сыро, кругомъ болото, туманы... Появились больные среди казаковъ (классный фельдшеръ Кривихъ), захворалъ и М. В. Левинъ.

Сѣна не было, и лошадей отъ голода спасали буряты, доставляя сѣно по 1 руб. 50 коп. за пудъ.

При движеніи эшелона отъ Кунтука вагоны дважды сходили съ рельсъ. Бѣды не произошло лишь вслѣдствіе крайне медленнаго хода поѣзда. Казаки и здѣсь отличились: подлѣзли подъ вагонъ, понатужились, да и поставили вагонъ снова на рельсы...

На Мысовую пріѣхали въ 10 часовъ вечера, а около часа ночи, на 2-е мая, нашъ эшелонъ двинулся дальше въ путь...

Итакъ, съ 19-го апрѣля по 1-е мая включительно, было потрачено лишь на то, чтобы одолѣть переправу черезъ Байкалъ. Фактъ, который исторія перевозки войскъ забыть не должна.—Стоитъ на разъѣздѣ Коновалово среди величественныхъ Забайкальскихъ горъ; теперь 8 час. 30 м. по иркутскому времени. Здѣсь въ данную минуту происходитъ свиданіе адмирала Скрыдлова (обгоняетъ насъ) съ министромъ путей сообщенія княземъ Хилковымъ (ѣдетъ изъ Маньчжуріи въ Иркутскъ)... Здѣсь эти могучія горы, покрытыя снѣгомъ, да мы, были сегодня свидѣтелями встрѣчи людей, отъ работы которыхъ такъ много зависитъ въ судьбахъ Россіи въ настоящее тяжелое время.

Помогай имъ Богъ!

5-го мая. Куку-Норъ.

Пока что двигаемся безъ неожиданныхъ задержекъ и остановокъ. Проѣхали Верхнеудинскъ съ его маленькимъ вокзаломъ около сосновой рощицы, Петровскій заводъ и Оловянную; 3-го мая миновали Читу при великолѣпной лѣтней погодѣ; успѣли побывать на почтѣ, получили часть вещей для 5-го полка, побывали въ магази-

нахъ, гдѣ накупили опять въ запасъ продукты и сладости; надо было запастись теперь ужъ до Харбина; наконецъ, 4-го мая приблизились къ границѣ Маньчжуріи, и сегодня почти въ полночь мы вступили въ эту страну. Минута знаменательная. Никто не ложился спать, всѣ ждали момента переѣзда государственной границы, чтобы послать родной землѣ послѣдній поклонъ, чтобы взглянуть на нее... быть можетъ, послѣдній разъ. Только бездушная машина ничего не испытывала въ эти минуты и, не убавляя хода, перенесла насъ въ Маньчжурію.

Много разъ приходилось задумываться надъ значеніемъ и ролью этой Маньчжуріи въ историческихъ судьбахъ Россіи. Часто приходилось слышать и читать, что Маньчжурія—это лишнее бремя для Россіи, что постройка здѣсь русской желѣзной дороги—это политика авантюры: куда намъ возиться съ этими 10 милл. маньчжурцевъ и китайцевъ, бытъ и нравственный укладъ которыхъ мы не понимаемъ!.. Не знаю, кто и какими соображеніями руководствовался здѣсь, только для меня всѣ эти сужденія казались непонятными, чуждыми моей душѣ русскаго человѣка. Я сознаю всю искусственность нашей границы по Амуру, я знаю, что сѣверный берегъ Амура—страна мало пригодная для жизни нашего русскаго человѣка, которому необходима прежде всего земля подъ пашню и просторъ; я глубоко вѣрю въ неизбѣжность историческаго движенія русскаго племени къ берегамъ Тихаго океана, ибо нельзя остановить это движеніе на полпути... Маньчжурія обладаетъ всѣми свойствами богатой земледѣльческой страны, которая сама манитъ насъ приложить свой трудъ, который здѣсь долженъ окупаться сторицею; сами обитатели ея настолько дешево отдали намъ эту страну въ 1900 году, что, мнѣ казалось, нѣтъ ничего легче, какъ ихъ совершенно выселить и занять эти земли нашими русскими людьми. Какъ я глубоко сожалѣлъ, что присоединеніе Маньчжуріи тогда не состоялось, и что теперь мы ѣдемъ не по своей территоріи... Такова видно судьба, которая заставляетъ два народа вступать въ борьбу и умирать на чужой для нихъ обоихъ землѣ. Чѣмъ бы ни кончилась эта борьба, но вѣрю я, что Маньчжурія для насъ станетъ и ближе, и дороже, а будетъ и день, когда она станетъ и русскою. Это неизбѣжно.

Около станціи „Маньчжурія“ устраивается довольно значительный поселокъ; начаты постройки многихъ зданій, повидимому, все казенныхъ.

Впервые увидѣлъ здѣсь китайцевъ съ длинными косами, въ синихъ курткахъ, такихъ же, повидимому, теплыхъ штанахъ и туфляхъ на войлочныхъ подошвахъ. На головѣ они носятъ войлочныя

шапки совершенно такія же, какъ и наши татары и башкиры Оренбургской и Уфимской губерніи. Выдающіяся скулы ихъ, впалыя щеки, темно-желтый цвѣтъ лица, жилистыя руки, длинный высокій станъ говорили и объ отличительныхъ свойствахъ людей этой расы и вмѣстѣ съ тѣмъ точно свидѣтельствовали о голодѣ и недоѣданіи этихъ людей, ибо они отчасти напоминали мнѣ изображенія голодныхъ индусовъ.

На ст. Маньчжурія опять случилось что-то неладное съ нашими сотнями.

По распоряженію изъ Цицикара, или Харбина, я не разобралъ этого, но комендантъ ст. Маньчжурія (капитанъ Всеволожскій) остановилъ двѣ сотни 7-го полка. Не успѣлъ я выйти изъ вагона, какъ всѣ офицеры этихъ сотенъ стали жаловаться на этотъ произволъ, на эту остановку, на выдѣленіе изъ полка и т. п. Не было никакого сомнѣнія, что это недоразумѣніе, и такой поступокъ капитана Всеволожскаго явился результатомъ запоздалыхъ свѣдѣній и распоряженій о высадкѣ вообще двухъ сотенъ нашихъ казаковъ, но, конечно, не на ст. Маньчжурія; все это было понятно однако только намъ, а не капитану Всеволожскому, и много ненужныхъ разговоровъ и усилій пришлось употребить генералу Симонову и мнѣ, чтобы добиться освобожденія нашихъ сотенъ изъ плѣна на ст. Маньчжурія.

Такъ какъ помимо начальника дивизіи никто не можетъ распорядиться выдѣленіемъ частей нашей дивизіи, особенно безъ его вѣдома, то, на всякій случай, дали указанія командирамъ полковъ и сотенъ, чтобы они ждали указаній изъ штаба дивизіи относительно высадки, а коменданту станціи сказали, что если послѣдуетъ распоряженіе штаба арміи о высадкѣ сотенъ, то должны остаться 4 и 5 сотни 7-го полка.

Въ общемъ, конечно, одно безобразіе...

Нельзя выхватывать части, идущія въ раіонъ сосредоточенія. Для охраны пути должны быть спеціально для того назначенныя войска. Наконецъ, мнѣ теперь ясно, что даже распоряжаться въ пути и давать указанія, кому и что дѣлать, нельзя: ни одного изъ сдѣланныхъ нами въ пути распоряженій, начиная съ Красноярска, о высадкѣ двухъ сотенъ командирами полковъ своевременно не получено. Ни одну изъ нашихъ телеграммъ на указанныхъ станціяхъ въ нихъ нашимъ командирамъ не доставили, такъ что всѣ наши волненія и хлопоты не достигли своей цѣли; полки даже не знали объ этихъ распоряженіяхъ; да и надежда генерала Волкова получить просимыя сотни въ дѣйствительности была тщетной.

9-е мая. Хуланченъ.

Добрались до Хуланчена. Желѣзная дорога идетъ здѣсь все время среди чрезвычайно красивой долины рѣки Ялъ или Ялу. Обращаютъ на себя вниманіе крайне причудливыя обнажившіяся каменныя вершины горъ около самой станціи „Ялъ“.

Хуланченъ имѣетъ уже большой и, повидимому, благоустроенный поселокъ. Общій видъ здѣсь значительно выигрываетъ отъ молодой зелени, которая одѣла уже всѣ деревья.

Еще на станціи „Маньчжурія“ всѣхъ поразилъ сильный вѣтеръ, который дулъ съ удивительнымъ постоянствомъ и напряженіемъ; здѣсь этотъ вѣтеръ дуетъ, пожалуй, еще сильнѣе: постоянство и сила его прямо поразительны.

Изъ вагона выходилъ только на пять минутъ; прошелся вдоль вагоновъ, да и вернулся въ свое купэ, съ которымъ успѣлъ сродниться за этотъ длинный путь. Сегодня поздно вечеромъ должны быть въ Цицикарѣ, вѣрнѣе сказать, на станціи этого наименованія, самый же городъ, столица Хей-Лунъ-Дзянской провинціи, далеко отстоитъ къ сѣверу отъ желѣзной дороги.

8-го мая. Гунчжулинъ.

Катимъ уже по южной вѣткѣ и, видимо, здѣсь уже торопятъ насъ: остановки короткія, больше порядка, да лица серьезнѣе и сосредоточеннѣе.

Миновали Яомынъ, рѣку Сунгари (вторую), Куанчендзы.—Встрѣчи съ знакомыми не дали мнѣ возможности записать остановку въ Харбинѣ. До Харбина добрались вчера. Былъ въ городѣ. Задуманъ онъ на широкую руку и сильно обстраивается. Со временемъ онъ обѣщаетъ быть огромнымъ европейскимъ городомъ. Строятся огромныя зданія окружныхъ управленій Приамурскаго военнаго округа; видѣлъ цѣлый городокъ бараковъ для войскъ и лазаретовъ; самая станція съ большими депо и мастерскими; показалось мнѣ, что мало запасныхъ путей, вслѣдствіе чего возможна „забивка“ станціи и вообще этого желѣзнодорожнаго узла вагонами; мѣсто для этихъ путей имѣется... Былъ въ штабѣ округа.

Получилъ кое-какія карты (20,10,4 и 2 верстныя по два экземпляра... немного). Повидалъ генеральнаго штаба капитана Ремизова, съ которымъ мнѣ необходимо было поговорить, дабы выяснить судьбу нашихъ двухъ сотенъ, оставляемыхъ въ пути. Окончательно выяснить этотъ вопросъ не удалось; я понялъ только одно: настоятельной надобности въ нихъ нѣтъ, распоряженіе сдѣлано на осно-

ваніи какихъ-то слуховъ, или гадательныхъ данныхъ, опредѣленно сказать это, капитанъ Ремизовъ не могъ, или не хотѣлъ. Намѣтили оставить 4 и 5 сотни 7-го полка, то есть тѣ, которыя указалъ я на основаніи рѣшенія генерала Симонова... Богъ дастъ, минуетъ насъ и эта чаша. Приходится понадѣяться на наше „авось“, такъ какъ авось „дѣятельность какихъ-то хунхузовъ въ раіонѣ Цицикара и Харбина не обнаружится въ дѣйствительности и наши 4 и 5 сотни 7-го полка благополучно проѣдутъ въ Ляоянъ“... Другія части войскъ, вѣроятно, ѣдутъ подъ такимъ же пріятнымъ сознаніемъ неожиданной высадки по всей линіи отъ ст. Маньчжурія до ст. Харбина. Идетъ сильный дождь. Вся окружающая мѣстность мнѣ сильно напоминаетъ наши малороссійскія губерніи: степь, глиняныя мазанки (а здѣсь фанзы), около деревень деревья въ родѣ нашего береста...

Было бы гдѣ разгуляться нашему пахарю-землеробу!..

Больныхъ казаковъ и лошадей въ нашемъ эшелонѣ нѣтъ. На выводкѣ лошади всѣ были веселы. Въ общемъ лошади всѣ сохранились не только хорошо, но всѣ раздобрѣли въ тѣлахъ. Хорошо ли только это будетъ, если работа сразу будетъ тяжелою, да еще въ горахъ и на непривычномъ кормѣ; здѣсь говорятъ—скоро придется отвыкать лошадкамъ отъ овса и ячменя и переходить на гаолянъ да чумизу.

9-го мая. Около Телина.

Сегодня воскресенье; сегодня мы должны прибыть въ Ляоянъ. День знаменательный. Въ праздникъ прибываютъ наши казаки въ раіонъ сосредоточенія. Дай Богъ съ праздникомъ въ душѣ и возвращаться имъ домой, покончивъ съ дѣломъ борьбы съ японцами. Вчера еще горы въ сторонѣ Кореи казались чрезвычайно отдаленными, очертанія ихъ вершинъ сливались въ синевѣ дали. Кругомъ была равнина съ хорошо воздѣланными полями, частыми небольшими китайскими поселками. Я уже писалъ и сегодня не могу не отмѣтить, что страна эта очень напоминаетъ мнѣ нашу Малороссію или части Херсонской и Бессарабской губерній, особенно южныхъ частей ихъ. Китайцы мирно и спокойно работаютъ на своихъ поляхъ; только посты пограничной стражи, со своими крѣпостями изъ дикаго камня, съ бойницами въ степяхъ, съ окопами по сторонамъ, да мосты съ поставленными около нихъ орудіями (старыхъ системъ) и прикрытіями для нихъ изъ мѣшковъ, проволочными загражденіями и часовыми, говорятъ о близости врага. Иначе трудно было бы себѣ представить, что здѣсь рѣшается міровой вопросъ о господствѣ на Дальнемъ Востокѣ одного изъ народовъ: Россіи или Японіи.

Горы около Телина совсѣмъ близко подходятъ къ станціи. На этихъ горахъ я вижу войска во многихъ мѣстахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь укрѣпляются позиціи. Это наводитъ на печальныя соображенія...

Приближаемся къ Мукдену. Виденъ и городъ съ его высокими стѣнами и башнями надъ воротами. Видна еще какая-то причудливая китайская башенка, здѣсь же императорскія знаменитыя могилы. Удастся ли ихъ посмотрѣть?

9-го мая. Ляоянъ.

Около 9 часовъ штабъ дивизіи прибылъ въ Ляоянъ. Ровно мѣсяцъ были мы въ пути отъ Омска до этого центра сосредоточенія нашей арміи.

Только-что являлся начальнику штаба арміи генералъ-лейтенанту Сахарову и генералъ-квартерм. ген.-маіору Харкевичу. Получилъ распоряженіе относительно 5 и 8 Сиб. каз. полковъ нашей дивизіи: вся 2-я бригада завтра выступаетъ въ Кайджоо на усиленіе конницы 1-го Сиб. ар. корпуса ген.-лейт. барона Штакельберга.

Послѣ высадки въ Ляоянѣ полки наши второй бригады стали бивакомъ къ юго-западу отъ города, около деревни Яндзелиндзы. Завтра будемъ ихъ провожать.

Штабъ дивизіи пока остается въ Ляоянѣ.

Генералъ Симоновъ былъ крайне огорченъ, что его дивизія, не успѣвъ еще собраться вся вмѣстѣ, уже разбивается на части и выходитъ изъ-подъ его власти; невольно всѣ мы были опечалены съ нимъ вмѣстѣ, и всѣ спрашивали его, сколько времени мы будемъ здѣсь, въ Ляоянѣ, и какое дадутъ намъ назначеніе? Неизвѣстность дѣйствовала на всѣхъ удручающе.

10-го мая. Ляоянъ.

Штабъ дивизіи живетъ пока въ тѣхъ вагонахъ, въ которыхъ пріѣхалъ на ст.. Ляоянъ. Казаки только сегодня стали выгружать лошадей, повозки и имущество; къ вечеру будетъ разбитъ бивакъ къ западу отъ станціи, тутъ же на площадкѣ около полотна желѣзной дороги. Удобства мало, но я надѣюсь сегодня же выяснить и разрѣшить вопросъ о временномъ расквартированіи всего штаба дивизіи. Тутъ же среди суеты станціонной жизни, на солнцѣ и пыли казакамъ и лошадямъ очень плохо, да и за имуществомъ смотрѣть трудно. Китайцы здѣсь толпятся цѣлый день и лѣзутъ всюду са-

мымъ назойливымъ образомъ; дежурные и дневальные казаки то и дѣло гонятъ ихъ прочь отъ бивака. Около 11 часовъ утра генералъ Симоновъ со всѣмъ штабомъ и конвоемъ отправился провожать 5 и 8 полки въ д. Яндзелиндзы. Бригада сибирскихъ казаковъ во главѣ съ командиромъ бригады генералъ-маіоромъ Чириковымъ была построена въ резервной колоннѣ. Генералъ Симоновъ обошелъ полки; привѣтливо здоровался съ каждой сотней; благодарилъ казаковъ за хорошее сохраненіе лошадей въ этотъ длинный переѣздъ по желѣзной дорогѣ, за отличное поведеніе казаковъ въ пути... поздравилъ съ боевымъ походомъ и благословилъ на работу: „Царь батюшка, родина, родныя станицы, ждутъ отъ васъ, братцы, успѣха. Постарайтесь, помните славу отцовъ и дѣдовъ“...

Дружное „рады стараться“ было отвѣтомъ...

Выстроился авангардъ.

Генералъ Симоновъ провозгласилъ „ура“ въ честь Государя Императора и оркестръ 2-й бригады заигралъ „Боже, Царя храни“, а изъ рядовъ сотенъ понеслось могучее „ура“..., которое смѣшалось съ общей молитвой: вся бригада, снявъ шапки, пѣла „Отче нашъ“ и „Спаси, Господи“... Лица казаковъ были серьезны, но какое-то особенно вдумчивое, славное выраженіе ихъ, искренняя молитва, торжественная тишина наполняли душу какой-то глубокой вѣрой въ этихъ дорогихъ людей, какимъ-то яснымъ сознаніемъ, что они непоколебимо исполнятъ свой долгъ, ниспосланный Богомъ... Храни ихъ Богъ и помоги.

Въ эти минуты эти, дорогіе мнѣ, казаки казались святыми людьми. Опять грянули „ура“, опять оркестръ заигралъ „Боже, Царя храни“, и съ послѣдними звуками сотня за сотней пошли на югъ; во главѣ бригады шелъ генералъ Чириковъ; во главѣ 5-го полка—войсковой старшина Путинцевъ, а во главѣ 8-го полка—войсковой старшина Алексѣевъ.

Со 2-й бригадой въ походъ пошелъ и есаулъ Егоровъ въ качествѣ начальника отряднаго штаба бригады генерала Чирикова.

Каждый полкъ запасся двумя переводчиками китайцами.

Полки оставили въ Ляоянѣ свои парныя повозки; имущество ихъ (сухари, крупы, патроны и пр.) взяли на вьюки, которые имъ приказано было немедленно пріобрѣсти и, такимъ образомъ, перейти съ колеснаго обоза на вьюкъ, кромѣ вьюковъ взяли въ походъ и двуколки. Горе въ томъ, что полнаго числа вьюковъ полки пріобрѣсти и пригнать не успѣли за этотъ короткій срокъ (3—4 дня) и, такимъ образомъ, пошли, что называется, налегкѣ.

Вотъ она правильная-то организація обозовъ.

11-го мая. Ляоянъ.

Къ 6 часамъ утра сегодня прибылъ въ Ляоянъ весь 7-й сиб каз. полкъ. Командующій полкомъ только не прибылъ съ полкомъ, задержавшись въ пути. Войсковой старшина Старковъ прибудетъ сегодня съ однимъ изъ эшелоновъ 4-го полка.

Въ 10 часовъ утра штабъ дивизіи и весь 7-й каз. полкъ былъ на смотру командующаго Маньчжурской арміи генералъ-адъютанта Куропаткина. Смотръ происходилъ на большомъ полѣ къ югу отъ стараго Ляояна. Первую линію составляла бригада пѣхоты 2-й Сибирской дивизіи; вторую линію—штабъ дивизіи, конвой и 7-й Сиб. казачій полкъ. Этимъ полкомъ на смотру командовалъ есаулъ Панковъ (командиръ первой сотни).

Генералъ Куропаткинъ прибылъ на смотръ въ сопровожденіи огромной свиты своего штаба и со всѣми военными агентами иностранныхъ государствъ. Объѣхавъ всѣ сотни и поздоровавшись съ каждой, командующій арміей пропустилъ войска церемоніальнымъ маршемъ. Шли—шагомъ. Всѣ сотни заслужили благодарность; первая даже два раза. Вообще, 7-мъ Сиб. каз. полкомъ генералъ Куропаткинъ остался очень доволенъ, что и высказалъ генералу Симонову. Дѣйствительно, хорошій видъ коней, молодецкій подборъ казаковъ, отсутствіе безоружныхъ, представленіе полка на смотръ черезъ три часа послѣ прибытія въ Ляоянъ послѣ мѣсяца похода, все это факты, которые говорили сами за себя.

Теперь у насъ большое дѣло, которое создалось неожиданнымъ для насъ распоряженіемъ штаба арміи перейти съ колеснаго на вьючный обозъ.

До поздняго времени обдумывали сегодня этотъ вопросъ со всѣми командирами сотенъ 7-го полка, съ полковникомъ Путинцевымъ и съ М. В. Левинымъ. Эта импровизація обозовъ съ первыхъ же дней похода поразила насъ до невѣроятія. Въ этой новой для насъ странѣ мы совершенно не знаемъ еще рынка; никому не извѣстно даже, имѣется ли вообще возможность выполнить это требованіе. Спасибо Н. В. Третьякову, который уже обѣжалъ всѣ лавки Ляояна съ нашимъ переводчикомъ Асановымъ (Сиб. казакъ, дѣлопроизводитель по хозяйственной части 2-го Сиб. каз. полка) и выяснилъ, что вьючныя сѣдла пріобрѣсти можно у китайцевъ; можно будетъ смастерить и переметныя сумы; выяснилъ примѣрно и цѣны на эти предметы. Тѣмъ не менѣе разрѣшить сегодня этотъ вопросъ не удалось, такъ какъ для составленія смѣты расходовъ многаго еще не хватало да и безъ колеснаго обоза, именно, безъ

нашихъ двуколокъ, обойтись нельзя при вьючномъ обозѣ. Принадлежности кухонь, запасы подковъ, казну и много другое въ этихъ китайскихъ вьюкахъ возить нельзя и лишиться ихъ тоже въ походѣ невозможно; нельзя взять на вьюки всѣ патроны; возникъ вопросъ о томъ, гдѣ взять лишнихъ казаковъ, дабы обслуживать большое количество добавляемыхъ лошадей подъ вьюки; неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этихъ вьюковъ явится ослабленіе состава рядовъ во взводахъ. Двѣ парныхъ сотенныхъ повозки придется замѣнить 12 вьюками и, такимъ образомъ, вмѣсто двухъ казаковъ, ко вьюкамъ надо дать 12 казаковъ. Хорошо еще, что въ полкахъ Сиб. каз. дивизіи всѣ казаки, даже обозные, имѣютъ своихъ верховыхъ лошадей. Помимо всего этого, этотъ переходъ на вьюкъ пахнетъ сотнями тысячъ для одной нашей дивизіи, ибо приходится купить не только вьюки, но и лошадей... Это ужасно! Зачѣмъ тогда мы взяли наши обозы сюда? Вѣдь перевозка ихъ отъ Омска до Ляояна обошлась въ огромную сумму денегъ, да и стоимость бросаемыхъ здѣсь парныхъ повозокъ не малая... Въ общей сложности дѣло это трудно переваримое; сдѣланное же наспѣхъ обѣщаетъ прямо быть никуда негоднымъ... тѣмъ не менѣе генералъ Симоновъ сегодня передалъ мнѣ приказаніе разработать этотъ вопросъ возможно тщательно и всѣ расходы обосновать точными данными и дѣйствительной необходимостью; таково требованіе штаба арміи. Нечего дѣлать: надо работать...

13-го мая. Ляоянъ.

Сегодня утромъ, наконецъ, прибылъ и весь 4-й Сиб. каз. полкъ. Прибыли съ нимъ командующіе 4-мъ полкомъ войск. старшина Калачевъ, 7-мъ полкомъ войск. старшина Старковъ и командующій 1-й бригадой полковникъ Ерковскій.

Итакъ, теперь вся наша дивизія собралась въ раіонѣ сосредоточенія.

Вторая бригада теперь уже у Кайджоо, а завтра уходитъ и 7-й нашъ полкъ къ генералу Мищенко въ Сюянь. Съ 7 полкомъ идетъ и подполковникъ Посоховъ съ тѣмъ же назначеніемъ, какъ и есаулъ Егоровъ (при второй бригадѣ).

Переходъ съ колеснаго обоза на вьючный въ окончательной формѣ принялъ слѣдующій характеръ: высчиталъ общую тяжесть, которую необходимо взять на вьюки; опредѣлилъ вѣсъ вьюка (полезный грузъ) въ 5 пудовъ; принадлежности вьючнаго сѣдла и самыя сѣдла заказалъ въ магазинахъ Ляояна (по 10 рублей каждое); переметныя сумы шьемъ изъ овсяныхъ мѣшковъ; вьючныхъ лошадей покупаемъ для штаба дивизіи 25 штукъ; да 9 привезли изъ Омска

(монгольской мѣстной породы); маньчжурки черезъ подрядчика по 100 и 120 руб. каждую. Въ 4—5 дней работа будетъ окончена.

Такую же работу выполняютъ и всѣ полки дивизіи.

Дабы помочь 7-му полку скорѣе закончить всѣ эти работы сегодня, передалъ ему своихъ 14 лошадей, уже пріобрѣтенныхъ для штаба дивизіи.

Вся эта операція обойдется для штаба дивизіи въ 4.500 рублей, а для каждаго полка въ 57.000 руб.—И работы головокружительной много и расходъ колоссальный. Легче было бы прямо оставить парныя повозки и обходиться съ однѣми двуколками. При всемъ приложенномъ трудѣ къ этому дѣлу, я не могу безъ грусти смотрѣть на этотъ безобразный вьючный обозъ, который пришлось здѣсь создавать. Двуколки все равно необходимы, ибо безъ нихъ обойтись нельзя.

На каждую сотню пришлось заводить по 12 вьюковъ.

18-е мая. Ляоянъ.

13-го мая штабъ дивизіи занялъ квартиры въ самомъ городѣ Ляоянѣ; намъ отвели квартиры въ домѣ купца Лин-джин-чана на углу небольшой площади въ сѣверной части города, недалеко отъ Куропаткинскаго пролома (такъ стали называть новое отверстіе, продѣланное въ городской стѣнѣ западнаго ея фаса).

Конвой и лошади съ вьюками и обозомъ разбили свой бивакъ на площади, около нашихъ фанзъ...

Въ общемъ всѣ расположились съ большими удобствами, только хорунжіе Зарубаевъ и Путинцевъ поставили свои палатки около бивака казаковъ и предпочли помѣститься въ нихъ. Начали свою работу казачья и офицерскія кухни. Пища хорошая; въ большомъ ходу китайская капуста, лукъ, чеснокъ, редиска и огурцы. Мясо только очень неважное.

Большія услуги оказываетъ намъ нашъ сибирскій казакъ, сынъ родного войска, господинъ Бородавкинъ. Онъ уже долгое время живетъ въ Китаѣ въ качествѣ торговаго агента, теперь онъ съ нами и живетъ пока въ штабѣ дивизіи; его знаніе китайскаго языка, быта и характера китайцевъ прямо неоцѣнимы. Безъ него положительно нельзя было бы справиться съ работой надъ созданіемъ этихъ вьюковъ. Большое ему спасибо. Братъ его у меня казакомъ въ конвоѣ.

14-го мая проводили 7-й каз. полкъ въ отрядъ генерала Мищенко—въ Сюянь. Шелъ порядочный дождь. Генералъ Симоновъ такъ же торжественно проводилъ и этихъ дорогихъ сыновъ Сибирскаго войска и благословилъ на боевую работу. Сердечно обнялись

съ командующимъ полкомъ В. Ст. Старковымъ и офицерами; помолились Богу... По извилистой дорогѣ, среди китайскихъ селеній, полкъ скоро исчезъ изъ нашихъ глазъ, направляясь на югъ изъ той же деревни Яндзелиндзы.

Добрый путь!

Полкъ съ вьюками окончательно справиться не успѣлъ, какъ ни торопился съ этой работой. Многія сѣдла доставили китайцы только 13-го мая. При началѣ движенія уже нѣсколько сѣделъ поломалось... Одно несчастье съ этимъ дѣломъ. Во взводахъ сотенъ было всего по 11 рядовъ (вмѣсто 16); остальные казаки были въ обозѣ, да вели вьюки. Вотъ еще послѣдствія введенія этихъ вьюковъ при старыхъ штатахъ полковъ... Вьюки эти длинной вереницей потянулись за полкомъ (по 12 штукъ на каждую сотню).

Съ работой этою вьючнаго обоза все еще бьюсь и ломаю голову. Представленіе со всѣми разсчетами и соображеніями о переходѣ съ колеснаго обоза на вьючный сдѣлали. Въ разсчетѣ этомъ сдѣлалъ два предложенія: 1, полное уничтоженіе колеснаго обоза и 2, сохраненіе двуколокъ и переходъ на смѣшанный видъ обоза: двуколки и вьюки.

При первомъ рѣшеніи требуется: 255 вьюковъ, 146 казаковъ посадить верхомъ и дать имъ верховыя сѣдла; стоимость всѣхъ вьючныхъ принадлежностей въ Ляоянѣ опредѣлилась въ 25 рублей, вьючной лошади—около 120 рублей (мулъ 200—250 рублей); сѣдло для казаковъ—около 50 рублей. Всего на полкъ 57.000 рублей, да на штабъ дивизіи 4.500 рублей.

При второмъ рѣшеніи сохраняются 76 двуколокъ и при нихъ 76 казаковъ; для остальныхъ (70 казаковъ) является возможность дать лошадей изъ числа 31 оставляемыхъ парныхъ повозокъ (всего $62 + 6$ запасныхъ $= 68$ лошадей), а для двухъ казаковъ лошадей и сѣдла надо купить. При этомъ требуется всего 155 вьюковъ (при 16 запасныхъ). Для штаба дивизіи, сохраняя 4 двуколки, надо дать 23 вьюка и два запасныхъ, на одну запасную лошадь (всего на штабъ 30 лошадей).

Для всей дивизіи расходъ тогда будетъ почти вдвое меньше—всего около 116.000 рублей. По-моему это рѣшеніе лучше; оно дешевле, проще и надежнѣе.

Послѣ переговоровъ съ начальникомъ канцеляріи полевого штаба арміи полковникомъ Н. А. Даниловымъ остановились на послѣднемъ рѣшеніи. Теперь всѣ полки и штабъ дивизіи такъ и заканчиваютъ эту работу. Слава Богу, одна неожиданная обуза свалилась съ плечъ...

Для штаба дивизіи 16 вьюковъ вполнѣ готовы, лошади (21) всѣ куплены. Офицеры свои вьюки тоже уже пріобрѣли. Овсяныя и сухарныя сумы я сдѣлалъ такъ: вложилъ ихъ во вторые мѣшки и все это въ веревочную сѣтку... Вышло, кажется, надежно. Деревянный приборъ сѣделъ оковали желѣзомъ для прочности; словомъ, приняли мѣры, которыя только были доступны для насъ здѣсь, но я все же убѣжденъ, что всего этого слишкомъ мало для правильной организаціи вьючнаго обоза и безъ двуколокъ съ нимъ идти въ походъ—большой рискъ.

Г. А. Даниловъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Въ дружескомъ кругу.

(Изъ воспоминаній о графѣ Д. А. Милютинѣ).

Я познакомилась съ Дмитріемъ Алексѣевичемъ и его семьей въ Крыму, въ началѣ 80-хъ годовъ, вскорѣ послѣ того, какъ онъ, въ 1881 году, удалился отъ дѣлъ и поселился съ семьей въ своемъ имѣніи, Симеизъ. При родителяхъ жили тогда три незамужнія дочери: Ольга Дмитріевна, Надежда Дмитріевна и Марія Дмитріевна. Старшая, Елизавета Дмитріевна была замужемъ за княземъ Шаховскимъ, эстляндскимъ губернаторомъ; меньшая—Елена Дмитріевна за офицеромъ генеральнаго штаба,—Гершельманъ.

Мой братъ, главный редакторъ „Русскаго Инвалида“ и „Военнаго Сборника“, въ бытность Дмитрія Алексѣевича военнымъ министромъ, имѣя непосредственное съ нимъ сношеніе по службѣ, посѣщалъ ихъ домъ и какъ близкій, радушно принимаемый знакомый; а такъ же и мы, его жена и я, — начавъ наше съ ними знакомство въ Крыму, гдѣ часто проводили лѣто въ имѣніи моей невѣстки,—какъ-то сразу сблизились съ семьей и съ удовольствіемъ посѣщали другъ друга. Конечно, посѣщенія эти не могли быть частыми, такъ какъ имѣнія лежали на противуположныхъ одно отъ другого сторонахъ: Симеизъ, по ту сторону Ялты, за Алупкой, а наше, Наташино,—по эту, между Ялтой и Гурзуфомъ, такъ что разстояніе простиралось до 27-ми верстъ и продѣлывалось, конечно, въ экипажѣ; почему, какъ они къ намъ, такъ и мы къ нимъ, пріѣзжали съ утра, на цѣлый день.

Путь былъ длинный, но очень живописный, начиная съ тѣнистаго парка нижней Массандры, доходившаго почти до самой Ялты.

Имѣя разрѣшеніе, мы проѣзжали затѣмъ, черезъ Ливадію и Оріанду, съ изумрудными газонами и цвѣтниками, первой и таинственной сѣнью чудеснаго парка второй. Мчались, на лихой тройкѣ, по гладкому шоссе, мимо суровыхъ скалъ мыса Ай-Тодоръ, съ его маякомъ; мимо татарскихъ саклей, лѣпившихся, какъ гнѣзда, среди вѣковой грязи и застывшей дикости. Мимо, лежавшихъ ниже, ближе къ морю, блиставшему сверкающей лазурью, велико-княжескихъ и частныхъ имѣній, тонувшихъ, — какъ и проѣзжаемый, дальше нами,—Мисхоръ, въ чащѣ садовъ; пролетами черезъ оплетенные густой зеленью, поэтичные дворы сказочной Алупки и, миновавъ первый, — Мальцовскій Симеизъ, съ его стекляннымъ дворцомъ,— позже превращеннымъ въ прозаическій пансіонъ,—подъѣзжали къ Симеизу Милютинскому, съ его обширными виноградниками и, пролетѣвъ ворота, останавливались передъ гостепріимнымъ домомъ, осѣненнымъ зеленью сада.

Какъ хорошо чувствовалось всегда среди этой милой, радушной семьи, съ ея простотой истинно-культурныхъ людей; съ ихъ многосторонними интересами, отвѣчавшими на всѣ ваши запросы; съ тѣмъ миромъ, что царилъ, какъ-то, во всемъ, ихъ окружавшемъ, начиная съ ихъ прекраснаго, вполнѣ, по всѣмъ отраслямъ, культивированнаго имѣнія, съ выхоленными цвѣтниками сада, съ обширными виноградниками и зелеными чаирами, съ повсюду журчавшими источниками, — этой драгоцѣнностью знойнаго юга,—и кончая видимымъ благоденствіемъ, какъ живущихъ въ имѣніи, такъ и странно-пріимныхъ собакъ, пользующихся расположеніемъ всѣхъ членовъ семьи, такъ и разнородныхъ, вольныхъ пернатыхъ, для которыхъ, на всѣхъ балконахъ гостепріимнаго дома, находились подвѣшанныя на веревкахъ доски, обильно уснащенныя, подлежащимъ разнымъ породамъ,—кормомъ.

Двухъ-этажный, съ небольшой вышкой, — домъ представлялъ полный комфортъ въ комнатахъ, какъ самихъ хозяевъ, такъ и безпрестанно гостящихъ родныхъ, а иногда и друзей,—съ балконами, въ чащу зелени или на море, въ которое справа, далеко выдвигались, причудливой формы, голыя скалы, съ оригинальной скалой посрединѣ, носящей названіе „Диво-камень“ или „Монахъ“. А надъ имѣніемъ царилъ гигантъ Ай-Петри, съ его острыми зубцами.

Среди комнатъ, особенный интересъ представлялъ кабинетъ Дмитрія Алексѣевича, съ его громадной библіотекой, со всевозможными книгами, расположенными въ нѣсколько ярусовъ, размѣщенными въ строгомъ порядкѣ, по каталогамъ, составленнымъ самимъ Дмитріемъ Алексѣевичемъ, съ помощью его дочери, Ольги Дмитріевны. Чего-чего не было тутъ, начиная съ дорогихъ фоліантовъ,

подносимыхъ ему издателями! Эта библіотека была дорогимъ дѣтищемъ Дмитрія Алексѣевича, и онъ съ удовольствіемъ показывалъ ее тѣмъ, въ комъ видѣлъ особенный интересъ. Мнѣ приходилось, каждый разъ моего пребыванія въ Симеизѣ, съ удовольствіемъ побывать въ заповѣдномъ кабинетѣ и, при указаніи самого хозяина, полюбоваться не одной рѣдкостью! Библіотека еще увеличилась, послѣ завѣщанія Дмитрію Алексѣевичу его умершимъ родственникомъ рѣдкаго собранія книгъ, нѣкоторыя изъ которыхъ были уже сильно попорчены безпощаднымъ временемъ, и Дмитрій Алексѣевичъ собственноручно принялся тщательно за исправленіе и подклеиванье, на что тоже любилъ обращать мое вниманіе. Въ этомъ же кабинетѣ, хранились, какъ реликвіи, дорогія ему воспоминанія, касавшіяся Императора Александра II, какъ-то: его портреты, въ интимной обстановкѣ; его мундиръ, въ ящикѣ, подъ стекломъ и другія.

Какъ онъ беззавѣтно любилъ этого,—дорогого, всѣмъ истиннымъ русскимъ,—Царя Освободителя, которому былъ вѣрнымъ другомъ и мудрымъ сподвижникомъ! Нужно было видѣть, какой нѣжностью озарялось его, всегда немного меланхолическое, лицо при разговорѣ о Государѣ съ людьми, чутко его понимавшими. Какимъ прелестнымъ письмомъ отвѣтилъ онъ мнѣ, на мое ему поздравленіе—въ августѣ 1898 г.—съ высокимъ званіемъ, примѣненнымъ къ чествованію незабвеннаго Царя-Мученика! Я тогда чутко поняла, что это-то соединеніе и должно было быть дороже высокаго титула ему, чуждому честолюбія; и эта чуткость нашла отзвукъ въ его сердцѣ и вызвала въ его, длинномъ ко мнѣ письмѣ, такую фразу „Вы придали ей (т. е. наградѣ) то именно значеніе, которое я самъ въ ней вижу, и которое поняли немногіе“.

Не касаясь государственныхъ и вообще общественныхъ дѣяній Дмитрія Алексѣевича,—скажу, что для меня это была одна изъ наиболѣе свѣтлыхъ личностей, встрѣченныхъ на моемъ длинномъ, жизненномъ пути! Васъ сразу озарялъ этотъ ясный, тихій свѣтъ его ума, не бившій на эффектъ, не старавшійся ослѣпить фейерверочными вспышками; лившійся ровно, мягко; озаряя, а не ослѣпляя; согрѣвая и подбодряя; эта мягкость въ сужденіяхъ и снисхожденіе къ людямъ. При всей серьезности его ума, вы никогда не чувствовали себя стѣсненнымъ. Вамъ не приходило на умъ: „Вдругъ я не такъ умно скажу? Не сказала ли я какой глупости?“ Онъ не только не подавлялъ васъ своимъ умомъ, не возвышался имъ надъ вами, но всегда готовъ былъ спуститься до самыхъ вашихъ маленькихъ интересовъ, даже до вашихъ шуточекъ и пустячковъ; и не съ видомъ, принимающаго васъ, снисхожденія, а съ видомъ добродушнаго

человѣка, заинтересованнаго этими пустячками! Помню, какъ,—по просьбѣ Ольги Дмитріевны, съ которой мы сразу дружески сошлись, — пріѣхавъ изъ нашего Наташина, погостить къ нимъ въ Симеизъ, — я нашла Ольгу Дмитріевну за окраской различными эмалевыми красками металлическихъ столиковъ для разныхъ балконовъ. Я тоже принялась за эту работу; но, въ качествѣ художницы, начала въ ней изощряться и, на одинъ изъ круглыхъ столиковъ, по черному фону, стала набрасывать пышный вѣнокъ цвѣтовъ. Нужно было видѣть, какъ это заинтересовало Дмитрія Алексѣевича, приходившаго изъ своего строгаго кабинета, слѣдить за нашими работами, на большой балконъ, съ чуднымъ видомъ на море; слѣдить особенно за расцвѣтомъ моего вѣнка и одобрительно похваливать! Выразивъ еще большія похвалы по окончаніи его, онъ скромно замѣтилъ:

— А знаете, Софья Ивановна,—хорошо бы на верху, надъ цвѣтами, помѣстить бабочку!

Конечно, не прошло и десяти минутъ, какъ бабочка уже порхала надъ цвѣтами, встрѣченная Дмитріемъ Алексѣевичемъ съ полнымъ удовольствіемъ и умильно-привѣтливой улыбкой!

Пріѣхавъ къ намъ въ Наташино, на празднованіе, въ іюнѣ 1892 г. серебряной свадьбы моего брата, когда къ намъ съѣхалось много и совсѣмъ юной, родственной молодежи, — онъ самъ сталъ юно-молодымъ; лазилъ съ ними по разнымъ трущобнымъ высотамъ; становился въ полной группѣ подъ фотографическимъ аппаратомъ одного родственника, терпѣливо ставившаго насъ и долго державшаго,—подъ солнцемъ; шутилъ съ дѣтьми, смѣясь вмѣстѣ съ ними ихъ дѣтскимъ смѣхомъ; и смотря въ ихъ глаза такимъ же дѣтски-правдивымъ взглядомъ человѣка, которому чужда была ложь; такимъ правдивымъ взглядомъ, какимъ онъ смотрѣлъ и въ глаза „великимъ міра сего“ и рабочимъ на своихъ виноградникахъ, среди которыхъ онъ жилъ теперь, какъ истинный Цинциннатъ. И при томъ, это былъ вполнѣ „джентльменъ“—тонко-любезный и до крайности корректный.

— Я не знаю человѣка болѣе его корректнаго!—говорилъ одинъ генералъ, товарищъ брата, глубоко-уважавшій Дмитрія Алексѣевича и самъ превосходный человѣкъ, теперь уже тоже умершій.

Эта корректность даже заставила меня, иногда писавшую Дмитрію Алексѣевичу, раза два-три въ годъ къ особымъ праздникамъ,—прекратить это, чтобы не заставлять его, и безъ того имѣвшаго большую переписку,—собственноручно отвѣчать мнѣ, не удовлетворяясь передачей привѣта и благодарности въ письмахъ

Ольги Дмитріевны, съ которой мы постоянно переписывались, когда я была въ Петербургѣ или за границей.

Корректность эта проявлялась у него во всемъ. По вечерамъ, въ Симеизѣ, послѣ ужина, который подавался въ 7 часовъ (обѣдали въ часъ; въ четыре пили чай), мы собирались въ салонѣ, около круглаго стола; дамы съ работой, при чемъ Дмитрій Алексѣевичъ читалъ намъ вслухъ. Къ этому чтенію онъ приготовлялся заранѣе, отмѣчая карандашемъ, что можетъ заинтересовать насъ въ нѣсколькихъ, въ тотъ день полученныхъ газетахъ, и выбравъ статью въ какомъ-нибудь изъ толстыхъ журналовъ, преимущественно „Вѣстника Европы“. Но, усѣвшись, съ газетами и книгой за круглымъ столомъ, по своей обычной во всемъ корректности, онъ до тѣхъ поръ не приступалъ къ чтенію, пока Наталья Михайловна не произносила, немного властнымъ, присущимъ ей, тономъ:

— Ну, что же, Дмитрій (сильно картавя на буквѣ *р*), — ты прочтешь намъ что-нибудь?

Вѣрная неизмѣнная подруга 70-ти лѣтней совмѣстной брачной жизни, Наталья Михайловна, какъ истая француженка [1]), живая, съ свѣжимъ румянцемъ, бойкой рѣчью и интересомъ ко всему, несмотря на свою многолѣтнюю слѣпоту, вела весь строй обширнаго хозяйства по имѣнію, главное, увлекаясь проведеніемъ повсюду воды, что ей какъ-то особенно удавалось.

Въ началѣ нашего знакомства, эта слѣпста не была еще абсолютной; кое-что она еще смутно различала, особенно свѣтло-голубые тона, почему въ домѣ практиковали повсюду вещи этого цвѣта. Подлѣ ея постояннаго кресла въ салонѣ ставили ширму свѣтло-голубого цвѣта. За столомъ того же цвѣта была ея салфетка, чайная и столовая посуда. Она еще могла тогда полу-ощупью водить грифелемъ по доскѣ, записывая свои воспоминанія и вязать на рогулькѣ, безпрестанно спуская петли. Ходила она со своей палочкой совершенно бодро и даже бойко; конечно, по извѣстнымъ уже ей, еще въ зрячемъ состояніи, мѣстамъ, какъ въ домѣ, такъ и въ саду, который любила показывать гостямъ, не позволяя себѣ помогать или указывать. Поднималась даже одна по лѣстницѣ въ верхній этажъ. Понемногу слѣпота усилилась и вполнѣ ею завладѣла; но и тогда она отвергала всякую помощь, прохаживаясь по знакомымъ мѣстамъ въ саду, прося только предупредить ее, если случалась новая, недавно проложенная дорожка, а въ домѣ ловко лавируя между знакомой, уже не передвигаемой съ мѣста, мебелью.

Пріѣзжая къ намъ, въ Наташино, Наталья Михайловна, какъ

[1]) Понсетъ, дочь обрусѣлаго генерала русской службы.

истая хозяйка, очень интересовалась хозяйствомъ моей невѣстки и бойко слѣдовала за ней по виноградникамъ, хотя и не видя, но слыша ея разсказы, повѣряя ихъ своими знаніями и охотно давая совѣты, особенно касательно изысканія воды. Не ходила она только въ общей компаніи съ нами на прогулки. Зато Дмитрій Алексѣевичъ, при его неутомимости, превосходилъ всѣхъ насъ въ этихъ прогулкахъ! Идутъ они впереди, съ моимъ братомъ (на 15 лѣтъ его моложе), поднимаясь въ горы. Мы идемъ тише, да еще иногда остановимся, чтобы и видомъ какимъ полюбоваться, да и передохнуть немного; пріостановятся и наши вожаки; братъ тоже запыхался. Вдругъ оглянемся: „А Дмитрій Алексѣевичъ гдѣ?“

— Я здѣсь!—откликнется онъ съ верху. Взглянемъ, а онъ ужъ на вершинѣ; стоитъ молодцомъ, въ бѣломъ кителѣ, и хоть бы что! Даже не дышитъ такъ тяжело, какъ мы всѣ.

Во время моего гощенья въ Симеизѣ, сидимъ мы, дамы, утромъ въ 8 часовъ за кофе, Дмитрій Алексѣевичъ возвращается съ прогулки.

— Что,—спросишь—Дмитрій Алексѣевичъ, далеко ходили?

— Нѣтъ,—просто отвѣтитъ: Сегодня я маленькую прогулку сдѣлалъ. Дошелъ до Алупки (отъ нихъ 4 версты), обошелъ верхній паркъ („дистанція огромнаго размѣра!“) и домой.

Потомъ, среди дня еще пройдетъ по хозяйству; да съ нами по имѣнію, въ чаиры; къ морю. Еще иногда привяжется съ нами какая-нибудь изъ любимыхъ комнатныхъ собачекъ,—ихъ у каждой барышни было, и всѣ были любимицами и Дмитрія Алексѣевича; устанетъ какая изъ баловницъ, и онъ еще ее на рукахъ домой тащитъ! Эта любовь и снисхожденіе къ собакамъ простиралась до того, что разъ, во время пребыванія Дмитрія Алексѣевича, по какому-то торжественному случаю въ Петербургѣ,—посѣтивъ насъ, онъ, среди дружеской бесѣды, видимъ, самымъ неудобнымъ образомъ лѣпится на кончикѣ кресла, не желая,—какъ оказалось,—обезпокоить растянувшагося сзади него, нашего толстаго мопса, Боби (чуткимъ сердцемъ угадавшаго покровителя своихъ собратій), увѣряя, что онъ ему нисколько не мѣшаетъ!

Я сказала въ началѣ, что когда мы познакомились, то въ семьѣ было три незамужнихъ дочери. Третья изъ нихъ, Марія Дмитріевна, вскорѣ умерла и при очень грустныхъ обстоятельствахъ. Наталья Михайловна поѣхала съ ней въ Сибирь, гдѣ въ то время служилъ Гершельманъ мужъ Елены Дмитріевны, — чтобы присутствовать при ея родахъ. Эти,—вторые уже роды,—прошли благополучно, но, уже больная сердцемъ,—молодая женщина, вскорѣ послѣ родовъ, внезапно умерла.

Въ то же время Марія Дмитріена заболѣла, свирѣпствовавшей

тогда, въ Сибири, черной оспой и умерла, заразивъ и ухаживавшую за ней мать, по счастію, очень легкой и не оставившей слѣдовъ, болѣзнью. Елену Дмитріевну я не знала совсѣмъ.

Позднѣе, Надежда Дмитріевна вышла замужъ за князя Долгорукова и, проживъ съ нимъ всего четыре года, овдовѣла почти въ одно время съ Елизаветой Дмитріевной и затѣмъ,—лишь кратковременно отлучаясь въ имѣніе, оставленное мужемъ,—по-прежнему жила съ родителями въ Симеизѣ. Единственный сынъ ихъ, Алексѣй Дмитріевичъ,—курскій губернаторъ,—рѣдко бывалъ въ Симеизѣ, хотя и построилъ тамъ себѣ, при самомъ въѣздѣ въ имѣніе, красивый домикъ, почти и не поживъ въ немъ, какъ-то рано свернувшись. Смерть его совпала съ началомъ нашей Японской войны, неудачи которой такъ больно отзывались въ сердцѣ такого истиннаго патріота, какимъ былъ Дмитрій Алексѣевичъ, что даже парализовали горе кончины сына!

Въ этомъ сказался истинный сынъ своего отечества, скорбѣвшій за то униженіе, что оно переносило, благодаря слишкомъ долгому „*терпѣнію*“ главарей арміи!..

Пріятной неожиданностью была наша встрѣча съ Дмитріемъ Алексѣевичемъ, въ одну изъ нашихъ заграничныхъ поѣздокъ, чередовавшихся съ поѣздками въ Крымъ, именно, въ сентябрѣ 1889 г. во Флоренціи. Въ одно утро, когда я одна отправилась въ какой-то музей, а братъ съ женой—въ садъ Boboli,—возвращаются они оттуда и, сначала, желая меня заинтриговать, начинаютъ разсказывать, какъ, отдыхая на одной изъ таинственныхъ аллей чудеснаго сада, видятъ: идетъ, приближаясь къ нимъ, пожилой статскій, по осанкѣ такой джентльменъ, что они рѣшили, что это непремѣнно какой-нибудь итальянскій „Conte“ или „Principe“... И вдругъ, не кончивъ фразы, братъ радостно срывается со скамейки, навстрѣчу этому „истинному Conte“, тоже порывисто направлявшемуся къ нему, съ распростертыми объятіями! Вслѣдъ затѣмъ, милый „Conte“ пришелъ къ намъ въ отель, и мы, всѣ вмѣстѣ, отправились въ знакомый уже намъ ресторанъ, обѣдать въ саду, закончивъ вечеръ снова у насъ, за русскимъ чаемъ, всегда имѣвшимся у моей невѣстки, такъ какъ въ тѣ годы было еще трудно найти гдѣ-либо, а тѣмъ болѣе въ Италіи, порядочнаго чаю.

Не забуду того соленаго чаю, можетъ быть завареннаго на морской водѣ, которымъ разъ угостили насъ въ Венеціи!

Слѣдующіе дни были расположены такъ, что Дмитрій Алексѣевичъ приходилъ къ намъ утромъ, пить съ нами чай, послѣ котораго мы отправлялись кто куда; иногда и встрѣчаясь позднѣе, въ какомъ-нибудь музеѣ, но всегда порознь; потому что мы туда ѣхали,

а Дмитрій Алексѣевичъ, по своей привычкѣ къ большой ходьбѣ, отъ нашего экипажа отказывался, предпочитая идти пѣшкомъ.

— Нѣтъ, ужъ я вамъ не товарищъ,—говорилъ онъ; я лучше пѣшкомъ!

Обѣдали всегда вмѣстѣ, въ саду нашего „Cornelio“, гдѣ потомъ долго сидѣли, въ дружеской бесѣдѣ; а затѣмъ, всѣ, уже пѣшкомъ, тихонько направлялись домой въ свой отель, на вечерній чай. Дорога наша всегда лежала черезъ piazza Duomo; и каждый разъ мы останавливались передъ нимъ и, прислонясь къ зданію „Бабтистеріи“, долго любовались чуднымъ фасадомъ собора, который, въ первый нашъ пріѣздъ во Флоренцію, видѣли еще снаружи незаконченнымъ, а теперь облицованнымъ сверкающимъ мраморомъ и блестящими фресками, съ рисовавшейся подлѣ него, какъ свѣтлая мечта, на ясной лазури неба,—дивной колокольней Джіотто.

Какъ онъ радъ былъ, дорогой Дмитрій Алексѣевичъ, нашей встрѣчѣ, такъ оживившей его одиночество; и въ то же время, какъ онъ наслаждался своимъ первымъ, самостоятельнымъ путешествіемъ, до того постоянно совершавшимся имъ только оффиціальнымъ образомъ, сопровождая Государя и безпрестанно парадируя. Грустно провожалъ онъ насъ, уѣхавшихъ изъ Флоренціи раньше него. Онъ же, затѣмъ, направлялся въ Испанію; и какіе интересные разсказы о ней передавалъ онъ намъ позднѣе, при нашемъ новомъ свиданіи въ Крыму. Помню его разсказъ о Кордовѣ и ея удивительномъ соборѣ,—дышавшемъ такой восторженной поэзіей, какую трудно было ожидать отъ серьезнаго государственнаго дѣятеля!

Чередуя наше лѣтнее пребываніе то поѣздками за границу, то въ Крымъ, гдѣ иногда бывали и по два года подъ рядъ, зиму 1893—94 года мы даже провели не въ имѣніи, а въ Ялтѣ, по причинѣ серьезной болѣзни брата, гдѣ онъ въ мартѣ 1894 г. и скончался. Нечего и говорить о томъ, какъ трогательно-сочувственно отнеслась семья Милютиныхъ къ нашему горю.

Проводивъ тѣло брата въ Симферополь, для погребенія въ фамильномъ склепѣ моей невѣстки, и проведя нѣкоторое время въ имѣніи ея родныхъ, подъ Симферополемъ, мы снова вернулись на южный берегъ, но, раньше чѣмъ поселиться въ своемъ Наташинѣ, погостили въ Симеизѣ; и милые хозяева окружали насъ самымъ нѣжнымъ, дружескимъ вниманіемъ, въ которомъ, теплымъ огонькомъ, свѣтилось ихъ расположеніе къ намъ и ихъ дружеская память къ нашему дорогому усопшему.

Съ 1896 года, я начала чаще, уже одна ѣздить за границу, всего долѣе пребывая во Флоренціи, и потому рѣже бывала въ Крыму. Затѣмъ, начавшіеся безпорядки, вызванные волненіями „освободи-

тельнаго движенія“ и въ Крыму, соединенные съ грустными воспоминаніями утраченнаго, и въ самомъ Наташинѣ,—побудили мою невѣстку продать имѣніе, что и было совершено въ 1905 году, когда я вернулась туда изъ моей поѣздки въ Баварію, именно изъ Байрейта, подъ впечатлѣніемъ только что прослушаннаго „Парсифаля“, и эта осень была моимъ послѣднимъ пребываніемъ въ Крыму и послѣднимъ посѣщеніемъ Симеиза.

Не теряя надежды встрѣтиться еще съ болѣе молодыми членами милой семьи, особенно съ Ольгой Дмитріевной, часто пребывавшей въ Москвѣ и иногда заглядывавшей и въ Петербургъ, мнѣ было грустно разставаться со стариками, особенно съ дорогимъ Дмитріемъ Алексѣевичемъ, прощаясь съ ними навсегда, не имѣя намѣренія когда-либо посѣтить Крымъ. Грустно было это прощаніе.

Димитрій Алексѣевичъ, по обыкновенію вышелъ проводить насъ на крыльцо. Послѣднее прощальное рукопожатіе, садясь въ экипажъ. Онъ взялъ мою руку въ обѣ свои руки и взволнованнымъ, дружескимъ голосомъ проговорилъ:

— Софья Ивановна, не говорите прощайте! Скажите до свиданья!

Но свиданья больше не было. Я не была послѣ того въ Крыму, хотя постоянно имѣла свѣдѣнія о милыхъ жильцахъ Симеиза и изъ писемъ Ольги Дмитріевны, и отъ, навѣщавшей Сименъ, племянницы ихъ, Прасковьи Николаевны Милютиной, съ которой видалась зимою въ Римѣ.

Этой зимой, которую я проводила въ Петербургѣ, мнѣ пришлось увидѣться и съ Ольгой Дмитріевной. Только что вернувшись изъ Симеиза въ Москву, она пріѣхала въ Петербургъ на похороны своего двоюроднаго брата, Юрія Николаевича Милютина, и навѣстила насъ. Это было ровно за двѣ недѣли до кончины Дмитрія Алексѣевича, котораго она оставила совсѣмъ молодцомъ, поражавшимъ всѣхъ, его навѣщавшихъ, бодростью и неослабѣвавшимъ ко всему интересомъ; только жаловавшимся на то, что слабѣетъ зрѣніе и измѣняетъ слухъ; отказываясь завести очки, но читавшимъ и писавшимъ съ увеличительнымъ стекломъ. Про мать же она говорила, что та значительно ослабѣла. И вслѣдъ затѣмъ эта трогательная кончина обоихъ, не разлученныхъ и смертью!..

Такой мирной кончиной завершилась свѣтлая жизнь этого „рыцаря, безъ страха и упрека“, не измѣнявшаго себѣ ни въ чемъ до конца своей долголѣтней жизни, лучшей эпитафіей которому служатъ слова: „Человѣкъ онъ былъ!“

С. Лаврентьева.

Рескриптъ Императора Павла I новгородскому губернатору Митусову.

Господинъ Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ и Новогородскій Губернаторъ Митусовъ. Попеченіе ваше о сбереженіи зазимовавшаго въ Новогородской Губерніи казеннаго хлѣба изъ Пензенской Губерніи для Адмиралтейской Коллегіи отправленнаго и мѣры употребленные вами къ доставленію онаго въ Санктъ-Петербургъ съ уменшеніемъ казенныхъ расходовъ, доказываютъ усердіе ваше къ службѣ и похвальную ревность къ пользѣ Интересовъ Нашихъ; и Мы не можемъ оставить, чтобъ не изъявить вамъ за то Монаршаго Нашего благоволенія, пребывая впрочемъ вамъ благосклонны.

Павелъ.

Въ Москвѣ апрѣля 12 1797 года.

Сообщилъ С. Н. Митусовъ.

Встрѣчи и столкновенія [1]).

(И. Е. Андреевскій, П. Г. Рѣдкинъ, И. Я. Горловъ).

И. Е. Андреевскій.

Привѣтствую тебя на склонѣ лѣтъ, милый мой руководитель въ первыхъ научныхъ работахъ!

Написалъ я эти строки и задумался. Онѣ у меня вылились изъ сердца, и тѣмъ не менѣе въ нихъ есть неправда, хотя я дѣйствительно магистрировалъ по каѳедрѣ добрѣйшаго Ивана Ефимовича. Почему же извѣстный профессоръ и ученый, пользовавшійся общимъ уваженіемъ и признаніемъ, такъ что его выбирали и въ ректоры университета, и въ директоры археологическаго института, и въ предсѣдатели всевозможныхъ ученыхъ и неученыхъ обществъ, поражавшій своихъ современниковъ богатствомъ и разносторонностью знаній, блестящимъ остроуміемъ и краснорѣчіемъ, не могъ быть моимъ руководителемъ въ первыхъ научныхъ работахъ? Да по той простой причинѣ, что онъ, несмотря на всѣ его ученыя степени и признаніе его ученыхъ заслугъ, никогда ученымъ не былъ.

Это можетъ казаться парадоксомъ, да и было бы парадоксомъ въ другихъ цивилизованныхъ странахъ, но въ Россіи это—фактъ возможный и, скажу даже, повторяющійся ежедневно, ибо ученыя заслуги у насъ далеко не единственный и не самый надежный путь къ пріобрѣтенію репутаціи ученаго. Сколько у насъ было и есть ученыхъ, которые, защитивъ съ грѣхомъ пополамъ или съ

[1]) См. „Русскую Старину“ апрѣль 1912 г.

блескомъ магистерскую и докторскую диссертаціи, преподавали затѣмъ свой, а иногда и чужой предметъ одновременно въ нѣсколькихъ учебныхъ заведеніяхъ, не находя досуга заниматься наукой и, кончивъ такимъ образомъ свою многотрудную жизнь, не оставляли ни малѣйшаго слѣда—не говорю уже—въ наукѣ вообще, но даже и въ убогой россійской наукѣ. Очевидно, такіе ученые могутъ называться учеными только по недоразумѣнію: они являются преподавателями высшихъ учебныхъ заведеній,—вотъ и все, но не двигаютъ науки, да и не могутъ помочь разобраться въ ней начинающимъ ученымъ. Моими руководителями въ этомъ отношеніи были изъ иностранцевъ Моль и Штейнъ, изъ русскихъ—П. Г. Рѣдкинъ, но И. Е. Андреевскій моимъ руководителемъ никогда не былъ, и я даже уже на студенческой скамьѣ уяснилъ себѣ, что его научные взгляды лишены той глубины и продуманности, безъ которыхъ истинный ученый немыслимъ.

Дѣло въ томъ, что у Ивана Ефимовича было очень много выдающихся качествъ, но только не тѣ, которыя требуются для ученаго. По своей натурѣ онъ былъ не ученымъ, а общественнымъ дѣятелемъ; для послѣдняго въ немъ все соединялось—и большая отзывчивость къ вопросамъ, касавшимся общаго благополучія, и усидчивость въ ихъ изученіи, и необычайная подвижность, когда это требовалось обстоятельствами, и находчивость въ отраженіи аргументовъ противника, и несомнѣнный даръ слова, заставлявшій и равнодушныхъ людей внимательно прислушиваться къ его рѣчи, и готовность приносить жертвы для общества, и гуманность...

Помню, шли мы съ нимъ по Б. Садовой, углубленные въ бесѣду. Какой-то мальчикъ съ ношей на головѣ чуть не сшибъ меня съ ногъ, такъ что я разсердился и пригрозилъ ему полиціей. Андреевскій остановилъ мой порывъ словами: „Да, полиція нехорошо дѣлаетъ, что позволяетъ безсердечнымъ торговцамъ такими тяжестями мучить дѣтей и разрушать ихъ здоровье“. Я по молодости лѣтъ никогда не думалъ объ этомъ вопросѣ; возбужденіе же его Андреевскимъ сразу отвлекло мое вниманіе отъ соображеній личной безопасности и направило его на вопросъ общественнаго значенія и гуманнаго характера—вопросъ, который только теперь, сорокъ лѣтъ спустя, включенъ градоначальникомъ въ кругъ вѣдомства петербургской полиціи.

Возьму другой мнѣ памятный примѣръ. Экзаменуется у Андреевскаго изъ полицейскаго права студентъ довольно самоувѣренный и довольно плохо знающій предметъ. На мягкое указаніе профессора, что студентъ недостаточно вникъ въ прозаическій вопросъ, по которому отвѣчаетъ, онъ имѣетъ неосторожность буркнуть, что это—

не философія Платона. Андреевскій при общей улыбкѣ аудиторіи вкрадчиво замѣчаетъ: „Можно прекрасно знать философію Платона, быть даже самому великимъ философомъ и заболѣть или умереть отъ міазмомъ изъ выгребной ямы, находящейся подъ окномъ“.

Немногимъ еще живымъ лицамъ, бывшимъ одновременно со мною въ Петербургскомъ университетѣ, никогда не забыть впечатлѣнія, которое произвели на насъ его возраженія на диспутѣ А. Д. Градовскаго.

Докторская диссертація Александра Дмитріевича Градовскаго была посвящена исторіи русскаго мѣстнаго управленія, при чемъ львиная ея доля была озаглавлена: „Уѣздъ Московскаго государства“. Какъ многія диссертаціи, это было начало изслѣдованія, оставшагося навѣки неоконченнымъ, ибо не авторы подобныхъ диссертацій владѣютъ матеріаломъ, а матеріалъ владѣетъ ими, т. е. начавъ свое изслѣдованіе, когда они еще не ознакомились съ матеріаломъ, они впослѣдствіи убѣждаются, что ни время, ни мѣсто не позволяютъ имъ исчерпать его, и что придется къ первому тому прибавить второй, третій, четвертый, можетъ быть, девятый, десятый. Такъ и диссертація Градовскаго осталась навсегда неоконченной, а Андреевскій на диспутѣ прекрасно выяснилъ, почему такъ должно было случиться.

Онъ началъ возраженіе съ похвальнаго слова докторанту. Никогда, кажется, Иванъ Ефимовичъ не былъ такъ краснорѣчивъ. Похвалы лились безъ конца, а Градовскій скромно улыбался, чувствуя себя побѣдителемъ, и видимо ихъ благосклонно принималъ за слабую дань своимъ заслугамъ; слушатели же все болѣе убѣждались, что передъ ними на каѳедрѣ стоитъ замѣчательный ученый. Вдругъ Иванъ Ефимовичъ пріостанавливается, какъ будто подъ наплывомъ слишкомъ сильнаго чувства, и тысячная аудиторія, затаивъ дыханіе, прислушивается къ тому, чѣмъ кончится этотъ блестящій панегирикъ. Послѣдняго слова ораторъ очевидно еще не произнесъ.

Дѣйствительно, послѣднее слово было еще впереди...

Иванъ Ефимовичъ продолжалъ приблизительно такъ.

Какъ я обрадовался, когда талантливый молодой ученый посвятилъ объемистый трудъ вопросу, который меня давно уже занималъ и который не получилъ еще въ наукѣ должнаго разъясненія. Всѣ поймутъ, съ какимъ захватывающимъ интересомъ я началъ изучать диссертацію, въ которой наконецъ не только для меня, но и для всѣхъ русскихъ юристовъ долженъ былъ выясниться вопросъ, что такое уѣздъ Московскаго государства, ибо не могъ же докторантъ выбрать предметомъ своего изслѣдованія вопросъ, который для него самого неясенъ. И вотъ я началъ изучать его диссертацію: прочелъ

ее внимательно разъ, прочелъ два, прочелъ три, но... все-таки не знаю, что такое уѣздъ Московскаго государства...

И Иванъ Ефимовичъ умолкъ, недоумѣвающе взглянувъ на Градовскаго.

Вся зала чувствовала, что если тотъ не отвѣтитъ вразумительно и ясно, его ученая репутація сильно пострадаетъ. Но какъ онъ ни изворачивался, все же ему не удалось выяснить ни въ административномъ, ни въ территоріальномъ отношеніи, что такое былъ уѣздъ Московскаго государства. Вдобавокъ Андреевскій еще отмѣтилъ, что Градовскій въ общей части своего труда доказываетъ, что человѣкъ можетъ себя чувствовать совершенно свободнымъ даже и въ несвободномъ государствѣ. Такимъ образомъ и въ глазахъ либераловъ Градовскому былъ нанесенъ тяжеловѣсный ударъ.

Все это выясняетъ, какимъ остроумнымъ и находчивымъ человѣкомъ былъ Андреевскій. Но все-таки отсюда до выдающагося ученаго еще далеко. Андреевскій въ сущности къ наукѣ былъ равнодушенъ. Онъ то и дѣло мѣнялъ одну науку на другую. Смотря по надобности, онъ читалъ и государственное право, и юридическую энциклопедію, и исторію права, и русское право, и полицейское право, и городовое право. Все зависѣло отъ того, какую каѳедру ему предложатъ; если предметъ былъ ему не совершенно чуждъ, онъ ее принималъ, увѣренный, что блестящія способности „вывезутъ“. Онѣ дѣйствительно „вывозили“, и слушатели слушали его охотно. Но какъ и многія другія богато одаренныя натуры, онъ ни на чемъ долго не могъ сосредоточиться: онъ хваталъ все на-лету—схватитъ и броситъ; ему постоянно казалось, что онъ вопросъ уяснилъ себѣ вполнѣ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ онъ улавливалъ только одну—другую его сторону, болѣе яркую. Въ простой бесѣдѣ это—незамѣнимое качество, и Андреевскій тутъ былъ прямо виртуозъ. Его субботы были такъ интересны, что небольшая его квартира на Фонтанкѣ была по большей части переполнена. Хотя ужинъ, карты и танцы были совсѣмъ изгнаны, но зато всѣхъ ожидала бесѣда хозяина, которая была заманчивѣе всякихъ яствъ, карточнаго задора или бальной суеты. Андреевскій былъ неистощимъ на самыя разнообразныя воспоминанія, мѣткія сопоставленія, остроумныя реплики или замѣчанія. Бесѣда эта подчасъ была настоящимъ фейерверкомъ, подчасъ наводила на размышленія интересомъ сообщаемыхъ жизненныхъ фактовъ, подчасъ смѣшила до упаду комичностью замѣченныхъ имъ положеній. И все это было всегда безобидно: онъ никого не задѣвалъ, никого не оскорблялъ и не могъ этого, потому что былъ человѣкъ большой душевной доброты.

Но я въ жизни не зналъ человѣка, у котораго письменное

слово такъ не походило на устное, какъ у Андреевскаго. Этотъ блестящій ораторъ и остроумный собесѣдникъ становился неузнаваемымъ, когда онъ бралъ въ руки перо.

Послѣ одного вечера, когда онъ былъ особенно въ ударѣ, я его спросилъ, записываетъ ли онъ свои воспоминанія? Со свойственною ему скромностью онъ мнѣ отвѣтилъ, что пробовалъ записывать, но что у него ничего не выходитъ. Я его попросилъ сдѣлать еще одинъ опытъ.

Черезъ нѣкоторое время, когда я къ нему зашелъ вечеркомъ, онъ мнѣ дѣйствительно прочелъ отрывки изъ своихъ воспоминаній, и я былъ удивленъ, какъ все у него выходило блѣдно и неинтересно. Мало того, и просто въ стилистическомъ отношеніи все имъ прочитанное было очень неудачно. Онъ, должно быть, замѣтилъ неблагопріятное впечатлѣніе, произведенное на меня его чтеніемъ, потому что вскорѣ сталъ читать вяло, а потомъ и совсѣмъ прекратилъ чтеніе.

Его тяжелый слогъ, его скучное изложеніе по большей части мало оригинальныхъ мыслей послужили поводомъ къ нашей размолвкѣ, доставившей мнѣ горькія минуты въ жизни, такъ какъ я искренно его любилъ и какъ человѣка, и какъ общественнаго дѣятеля. Когда я сталъ редактировать разныя изданія, онъ присылалъ мнѣ свои статьи. При лучшемъ желаніи я, дорожа интересами довѣреннаго мнѣ журнала, рѣдко могъ ихъ помѣщать въ томъ видѣ, въ какомъ онъ мнѣ ихъ присылалъ. Большинство приходилось исправлять, а нѣкоторыя даже возвращать. Отъ этого видимо страдало его самолюбіе. Онъ, къ сожалѣнію, не хотѣлъ стать на ту точку зрѣнія, что мой образъ дѣйствій ни въ какомъ случаѣ не могъ его обидѣть, потому что мы оба не были судьями, кто изъ насъ правъ, а оба мы хотѣли только быть честными, т. е. онъ добросовѣстно писать, а я добросовѣстно редактировать. Но въ человѣческихъ отношеніяхъ объективный взглядъ на вещи—рѣдкость, а субъективизмъ—правило.

Ученые труды Андреевскаго, его курсы государственнаго или полицейскаго права позволяютъ и современному читателю составить себѣ ясное понятіе объ его слогѣ и невольно вызываютъ сомнѣніе въ томъ, дѣйствительно ли онъ былъ краснорѣчивымъ ораторомъ. Поэтому я и указываю съ особеннымъ удареніемъ на этотъ фактъ. Если бы его не было, то многое въ біографіи самого Андреевскаго и въ былой жизни Петербургскаго университета могло бы показаться неяснымъ. Сколько разъ Андреевскій своимъ находчивымъ и краснорѣчивымъ словомъ доставлялъ во время студенческихъ безпорядковъ побѣду благоразумію, сколько разъ онъ имъ распутывалъ самое запутанное и опасное положеніе!

Подъ конецъ жизни онъ посвятилъ свои силы работѣ преимущественно письменной, а не устной: онъ редактировалъ Энциклопедическій Словарь Брокгауза и Ефрона, и въ этой работѣ вполнѣ сказалось, насколько онъ былъ сильнѣе, какъ ораторъ и общественный дѣятель, чѣмъ какъ ученый и редакторъ. Первые томы этого Словаря, имъ редактированные, поражаютъ небрежною стилистикою и грубыми промахами, въ значительной степени дискредитировавшими этотъ Словарь въ началѣ его появленія. Нѣкоторые изъ этихъ промаховъ стали даже притчею во языцѣхъ, какъ напримѣръ пресловутые 32 баталіона фельдьегерей, фигурирующіе въ составѣ австро-венгерскихъ вооруженныхъ силъ.

Но забудемъ объ этомъ. Ивана Ефимовича есть за что помянуть добромъ. Его сердечная доброта, его отзывчивость, его гуманность, его готовность придти на помощь кому только можно, его изумительная работоспособность, его краснорѣчіе, возбуждавшее въ другихъ добрыя чувства, его любовное отношеніе ко всѣмъ общественнымъ вопросамъ, въ основѣ которыхъ лежали гуманныя или разумно-прогрессивныя стремленія, его служеніе обществу часто до забвенія собственной личности, — всего этого было столько у Андреевскаго, что хватило бы, чтобы помянуть добромъ десятокъ другихъ дѣятелей. Но я тутъ не пишу біографію этого замѣчательнаго человѣка, а отмѣчаю только нѣкоторые факты, извѣстные мнѣ изъ личныхъ встрѣчъ съ нимъ. Разскажу съ его словъ о слѣдующемъ интересномъ инцидентѣ, такъ какъ опасаюсь, что никто его не записалъ.

Въ свое время въ Петербургѣ успѣшно дѣйствовалъ извѣстный практикъ-цивилистъ, С., Андреевскій обратилъ на него вниманіе еще въ университетѣ. Онъ ему сразу своими способностями полюбился, хотя былъ далеко не симпатичный еврей. Плѣняясь его выдающимися способностями, Андреевскій всячески уговаривалъ его остаться при университетѣ. На всѣ уговоры Андреевскаго С. отвѣчалъ однимъ только вопросомъ: „А сколько мнѣ университетъ дастъ, если я останусь?“ Андреевскій объяснилъ ему, что средства университета ограничены, и что магистрантамъ выдаютъ только 50 рублей въ мѣсяцъ. С. поморщился и сказалъ, что подумаетъ.

Спустя нѣкоторое время Андреевскій встрѣчаетъ его въ какомъ-то собраніи, но отъ прежняго С. почти и слѣда не осталось: грязный еврей исчезъ, и передъ Андреевскимъ стоялъ расфранченный молодой человѣкъ, уже свысока подавшій Андреевскому руку. Тотъ такъ смутился при видѣ этой метаморфозы, что только когда собраніе кончилось, улучилъ моментъ и спросилъ С. объ его рѣшеніи, т. е. не надумалъ ли онъ остаться при университетѣ? С. опять спросилъ: „А сколько дадите?“ Андреевскій же, опять извиняясь,

сказалъ, что университетъ больше 50 р. въ мѣсяцъ дать не можетъ. „Мало,—замѣтилъ С.—Зарабатываю 300“.

Проходитъ опять нѣкоторое время, на этотъ разъ года два-три. Андреевскому пришлось быть на Невскомъ и переходить позднею осенью черезъ улицу. Стояла грязь, и все вниманіе почтеннаго профессора было направлено на то, какъ бы избѣжать экипажей и не слишкомъ загрязниться. Но все-таки одного экипажа не удалось избѣжать: это была шикарная коляска, запряженная парою прекрасныхъ вороныхъ рысаковъ. Андреевскій еле успѣлъ отскочить и, стоя въ сторонкѣ, увидѣлъ въ коляскѣ... кого же? С—го. Тотъ, замѣтивъ его, любезно раскланялся. Андреевскій крикнулъ: „Не останетесь ли при университетѣ?“—„Сколько дадите?“—„50 рублей“.—„Мало. Зарабатываю 1.500“.

И коляска пронеслась мимо.

Печально-насмѣшливая улыбка, которою Иванъ Ефимовичъ сопровождалъ этотъ разсказъ, показывала, какъ глубоко онъ сожалѣетъ, что можетъ быть самые способные люди бѣгутъ отъ науки, страшась нужды, на которую она обрекаетъ въ Россіи своихъ жрецовъ. Дѣйствительно, помню, уже въ мое время эти 50 рублей, которые выдавались молодымъ ученымъ для дальнѣйшаго усовершенствованія, казались очень мизерными и могли прокормить развѣ холостого человѣка. Я самъ могъ остаться при университетѣ только потому, что тогда располагалъ нѣкоторыми средствами, и вынужденъ былъ бы отказаться отъ науки, если бы мнѣ пришлось жить на 50 р. Вѣдь не слѣдуетъ забывать, что если человѣкъ готовъ для науки подвергнуть себя лично всевозможнымъ лишеніямъ, то онъ, будучи честнымъ человѣкомъ, не можетъ подвергать тому же близкихъ людей, напримѣръ, родителей, которые долгіе годы уже отказывали себѣ во всемъ, чтобы дать своимъ дѣтямъ гимназическое и университетское образованіе. Можетъ быть, теперь, когда мы дожили до сильнаго перепроизводства университетскихъ, находятся больше лицъ, готовыхъ получать эти 50 рублей, но и теперь ихъ врядъ ли къ этому побуждаетъ любовь къ наукѣ, а скорѣе необходимость зарабатывать хотя бы и только скудныя средства, чтобы не умереть съ голоду, и остаются при университетѣ далеко не самые способные—тѣ найдутъ себѣ хлѣбъ и помимо университета.

Какъ бы то ни было, Андреевскій скорбѣлъ душой, что университетъ не располагаетъ достаточными средствами, чтобы удерживать способныхъ своихъ воспитанниковъ для служенія наукѣ. Но онъ не столько любилъ науку, сколько Россію: онъ, какъ просвѣщенный человѣкъ, зналъ, что не можетъ процвѣтать страна, въ которой не процвѣтаетъ наука, и потому старался привлекать къ

ней способныхъ людей. Патріотизмъ, понятно, не квасной, а просвѣщенный (Иванъ Ефимовичъ былъ европеецъ въ лучшемъ значеніи слова) лежалъ въ основѣ его дѣятельности, и въ немъ соединялось все, что уполномочиваетъ человѣка посвятить себя общественному служенію. Поэтому, когда я теперь вспоминаю о немъ, я невольно сожалѣю, что онъ родился такъ рано, что умеръ уже 20 лѣтъ тому назадъ. Если бы онъ жилъ въ наши дни, если бы расцвѣтъ его силъ совпалъ съ нарожденіемъ русскаго парламента, то каждая его рѣчь въ немъ вознаградила бы насъ за десятки ненужныхъ, бездарныхъ или глупыхъ рѣчей, которыя приходится теперь выслушивать и Думѣ, и Россіи.

П. Г. Рѣдкинъ.

Вотъ ужъ кто никогда не былъ бы парламентскимъ дѣятелемъ, это—незабвенный Петръ Григорьевичъ Рѣдкинъ. Если Иванъ Ефимовичъ весь уходилъ въ общественное служеніе, то Петръ Григорьевичъ весь уходилъ въ науку. И Рѣдкинъ былъ преданнымъ сыномъ родины, но онъ не хотѣлъ ей служить иначе, какъ на почвѣ науки. Если онъ поступилъ на службу, если онъ былъ чиновникомъ, то противъ воли, именно только потому, что онъ слишкомъ любилъ науку. Его хотѣли заставить преподавать не такъ, какъ ему приказывала совѣсть, и онъ, любившій каѳедру пламенно, отрекся отъ нея на цѣлыя пятнадцать лѣтъ, пока не настало время, когда онъ могъ преподавать, оставаясь честнымъ человѣкомъ. Рѣдкинъ былъ, въ отличіе отъ Андреевскаго, истиннымъ ученымъ, хотя и у него, быть можетъ, на первомъ планѣ стояла не наука, а потребность служить родинѣ подготовкою хорошихъ юристовъ, проникнутыхъ сознаніемъ правды и справедливости или, какъ онъ выражался, правосознаніемъ. Но онъ думалъ, что руководить молодежью и пользоваться ея довѣріемъ долженъ только профессоръ, который самъ глубоко изучилъ науку. Поэтому онъ былъ неутомимымъ работникомъ, а такъ какъ онъ неустанно работалъ всю жизнь надъ наукой и, кромѣ того, отличался выдающимися способностями, то можно себѣ представить, чѣмъ мы, зеленая молодежь, себя чувствовали передъ нимъ. Пигмеями передъ великаномъ!

Андреевскій преподавалъ. Онъ краснорѣчиво обучалъ насъ наукѣ, понимая подъ нею запасъ приложимыхъ къ жизни знаній, подведенныхъ подъ извѣстную систему. Андреевскій съ своимъ темпераментомъ общественнаго дѣятеля былъ такъ близокъ къ жизни съ ея непосредственными требованіями, что и на науку смотрѣлъ съ этой точки зрѣнія. Если ему вопросъ о выгребной ямѣ и не казался

важнѣе философіи Платона, то они въ его представленіи занимали одинаково важное мѣсто. Какую пользу принесетъ родинѣ философія Платона — можетъ быть, ему еще казалось сомнительнымъ, но что устраненіе вреда отъ небрежнаго содержанія выгребныхъ ямъ спасетъ здоровье и даже жизнь многихъ людей, онъ твердо зналъ. Поэтому и наука, изучающая вопросы этого рода, казалась ему очень важной, и онъ преподавалъ ее съ увлеченіемъ, стараясь включить въ нее всѣ свѣдѣнія, которыя могли помочь людямъ лучше устроиться въ жизни.

Рѣдкинъ не преподавалъ, не сообщалъ знаній — онъ воспитывалъ, онъ училъ, какъ надо работать. Возьметъ какого-нибудь древне-греческаго философа и начнетъ его изучать до мелочей, останавливаясь чуть ли не на каждомъ его словѣ, стараясь уяснить себѣ самому и намъ истинный смыслъ его ученія, точно воспроизвести его міросозерцаніе, чтобы имѣть право потомъ подвергнуть его оцѣнкѣ, опредѣлить его мѣсто среди другихъ философовъ. Мало ли что можно съ чужихъ словъ приписать мыслителю или писателю! Нѣтъ, надо самостоятельно его изучить, ибо какъ же мы будемъ изучать право, т. е. воплощеніе правды и справедливости, если мы будемъ сами несправедливы къ нашимъ учителямъ, къ тѣмъ, кому мы обязаны сознаніемъ, что правда и справедливость высшее, къ чему долженъ стремиться человѣкъ? Начнемъ же съ признанія за каждымъ мыслителемъ или писателемъ, какъ бы его взгляды ни расходились съ нашими, права на безпристрастное къ себѣ отношеніе, на то, чтобы его мысль не подвергалась никакимъ искаженіямъ. И Рѣдкинъ начиналъ разбирать какого-нибудь Ѳалеса или Эмпедокла необычайно тщательно, со всей эрудиціей выдающагося ученаго. Это происходитъ зимою въ девять часовъ утра. На дворѣ еще стоитъ полумракъ, каѳедра профессора и его сѣдая стриженая голова тускло освѣщаются двумя свѣчами, онъ самъ считываетъ лекцію съ своихъ неизмѣнныхъ записокъ, потому что никакимъ краснорѣчіемъ не обладаетъ, но голосъ его звучитъ вдохновенно, вся аудиторія, самая большая въ университетѣ, несмотря на ранній часъ, биткомъ набита, всѣ слушаютъ, затаивъ дыханіе, потому что и надъ профессоромъ, и надъ нами рѣетъ что-то высокое и благородное, мы сами въ сущности не знаемъ что, но чувствуемъ, что старый профессоръ насъ, маленькихъ людей, поднимаетъ и приводитъ туда, гдѣ человѣкомъ овладѣваетъ священный трепетъ приближенія къ истинѣ, къ ея воплощенію въ человѣческихъ отношеніяхъ, къ правдѣ и справедливости...

Какъ далеки мы были, повидимому, въ эти минуты отъ всякихъ практическихъ знаній, даже казалось, отъ самой жизни, и какъ въ

сущности мы были близки къ ней. Тамъ у Андреевскаго и другихъ профессоровъ, мы занимались тѣмъ, что, казалось, имѣетъ самое непосредственное отношеніе къ жизни: насъ учили и какіе бываютъ налоги, прямые и косвенные, и какія преступленія люди совершаютъ, и какъ ихъ наказываютъ, и какіе бываютъ виды имущества, или какъ оно наслѣдуется, и какія мѣры принимаетъ государство для обезпеченія безопасности или для доставленія народу благосостоянія... Чему насъ только не учили! Кажется, вотъ пусти насъ въ жизнь—и болѣе знающихъ администраторовъ, дипломатовъ, финансистовъ, судей, адвокатовъ, прокуроровъ не найти! Насъ учили всему, что нужно для исполненія обязанностей всѣхъ этихъ профессій, а каждая изъ нихъ предполагаетъ массу знаній. Понятно, что это море знаній умѣщалось въ нашихъ бѣдныхъ головахъ только на время экзаменовъ, да и то съ грѣхомъ пополамъ, но тотчасъ же послѣ экзаменовъ улетучивалось, по большей части оставляя послѣ себя только какой-то мутный осадокъ ничѣмъ не связанныхъ цифръ, фактовъ, идей и опредѣленій.

Рѣдкинъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ изучалъ съ нами, напримѣръ, философію Пиѳагора и пифагорейцевъ, и, странное дѣло, намъ всѣ практическія знанія, сообщаемыя другими профессорами, казались чѣмъ-то суетнымъ, ненужнымъ, а философскія системы Пиѳагора и пиѳагорейцевъ чѣмъ-то безконечно важнымъ и нужнымъ. Это шло въ разрѣзъ съ тогдашнимъ утилитарнымъ настроеніемъ русскаго общества, со взглядами родителей, большинство которыхъ смотрѣли на науку, какъ на дойную корову, какъ на средство обезпеченія за ихъ чадами тепленькихъ мѣстечекъ, шло, наконецъ, въ разрѣзъ и съ настроеніемъ самой молодежи, увлекавшейся въ 60-е годы матеріалистическими воззрѣніями, и тѣмъ не менѣе это было такъ. Можетъ быть, не всѣ слушатели отдавали себѣ отчетъ, въ чемъ собственно дѣло (я думаю даже, что такихъ слушателей было мало), но никто не сомнѣвался, что слушать Рѣдкина необходимо (объ этомъ свидѣтельствовала всегда переполненная его аудиторія), что быть въ университетѣ и не слушать Рѣдкина немыслимо, потому что если не слушать такого профессора, то кого же и слушать? Это было общераспространенное—не скажу—мнѣніе, а чувство.

Но уже въ мое время были студенты, которые, правда, еще только смутно, сознавали, что задача университета—не сообщеніе знаній, пригодныхъ для жизни, и не выдача соотвѣтственнаго диплома, а нѣчто другое, чему именно удовлетворяли лекціи Рѣдкина. Они понимали, что важно знать, какъ должна быть устроена выгребная яма, но что большинство лицъ, отъ которыхъ зависитъ то

или другое устройство выгребныхъ ямъ, прекрасно знаетъ, какъ онѣ должны быть устроены, чтобы не вредить здоровью и не угрожать жизни людей, и тѣмъ не менѣе онѣ почти вездѣ устраиваются именно такимъ антисанитарнымъ способомъ. Почему? Потому что раціональное ихъ устройство сопряжено съ лишними расходами, а большинство людей избѣгаютъ лишнихъ расходовъ, а тѣ, кому порученъ надзоръ за выгребными ямами—люди либо небрежные, либо лицепріятные, либо наконецъ склонные къ взяточничеству. Такимъ образомъ вопросъ усложнялся. Надо знать не только, какимъ санитарнымъ условіямъ должна удовлетворять выгребная яма, но и какія надо принять мѣры, чтобы справиться съ небрежностью, лицепріятіемъ и лихоимствомъ администраціи. Но и этого мало: какъ бы хороша, какъ бы безупречна ни была администрація, если большинство гражданъ корыстолюбивы и не сознаютъ общественнаго своего долга, то и самая совершенная администрація врядъ-ли дѣлу поможетъ. Слѣдовательно, дѣло не въ одномъ знаніи, какимъ санитарнымъ условіямъ должна удовлетворять выгребная яма, и не въ одной администраціи. Надо еще, чтобы каждый гражданинъ сознавалъ свой общественный долгъ, а для этого надо передѣлать администрацію, надо передѣлать гражданъ. Скоро-ли подобная грандіозная задача достижима? А выгребныя ямы должны быть немедленно приведены въ такое состояніе, чтобы не вредить здоровью и не угрожать жизни гражданъ. Какъ же за это приняться? Однѣми законодательными или административными мѣрами тутъ не поможешь. Надо, чтобы каждый изъ насъ, въ какомъ бы положеніи онъ ни находился, отдавалъ себѣ отчетъ, что онъ въ частности можетъ сдѣлать для устраненія опасности, угрожающей здоровью и жизни согражданъ, въ данномъ народѣ и въ данное время. Словомъ, простой на видъ вопросъ при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывался чрезвычайно сложнымъ и труднымъ.

Андреевскій насъ просто училъ, что для исправнаго состоянія выгребныхъ ямъ администрація должна дѣлать то-то и то-то. Рѣдкинъ насъ училъ, какъ надо работать въ политическихъ, общественныхъ и юридическихъ вопросахъ, чтобы ихъ себѣ уяснить во всѣхъ ихъ сложныхъ деталяхъ. Это была выправка ума, опирающагося на идею правды и справедливости. То, что намъ давалъ Рѣдкинъ, требовалось для рѣшенія всѣхъ общественныхъ, политическихъ и юридическихъ вопросовъ, въ какое бы положеніе насъ ни поставила жизнь. Мы легко могли забыть то, что намъ преподавалъ Андреевскій, но то, что намъ не преподавалъ, а давалъ Рѣдкинъ, мы не могли никогда забыть, потому что это превращалось въ нашу плоть и кровь, дѣлалось привычкой и умѣніемъ пра-

вильно рѣшать все многообразіе жизненныхъ вопросовъ на почвѣ не отвлеченной справедливости, а той справедливости, которая вытекаетъ изъ внимательнаго изученія и теоріи окружающихъ условій. Если великіе мыслители были въ то же время и великими учителями, то Рѣдкинъ, вводившій насъ въ ихъ храмъ, былъ вдохновеннымъ посредникомъ между нами и ими, и если разумная и плодотворная практика заключается въ томъ, чтобы умѣть осуществить вѣрную идею наиболѣе правильнымъ путемъ въ самой жизни, то истиннымъ учителемъ жизни былъ опять-таки Рѣдкинъ Когда мы слушали его лекціи, мы чувствовали, что пріобрѣтаемъ нѣчто безконечно цѣнное для жизни вообще, а не для той или другой спеціальной ея сферы, что это намъ нужно будетъ и какъ будущимъ отцамъ семейства, и какъ будущимъ воспитателямъ нашихъ дѣтей, и какъ членамъ общества, и какъ служителямъ государства. Мы не спрашивали себя, либерально или консервативно то, что говорилъ профессоръ, намъ даже этотъ вопросъ не могъ придти на умъ, какъ не могло намъ придти на умъ спросить, либерально или консервативно здоровье и все, что къ нему приводитъ. Мы чувствовали, что преподаваніе Рѣдкина приводитъ нашъ умъ къ здоровью. Революціонеръ и бѣлоподкладочникъ одинаково внимали старому профессору, сознавая, что то, что онъ преподаетъ, не умѣщается ни въ рамки политики, ни въ рамки соціологіи, ни въ рамки, созданныя общественными или политическими предразсудками и разными модными теченіями, что это выше семьи, общества, государства. Мы чувствовали, чѣмъ можетъ и должно быть университетское преподаваніе, охватывающее всю жизнь со всѣми теоріями, ею созданными, и освѣщающее все: и природу, и людей, и ихъ общества, въ томъ числѣ и государство, свѣтомъ, почерпнутымъ изъ всѣхъ доступныхъ человѣку источниковъ, мы входили дѣйствительно въ храмъ науки и понимали, что онъ долженъ быть намъ священнымъ, потому что онъ одинъ въ житейской сутолокѣ борющихся личныхъ, общественныхъ и политическихъ интересовъ созданъ и живетъ для раскрытія истины, насколько она доступна человѣку.

Съ тѣхъ поръ, какъ я слушалъ вдохновенный голосъ Рѣдкина, прошло почти полъ-вѣка, но то, о чемъ онъ мечталъ, все еще не осуществилось. Увы, мы, можетъ быть, теперь даже дальше отъ этого, чѣмъ были въ его дни! Все еще прочно держится взглядъ, будто бы назначеніе университета состоитъ въ томъ, чтобы дать воспитанникамъ знанія, непосредственно приложимыя къ дѣлу, а не любовь къ призванію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и желаніе учиться всю жизнь; все еще на университетъ смотрятъ какъ на орудіе поли-

тики, консервативной, либеральной или радикальной, а не какъ на установленіе, преслѣдующее задачи, далеко выходящія за предѣлы государственнаго вѣдѣнія, изучающее человѣка въ его отношеніи къ другимъ людямъ, къ природѣ, къ Богу, охватывающее прошлое, настоящее, будущее человѣчества и черпающее свое настроеніе и свои руководящія начала тамъ, гдѣ нѣтъ ни начала, ни конца, гдѣ человѣческій духъ приближается къ сознанію истины, предъ которою, какъ передъ Богомъ, всякая экономическая, соціальная и политическая борьба исчезаетъ, таетъ, какъ воскъ передъ лицомъ солнца. Рѣдкинъ убѣждалъ насъ, что такое отношеніе къ наукѣ возможно, что это не утопія, а дѣйствительность, которую мы сами устраняемъ, внося въ храмъ науки то, чего въ немъ не должно быть—не служеніе истинѣ, не желаніе отрѣшиться отъ всего, что можетъ затемнить наше сужденіе, а борьбу, страсть, все то, что дѣлаетъ человѣка неспособнымъ къ объективному анализу, безъ котораго наука немыслима. Рѣдкинъ былъ единственнымъ нашимъ профессоромъ, который держался совершенно съ сторонѣ отъ политической борьбы и въ то же время пользовался авторитетомъ и довѣріемъ въ политическихъ вопросахъ, потому что никто изъ насъ ни на минуту не сомнѣвался, что онъ въ своей дѣятельности руководствуется исключительно желаніемъ служить истинѣ и ставитъ ее выше всего не только на словахъ, какъ другіе профессора, но и на дѣлѣ, т. е. съ готовностью пожертвовать для нея всѣмъ.

Мы знали, что Рѣдкинъ пострадалъ за науку, что онъ отказался отъ каѳедры, когда не могъ преподавать такъ, какъ хотѣлъ. При насъ онъ срѣзалъ племянника очень вліятельнаго министра и непосредственнаго своего начальника по службѣ, хотя тотъ недвусмысленно его попросилъ быть снисходительнымъ къ его родственнику. Это были факты, и въ то же время Рѣдкинъ никогда не либеральничалъ такъ, какъ либеральничали другіе профессора изъ первоклассныхъ тогда университетскихъ свѣтилъ, т. е. скверно, при помощи неясныхъ намековъ, анекдотовъ, аллегорій или скрытыхъ сопоставленій. Рѣдкину, его честной хохлацкой натурѣ, такой эзоповскій рабій языкъ былъ глубоко противенъ, да онъ считалъ его недостойнымъ званія профессора и не нуждался въ немъ, потому что преслѣдовалъ цѣли не политическія, а научныя и никогда не унизилъ бы себя, какъ другіе профессора, до заигрыванія съ молодежью, до исканія у нея дешевой популярности. Но тамъ, гдѣ это нужно было, онъ вступался за науку честно и открыто, чего бы это ему ни стоило. Онъ тутъ не допускалъ никакихъ компромиссовъ или послабленій. Въ стѣнахъ университета онъ даже не давалъ воли своимъ безобиднымъ симпатіямъ.

Помню я экзаменъ у него. Хотя онъ былъ крѣпышъ, но все-таки, экзаменуя съ утра до поздняго вечера, при далеко немолодыхъ своихъ годахъ, утомлялся: тяжело было старику, но онъ продолжалъ экзаменовать, чтобы не заставлять студентовъ томиться нѣсколько дней. Уже поздно вечеромъ къ экзаменаціонному столу подходитъ студентъ-хохолъ. Начинаетъ онъ нехорошо, именно съ заявленія, что онъ двухъ послѣднихъ билетовъ не знаетъ. По лицу Рѣдкина пробѣгаетъ тѣнь. Онъ однако не отказываетъ земляку.

— А остальные билеты знаете?—спрашиваетъ онъ мрачно.

— Знаю,—отвѣчаетъ студентъ не менѣе мрачно.

— Возьмите билетъ,—приглашаетъ его Рѣдкинъ.

Хохолъ вынимаетъ билетъ и тотчасъ же отвѣчаетъ на него прекрасно,—такъ, какъ любилъ Рѣдкинъ, отчетливо, кратко, безъ лишнихъ словъ. Нельзя было сомнѣваться, что студентъ много занимался предметомъ и занимался имъ любовно. Когда онъ кончилъ, Рѣдкинъ самъ вынимаетъ ему еще билетъ. Студентъ отвѣчаетъ и на него прекрасно при общемъ молчаливомъ одобреніи аудиторіи. Дѣло кончается тѣмъ, что Рѣдкинъ ставитъ ему пятерку, но освѣдомляется, почему онъ не дочиталъ послѣднихъ билетовъ.

— То не успѣлъ: холова заболивъ.

— Хорошо, ступайте.

Уже совсѣмъ ночью, часовъ въ одиннадцать, выходитъ студентъ, тоже не знавшій нѣсколькихъ билетовъ и думавшій воспользоваться послабленіемъ, которое профессоръ оказалъ своему земляку.

— Какіе же билеты вы не знаете?—спросилъ Рѣдкинъ.

Студентъ назвалъ ему два билета, самые трудные во всемъ курсѣ.

— Хорошо,—лаконически отозвался Рѣдкинъ.

Студентъ взялъ билетъ и началъ на него отвѣчать такъ, какъ отвѣчаютъ студенты, которые механически вызубрили курсъ и поминутно упускаютъ изъ виду преемственную и логическую связь между разными философскими ученіями, чѣмъ преимущественно и дорожилъ профессоръ. Когда студентъ кончилъ, Рѣдкинъ попросилъ его взять второй билетъ, далъ ему отвѣтить, но потомъ сталъ ему предлагать безконечные вопросы. Для насъ уже давно выяснилось, что экзаменующійся плохо знаетъ предметъ, но профессоръ все продолжалъ экзаменовать, несмотря на очевидное крайнее утомленіе. Что-то мѣшало ему кончить экзаменъ, и мы всѣ прекрасно знали что. Онъ проявилъ нѣкоторую слабость по отношенію къ земляку, позволивъ ему держать экзаменъ и даже поставивъ ему высшую отмѣтку, несмотря на то, что тотъ всего курса не прошелъ, и теперь опасался, какъ бы его не заподозрили въ неспра-

ведливости. Но, наконецъ, повидимому, Рѣдкинъ убѣдился, что во всей аудиторіи не можетъ найтись человѣка, который былъ бы иного мнѣнія, чѣмъ самъ профессоръ, поставилъ студенту неудовлетворительную отмѣтку и, заявивъ, что на сегодня вслѣдствіе поздняго часа, довольно, всталъ и ушелъ.

Студенты не вскочили, какъ обыкновенно, по окончаніи экзамена со своихъ мѣстъ, чтобы, громко разговаривая, гурьбою выбѣжать въ коридоръ, а какъ-то нехотя встали, словно что-то недодѣлано. Врядъ-ли всѣ отдавали себѣ точный отчетъ, въ чемъ собственно дѣло, и только экзаменовавшійся студентъ поставилъ точку надъ і, сказавъ:

— Да я же не виноватъ, господа! Почемъ я зналъ, что онъ будетъ такъ долго экзаменовать?

Никто, сколько помню, студенту не отвѣтилъ. Всѣ чувствовали, что онъ несетъ должное наказаніе за уловку, можетъ быть умѣстную по отношенію къ другимъ профессорамъ, но никакъ не по отношенію къ Рѣдкину, въ чувствѣ справедливости котораго никто не сомнѣвался, и заслуги и лѣта котораго должны были заставить студента не умолять его напрасно, а заявить, что онъ самъ убѣдился въ своей неподготовленности.

Таковы были чувства студенчества по отношенію къ Рѣдкину.

Не могу здѣсь не разсказать, какъ я разстался съ Петербургскимъ университетомъ, такъ какъ въ этомъ прощаньи Рѣдкину принадлежитъ видная роль.

Сдавъ магистерскій экзаменъ изъ полицейскаго права и политической экономіи, я принялся за диссертацію. Темою я избралъ вопросъ, который мнѣ казался очень важнымъ съ точки зрѣнія народнаго благополучія, именно вопросъ объ отношеніи государства къ женскому образованію. Я представилъ въ факультетъ изслѣдованіе, въ которомъ далъ очеркъ философіи исторіи этого вопроса, а затѣмъ на основаніи тогдашняго положенія законодательства въ цивилизованныхъ странахъ старался выяснить, что мы идемъ къ предоставленію женщинѣ свободы въ выборѣ профессіи, къ уравненію женскаго образованія съ мужскимъ и къ совмѣстному обученію лицъ обоего пола какъ въ народныхъ школахъ, такъ со временемъ въ гимназіяхъ и университетахъ.

Диссертація моя удостоилась лестныхъ отзывовъ со стороны нѣкоторыхъ профессоровъ, но, кажется, всѣ единодушно рѣшили, что, защитивъ ее, я стану человѣкомъ невозможнымъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, другими словами, закрою себѣ доступъ къ университетской каѳедрѣ. Кромѣ того, большинство рѣшило, что имъ неудобно пропускать моей диссертаціи, потому что

это значило до нѣкоторой степени признать себя солидарными со взглядами, черезъ-чуръ уже прогрессивными. Это послѣднее соображеніе не дѣлаетъ чести гражданскому мужеству профессоровъ, но всякому своя рубашка ближе къ тѣлу, а что касается перваго соображенія, то оно мнѣ теперь представляется безусловно вѣрнымъ, хотя я и проводилъ въ своей диссертаціи сорокъ лѣтъ тому назадъ взгляды, которые теперь уже въ значительной степени осуществлены самимъ правительствомъ. Но тогда я этого не понялъ и, сказавъ себѣ, что въ университетѣ наука несвободна, рѣшилъ разстаться съ нимъ и избрать другую дѣятельность.

Да, съ тѣхъ поръ прошло сорокъ лѣтъ, и я понялъ многое, чего тогда не понималъ. Я понялъ, что свобода мысли—идеалъ, къ которому, какъ ко всякому идеалу, можно только приблизиться, я понялъ, что ее часто столько же стѣсняетъ правительство, сколько и общество (можетъ быть, второе больше перваго), что уступки въ жизни необходимы даже съ точки зрѣнія торжества идеаловъ, которые намъ дороги, что общіе идеалы безсильны, когда мы не умѣемъ придать имъ форму, доступную данному времени и данному мѣсту. Я понялъ все это цѣною многихъ жертвъ, многихъ страданій, но тогда никто мнѣ на все это не указалъ. Одни пожимали плечами надъ моею наивностью, другіе сожалѣли меня, третьи сочувствовали и старались придти мнѣ на помощь пріисканіемъ мнѣ хлѣбныхъ занятій до составленія другой диссертаціи. Я убѣдился въ участливости и добротѣ профессоровъ, но основной вопросъ остался невыясненнымъ: я не зналъ, правъ ли я или неправъ, принялъ ли я вѣрное или ложное рѣшеніе. Напротивъ, я все болѣе убѣждался, что, разставаясь съ университетомъ, я дѣлаю то, что велитъ совѣсть, т. е. поступаю честно.

Въ такомъ настроеніи я зашелъ къ Рѣдкину, избранному тогда ректоромъ и жившему въ ректорскомъ домикѣ возлѣ университетскаго зданія. Онъ меня встрѣтилъ словами:

— Ахъ, зачѣмъ вы не написали диссертаціи о пожарныхъ инструментахъ!

Въ этомъ возгласѣ было столько горькой ироніи, но въ то же время и добраго чувства ко мнѣ, что я невольно улыбнулся.

— Развѣ пожарные инструменты—тема, болѣе подходящая, чѣмъ женское образованіе?—спросилъ я.

— Для полицейскаго права—пожалуй,—улыбнулся мнѣ въ отвѣтъ Рѣдкинъ и началъ меня убѣждать не смущаться постигшей меня неудачей. Онъ говорилъ долго и убѣдительно и говорилъ именно о томъ, о чемъ нужно было говорить. Онъ не выражалъ ни жалости, ни состраданія, ни готовности придти къ намъ на по-

мощь. Онъ сразу понялъ, что боль, которую я испытываю,—не моя личная боль, а боль, такъ-сказать общественная, что мнѣ обидно не столько за себя, сколько за страну, въ которой живу, за университетъ, въ которомъ воспитывался, за профессоровъ, отнесшихся именно такъ къ моей диссертаціи. Онъ старался меня убѣдить, что чѣмъ ниже умственный и нравственный уровень общества, тѣмъ осторожнѣе и осмотрительнѣе должны дѣйствовать тѣ, кто чувствуетъ себя призваннымъ вносить въ него лучъ свѣта. Словомъ, онъ старался сохранить во мнѣ вѣру въ возможность успѣшно дѣйствовать на пользу высшихъ человѣческихъ благъ, оставаясь въ университетской средѣ.

Я ему тогда не повѣрилъ. Я даже не подумалъ о томъ, что онъ, какъ профессоръ, самъ представляетъ убѣдительнѣйшее доказательство вѣрности своихъ словъ. Я подчинился исключительно оскорбленному чувству, а не разуму и навсегда разстался съ университетомъ. Что я такъ поступилъ, мнѣ не жаль, потому что я нашелъ себѣ другую, болѣе подходящую каѳедру. Но свою вину передъ Рѣдкинымъ я теперь сознаю: я ему единственный разъ въ жизни не повѣрилъ. Прости, незабвенный учитель!

И. Я. Горловъ.

Вспоминая моихъ университетскихъ профессоровъ, я всегда съ пріятнымъ чувствомъ останавливаюсь на профессорѣ Горловѣ, который намъ читалъ политическую экономію по составленному имъ учебнику. Ораторъ былъ онъ болѣе чѣмъ посредственный, ученый тоже лишь настолько, насколько можно признать ученымъ болѣе или менѣе зауряднаго русскаго профессора. Но въ немъ было много для меня симпатичнаго: въ немъ соединялась большая доброта, заставлявшая его приходить на помощь нашему брату—студенту, съ большою добросовѣстностью, побуждавшею его относиться серьезно къ наукѣ. Но это серьезное къ ней отношеніе было особаго рода, и оно-то побуждаетъ меня посвятить нѣсколько строкъ почтенному Ивану Яковлевичу, какъ типичному представителю цѣлой полосы русской университетской науки.

Если въ Россіи возможны Рѣдкины или Андреевскіе, то общимъ правиломъ у насъ должны были бы быть Горловы, и это было бы въ сущности не такъ ужъ плохо, потому что въ нихъ было много хорошаго. Салтыковъ ихъ конечно бы осмѣялъ, прошелся бы по ихъ поводу насчетъ „аккуратности и умѣренности“, но я въ данномъ случаѣ не могу послѣдовать его примѣру, потому что акку-

ратность да и умѣренность въ русскомъ человѣкѣ, столь склонномъ къ халатности въ дѣлахъ и неумѣренности въ дурныхъ наклонностяхъ и привычкахъ, вовсе уже не такой крупный недостатокъ, чтобы заслуживать сатирическаго бича.

Иванъ Яковлевичъ входилъ въ аудиторію ровно 5 минутъ послѣ звонка, степенно занималъ свое привычное мѣсто на каѳедрѣ, методически откашливался, затѣмъ вынималъ часы, клалъ ихъ передъ собою на каѳедру и начиналъ читать лекцію пріятнымъ, слегка надтреснутымъ баскомъ. Его густая шевелюра и широкія бакенбарды съ просѣдью были тщательно причесаны, такъ что ни одинъ волосокъ не отдѣлялся отъ другого, подбородокъ пробритъ отчетливо, ясною дорожкою, его глаза смотрѣли на насъ внушительно, такъ что не могло быть и тѣни сомнѣнія, что онъ очень серьезно относится къ своему дѣлу, рѣчь его лилась не то, чтобы очень плавно, но все-таки безъ всякихъ ощутительныхъ задержекъ или толчковъ, и мы слушали профессора далеко не съ напряженнымъ вниманіемъ, но съ интересомъ, который вызывается сознаніемъ, что мы, слушая лекцію, дѣлаемъ дѣло, во всякомъ случаѣ не пустое.

Я между прочимъ отмѣтилъ, что Горловъ во время лекцій всегда клалъ передъ собою часы. Извѣстный издатель „Голоса“, Краевскій, тоже, принимая посѣтителя, демонстративно клалъ передъ собою часы, заявляя, что у него только пять минутъ свободныхъ. Оба они были чиновники—одинъ изъ газетнаго дѣла, другой—отъ науки; но у Краевскаго это была политика, а у Горлова политики никакой не было, да я думаю, онъ вообще былъ на нее не способенъ. Аккуратность была такъ-сказать врожденнымъ его качествомъ, а какая можетъ быть аккуратность безъ часовъ? Культурный человѣкъ всегда аккуратенъ, ибо, если степень культуры, какъ говорятъ, опредѣляется количествомъ потребляемаго даннымъ народомъ мыла, то подавно она опредѣляется количествомъ часовъ, имъ покупаемыхъ. „Время—деньги“. Всѣ любятъ подсчитывать свои деньги, но только культурные люди любятъ такъ же бережно относиться къ счету времени, т. е. дѣйствительно понимаютъ глубокое значеніе англійской поговорки. Горловъ несомнѣнно обладалъ тѣми качествами, которыя позволяютъ называть человѣка культурнымъ. Онъ велъ точный счетъ времени, распредѣлялъ свои занятія по часамъ дня, прекрасно владѣлъ собой, умѣлъ выслушивать другихъ, уважая чужія убѣжденія, никогда не былъ рѣзокъ въ спорахъ, былъ очень опрятенъ, столько же въ мысляхъ, сколько въ своей внѣшности, очень добросовѣстно исполнялъ всѣ свои обязанности, и если все это далеко не исчерпываетъ культуры, то съ

другой стороны нельзя не признать, что безъ этого культура немыслима. Много требовалось ума, напряженія, жертвъ, чтобы распространить и упрочить эти качества въ русскихъ образованныхъ классахъ, и нельзя отрицать, что наша бюрократія, штатская, военная и духовная, представляетъ тотъ классъ, въ которомъ эти качества наиболѣе распространены. Если бюрократія не пользуется популярностью среди извѣстной части нашего общества, то это ни въ какомъ случаѣ не можетъ послужить основаніемъ для пренебрежительнаго, а тѣмъ болѣе для презрительнаго отношенія къ вышеупомянутымъ качествамъ. Можно только удивляться Щедрину, что его нерасположеніе къ чиновничеству увлекло его до осмѣянія этихъ качествъ, которыхъ такъ сильно недостаетъ именно той части русскаго общества, которая, можетъ быть, мнитъ себя лучше и выше остальныхъ.

Горловъ былъ типичнымъ представителемъ русской бюрократіи въ ученой средѣ. Онъ высоко ставилъ русское государственное начало, науку, званіе профессора, былъ проникнутъ ихъ значеніемъ, и всякія сомнѣнія тутъ ему были совершенно чужды. Такъ-называемые проклятые вопросы его не занимали: онъ, кажется, на нихъ не останавливался, считалъ ихъ чѣмъ-то въ родѣ бредней, недостойныхъ отвлекать серьезный умъ отъ университетской науки и отъ задачъ русскаго государства. Онъ не столько критиковалъ или сомнѣвался, сколько изучалъ, старался усвоить положительные выводы, къ которымъ наука пришла въ лицѣ наиболѣе авторитетныхъ своихъ представителей. Сомнѣваться въ авторитетности Адама Смита, Рикардо, Мальтуса казалось ему чуть-ли не святотатствомъ, какъ ему казалось преступнымъ подрывать авторитетъ государственной власти, главной насадительницы культуры въ нашемъ еще полу-варварскомъ народѣ. Духъ Петра, Екатерины и ихъ преемниковъ, казалось, еще не угасъ въ этомъ скромномъ ученомъ и придавалъ ему, маленькому человѣку, обаяніе, хотя и минувшаго, но реальнаго величія. Въ немъ чувствовался атомъ той силы, которая создала великую Россійскую имперію.

Убивала ли въ Горловѣ государственность или, какъ нынѣ любятъ выражаться, бюрократизмъ—потому что въ сознаніи такъ-называемаго русскаго интеллигентнаго человѣка бюрократъ и представитель русской оффиціальной государственности почти одно и то же—убивала ли, повторяю, въ Горловѣ государственность любовь къ наукѣ? Отнюдь нѣтъ. Я помню, какъ передъ самымъ моимъ магистерскимъ экзаменомъ онъ меня встрѣтилъ въ коридорѣ и поздравилъ съ выходомъ перваго выпуска моего перевода „Науки Полиціи“ Роберта фонъ-Моля, заявивъ мнѣ, что всегда очень интере-

совался теоріею народонаселенія. По этому поводу онъ пустился въ длинную бесѣду со мной, а я все не понималъ, съ чего это онъ во время лекцій въ коридорѣ, среди сутолоки снующихъ взадъ и впередъ студентовъ и профессоровъ, началъ вдругъ обсуждать со мною, вчерашнимъ студентомъ, одинъ изъ сложныхъ и трудныхъ научныхъ вопросовъ. Занятый въ ту минуту всецѣло предстоявшимъ мнѣ экзаменомъ, я невольно приводилъ этотъ странный разговоръ въ связь съ экзаменомъ, и въ то же время чувство мое къ Горлову раздвоилось: съ одной стороны я его мысленно благодарилъ за то, что онъ, сознавая всю безцѣльность магистерскаго экзамена (развѣ можно въ годъ серьезно изучить всѣ вопросы, входящіе въ составъ данной науки, и зачѣмъ приравнивать молодыхъ ученыхъ къ школьникамъ, занятія которыхъ надо контролировать?) указываетъ мнѣ на вопросъ, который онъ мнѣ предложитъ на экзаменѣ, чтобы я могъ успѣшно сбыть эту формальность; съ другой—у меня зародилось недоброе чувство, потому что подобный пріемъ мнѣ казался не достойнымъ и профессора, и магистранта. Но на экзаменѣ выяснилось, тотчасъ же, что я ошибся: Горловъ мнѣ задалъ совершенно другой вопросъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ я понялъ, что нашъ разговоръ былъ вызванъ исключительно любовнымъ отношеніемъ Горлова къ наукѣ, т. е. интересомъ, который она въ немъ возбуждала.

Если Горловъ ничего выдающагося въ наукѣ не сдѣлалъ, то вовсе не по недостатку любви къ ней, а просто потому, что способности его этого не допускали. Наоборотъ, слѣдуетъ удивляться, какъ онъ при своихъ небольшихъ способностяхъ могъ сдѣлать такъ много, обогативъ напримѣръ русскую науку прекраснымъ для того времени учебникомъ. Еслибы среди русскихъ профессоровъ было побольше Горловыхъ, т. е. людей, какъ онъ, преданныхъ культурѣ, наукѣ и государственности, то наша университетская жизнь сложилась бы нѣсколько иначе. Во всякомъ случаѣ Горловъ всецѣло принадлежалъ къ старой Россіи, которая уже въ его время все чувствительнѣе замѣнялась новою, современною.

Р. Сементковскій.

Яковъ Іоганъ Урсинусъ [1]).

Профессоръ-депутатъ Екатерининской комиссіи для сочиненія проекта новаго Уложенія.

Записка Урсинуса, содержаніе которой выше изложено, была прочтена — какъ уже сказано — въ засѣданіи Большой комиссіи 14 мая. Въ этомъ засѣданіи производилась баллотировка 7-ми кандидатовъ въ частную комиссію „о рудокопаніи, сбереженіи и растеніи лѣсовъ и о торговлѣ вообще“. Урсинусъ былъ въ числѣ баллотируемыхъ, но получилъ избирательныхъ голосовъ только 148 при 158 неизбирательныхъ. Трудно сказать, что было причиною такого исхода баллотировки. Можно думать, что прочтенное предложеніе Урсинуса, противорѣчившее большому числу до тѣхъ поръ сдѣланныхъ предложеній—образовать суды отдѣльные для каждаго сословія изъ лицъ, сословіями выбранныхъ—создало автору значительное число противниковъ. Принимая во вниманіе, что между забаллотированными въ этотъ день кандидатами нѣкоторые получили избирательныхъ голосовъ еще менѣе Урсинуса—131 и даже 121—можно придти и къ противоположному предположенію: можно думать, что слишкомъ мало извѣстный до сихъ поръ депутатъ своимъ послѣднимъ выступленіемъ вызвалъ въ составѣ комиссіи, на-ряду съ противниками, и значительное число сторонниковъ.

Въ пятое послѣ 14-го мая засѣданіе—22-го мая—по предложенію маршала члены комиссіи подавали записки о предлагаемыхъ ими кандидатахъ въ новую частную комиссію „объ училищахъ и

---

[1]) См. „Русская Старина“ апрѣль 1912 г.

призрѣнія требующихъ". Представленные кандидаты были подвергнуты баллотировкѣ въ слѣдующее затѣмъ засѣданіе—23 мая. Во всѣ эти частныя комиссіи назначались по 5 членовъ, изъ которыхъ трое—получившіе наибольшее число голосовъ при баллотировкѣ, одинъ по избранію маршала, одинъ по избранію генералъ-прокурора, при чемъ на назначеніе двухъ послѣднихъ испрашивалось согласіе Большой комиссіи (согласіе давалось всегда, такъ что испрошеніе его обратилось въ простую формальность). Результаты баллотировки 23 мая были таковы. Наибольшее число избирательныхъ голосовъ получилъ Козелецкаго и Остерскаго повѣтовъ Кіевскаго полка депутатъ отъ шляхетства, секретарь штата генерала графа Панина, Золотницкій (164 избирательныхъ при 102 неизбирательныхъ); слѣдующее затѣмъ число получили двое: депутатъ отъ города Переяславля Залѣсскаго Угрюмовъ и Урсинусъ (141 избирательный при 125 неизбирательныхъ). Эти трое и вошли въ составъ названной комиссіи, окончательно образовавшейся 27 мая, при чемъ маршалъ отъ себя представилъ депутата медицинской коллегіи барона Аша и отъ генералъ-прокурора—депутата Тульскаго отъ дворянства Ивашкина.

Чѣмъ можно объяснить болѣе благопріятный для Урсинуса исходъ баллотировки 23 мая предъ баллотировкой мая 14? Времени прошло немного; между этими 2 засѣданіями Урсинусъ голоса не подавалъ, по поводу поданныхъ имъ голосовъ никакихъ преній не происходило... Можно, кажется, съ вѣроятностью предположить, что, какъ профессорское званіе Урсинуса, такъ и мнѣнія, имъ уже высказанныя, давали право думать, что этотъ депутатъ обладаетъ весьма обширными познаніями, и потому въ особенности будетъ пригоденъ для обсужденія вопросовъ, относящихся къ образованію, а стало быть къ одному изъ главнѣйшихъ предметовъ дѣятельности частной комиссіи „объ училищахъ".

Такъ какъ эта комиссія единственная частная комиссія, въ которой Урсинусу пришлось быть членомъ, то я тутъ же скажу, какъ измѣнялся ея составъ въ теченіе всего времени существованія Большой комиссіи. Члены комиссіи Ивашкинъ и Угрюмовъ передали свои депутатскія полномочія другимъ лицамъ—Ивашкинъ на время въ засѣданіи 23 іюля, Угрюмовъ навсегда въ засѣданіи 28 іюля. Такимъ образомъ оба названные депутаты занимались въ комиссіи объ училищахъ всего около 2-хъ мѣсяцевъ (съ 27 мая до 23 или 28 іюля). Въ Большой комиссіи ихъ дѣятельности вовсе не было видно. Нѣтъ основанія предполагать, чтобы въ частной комиссіи ихъ роль была значительна.

На мѣсто Угрюмова предложено маршаломъ избрать другое лицо. Баллотировка состоялась въ засѣданіи 1-го сентября изъ

числа 17 кандидатовъ, предложенныхъ записками въ одно изъ предыдущихъ засѣданій. Большинство голосовъ получилъ депутатъ юстицъ-коллегіи Лифляндскихъ, Эстляндскихъ и Финляндскихъ дѣлъ фонъ Клингштетъ. Объ его назначеніи маршалъ объявилъ въ слѣдующемъ засѣданіи, при чемъ заявилъ, что вмѣсто Ивашкина, назначеннаго по представленію генералъ-прокурора, послѣдній представляетъ депутата Уфимской провинціи отъ государственныхъ крестьянъ, казначея сухопутнаго шляхетнаго кадетскаго корпуса подполковника Беклешова. Въ такомъ составѣ комиссія „объ училищахъ и призрѣнія требующихъ“ оставалась почти до конца года, когда по поводу начала военныхъ дѣйствій противъ турокъ были уволены отъ комиссіи: Беклешовъ и докторъ Ашъ. На мѣста выбывшихъ членовъ представлены: отъ генералъ-прокурора—депутатъ Курскаго дворянства Стромиловъ, отъ маршала—Мензелинскій депутатъ отъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ и драгунъ, капитанъ-поручикъ л.-гв. Измайловскаго полка Леонтьевъ. Такимъ образомъ, членами частной комиссіи „объ училищахъ и призрѣнія требующихъ“ по закрытіи Большой комиссіи оставались слѣдующіе члены: Золотницкій, Урсинусъ, Клингштетъ, Леонтьевъ и Стромиловъ (XXXII, 69, 91, 92, 98, 197, 214, 231, 331, 332, 341; XXXVI, 149, 151, 153). Нѣкоторыя свѣдѣнія о дѣятельности комиссіи дошли до насъ. Но о ней будетъ сказано послѣ—въ дополненіи къ настоящей статьѣ.

Урсинусъ принималъ участіе еще въ одной частной комиссіи: въ дневной запискѣ засѣданія 10 апрѣля 1768 г. (XXXII, 70) читаемъ: „... объявилъ господинъ маршалъ, что г. депутатъ Владимірскій отъ дворянства, членъ комиссіи о имѣніяхъ, князь Петръ Трубецкой выбралъ себѣ въ помощники г. депутата Дерптскаго отъ города Якова Урсинуса... на что собраніе и согласилось“. О дѣятельности Урсинуса здѣсь мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, и потому приходится ограничиться лишь указаніемъ на его согласіе на призывъ къ этой дѣятельности. Далѣе придется указать еще одну попытку призвать Урсинуса къ участію въ одной изъ главныхъ частныхъ комиссій, но такъ какъ эта попытка осталась безрезультаткою, то говорить объ ней должно тогда, когда послѣ изложенія всей извѣстной намъ дѣятельности Урсинуса въ комиссіи станетъ интереснымъ отношеніе къ нему, какъ сочленовъ, такъ и лицъ, стоящихъ надъ комиссіею. Теперь возвращаемся къ изложенію того, что происходило въ Большой комиссіи послѣ образованія частной комиссіи „объ училищахъ и призрѣнія требующихъ“.

Чтеніе законовъ „о юстиціи“ и обсужденіе ихъ продолжалось въ Большой комиссіи до 10 іюля 1768 года, когда былъ внесенъ

въ нее составленный въ частной комиссіи „о родахъ государственныхъ жителей“ проектъ закона „о правахъ благородныхъ“.

Главный интересъ этого періода исторіи Екатерининской комиссіи до 10 іюля сосредоточился на вопросахъ объ улучшеніи положенія крѣпостныхъ крестьянъ.

Пренія главнымъ образомъ происходили по поводу предложенія, сдѣланнаго депутатомъ Козловскаго дворянства, артиллеріи поручикомъ Коробьинымъ, ограничить власть помѣщиковъ въ доходахъ и надъ имѣніями ихъ крестьянъ и дать послѣднимъ нѣкоторую собственность (XXXII, 54, 55, 406—410). Предложеніе это прочитано въ засѣданіи 5 мая 1768 г. въ виду обсужденія законовъ о бѣглыхъ крестьянахъ и обсужденія причинъ, побуждающихъ крестьянъ къ побѣгамъ. Оно совершенно соотвѣтствуетъ мысли, выраженной въ 261 статьѣ Наказа Императрицы, гдѣ говорится: „законы могутъ учредить нѣчто полезное для собственнаго рабовъ имущества“. Можно думать, что депутатъ Коробьинъ дѣйствовалъ прямо подъ вліяніемъ идей Наказа, а быть можетъ и при непосредственномъ вліяніи автора Наказа. Затрагивая слишкомъ близко матерьяльные интересы дворянства, предложеніе Коробьина вызвало сильное движеніе среди представителей этого сословія. Возраженія посыпались градомъ. Но движеніе распространялось не только среди дворянства, но и среди представителей низшихъ классовъ, которые—иногда весьма краснорѣчиво—доказывали, что положеніе крестьянства настоятельно требуетъ реформъ. Урсинусъ не принималъ участія въ преніяхъ по крестьянскому вопросу. Почему? Положительныхъ данныхъ для рѣшенія этого вопроса нѣтъ. Остается возможность дѣлать разныя предположенія. Мнѣ кажется совершенно невозможнымъ остановиться на предположеніи, что Урсинусъ не сочувствовалъ стремленію къ улучшенію быта крестьянъ, или не понималъ важности затронутыхъ вопросовъ. Изъ сказаннаго Урсинусомъ позже (въ засѣданіи 17 сентября—XXXVI, 26), что „владѣніе деревнями разумѣетъ онъ равно, какъ крѣпостными, такъ и вольными (напр. населенными колонистами)—по контрактамъ“, можно заключить, что онъ стремился къ цѣли: отношенія помѣщиковъ къ ихъ крестьянамъ замѣнить отношеніями договорными. Но мнѣ кажется возможнымъ допустить, что онъ понималъ трудность задачи и, будучи болѣе знакомъ съ условіями жизни европейской и жизни русской городской, нежели русской сельской, не чувствовалъ себя въ силахъ предложить практически полезныя мѣры для рѣшенія задачи. Нужно сказать, что мѣра, предложенная Наказомъ Императрицы и депутатомъ Коробьинымъ, едва-ли могла назваться практичною, какъ то и было показано многими изъ депутатовъ, возра-

жавшихъ Коробьину. „Не имѣть надъ имѣніемъ крестьянскимъ никакой власти, а въ самое то время быть безпосредственно надъ нимъ господиномъ, какъ въ голосѣ г. Коробьина значится“—писалъ депутатъ Гороховецкаго дворянства Протасовъ—„есть дѣло невозможное; ибо сколько найдется такихъ развращенныхъ владѣльцевъ, кои будутъ стараться отмщать крестьянамъ“ (XXXII, 447). „Оставляя прежнюю власть помѣщикамъ надъ человѣкомъ“,—писалъ депутатъ Кромскаго дворянства Похвисневъ—„ограничивать оную надъ малымъ его имѣніемъ—можетъ ли сіе быть препятствіемъ къ обремененію крестьянъ отъ жестокости помѣщика. Къ сему только подлость души потребна... Желая притѣснить онаго, могу всегда найти способъ насиліе укрыть видомъ справедливости“ (XXXII, 451). Невыгоды соединенія несоединимаго сознавались и защитниками крестьянскихъ интересовъ, и одинъ изъ нихъ—депутатъ Бѣлогородской провинціи отъ однодворцевъ Масловъ—предложилъ (XXXII, 97 и 513—517) взять крѣпостныхъ крестьянъ въ казенное управленіе, учредить особую коллегію въ столицѣ и канцеляріи по провинціямъ, которыя бы собирали съ крестьянъ слѣдуемое въ пользу помѣщиковъ, вѣдали судъ надъ крестьянами и проч. Мнѣніе Маслова однако никѣмъ изъ депутатовъ поддержано не было. Напротивъ: одинъ изъ самыхъ энергическихъ противниковъ дворянскихъ привилегій, депутатъ однодворцевъ Тамбовской провинціи Веденѣевъ (выразившійся между прочимъ о проектѣ правамъ благородныхъ: „благородные отъ всего свободностью себя ограничили и пользованіемъ всякимъ обременены“, и настаивавшій на сохраненіи тѣлеснаго наказанія для дворянъ за насиліе надъ людьми низшихъ сословій—XXXII, 218, 219), оказался горячимъ противникомъ проекта Маслова (XXXII, 534—537), подавъ противъ него протестъ, довольно безсвязный и—можно сказать—недостойный депутата. Можетъ быть въ такомъ отношеніи къ проекту Маслова выказалось раздѣлявшееся многими современниками недовѣріе къ тогдашнему чиновничеству и къ полезности его вмѣшательства въ отношенія между помѣщиками и крестьянами. Вопросъ очевидно былъ не изъ легкихъ, и весьма вѣроятно, что человѣку, привыкшему высказывать свое мнѣніе только въ тѣхъ случаяхъ, когда оно можетъ быть достаточно обосновано, представлялось наилучшимъ уклониться отъ подачи голоса по предмету, столь важному и въ то же время не вполнѣ изученному.

Какъ бы то ни было, но до окончанія чтенія и обсужденія законовъ о юстиціи голоса Урсинуса въ Большой комиссіи слышно не было. Энергическая дѣятельность его въ Большой комиссіи

начинается со дня внесенія въ комиссію проекта правамъ благородныхъ, т. е., какъ уже сказано, съ 10 іюля.

Чтенію и обсужденію этого проекта комиссія посвятила 24 засѣданія до засѣданія 29 сентября включительно. Изъ нихъ въ 18-ти Урсинусъ принималъ активное участіе. Къ этому участію мы теперь и обращаемся. Въ первое же засѣданіе комиссіи по внесеніи проекта (10 іюля) Урсинусъ высказался по поводу нѣкоторыхъ поднятыхъ тогда вопросовъ чисто редакціоннаго свойства. Не останавливаясь на нихъ, перейдемъ къ слѣдующему засѣданію—17 іюля—въ которомъ началось обсужденіе предмета большой важности—3-ей статьи I главы проекта. Статья эта по первоначальному проекту комиссіи „о государственныхъ родахъ“ имѣла такую редакцію [1]):

„Благородные разумѣются всѣ тѣ, которые отъ предковъ того имени рождены или вновь Монархами симъ нарицаніемъ пожалованы“. Дирекціонная комиссія предложила вмѣсто: „отъ предковъ *того имени* рождены“, поставить: „отъ предковъ *благородныхъ* рождены“. И въ томъ и въ другомъ случаѣ выходило, что право на дворянское достоинство получалось или по наслѣдству, или по непосредственному пожалованію его Монархомъ. Право получать дворянство пріобрѣтеніемъ чина (оберъ-офицерскаго въ военной службѣ и штабъ-офицерскаго въ гражданской), соотвѣтственно узаконеніямъ Петра Великаго, въ будущемъ отрицалось совершенно. Права лицъ, уже достигшихъ указанныхъ чиновъ и, слѣдовательно, уже пріобрѣтшихъ дворянское достоинство на основаніи законовъ помимо непосредственнаго пожалованія его Высочайшею властью, оставались подъ сомнѣніемъ. Проектъ, слѣдовательно, рѣшалъ вопросъ о пріобрѣтеніи дворянскаго достоинства соотвѣтственно желаніямъ, высказаннымъ представителями стараго русскаго дворянства въ началѣ дѣятельности комиссіи—въ ея московскій періодъ, во время обсужденія прочтенныхъ въ комиссіи дѣйствующихъ законовъ о дворянствѣ. Предложенія объ измѣненіи Петровскихъ законовъ вызвали тогда оживленный обмѣнъ мнѣній. Старые дворяне указывали главнымъ образомъ на заслуги дворянства передъ отечествомъ въ теченіе всего длиннаго періода образованія обширнаго Русскаго государства. Нѣкоторые выдвигали на первый планъ тѣ свойства, которыми долженъ обладать правящій классъ страны, и старались показать, что эти свойства не часто встрѣчаются у только что выслужившихъ чины. „Такіе люди“—говорилъ депутатъ Ярославскаго

[1]) „Проектъ правамъ благородныхъ“ помѣщенъ въ XXXII т. Сб. И. Р. И. О., во II приложеніи, стр. 577—585.

дворянства кн. Щербатовъ (IV, 151)—„дабы дослужиться до офицерскаго чина, и чрезъ то пріобрѣсти званіе дворянина, зная, что это зависитъ отъ власти каждаго командира, не откажутся льстить его страстямъ и употреблять другіе низкіе способы для снисканія его благоволенія, что конечно послужитъ ко вреду нравовъ ихъ самихъ и ихъ начальниковъ“... Депутатъ Курскаго дворянства Стромиловъ говорилъ (IV, 206), что тотъ родъ государственныхъ жителей, изъ среды котораго замѣщаются среднія власти, поставленныя между государемъ и народомъ, должны „воспитываться въ правилахъ и знаніяхъ, приличныхъ тому состоянію, какое онъ въ государствѣ занимать будетъ“. О необходимости для высшаго класса общества особой подготовки, для чего требуется воспитаніе, говорилъ также депутатъ Муромскаго дворянства Чаадаевъ (IV, 154): „Достигающіе дворянскаго достоинства легкимъ способомъ, т. е. съ офицерскимъ чиномъ, не имѣя никакихъ способовъ получить такое же воспитаніе, какъ дворяне, и чрезъ то лишась всякой надежды достичь тѣхъ высшихъ степеней, съ которыми также соединены и средства къ безбѣдному существованію, находятся принужденными разными неправильными и недозволенными способами пріобрѣтать иждивеніе для содержанія себя въ старости“. Многіе дворяне выражали главнымъ образомъ заботу о томъ, чтобы „не причинить ущерба чести сего званія, не затмить его славы, не сдѣлать его столь общимъ, что полученіе этого званія не будетъ уже почитаться столь важнымъ, сколько оно быть должно. Извѣстно, что всякая вещь теряетъ свою цѣну, какъ скоро она дѣлается многоупотребительною“... (IV, 190).

Сторонниками сохраненія Петровскаго закона явились депутаты дворянства южныхъ провинцій, депутаты казаковъ и другихъ служилыхъ людей и многіе депутаты другихъ низшихъ сословій.

По поводу указанія на заслуги дворянъ въ дѣлѣ защиты отечества депутатъ Терскаго семейнаго войска Мироновъ говорилъ (IV, 200): „Одни ли дворяне защищаютъ свое отечество? Конечно нѣтъ! Какъ предки ихъ (*при предкахъ* ихъ?), такъ и въ новѣйшее время, въ Прусскую войну, не съ ними ли и другіе вѣнчались тою же кровію? Также и впредь, если паче чаянія (отъ чего Боже сохрани) возникнетъ гдѣ-нибудь отъ непріятеля война, то одни ли дворяне будутъ защищать государство? не съ ними ли будутъ люди всякаго званія? и послѣднихъ еще больше, чѣмъ дворянъ. Если же вышедшимъ вѣрною своею службою не изъ дворянъ въ оберъ-офицерскіе чины не будетъ дано дворянства, то какое же будетъ для нихъ поощреніе къ службѣ?“

На указаніе на особыя добродѣтели, которыми должны отли-

чаться члены высшаго класса, призываемаго къ занятію правительственныхъ, властныхъ должностей, и которыя пріобрѣтаются легче дворянами, получающими соотвѣтствующее воспитаніе и образованіе, депутатъ Галицкаго, Миргородскаго и Полтавскаго полковъ отъ шляхетства Мотонисъ говорилъ слѣдующее (IV, 170): „Въ нашемъ пространномъ государствѣ можно сыскать множество людей всякаго званія, которые преизрядно воспитываютъ своихъ дѣтей; порочные бываютъ во всякомъ званіи; учатся наукамъ и художествамъ и мѣщанскія и другихъ сословій дѣти; а отцы ихъ служатъ ревностно государю и отечеству“.

Изъ высказанныхъ по поводу чтенія въ Москвѣ законовъ о дворянствѣ мнѣній о способахъ пріобрѣтенія дворянскаго достоинства самое радикальное принадлежало депутату отъ города Рузы Смирнову (IV, 214 и 215), къ которому присоединился также депутатъ города Путивля Рожновъ. Смирновъ, выразивъ съ одной стороны желаніе, чтобы „наслѣдники не могли пользоваться чужими трудами безъ своихъ заслугъ“, съ другой же стороны, чтобы потомковъ дворянъ не лишать вовсе ихъ достоинства, не принимая въ уваженіе заслугъ ихъ предковъ, предложилъ не оставлять дворянское званіе „по наслѣдству въ вѣчное потомство“, но распространить его „по заслугамъ и чину всякаго на нѣсколько колѣнъ“, такъ напр., чтобы штабъ или оберъ-офицеръ былъ самъ дворянинъ, его дѣти и внуки; для чиновъ генеральскихъ дворянское достоинство распространялось бы на правнуковъ.

А. Вороновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Николай Михайловичъ Пржевальскій [1]).

Преждевременная смерть у порога пятаго путешествія...

Возвращеніе четвертой экспедиціи Пржевальскаго Петербургъ привѣтствовалъ такъ же горячо, какъ и возвращеніе предыдущей. Великій путешественникъ былъ въ апогеѣ славы. Его заслуги прежде всего были оцѣнены Государемъ. Императору Александру III угодно было наградить полковника Пржевальскаго производствомъ въ генералъ-маіоры и выразить желаніе видѣть его въ генеральскихъ эполетахъ... Обласканный вниманіемъ монарха начальникъ экспедиціи былъ далекъ отъ мысли, что успѣхъ и блестящіе результаты путешествія принадлежатъ ему одному. За нѣсколько дней до производства въ генералы, онъ доносилъ въ Главный штабъ, что большая часть заслугъ экспедиціи „принадлежитъ не мнѣ, а моимъ сподвижникамъ. Безъ ихъ отваги, энергіи и беззавѣтной преданности дѣлу, конечно, никогда не могла бы осуществиться даже малая часть того, что теперь сдѣлано за два года путешествія. Да будетъ же и воздаяніе, достойное подвига“. — Всѣ участники экспедиціи удостоились получить по двѣ почетныхъ награды...

Императорское Географическое общество привѣтствовало путешественника въ чрезвычайномъ торжественномъ собраніи, происходившемъ въ концертномъ залѣ дворца Великой Княгини Екатерины Михайловны... Въ этомъ собраніи Пржевальскій блестяще прочиталъ первую лекцію, за которой послѣдовалъ рядъ чтеній въ Глав-

[1]) См. „Русская Старина“ апрѣль 1912 г.

номъ штабѣ, Городской думѣ, Академіи Генеральнаго штаба и проч... Интересъ къ путешествію Пржевальскаго увеличивался съ каждымъ разомъ. Друзья и знакомые также не оставляли его въ покоѣ, и Николай Михайловичъ вскорѣ началъ тяготиться Петербургомъ.

„Пребываю еще въ Питерѣ, писалъ онъ А. М. Лушникову, и мучаюсь несказанно; не говоря уже про различныя чтенія и оффиціальныя торжества, мнѣ просто невозможно пройти ста шаговъ по улицѣ—сейчасъ обознаютъ, и пошла писать исторія, съ разными разспросами, привѣтствіями и т. п.

„Искренно благодарю за ваше письмо и за поздравленіе. Только рѣчь о *генеральшѣ* вѣроятно останется безъ исполненія... Въ Центральной Азіи у меня много оставлено потомства—не въ прямомъ, конечно, смыслѣ, а въ переносномъ: Лобъ-норъ, Куку-норъ, Тибетъ и проч.—вотъ мои дѣтища“.

Приволье и просторъ имѣнія Слободы манили Николая Михайловича, и онъ торопился скорѣе оставить Петербургъ и уѣхать въ любимую деревню... Только въ деревнѣ — въ тиши онъ могъ спокойно работать надъ исторіей своего путешествія. .... „Года два, писалъ онъ консулу Петровскому, придется сидѣть за разработкою привезенныхъ матеріаловъ. На счетъ истиннаго положенія Восточнаго Туркестана мнѣ приходилось говорить съ сильными міра сего, но они, сколько я знаю, считаютъ мои слова преувеличенными, другими словами — ложными... Время сдѣлаетъ свое дѣло, и истина всегда возьметъ верхъ надъ ложью и проходимствомъ“...

Двадцатаго марта Пржевальскій прибылъ въ Слободу, и черезъ нѣсколько дней отправился въ лѣсъ, на ночевку, но такъ какъ погода еще стояла холодная, и тетерева токовали плохо, то пришлось возвратиться ни съ чѣмъ, не сдѣлавъ даже ни одного выстрѣла... Въ ожиданіи тепла Николай Михайловичъ занялся осмотромъ „своего маленькаго хозяйства“. Садъ уже почти освободился отъ снѣга; яблони, вишни и сливы выглядѣли отлично; посаженные перваго марта хотанскіе и аксуйскіе дыни и арбузы дали большіе ростки. Разгуливая по саду и наблюдая за его совершенствомъ и весеннимъ пробужденіемъ, Пржевальскій напоминалъ собою лучшаго помѣщика. Всякій новый побѣгъ, всякій новый цвѣточекъ его очень радовалъ. Съ первыми яркими лучами солнца весна незамѣтно развернулась и наполнила воздухъ благоуханіемъ. Съ утра до вечера въ саду и передъ домомъ раздавались голоса прилетныхъ пѣвчихъ птичекъ. Чуткая душа въ общеніи съ весенней природой восторгалась и не давала засиживаться въ комнатахъ: Николай Михайловичъ то уѣзжалъ въ лѣсъ, то разгуливалъ по усадьбѣ и сильно

сожалѣлъ, что съ нимъ нѣтъ ни Роборовскаго, ни меня, чтобы полнѣе радоваться и полнѣе жить жизнью природы, какъ въ путешествіи. Въ письмахъ къ обоимъ намъ онъ старался сообщить обо всемъ, но главнымъ образомъ о развитіи сада, объ охотахъ, поддерживая въ насъ энергію къ усидчивымъ занятіямъ наукой.

„Какъ ты устроилъ свои занятія? спрашивалъ онъ товарища. Зубри съ утра до вечера, иначе не успѣешь приготовиться. Не отступай передъ трудностями поступленія въ академію, въ этомъ вся твоя будущность“.

„Воображаю, писалъ онъ мнѣ, какъ тебѣ бываетъ грустно при хорошей погодѣ. Но, нечего дѣлать, нужно покориться необходимости. Твоя *весна* еще впереди, а для меня уже близится осень. Пожалуйста, *не часто* пиши, лучше учись къ экзамену, послѣ же экзамена пиши каждую недѣлю“.

„Не взыщите за то, сообщалъ Пржевальскій супругѣ брата Владиміра Михайловича, что пишу только о тетеревахъ и вальдшнепахъ. Больше отсюда писать не о чемъ. Сейчасъ опять ѣду въ лѣсъ на ночевку“.

„Среди лѣсовъ и дебрей смоленскихъ, говорилъ онъ одному изъ петербургскихъ друзей, я жилъ все это время жизнію экспедиціонною, рѣдко когда даже ночевалъ дома — все въ лѣсу, на охотѣ за глухарями, рябчиками и т. п. Вздохнулъ свободно и отошелъ послѣ петербургской суматохи. На-дняхъ (половина апрѣля 1886 года) примусь за писаніе отчета“...

Такимъ образомъ дни за днями проходили въ Слободѣ мирно и спокойно. Большимъ развлеченіемъ служила почта, по временамъ приносившая массу писемъ со всѣхъ концовъ Россіи: Кяхты, Кашгара, Вѣрнаго, Тифлиса и проч. Мнѣ и Роборовскому Николай Михайловичъ писалъ, что до осени никуда не поѣдетъ изъ Слободы, а въ концѣ лѣта будетъ для него праздникъ, когда мы прибудемъ къ нему на отдыхъ. Обстоятельства, однако, сложились такъ, что пріѣздъ Пржевальскаго въ столицу состоялся ранѣе, чѣмъ онъ ожидалъ. Двадцатаго мая онъ получилъ телеграмму, вызывавшую его въ Петербургъ для присутствованія въ особомъ комитетѣ по обсужденію принятія мѣръ на случай войны съ Китаемъ. Захвативъ съ собою только-что составленную имъ записку, подъ заглавіемъ: „Новыя соображенія о войнѣ съ Китаемъ“, Пржевальскій явился на совѣщаніе во всеоружіи. „Вообще на совѣщаніяхъ, говорилъ онъ намъ, длившихся часа по четыре, мое торжество было полное. Мой отчетъ произвелъ сильное впечатлѣніе. Оппоненты, конечно, были, но они слабы своимъ незнаніемъ...“.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней, проведенныхъ въ Петербургѣ, Пржевальскій узналъ, что въ началѣ мая, въ общемъ собраніи Императорской Академіи Наукъ читалось слѣдующее заявленіе: „Экспедиціи Николая Михайловича Пржевальскаго въ Центральную Азію составляютъ одно изъ самыхъ выдающихся явленій въ исторіи ученыхъ путешествій вообще. Первымъ изъ европейцевъ нашъ знаменитый путешественникъ проникъ въ самый центръ высокой нагорной Азіи и познакомилъ насъ съ мѣстностями, извѣстными до него, и то лишь отчасти, только по скуднымъ китайскимъ источникамъ. Тамъ онъ произвелъ цѣлый рядъ крайне важныхъ открытій и изслѣдованій, вполнѣ оцѣненныхъ какъ у насъ, такъ и за границею и поставившихъ имя его на-ряду съ именами знаменитѣйшихъ путешественниковъ всѣхъ временъ и народовъ.

„Но Н. М. Пржевальскій отнюдь не довольствовался чисто географическими изслѣдованіями, какъ большинство другихъ путешественниковъ, а во всѣхъ четырехъ совершенныхъ имъ экспедиціяхъ собиралъ также и естественно-историческія коллекціи. Добытые имъ изумительно богатые зоологическіе и ботаническіе матеріалы дали намъ возможность опредѣлить составъ и характеръ фауны и флоры такихъ странъ, о которыхъ мы до него, въ этомъ отношеніи, не имѣли ни малѣйшаго представленія.

„Какъ извѣстно, зоологическія коллекціи Н. М. Пржевальскаго принесены имъ въ даръ Академіи и составляютъ безусловно самое важное и существенное обогащеніе, когда-либо поступившее въ нашъ музей. Въ виду этого, Академіи надлежитъ выразить неутомимому путешественнику особенную признательность и выбить въ честь Пржевальскаго золотую медаль, на лицевой сторонѣ которой изобразить портретъ путешественника, съ надписью вокругъ: „*Николаю Михайловичу Пржевальскому Императорская Академія Наукъ*“, а на оборотѣ слова: „*Первому изслѣдователю природы Центральной Азіи 1886 г.*“, окруженныя лавровымъ вѣнкомъ“.

Только теперь разъяснилось загадочное письмо академика Штрауха, и то, для какой цѣли онъ просилъ Пржевальскаго прислать въ академію его фотографическій портретъ, снятый въ профиль...

Восьмого іюля Николай Михайловичъ опять уѣхалъ въ Слободу и вскорѣ съ увлеченіемъ предался лѣтней охотѣ.—Въ жаркую погоду писать невозможно, говорилъ онъ; вплотную я засяду только осенью. Послѣ питерской каторги, теперь отдыхаю въ деревнѣ и ни за что никуда не поѣду до глубокой осени.

Московскій докторъ Остроумовъ, къ совѣту котораго Пржевальскій вынужденъ былъ обратиться изъ-за неожиданной болѣзни

Прапорщикъ
Николай Михайловичъ
Пржевальскій.

ногъ, объявилъ ему, что онъ боленъ отъ избытка здоровья.—Вашъ организмъ работаетъ отлично, говорилъ докторъ, но мускульнаго употребленія мало, и избытокъ отлагается въ жиръ въ животѣ. Этотъ жиръ затрудняетъ кровообращеніе и увеличиваетъ вѣсъ тѣла—оттого и опухоль ногъ. Николаю Михайловичу предписана была діэта и купанье два раза въ день.

— Обидно, говорилъ онъ, что квасъ и усладеньки запрещены... можно лишь пить клюквенный морсъ безъ сахару не болѣе восьми стакановъ въ сутки...

На приглашеніе родныхъ прокатиться въ ихъ подмосковную усадьбу, Пржевальскій отвѣчалъ: „Много благодаренъ за ваше любезное предложеніе, жаль только, что мнѣ трудно имъ воспользоваться. Къ Слободѣ я весьма привыкъ, одиночество меня нисколько не стѣсняетъ, охота вокругъ отличная, мѣсто дикое. Словомъ, налицо все, что для меня требуется. Діэту я держу по возможности, купаюсь ежедневно два раза. Что касается до опухоли ногъ, то эту опухоль вѣроятно вылечитъ только пустыня, какъ то и было въ минувшую мою экспедицію. Какъ вольной птицѣ трудно жить въ клѣткѣ, такъ и мнѣ не ужиться среди „*цивилизаціи*“, гдѣ каждый человѣкъ, прежде всего, рабъ условій общественной жизни. Но просторъ въ пустынѣ—вотъ о чемъ я день и ночь мечтаю. Дайте мнѣ горы золота, я за нихъ не продамъ своей дикой свободы... Еще разъ искренно благодарю за вниманіе. По временамъ, ласки пріятны и дикому звѣрю“.

Осенью, въ ноябрѣ, Николай Михайловичъ, какъ и предполагалъ, оставилъ Слободу и пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ онъ узналъ, что Императорская германская академія естественныхъ и медицинскихъ наукъ избрала его своимъ дѣйствительнымъ членомъ, а Императорское общество любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи при Московскомъ университетѣ — своимъ почетнымъ членомъ. Но самымъ великимъ днемъ для нашего путешественника былъ день 29 декабря 1886 года—день годового торжественнаго собранія Императорской Академіи Наукъ, въ которой ему была поднесена Академіей золотая медаль его славнаго имени...

„Есть счастливыя имена, сказалъ непремѣнный секретарь академіи К. С. Веселовскій, которыя довольно произнести, чтобы возбудить въ слушателяхъ представленіе о чемъ-то великомъ и общеизвѣстномъ. Таково имя Пржевальскаго. Я не думаю, чтобы на всемъ необъятномъ пространствѣ земли русской нашелся хоть

одинъ сколько-нибудь образованный человѣкъ, который бы не зналъ, что это за имя. Тѣмъ менѣе имѣю я надобность, скажу даже, право, говорить о значеніи Пржевальскаго здѣсь передъ вами. Да и что я могъ бы сказать для васъ новаго, вамъ неизвѣстнаго, даже если бы мнѣ приходилось въ пространной рѣчи развернуть передъ вами длинную одиссею этихъ многолѣтнихъ, нескончаемыхъ, опасныхъ странствованій, по необозримымъ протяженіямъ неизвѣданныхъ еще странъ, гдѣ только одна непреклонная воля, находчивость и отвага помогли путешественнику одолѣть всѣ препятствія, какими на каждомъ шагу преграждали ему путь то силы природы,—высочайшіе на землѣ хребты горъ, съ ихъ холодомъ и бурями, или безбрежныя безлюдныя пустыни, со всѣми ихъ азіатскими ужасами—удушливымъ зноемъ, безводіемъ, ураганами,—то, наконецъ, еще болѣе опасныя преграды—невѣжество, подозрительность и враждебность туземцевъ, а невѣжество есть также сила и даже очень большая, часто неодолимая. Были минуты и не разъ, когда при столкновеніи съ этою силою, одна смѣлость путешественника спасала его отъ вѣрной смерти, и я увѣренъ, что богатырски отстаивая себя въ этихъ случаяхъ, онъ не столько думалъ о спасеніи самого себя, сколько объ охраненіи тѣхъ научныхъ сокровищъ, носителемъ которыхъ онъ былъ въ то время. Да, всѣ лишенія, претерпѣнныя нашимъ путешественникомъ, всѣ опасности—погибнуть въ неравной борьбѣ съ силами природы или сложить свою голову гдѣ-нибудь въ глухой пустынѣ, подъ ножомъ какого-нибудь темнаго азіатца—были жертвами, цѣною которыхъ куплены неисчерпаемыя богатства для науки.

„Эти богатства, зоологическія и ботаническія, составлявшія сами по себѣ цѣлый музей, были подарены имъ музею Академіи наукъ и Императорскому Ботаническому саду. Въ нихъ находится неисчерпаемый источникъ для изученія фауны и флоры такихъ странъ, о которыхъ до Пржевальскаго ученые не имѣли ни малѣйшаго представленія.

„Не смѣю поддаваться искушенію говорить долѣе о такой заманчивой темѣ, какъ заслуги Николая Михайловича. Я обязанъ быть краткимъ и потому скажу только, что имя Пржевальскаго будетъ отнынѣ синонимомъ—безстрашія и энергіи въ борьбѣ съ природою и людьми и беззавѣтной преданности наукѣ. Поднося ему сегодня выбитую въ честь его медаль, Академія желала какъ бы приложить свою скрѣпу къ давно состоявшемуся единодушному приговору всего ученаго свѣта о великости услугъ, оказанныхъ славнымъ русскимъ путешественникомъ ближайшему познанію природы на огромныхъ, трудно доступныхъ, пространствахъ земного шара“.

— Вотъ прекрасный некрологъ для меня и готовъ, повторялъ Пржевальскій подъ сильнымъ впечатлѣніемъ этой рѣчи; теперь я знаю, что̀ скажутъ послѣ моей смерти...

Быстро прошла зима, наступила весна, а съ нею открылась и выставка коллекцій Николая Михайловича. Въ день открытія, выставку посѣтила царская семья. Августѣйшіе гости провели въ ея обозрѣніи свыше часа времени, при чемъ Императоръ Александръ III нѣсколько разъ благодарилъ Пржевальскаго. Вскорѣ затѣмъ, Николай Михайловичъ получилъ возможность уѣхать въ деревню, чтобы тамъ продолжать описаніе четвертаго путешествія.

Лѣтомъ, 1887 года, въ Слободѣ былъ оконченъ, находившійся въ постройкѣ новый домъ съ мезониномъ, внизу котораго было шесть комнатъ съ прочною мебелью, заказанною въ Петербургѣ. Въ гостиной стоялъ, въ видѣ чучела, тибетскій мишка, державшій въ переднихъ лапахъ подносъ, на которомъ обычно складывались соблазнительныя яблоки и сливы... Надъ медвѣдемъ висѣла превосходная акварель, исполненная другомъ хозяина, А. А. Бильдерлингомъ, и представлявшая возвращеніе Николая Михайловича съ охоты на Лобъ-Норѣ съ богатою добычею [1]). На другихъ стѣнахъ были развѣшаны портреты съ надписями—Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Георгія Александровича, и нѣсколько фотографій самого владѣльца изъ разныхъ эпохъ его жизни. Въ столовой вдоль стѣнъ красовались художественно исполненныя чучела азіатскихъ фазановъ и голова рогатой красавицы — тибетской антилопы оронго... а въ кабинетѣ, по стѣнамъ, висѣли карты Азіи и хранилось одно бронзовое изваяніе Будды на алмазномъ престолѣ; въ кабинетѣ же, подлѣ письменнаго стола, въ углу, стоялъ шкафъ для ружей, содержавшихся въ образцовомъ видѣ... Возлѣ кабинета была спальня съ могучею оттоманкою-кроватью и матрацомъ изъ хвостовъ дикаго яка.

— Такого матраца нѣтъ ни у кого изъ царей, говорилъ Николай Михайловичъ.

Во второмъ этажѣ было три комнаты, изъ которыхъ въ одной находилась большая библіотека съ книгами преимущественно по географіи и естествовѣдѣнію Азіи.

---

[1]) Послѣ смерти Н. М. Пржевальскаго акварельный портретъ этотъ былъ возвращенъ его автору — барону генералу Бильдерлингу, который по прибытіи моемъ изъ Монголо-Сычуаньской экспедиціи подарилъ его мнѣ, при письмѣ: „вамъ, какъ ученику и достойному послѣдователю Николая Михайловича, портретъ этотъ можетъ служить пріятнымъ воспоминаніемъ“.

Дверь изъ гостиной вела черезъ обвитую дикимъ виноградомъ террасу въ садъ, въ которомъ, между прочимъ, росли кусты дикаго ревеню, привезенные изъ Гань-су, въ грунтовомъ сараѣ—сливы, въ парникахъ—хотанскіе арбузы и дыни, въ грядахъ—всевозможныя ягоды... Многія яблони носили имена или самого владѣльца или его друзей-спутниковъ, смотря по тому, кто изъ насъ сажалъ ихъ. Въ саду были дорожки, которыя посыпались пескомъ и вообще содержались въ порядкѣ только ради гостей, въ знакъ вниманія къ нимъ; самъ же Николай Михайловичъ по большей части не признавалъ дорожекъ и ходилъ напрямикъ...

Въ глубинѣ сада находилась „знаменитая хатка“, состоявшая изъ трехъ маленькихъ комнатъ. Въ этой хаткѣ, какъ то и было замѣчено выше, Пржевальскій написалъ свои двѣ послѣднія книги. Среди природы работалось какъ-то лучше, дышалось свободнѣе. Завѣтною мечтою владѣльца Слободы было развести зелень у самаго дома такъ, чтобы всю весну пѣли соловьи. И когда онъ этого достигъ, то былъ страшно счастливъ. Едва бывало соловей подастъ вечерній голосъ, какъ Николай Михайловичъ оставлялъ работу, садился у окна и погружался въ думы... Воображенію его рисовались уголки Гань-су, красавецъ Тэтунгъ и его пернатые обитатели... Я неоднократно заставалъ его въ такомъ видѣ, и всегда Николай Михайловичъ замѣчалъ мнѣ: „вѣдь я здѣсь только тѣломъ, духъ же мой постоянно витаетъ въ Азіи“...

.... „Видъ изъ дома на озеро и лѣсъ великолѣпный, писалъ Пржевальскій своему другу-родственнику, у самаго балкона ключевой прудъ; кругомъ садъ, очень хорошій для здѣшнихъ мѣстъ. На-дняхъ я купилъ въ Смоленскѣ еще грунтовый сарай, — изъ сливъ и вишенъ. Новый домъ законченъ и удачно обставленъ. Не думайте только, что я желаю уже осѣсться,—нѣтъ, до этого, я полагаю, еще далеко“.

Въ тайникѣ души Николай Михайловичъ мечталъ о „блаженной минутѣ“ новаго путешествія, о той минутѣ, которая могла наступить только по окончаніи описанія четвертаго путешествія, а оно подвигалось „черепашьимъ шагомъ“...—„Какъ вы думаете, спрашивалъ онъ консула въ Кашгарѣ, можно ли *безъ приключеній* пройти черезъ Кашгаръ, Яркендъ, въ Хотанъ и Лобъ-Норъ, а оттуда въ Тибетъ, отрядомъ человѣкъ въ тридцать. По-моему, китайцы нарочно вызовутъ столкновеніе, чтобы затормозить путь въ Тибетъ... Идти изъ Кяхты несравненно надежнѣе, за то нужно даромъ тащиться черезъ Гоби. Обо всемъ этомъ я спрашиваю такъ себѣ, на всякій случай“.

Такъ разсуждалъ Пржевальскій весною, а осенью уже болѣе опредѣленно говорилъ: „Хочу еще разъ сходить въ Тибетъ, хочу посмотрѣть Далай-Ламу. Нужно двадцать-тридцать стрѣлковъ и головой ручаюсь, что буду въ Лхасѣ. Пусть попробуютъ туда сходить синологи, съ своею китайскою грамотою и плаксивыми проповѣдями мира“.

Какъ разъ въ это время, послѣ окончанія училища, я гостилъ у Николая Михайловича. Здѣсь меня ожидалъ чудный подарокъ—ружье-дробовикъ, изготовленное по заказу въ Вѣнѣ. Нѣжный сердцемъ, обаятельный душою, отецъ-другъ — Пржевальскій встрѣтилъ меня самымъ удивительнымъ образомъ. Никогда я не забуду счастливыхъ минутъ, когда „слободская“ тройка подкатила меня къ крыльцу новаго дома, гдѣ, оріентировавшись по колокольчику подъ дугой, уже стоялъ радушный хозяинъ. На лицѣ Николая Михайловича играла очаровательная улыбка... Весь его штатъ—няня Макарьевна, управляющій Денисовъ, гренадеры - охотники, даже дворовый поваръ Архипъ—всѣ эти хорошіе люди находились тутъ же, и всѣ они такъ же улыбались и такъ же крѣпко обнимали меня, какъ и самъ Николай Михайловичъ. Прежде нежели войти въ домъ, Пржевальскій повелъ меня къ вѣсамъ, опредѣлилъ мой вѣсъ, отмѣтилъ цифру въ своей памятной книжкѣ, чтобы потомъ, передъ отъѣздомъ сдѣлавъ то же самое, знать результатъ пребыванія гостя въ Слободѣ. Только потомъ, взявъ подъ руку, Николай Михайловичъ повелъ меня въ домъ, на верхъ, въ „*мою*“ комнату, „чтобы привести себя въ порядокъ“. Затѣмъ, мы спустились внизъ — въ кабинетъ, гдѣ невольно остановились у шкафа съ оружіемъ. Николай Михайловичъ или „Пшева“, какъ я часто называлъ его, заставилъ меня взять въ руки, „поздороваться“ сначала съ штуцеромъ Ланкастеромъ, потомъ съ дробовикомъ Пёрде, тѣмъ и другимъ прицѣлиться или приложиться. „Вотъ, иносказательно замѣчаетъ Пржевальскій, „Лянъ“ (сокращенное Ланкастеръ) скучаетъ по тибетскимъ медвѣдямъ и дикимъ якамъ, и зоветъ меня опять *туда*. Пожалуй, пойдемъ, какъ ты думаешь?—Я, улыбаясь, тихо произнесъ: „конечно пойдемъ!“ Изъ кабинета, черезъ гостиную, проходимъ въ столовую, гдѣ насъ ожидаютъ всякаго рода заѣдочки, усладеньки, запивочки... Говоримъ не наговоримся... при видѣ чучелъ голубого фазана, зеленаго всэре, вспоминаемъ Гань-су, Тэтунгъ; при видѣ оронго—Тибетъ... А виды въ окна манятъ въ садъ. Вотъ терраса, вотъ прудъ, вотъ родная хатка, а вотъ и холмъ съ знакомыми березами, подъ сѣнью которыхъ мы столько разъ подолгу

засиживались, любуясь на открытыя воды озера Сопша и на заозерный лѣсъ, убѣгавшій вдаль темной синевою...

Дыша полной грудью, я скоро опьянѣлъ отъ здороваго деревенскаго воздуха, слободская же тишина и дружеское общеніе съ Пржевальскимъ очаровали мою душу... я долго не могъ заставить себя уйти съ холма, а между тѣмъ на землю спустилась ночь, небо заискрилось звѣздами...—А помнишь ли, Кизо, заговорилъ вдругъ Николай Михайловичъ, тотъ вечеръ, который рѣшилъ твою судьбу, тотъ вечеръ — когда ты одинъ сидѣлъ на крыльцѣ пашеткинскаго домика и любовался небомъ; помнишь ли, какъ я, проходя тогда въ свою хатку, спросилъ тебя: „чѣмъ вы здѣсь занимаетесь?“ а ты отвѣтилъ мнѣ: „любуюсь красотою неба, которое *тамъ* у васъ, въ Азіи, должно быть еще чище, еще прозрачнѣе!... Тотъ вечеръ ты долженъ помнить: въ тотъ вечеръ твоя душа открылась мнѣ, и я узналъ въ тебѣ своего будущаго спутника—родную, близкую душу“. Мечты наши далеко унеслись по пространству и по времени и еще сильнѣе манила насъ къ себѣ наша *завѣтная* даль...

Въ ближайшіе дни я объѣхалъ всѣ знакомыя красивыя окрестности, но по-прежнему самымъ любимымъ моимъ мѣстомъ оставалась Чортова гряда, открывавшая во всю ширь Слободское озеро. За все время моего пребыванія въ Слободѣ стояла пріятная—ясная погода, давшая возможность отлично поохотиться и на рѣкѣ и въ лѣсу „съ загономъ“. Въ тѣ дни, когда Николай Михайловичъ сидѣлъ за писаніемъ книги, я приводилъ въ порядокъ и разставлялъ въ шкафы его интересную библіотеку. Такимъ образомъ незамѣтно промелькнуло время моего отпуска, за которое я хорошо отдохнулъ, еще лучше поправился и прибылъ въ вѣсѣ, чѣмъ доставилъ немалое удовольствіе гостепріимному хозяину. Теперь я долженъ былъ ѣхать къ мѣсту новой службы въ Москву, и ждать оффиціальнаго назначенія въ составъ пятой экспедиціи Пржевальскаго...

Разставаніе со Слободой было самое трогательное: рѣдкій родной отецъ такъ сердечно, съ такою горячею любовью напутствуетъ и провожаетъ своего сына, какъ напутствовалъ и проводилъ меня мой незабвенный учитель...

Самъ Николай Михайловичъ засидѣлся въ Слободѣ до полнаго окончанія книги, — до марта 1888 года, когда прибылъ въ Петербургъ и тотчасъ же представилъ совѣту Императорскаго Географическаго Общества программу своего будущаго *пятаго* путешествія и на этотъ разъ исключительно въ Тибетъ. Срокомъ для путешествія онъ назначалъ два года и исходнымъ пунктомъ для

окончательнаго снаряженія экспедиціи—городъ Караколъ въ Семирѣчьи. Отсюда, осенью 1888 года, онъ предполагалъ двинуться черезъ Тянь-Шань на Аксу и по Хотанской рѣкѣ въ Хотанъ; далѣе, черезъ Кэрію и Черченъ въ Гасъ, гдѣ разсчитывалъ устроить складъ, подъ охраною семи или восьми казаковъ. Весна и лѣто 1889 года назначались для изслѣдованія сѣверо-западнаго Тибета, къ югу и юго-западу отъ Гаса. Возвратившись затѣмъ къ складу, обновивъ запасы и перемѣнивъ вьючныхъ животныхъ, онъ располагалъ раннею осенью двинуться къ Лхасѣ.

„Если, писалъ Пржевальскій, пріемъ намъ будетъ радушный,—пойдемъ изслѣдовать восточную тибетскую провинцію Камъ. Если же встрѣтимъ въ Лхасѣ недружелюбіе, то придется возвратиться отсюда тѣмъ или другимъ путемъ въ Цайдамъ, куда зимою 1889—90 гг. перейдетъ изъ Гаса и нашъ складъ. Весна и лѣто 1890 года будутъ тогда посвящены, смотря по обстоятельствамъ, или изслѣдованіямъ въ сѣверо-восточномъ Тибетѣ или въ Тибетѣ западномъ, по направленію къ Ладаку. Позднею осенью того же 1890 года путешествіе, вѣроятно, закончится“.

Такова была, въ общихъ чертахъ, программа новаго путешествія, на расходы которой, сверхъ получаемаго по службѣ содержанія, исчислялось около пятидесяти тысячъ рублей. Въ составъ экспедиціи назначались: поручикъ Роборовскій, пишущій эти строки—подпоручикъ Козловъ, шесть нижнихъ чиновъ изъ Московскаго военнаго округа, пять человѣкъ солдатъ и казаковъ изъ Забайкалья и тринадцать стрѣлковъ и казаковъ изъ Туркестана.

Получивъ разрѣшеніе предпринять новое путешествіе, Пржевальскій сталъ дѣятельно готовиться къ отъѣзду и прежде всего торопился окончаніемъ печатанія своей книги, а затѣмъ обезпеченіемъ изданія научныхъ результатовъ его прежнихъ экспедицій, за счетъ двадцати пяти тысячъ рублей, пожалованныхъ Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ. „При этомъ, писалъ онъ, рѣшаюсь высказать свое личное желаніе о томъ, дабы деньги, вырученныя отъ продажи предполагаемаго изданія, были обращены въ капиталъ моего имени, устроенный съ Высочайшаго соизволенія, при Академіи Наукъ, для зоологическихъ цѣлей“.

Выяснивъ эти вопросы и сознавая въ глубинѣ души, что опубликованіемъ своихъ научныхъ результатовъ экспедиціи онъ всецѣло обязанъ покровительству Государя Наслѣдника Цесаревича, Николай Михайловичъ считалъ своею нравственною обязанностью принести посильную дань благодарности Его Высочеству, и просилъ военнаго министра ходатайствовать предъ Государемъ Императо-

ромъ о дозволеніи посвятить Государю Наслѣднику Цесаревичу описаніе четвертаго своего путешествія въ Центральной Азіи.

Разрѣшеніе послѣдовало, и въ началѣ августа книга была издана, подъ заглавіемъ: „Четвертое путешествіе въ Центральной Азіи. *Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки, изслѣдованіе сѣверной окраины Тибета, и путь черезъ Лобъ-норъ по бассейну Тарима*“.

Между тѣмъ вѣсть о новой экспедиціи Пржевальскаго облетѣла весь Западъ. Встревоженныя лондонскія газеты указывали на странное, по ихъ мнѣнію, совпаденіе этого путешествія съ началомъ непріязненныхъ дѣйствій между Англіей и Тибетомъ, при чемъ выставляли на видъ, что такъ какъ политика всѣхъ азіатскихъ дворовъ основана отчасти на соперничествѣ между Англіей и Россіей, то въ Тибетѣ уже начинаютъ обнаруживаться симпатіи къ послѣдней. Газеты эти присовокупляли, что азіатская политика Россіи всегда искусно умѣла пользоваться проявляющимся въ азіатскихъ народахъ сочувствіемъ къ Россіи, а потому весьма возможно, что экспедиція Пржевальскаго имѣетъ цѣлью именно поощреніе тибетцевъ къ сопротивленію Англіи...

Но самая главная задержка была устроена китайцами, долгое время не соглашавшимися выдать экспедиціи паспортъ.

Все это крайне безпокоило Пржевальскаго, и онъ рѣшился идти на проломъ. ...„Я готовъ идти въ Тибетъ, говорилъ онъ, и безъ китайскаго паспорта, если получу на то Высочайшее соизволеніе. Двинуться въ путь необходимо, по мѣстнымъ условіямъ, предстоящею осенью, въ видахъ чего снаряженіе экспедиціи почти все уже заготовлено. Кромѣ того, объ этомъ путешествіи уже заявлено не только въ нашей, но и въ заграничной печати“...

Къ счастью, энергичное настояніе нашего посланника въ Пекинѣ сдѣлало свое дѣло, и китайское министерство согласилось, наконецъ, выдать Пржевальскому паспортъ на путешествіе въ Тибетъ, но только съ конвоемъ не болѣе шестнадцати человѣкъ. Впрочемъ, маркизъ Ценгъ присовокупилъ, что увеличеніе состава экспедиціи можетъ быть сдѣлано прибавкою людей подъ кличкою прислуги или препараторовъ, переводчиковъ и проч.

Собираясь въ новый далекій путь, Пржевальскій не выказывалъ уже того увлеченія, которымъ сопровождались обыкновенно

прежніе его отъѣзды изъ Петербурга.—„Умно Иринчиновъ [1]) сдѣлалъ, говорилъ онъ, что не идетъ въ путешествіе. Онъ умнѣе въ этомъ случаѣ меня; нравственно я тоже чувствую себя слабымъ, усталымъ, хотя физически крѣпокъ".

Николаю Михайловичу было тяжело оставить свою няню и Слободу, къ которой онъ сильно привязался. „Поѣдемъ въ экспедицію въ половинѣ августа, писалъ онъ своему управляющему, Макарьевнѣ передайте какъ-нибудь помягче о томъ, что я ѣду на два года. Увѣрьте ее, и это совершенно справедливо, что въ это время здѣсь можетъ быть война, такъ что мнѣ въ пустыняхъ Азіи будетъ безопаснѣе. Нужно только какъ-нибудь обставить Макарьевну, чтобы она не скучала. Расходы я для этого сдѣлаю, какіе угодно. Пусть откуда хочетъ выпишетъ себѣ подругу, или возьметъ кого-либо изъ родственниковъ,—я на все согласенъ, лишь бы моя любимая старуха могла жить спокойно. Затѣмъ, на васъ я вполнѣ надѣюсь; откровенно говорю, что туго я привязываюсь къ человѣку, за то эта привязанность бываетъ прочная".

Въ іюлѣ Пржевальскій въ послѣдній разъ пріѣхалъ въ свою любимую Слободу, составилъ инструкцію для управляющаго и сдѣлалъ послѣднія хозяйственныя распоряженія. Въ это время, къ его большому огорченію, заболѣла Макарьевна воспаленіемъ почекъ,—болѣзнью весьма серьезною и не дававшею надежды на выздоровленіе. Это обстоятельство очень сильно печалило Николая Михайловича, и онъ тѣмъ болѣе сокрушался, что долженъ былъ оставить ее въ такомъ видѣ передъ отъѣздомъ въ далекое путешествіе. На пятое августа назначенъ былъ отъѣздъ изъ Слободы.

Николай Михайловичъ грустилъ и видимо не торопился ѣхать. Вставъ ранѣе обыкновеннаго, онъ наскоро напился чаю и распорядился о завтракѣ. Вскорѣ пріѣхали сосѣди попрощаться и проводить отъѣзжающаго; собрались также всѣ служащіе, не исключая и рабочихъ. Не сказавъ никому ни слова, съ опущенной головой, Николай Михайловичъ вышелъ черезъ террасу въ садъ, побывалъ въ любимой хаткѣ, обошелъ всѣ знакомыя мѣста, порою останавливался, словно прощался съ родной слободской природой: на глазахъ его были слезы...

---

[1]) Урядникъ Иринчиновъ—заслуженный спутникъ Н. М. Пржевальскаго, принимавшій участіе во всѣхъ его четырехъ экспедиціяхъ въ Центральной Азіи. На этотъ разъ Иринчиновъ не рѣшился идти въ путешествіе, чувствуя себя слабымъ и сознавая, что если отправится съ экспедиціей, то домой не вернется.

Собравъ всѣхъ насъ—спутниковъ, онъ отправился къ больной нянѣ; тяжелыя, горькія рыданія огласили комнату...—Въ послѣдній разъ!.. сказала со вздохомъ старушка и смолкла... На исхудаломъ пожелтѣвшемъ лицѣ перемѣщались судороги; сухія губы какъ-то произвольно двигались, влажные глаза скользили по нашимъ лицамъ... Прощаясь съ нянею, Николай Михайловичъ горько плакалъ и просилъ ее себя благословить.

Еще болѣе грустнымъ вернулся онъ къ себѣ въ домъ и прямо прошелъ въ кабинетъ. Чтобы хоть немного успокоить его, вслѣдъ за нимъ направился г. Денисовъ, обѣщая все, что не будетъ превышать его силъ, исполнить въ точности и слѣдовать его приказаніямъ.

— На счетъ Слободы я спокоенъ, отвѣчалъ Николай Михайловичъ; но меня больше всего печалитъ то, что моя любимая няня должна умереть безъ меня.

Завтракъ прошелъ въ самомъ грустномъ, подавленномъ настроеніи. Перецѣловавъ всѣхъ присутствующихъ, Николай Михайловичъ снова вышелъ на террасу и на одной изъ колоннъ краснымъ карандашемъ написалъ: *„5 августа 1888 г. До свиданія, Слобода. Н. Пржевальскій.* Затѣмъ подозвалъ всѣхъ насъ, чтобы и мы по-старшинству подписались—В. Роборовскій, П. Козловъ, Телешовъ, Нефедовъ...

Сѣвъ въ телѣжку, Пржевальскій тронулся въ путь, и когда Слободское озеро стало уходить изъ глазъ, онъ всталъ, обернулся назадъ и сказалъ: „ну, теперь прощай, мое озеро!“ Съ дубовыхъ же вѣтокъ, спускавшихся надъ экипажемъ, онъ сорвалъ два слободскихъ желудя и, бережно завернувъ въ бумажку, спряталъ ихъ къ себѣ въ дорожную сумочку...

— День этотъ, говорилъ Николай Михайловичъ, былъ для меня такой тяжелый, какихъ я, кажется, еще не испытывалъ въ своей жизни. Приходилось прощаться съ Макарьевной, безъ надежды когда-либо ее увидѣть.

„Никогда онъ не плакалъ такъ при разставаніи съ нами, говоритъ и его племянникъ Владиміръ Владиміровичъ Пржевальскій—теперешній владѣлецъ Слободы, какъ послѣдній разъ; онъ сталъ прощаться и первый заплакалъ. Вѣроятно, тяжелое предчувствіе давило ему сердце“...

Вообще, передъ послѣднимъ отъѣздомъ Пржевальскій не былъ похожъ на прежняго Пржевальскаго. Онъ каждый разъ сердился, когда мы, его спутники, говорили между собою, что будемъ дѣлать по возвращеніи въ Слободу.—Развѣ объ этомъ можно говорить,

замѣчалъ онъ, развѣ вы не знаете, что жизнь каждаго изъ насъ не одинъ разъ будетъ висѣть на волоскѣ. Еще будучи лѣтомъ въ Петербургѣ и сидя вдвоемъ въ Столярномъ, Николай Михайловичъ строго сказалъ мнѣ: „вотъ попомни мое слово—не добромъ кончится наша экспедиція!“... Тогда я конечно не обратилъ на эти слова никакого вниманія, а черезъ какихъ-нибудь три мѣсяца пророчество ихъ сбылось...

Въ среду, десятаго августа, Пржевальскій имѣлъ счастіе представиться въ Петергофѣ Государю Императору и поднести свою книгу: „Четвертое путешествіе въ Центральной Азіи“... „Пріемъ былъ такой милостивый, говорилъ онъ, о какомъ я и не воображалъ. Меня провожали и напутствовали, какъ родного. Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ просилъ писать ему и вообще чаще давать знать о себѣ и экспедиціи“.

Восемнадцатаго августа, провожаемый самымъ тѣснымъ кружкомъ друзей, Николай Михайловичъ въ послѣдній разъ оставилъ Петербургъ. Уже на ходу, въ открытое окно, онъ проронилъ орнитологу Ѳ. Д. Плеске: „Если меня не станетъ, то обработку птицъ поручаю вамъ“. Поѣздъ быстро скрылся, и путешественники остались одни. На глазахъ Николая Михайловича замѣтны были слезы.— „Что же! надо успокоиться, говорилъ онъ, какъ бы оправдываясь въ небываломъ явленіи, ѣдемъ на свободный, пріятный, славный трудъ. Теперь мы вооружены прекрасно, и жизнь наша дешево не достанется; умереть же за славное дѣло—пріятно!“

Въ Москвѣ была получена телеграмма на мое имя о кончинѣ няни Пржевальскаго Макарьевны. „Роковая вѣсть, писалъ онъ Е. С. Денисову, о смерти Макарьевны застала меня достаточно уже подготовленнымъ къ такому событію. Но все-таки тяжело, очень тяжело. Вѣдь я любилъ Макарьевну, какъ мать родную... Тѣмъ дороже для меня была старуха, что и она любила меня искренно... Прощай, прощай, дорогая—такъ скажите отъ меня на ея могилѣ.

„Оставьте для меня чашку и блюдце, изъ которыхъ Макарьевна пила чай, и еще что-нибудь изъ ея вещей на память. Книгу, посланную Макарьевнѣ, положите въ мою библіотеку“...

...„Горе, которое стряслось надо мною, писалъ онъ двѣ недѣли спустя, я не забылъ еще до сихъ поръ. Нѣтъ-нѣтъ, да и вспомнишь о Макарьевнѣ. На похороны ея я не поѣхалъ только потому, что не могъ, по чувству долга, отложить свой отъѣздъ изъ Москвы въ путешествіе. Съ другой стороны, эта вторая поѣздка въ Слободу,

навѣрное, повліяла бы на мое здоровье болѣе, чѣмъ все путешествіе, чего я также не имѣлъ права допустить надъ собою“.

Двадцать четвертаго августа экспедиція выѣхала изъ Москвы. „Въ четыре часа, записалъ Пржевальскій въ дневникѣ, почтовый поѣздъ Нижегородской дороги повезъ меня въ „*пятое*“ путешествіе въ Центральной Азіи. Радость великая!.. Опять впереди свобода и дѣло по душѣ... Но для успѣха его необходимо прежнее счастіе, которое да не отвернется нынѣ отъ меня“...

На слѣдующій день мы пересѣли на пароходъ „Фельдмаршалъ Суворовъ“ и поплыли „внизъ по матушкѣ Волгѣ“... Погода стояла превосходная, въ особенности по вечерамъ, когда мы долго засиживались на палубѣ, бесѣдуя то о Слободѣ, то объ Азіи. Азія навѣвала развлеченіе, Слобода же и смерть Макарьевны повергали въ тяжелое раздумье.—„Дай-ка ты мнѣ твою руку“, обращаясь ко мнѣ, говорилъ Николай Михайловичъ, „я посмотрю на ней линіи; ты вѣдь знаешь, что мнѣ сказалъ Л. К. Артамоновъ—„жизнь моя коротка“, а твоя... твоя длиннѣе моей... Завидую я твоей молодости... А что, если меня не станетъ, пойдешь ли ты съ кѣмъ-нибудь или нѣтъ?“ На этотъ вопросъ, много разъ предложенный мнѣ Николаемъ Михайловичемъ, я не въ состояніи былъ отвѣтить и не отвѣтилъ, а онъ продолжалъ:—„искренняго друга трудно найти, а безъ искренняго друга не надо пускаться... А я, увидишь, долго не проживу, а ужъ если умирать, то я желалъ бы не дома, а гдѣ-либо въ путешествіи—въ горахъ или на берегу большого озера“...

Оставивъ Волгу и Каспійское море, мы покатили по Закаспійской желѣзной дорогѣ и седьмого сентября прибыли въ Самаркандъ. Эта новая дорога произвела на Пржевальскаго отрадное впечатлѣніе. „Словно въ сказкѣ, писалъ онъ Ѳ. А. Фельдману, несешься въ вагонѣ по сыпучимъ пескамъ, или по безплодной и безводной равнинѣ. Послѣ первой ночи ѣзды отъ Каспія является Кизылъ-Арватъ, къ вечеру того же дня Асхабадъ, на-завтра утромъ Мервъ и т. д. до Самарканда. Черезъ Аму-Дарью переброшенъ мостъ, который, правда, трещитъ и колышется, но тѣмъ не менѣе поѣздъ проходитъ благополучно изъ Туркменіи въ бухарскіе предѣлы. Вообще Закаспійская дорога—созданіе смѣлое и съ большимъ значеніемъ въ будущемъ и въ своемъ цѣломъ заслуживаетъ больше похвалы и удивленія, чѣмъ порицанія и нападокъ“...

Въ Самаркандѣ экспедиція остановилась въ домѣ инженера Н. И. Толпыго—своднаго брата Пржевальскаго, который, зная привычки Николая Михайловича, позаботился пріютить и размѣстить

всѣхъ насъ самымъ наиудобнѣйшимъ образомъ. Главное, домъ былъ въ саду и затѣненъ высокими и развѣсистыми деревьями абрикосовъ... Городского шума не было слышно, улицы поливались, дышалось легко. Заѣдочекъ и усладенекъ, въ родѣ мѣстныхъ фруктовъ, было вдоволь, и Николай Михайловичъ чувствовалъ себя хорошо, бодро распоряжаясь о приготовленіяхъ къ дальнѣйшему движенію экспедиціи.

Н. И. Толпыго проводилъ насъ до Ташкента. Прощаясь съ нимъ, Пржевальскій говорилъ: „Теперь для насъ одинъ маршрутъ—впередъ до Лхасы. Черезъ два года увидимся. Срокъ этотъ крупный въ обыденной жизни, но не особенно дологъ для великихъ дѣлъ“.

Дальнѣйшій путь до Каракола предстоялъ исключительно почтовый съ продолжительной остановкой въ Пишпекѣ, изъ котораго Николай Михайловичъ уѣзжалъ въ Вѣрный за полученіемъ купленнаго тамъ китайскаго серебра, на расходы въ предстоявшемъ путешествіи. На обратномъ пути уже вблизи Пишпека, среди камышевыхъ зарослей, онъ встрѣтилъ массу фазановъ и на слѣдующій день отправился съ Роборовскимъ поохотиться за этими красивыми пернатыми. Эта поѣздка вышла роковой: охотясь въ камышахъ, Николай Михайловичъ нѣсколько разъ пилъ сырую воду какъ разъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ незадолго передъ тѣмъ жили киргизы, повально-страдавшіе тифомъ. Мы долгое время не хотѣли вѣрить, чтобы Пржевальскій могъ позволить себѣ дѣлать то, чего не позволялъ намъ, въ данномъ случаѣ—никогда не пить некипяченую воду, а самъ... самъ пилъ и самъ признался въ этомъ...

Покончивъ вопросъ съ покупкой верблюдовъ и другими менѣе сложными дѣлами, Николай Михайловичъ восьмого сктября оставилъ Пишпекъ, а десятаго уже прибылъ въ Караколъ. На слѣдующее утро пріѣхали туда и я съ Роборовскимъ. На наше замѣчаніе, послѣ первыхъ привѣтствій, какой Николай Михайловичъ чистенькій и приличный, онъ намъ отвѣтилъ: „да, братцы! я видѣлъ себя сегодня въ зеркало такимъ старымъ, страшнымъ, что просто испугался и скорѣе выбрился“.

Въ небольшихъ каракольскихъ домишкахъ, Пржевальскому не нравилось—не хватало простора, чистоты, воздуха... Въ одинъ день пришлось перемѣнить нѣсколько квартиръ, и даже та, на которой онъ, наконецъ, остановился—его не удовлетворяла.—Здѣсь, говорилъ онъ, тоже мрачно, гадко и выйти некуда; по улицамъ же шляться я не люблю. Надо посмотрѣть мѣсто за городомъ, ближе къ горамъ, тамъ поселимся въ юртахъ, по-экспедиціонному. Оттуда

можно сходить и на охоту, въ ущелье, устроить облаву на дикихъ козъ; тяньшанская коза должна быть интересна—въ музеѣ нѣтъ.

Четырнадцатаго октября мы расположились бивуакомъ за городомъ. Пржевальскій самъ приводилъ въ порядокъ бумаги, денежные разсчеты и выдалъ намъ записочки, сколько нашихъ денегъ находится у него на храненіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, переходя изъ города на бивуачное расположеніе, онъ отдалъ приказъ по экспедиціонному отряду, въ которомъ перечислилъ поименно всѣхъ въ него вошедшихъ лицъ, распредѣлилъ между ними должности и разные виды занятій во время путешествія и проч.

„Итакъ, писалъ онъ въ заключеніе, начинается наше путешествіе! Дѣло это будетъ трудное, за то и славное. Теперь мы на виду не только всей Россіи, но даже цѣлаго свѣта. Покажемъ же себя достойными такой завидной участи и сослужимъ для науки службу молодецкую...

„Впереди, на цѣлые два года, насъ ждетъ непрерывный рядъ трудовъ, лишеній и опасностей, но помните, что смѣлымъ Богъ владѣетъ, и что за Богомъ молитва, а за Царемъ служба—не пропадаютъ“.

На слѣдующій день Николай Михайловичъ имѣлъ уже видъ больного человѣка и впервые пожаловался на нездоровье, но пригласить доктора не соглашался.—Не въ первый разъ это, говорилъ онъ, и такъ пройдетъ. Все время, въ теченіе дня, онъ находился въ юртѣ въ полу-лежачемъ положеніи и самъ себѣ измѣрялъ температуру и отсчитывалъ пульсъ. У пріѣхавшаго навѣстить его штабсъ-капитана Хацитовскаго онъ спрашивалъ, часто ли бываетъ здѣсь тифъ, въ какихъ формахъ проявляется эта болѣзнь и проч.

Въ ночь съ пятнадцатаго на шестнадцатое октября больной спалъ не спокойно, температура повысилась, но утромъ онъ почувствовалъ маленькое облегченіе и вышелъ на воздухъ. Шагахъ въ трехстахъ расположился бурый грифъ и привлекъ вниманіе Пржевальскаго. Николай Михайловичъ спросилъ его любимую „американку“—и выстрѣломъ изъ нея эффектно убилъ грифа. Стоявшіе поодаль киргизы ахнули отъ удивленія. Вскорѣ грифа притащили на бивуакъ и, любуясь этой царственной птицей, Пржевальскій замѣтилъ: вотъ это для меня самое лучшее лекарство...

...Утромъ семнадцатаго числа, болѣзнь Николая Михайловича усилилась, и онъ согласился, наконецъ, послать за докторомъ. Докторъ И. И. Крыжановскій нашелъ больного въ юртѣ, въ сидячемъ положеніи, въ мѣховой тужуркѣ, такъ какъ на дворѣ и въ юртѣ

было порядочно холодно. Больной жаловался на боль подъ ложечкой, тошноту, рвоту, отсутствіе аппетита, жажду, боли въ ногахъ и затылкѣ и тяжесть въ головѣ. Докторъ тщательно осмотрѣлъ его и выслушалъ. При изслѣдованіи оказалось: цвѣтъ лица съ самымъ незначительнымъ желтоватымъ оттѣнкомъ; языкъ сухой, животъ очень большой и вздутый, толчки сердца и пульсъ слабые.

Прописавъ лекарство, докторъ обѣщалъ заѣхать на слѣдующій день и, хотя лекарство его оказало свое дѣйствіе, но къ утру положеніе больного улучшилось весьма немного. Въ юртѣ было холодно, топить же ее Николай Михайловичъ не позволялъ, такъ какъ ему трудно было смотрѣть на мерцающій огонь, да кромѣ того, пока разгораются дрова, обыкновенно юрта наполняется дымомъ, который ѣстъ глаза, а когда дрова разгорятся, то дѣлается жарко.

Весь этотъ день больной ничего не ѣлъ, пилъ только чай съ клюквеннымъ экстрактомъ, немного дремалъ и изъ юрты не выходилъ.

Болѣзнь не поддавалась леченію, и докторъ Крыжановскій предложилъ ему возвратиться въ городъ и помѣститься въ какомъ-нибудь домѣ. Жизнь въ холодной юртѣ, постоянное нахожденіе въ мѣховой одеждѣ, лежаніе на войлокѣ и на землѣ—все это могло только ухудшить и безъ того тяжелое положеніе больного. Пржевальскій соглашался переѣхать въ домъ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы отыскали ему помѣщеніе внѣ города и при томъ такое, возлѣ котораго можно было бы расположить весь отрядъ, багажъ и верблюдовъ. Такимъ требованіямъ удовлетворялъ вполнѣ глазной баракъ каракольскаго лазарета. Это было кирпичное зданіе, сухое и теплое, съ хорошимъ поломъ и печкой. Стѣны были немедленно выбѣлены, полъ вымытъ и баракъ протопленъ съ открытыми окнами. На дворѣ было поставлено нѣсколько юртъ для насъ, офицеровъ, и для конвоя. Барачный дворъ далъ возможность свободно размѣститься всей экспедиціи. Площадь двора была обсажена аллеями ивъ, орошаемыхъ сѣтью арыковъ, проведенныхъ изъ горной рѣчки Караколки.

Съ самаго ранняго утра восемнадцатаго октября у Николая Михайловича открылось непрерывное кровотеченіе. Освѣдомленный объ этомъ Крыжановскій явился въ сопровожденіи старшаго врача мѣстнаго лазарета Барсова. Они нашли Пржевальскаго въ сильномъ пароксизмѣ лихорадки, за которымъ послѣдовалъ обильный потъ. Передъ выступленіемъ пота, больной чувствовалъ себя очень скверно.

— Воздуху не хватаетъ, твердилъ онъ.

Лишь только сдѣлалось нѣсколько легче, какъ Николай Михайловичъ изъявилъ желаніе переѣхать въ приготовленный для него домъ. Ему надѣли шубу и валенки, посадили въ тарантасъ и ша-

гомъ перевезли въ баракъ. Это новое помѣщеніе ему, повидимому, понравилось, и возбудился нѣкоторый аппетитъ: онъ съѣлъ куринаго супа и выпилъ немного вина.

Вслѣдъ за симъ ему сдѣлалось опять хуже—опять появилось кровотеченіе носомъ, и температура поднялась до 40,4°. Находившійся безотлучно при больномъ фельдшеръ показалъ намъ глазами на термометръ.

— Сколько? спросилъ Николай Михайловичъ, слѣдившій за глазами фельдшера.

— Тридцать восемь съ небольшимъ, почти тридцать девять, отвѣчалъ фельдшеръ.

Больной приказалъ показать себѣ термометръ.

— Нѣтъ, сказалъ онъ—порядочно выше.

Въ двѣнадцать съ половиною часовъ ночи пришелъ докторъ, которому больной жаловался, что животъ давитъ ему грудь и не даетъ дышать. Его вытерли камфорнымъ спиртомъ, послѣ чего сталъ замѣчаться упадокъ силъ, больной началъ дремать и изрѣдка бредилъ (картинами путешествія, пролетными птицами и проч.). Приходя въ сознаніе и видя себя окруженнымъ нами, онъ говорилъ совершенно спокойно и твердо о своей близкой смерти.

— Я нисколько не боюсь смерти, говорилъ онъ, и нѣсколько разъ стоялъ лицомъ къ лицу съ ней. Замѣчая на нашихъ глазахъ слезы, онъ называлъ насъ *„бабами“*.

— Похороните меня непремѣнно на Иссыкъ-кулѣ, на красивомъ берегу. Надпись сдѣлайте простую: „Путешественникъ Пржевальскій“. Положите въ гробъ въ моей экспедиціонной одеждѣ. Пожалуйста, докторъ, не анатомируйте меня. Ты, обращаясь къ Роборовскому, сними съ меня фотографію съ Ланкастеромъ. Ланкастеръ оставляю Роборовскому, Пердё—Козлову, Слободу *передаю* Володѣ, въ майоратъ; если онъ откажется, Лялѣ—дочери брата Евгенія Михайловича. Ефиму Сергѣевичу наградныхъ триста рублей. „Нефедку“—гренадера-спутника—пристроить навсегда въ Слободѣ. Мои спеціальные журналы: съ замѣтками о звѣряхъ—Бихнеру, съ замѣтками о птицахъ—Плеске...

Прошло нѣсколько томительныхъ минутъ.

— Скажите, докторъ, долго ли я проживу? спросилъ Николай Михайловичъ. Мнѣ надо многое передать спутникамъ. Вы меня не испугаете, если скажете правду; смерти я не боюсь нисколько.

Докторъ старался, конечно, успокоить больного.

— Ну, въ такомъ случаѣ, я все сдѣлаю завтра, все скажу, проговорилъ онъ, завтра пошлемъ и телеграммы.

Къ восьми часамъ утра двадцатаго октября ему стало очень

худо. Лежа на правомъ боку, онъ бредилъ, прикрывъ лицо рукою. По выраженію нижней части лица можно было думать, что онъ плакалъ. Потомъ вдругъ, поддерживаемый нами, всталъ во весь ростъ и, посмотрѣвъ кругомъ, сказалъ: *„ну, теперь я лягу“*.

Мы помогли лечь; лицо и руки стали желтѣть... нѣсколько учащенныхъ дыханій, два—три глубокихъ вздоха, и Николая Михайловича не стало.

Слезы, горькія слезы душили каждаго изъ насъ... Мнѣ казалось такое горе пережить нельзя...—*да оно и теперь еще не пережито*!

Конвой рѣшилъ никого не допускать къ драгоцѣннымъ останкамъ покойнаго, и необходимыя въ данномъ случаѣ приготовленія исполнилъ самъ. Омылъ бездыханный прахъ, одѣли въ походную экспедиціонную одежду и положили его въ переднемъ углу того же барака.

По общему совѣту мѣсто для могилы было выбрано въ двѣнадцати верстахъ отъ Каракола, на высокомъ обрывистомъ берегу Иссыкъ-куля. По твердости грунта, могилу копали сами солдаты и казаки въ теченіе двухъ дней; два гроба: одинъ деревянный, а другой желѣзный, для внѣшней стороны, приготовляли въ батареѣ и убирали ихъ матеріей и галуномъ. Мѣстныя дамы сдѣлали прекрасный вѣнокъ изъ искусственныхъ цвѣтовъ и возложили его на гробъ; солдатики сдѣлали огромный вѣнокъ и гирлянду изъ ели, которую такъ любилъ покойный.

Два раза въ день служились панихиды, которыя обыкновенно посѣщались всѣмъ интеллигентнымъ Караколомъ. Такъ прошло до двадцать шестого октября, когда, вечеромъ, была получена телеграмма командующаго войсками округа, разрѣшавшая предать тѣло землѣ.

На слѣдующій день, въ 8½ часовъ утра, былъ назначенъ выносъ, и къ этому времени передъ баракомъ выстроились 5-й Западно-Сибирскій линейный баталіонъ съ хоромъ музыки и батарея горной артиллеріи. Вмѣсто дрогъ для гроба былъ приспособленъ полевой лафетъ. Тяжесть гроба была такъ велика, что его едва донесли до лафета.

Послѣ обѣдни и отпѣванія, печальная процессія двинулась за городъ, къ мѣсту погребенія. Провожавшихъ было много, и всѣ, даже дамы, шли пѣшкомъ... На перекресткахъ дорогъ встрѣчалась масса всадниковъ—киргизъ, стоявшихъ съ обнаженными головами. Всю дорогу пѣли пѣвчіе, смѣняемые хоромъ музыки. Стояла прекрасная погода, солнце пригрѣвало по-лѣтнему, верхи Тянь-Шаня искрились словно въ серебрѣ, въ прозрачной синевѣ неба рѣяли грифы-монахи...

Возлѣ могилы, зайдя впередъ, войска выстроились и пропустили съ должною почестью печальную процессію. Колесница-лафетъ сдѣлала заѣздъ къ могилѣ. Спутники-товарищи приняли съ нея послѣдній разъ на свои руки безцѣнный прахъ и понесли по покатости внизъ къ склепу. Залпы орудій и пѣхоты грозно разнесли грустную вѣсть далеко по озеру и окрестнымъ горамъ. Началась служба. Тяжелое рыданіе возносилось вмѣстѣ съ душевною мольбою ко Всевышнему, успокоить великую душу усопшаго раба Николая...

Прощай, дорогой учитель, да будетъ легка тебѣ земля! Чистый сердцемъ, великій душою, ты приковывалъ насъ къ себѣ всѣмъ существомъ—и душой и тѣломъ, самъ же ты со всѣмъ твоимъ умомъ и любовью привязывался только къ природѣ Азіи и ея глубокому научному познанію. Привязавъ себя, ты старался привязать и насъ; да будетъ же твой завѣтъ навсегда хранимъ нами...

Завѣтное желаніе покойнаго было исполнено: прахъ его остался навсегда въ Азіи, и могила его находится у подножья Небеснаго хребта.

„Мѣстность эта, говоритъ П. П. Семеновъ, хорошо мнѣ знакома, она такъ врѣзалась неизгладимыми чертами въ моей памяти, что я какъ бы вижу ее передъ собою, обращаясь отъ только-что закрывшейся могилы къ завѣтному югу. Широко раскинулась вправо синяя поверхность необъятнаго къ западу озера. Впереди высится горная стѣна Небеснаго хребта, образующая вправо окраину озера, увѣнчанную непрерывнымъ рядомъ снѣжныхъ вершинъ. Чѣмъ далѣе къ западу, тѣмъ ближе прикасается этотъ бѣлоснѣжный вѣнецъ къ синей поверхности озера, а на его оконечности снѣжныя вершины кажутся какъ бы утопающими въ волнахъ Иссыкъ-куля...

„Этотъ величественный рядъ зазубренныхъ въ бѣлоснѣжные саваны великановъ стоитъ на стражѣ дорогой намъ могилы, обозначая собою ту грань русской земли, за предѣлы которой нашъ славный путешественникъ двигалъ свои отважные шаги въ почти неизвѣдомыя до него въ научномъ отношеніи страны. Изъ-за этой грани привозилъ онъ намъ богатую добычу планшетовъ, записей и естественно-историческихъ коллекцій. Несравненно дороже серебра и золота, которое такъ бережно тратилъ онъ на свои экспедиціи, была эта добыча, такъ какъ она представляетъ собою тотъ драгоцѣнный матеріалъ, изъ котораго, впослѣдствіи, кропотливымъ трудомъ ученыхъ въ ихъ кабинетахъ, постоянно достраивается и ремонтируется величественное общечеловѣческое зданіе науки.

„Не могли мы усыпать дорогую намъ могилу сплошнымъ ковромъ любимыхъ съ ранняго дѣтства Пржевальскимъ цвѣтовъ, не

могли положить въ ея изголовьи того лавроваго вѣнка, которымъ украшенъ находящійся передъ вами его портретъ, но собрались сегодня въ той самой, родной ему по духу, средѣ, въ которой постепенно созидалась его слава, и которая такъ дружно его поддерживала и давала просторъ его широкимъ стремленіямъ,—собрались для того, чтобы почтить память Пржевальскаго воспоминаніемъ о дорогомъ усопшемъ.

„Говорить о Пржевальскомъ можно, разумѣется, безконечно много... Въ нашей средѣ совершилась вся его славная дѣятельность, съ нами дѣлился онъ первыми впечатлѣніями четырехъ великихъ своихъ путешествій вглубь Азіи, передъ нами писалъ онъ, съ свойственною ему талантливостью, въ промежуткахъ своихъ путешествій, свои томы, многимъ изъ васъ, присутствующихъ, передавалъ онъ для научной разработки собранные драгоцѣнные матеріалы, съ нами составлялъ онъ смѣлые планы новыхъ путешествій, при нашемъ дѣятельномъ участіи снаряжался онъ въ свои экспедиціи. Однимъ словомъ, его дѣятельность въ теченіе двадцатилѣтія до такой степени сплелась съ дѣятельностью Географическаго Общества, что лавры его вѣнка суть вмѣстѣ съ тѣмъ лучшіе лавры почти полувѣковой дѣятельности нашего Общества.

„Меня не было въ Петербургѣ при отъѣздѣ Пржевальскаго въ его послѣднюю экспедицію, но одному изъ близкихъ мнѣ передалъ онъ, съ свойственною ему живостью, свои впечатлѣнія при послѣднемъ въ его жизни прощаніи съ нимъ Царской Семьи. Слезы умиленія и признательности блестѣли въ хорошо знакомыхъ намъ умныхъ, живыхъ глазахъ, не знавшаго страха и упрека, мощнаго тѣломъ и духомъ богатыря. Съ неменьшимъ, чѣмъ когда-либо мужествомъ и самоотверженіемъ, казалось, бросился онъ и въ это новое, самое завѣтное для него предпріятіе, пріѣхалъ на грань русской земли, и въ пять дней его не стало.

„Совѣтъ Императорскаго русскаго Географическаго Общества постановилъ уже почтить память усопшаго учрежденіемъ медали и преміи имени Н. М. Пржевальскаго для увѣнчанія его научныхъ трудовъ, сопряженныхъ съ путешествіями.

„Нѣкоторые члены нашего Общества возбуждаютъ чрезвычайно симпатичную мысль поставить бюстъ Пржевальскаго въ лучшемъ изъ скверовъ города Петербурга [1]).

[1]) Двадцатаго октября 1892 года бюстъ Пржевальскаго законченъ сооруженіемъ и открытъ въ Александровскомъ саду, въ достойномъ славнаго путешественника мѣстѣ.

Нѣсколько позднѣе поставленъ, величественный памятникъ на могилѣ Пржевальскаго, на высокомъ берегу Иссыкъ-куля. Авторъ памятника—то-

„Но есть еще одинъ *нерукотворный* памятникъ, который можетъ быть созданъ Пржевальскому на почвѣ дѣятельности Императорскаго русскаго Географическаго Общества... Нерукотворный памятникъ Пржевальскому, наиболѣе ему симпатичный, въ его духѣ, могутъ поставить тѣ изъ насъ, сочленовъ, которые послѣдуютъ его доблестному примѣру и отдадутъ свои силы продолженію тѣхъ изслѣдованій, которыя онъ началъ, скромно называя ихъ научными рекогносцировками и считая себя только піонеромъ этихъ изслѣдованій. Чуждый мелкому самолюбію, преданный только своей идеѣ, Пржевальскій посвятилъ, съ особенною любовью, часть своего послѣдняго сочиненія инструкціи для будущихъ путешественниковъ въ Средней Азіи, полагая, что къ памятнику величія Россіи, имъ тамъ заложенному, „не зарастетъ народная тропа“.

„Не бредомъ больного воображенія было послѣднее выраженное дорогимъ намъ усопшимъ желаніе быть похороненнымъ на берегахъ Иссыкъ-куля. Идея, связанная съ этимъ желаніемъ, не только глубокая, но и вполнѣ соотвѣтствующая русскому народному складу ума Николая Михайловича. Въ русскомъ народномъ творчествѣ сказочный русскій богатырь желаетъ быть похороненнымъ на перепутьѣ, какъ бы указывая своею могилою на дальнѣйшіе пути тѣмъ русскимъ богатырямъ, которые пойдутъ вслѣдъ за нимъ.

варящъ и другъ покойнаго — генералъ А. А. Бильдерлингъ за проектъ этого художественнаго мавзолея, удостоился особой похвалы Государя Императора.

Иссыкъ-кульскій памятникъ, рисунокъ котораго при семъ прилагается, изображаетъ скалу, сложенную изъ большихъ глыбъ тяньшанскаго гранита. На вершинѣ скалы большой бронзовый орелъ,—выраженіе ума, силы и безстрашія. Подъ когтями орла карта Азіи, на бронзовомъ листѣ; въ клювѣ оливковая вѣтвь—эмблема мирныхъ завоеваній науки. На лицевой сторонѣ скалы бронзовый крестъ, подъ нимъ надпись, высѣченная на камнѣ: *„Николай Михайловичъ Пржевальскій“*, мѣсяцъ, число, годъ рожденія и кончины. Подъ надписью, въ серединѣ скалы, вставлена бронзовая медаль, въ увеличенномъ видѣ, выбитая Императорскою Академіею Наукъ. На медали изображенъ Пржевальскій, а подъ нею высѣчена въ камнѣ надпись, помѣщенная на оборотной сторонѣ медали: *„Первому изслѣдователю природы Центральной Азіи“*.

Баракъ, въ которомъ скончался Николай Михайловичъ, именованъ *баракомъ „генералъ-маіора Пржевальскаго“*. Въ баракѣ этомъ, противъ того мѣста, гдѣ умеръ путешественникъ, прибита мѣдная доска съ надписью: *„Здѣсь скончался генералъ-маіоръ Пржевальскій 20 октября 1888 года въ 9 часовъ утра“*.

Городъ Караколъ переименованъ въ *Пржевальскъ*.

„Зайдите на его могилу, поклонитесь этой дорогой тѣни, и она охотно передастъ вамъ весь нехитрый запасъ своего оружія, который слагается изъ чистоты душевной, отваги богатырской, изъ живой любви къ природѣ и высшему проявленію человѣческаго генія—наукѣ, и изъ пламенной и безпредѣльной преданности своему отечеству, и олицетворяющему его въ нашемъ русскомъ народномъ понятіи русскому царю.

„Берите же смѣло это оружіе съ изголовья могилы усопшаго изъподъ его лавроваго вѣнка, идите съ нимъ отважно впередъ на любомъ пути истины и знанія на славу дорогой Россіи, и вы сооруднте *нерукотворный памятникъ Николаю Михайловичу Пржевальскому*“.

П. Козловъ.

Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г.г.

Глава XXIII [1]).

Дни шли за днями, іюнь уже приближался къ исходу, а Ибрагимъ все еще не возвращался. Положимъ, что путь туда былъ длиненъ и труденъ, такъ какъ вилайетъ, куда отправилось мое письмо, находился за хребтомъ Антитавра у восточной границы Малой Азіи съ Кавказомъ. Но сердце обыкновенно никогда не ладитъ съ разсудкомъ, а потому и мое нетерпѣніе находило себѣ оправданіе въ недостаткѣ логики.

Мною овладѣло дикое чувство: все перестало существовать для меня, точно жизнь проходила мимо, не касаясь моего вниманія. Я бродила цѣлыми днями, какъ тѣнь, ничѣмъ не хотѣла заняться, а призракъ вѣчной разлуки уже надвигался и леденилъ сердце.

Такимъ образомъ, любовь принесла мнѣ больше страданій, чѣмъ радости и свѣта; но, говорятъ, всему бываетъ конецъ: наступила неизбѣжная реакція, и когда я оглянулась вокругъ себя, то узнала, что грозовыя тучи уже заволакивали политическій горизонтъ, предвѣщая бурю, которая могла унести меня въ другую колею...

Не повезло бѣдному Мураду на оттоманскомъ престолѣ, и одно кровавое событіе за другимъ слѣдовали точно въ предписанномъ чьей-то непреложной волею строгомъ порядкѣ; рѣзня въ Болгаріи, объявленіе войны Сербіей и Черногоріей съ перемѣннымъ счастьемъ

[1]) См. „Русская Старина“, апрѣль 1912 г.

для турокъ. волненіе софтъ, угрозы державъ, безпрерывныя вспышки мусульманскаго фанатизма съ христіанами на религіозной почвѣ — однимъ словомъ, розовыя надежды не оправдались, и будущее рисовалось въ самыхъ мрачныхъ краскахъ.

Въ концѣ іюня Сербія объявила Турціи войну; Черногорія немедленно присоединилась къ ней.

Отряды Хорватовича, а затѣмъ Лѣшанина въ первую же стычку были опрокинуты Керимъ-пашою у Княжеваца и переброшены на лѣвый берегъ Моравы. Зато къ маленькой Черногоріи судьба оказалась благосклоннѣе, надѣливъ ее лаврами побѣды въ неравной борьбѣ съ огромными силами Дервишъ-паши; имена славныхъ вождей геройскаго племени князя Николая и Божидара Петровича сдѣлались даже популярными на всемъ турецкомъ Востокѣ; но бѣшеному озлобленію, которое неудержимой лавиной изливалось иностранной печатью на Сербію, много способствовало прямое участіе русскихъ добровольцевъ въ дѣйствіяхъ противъ оттоманскихъ войскъ, а главное командованіе ея арміей нашимъ генераломъ. Всему, конечно, давали тонъ Англія и Австрія.

О, Боже мой, что же тутъ не было и чего не говорилось?! Въ какихъ ситуаціяхъ и позахъ не изображался славянскій герой! Его рисовали: на барабанѣ, на палочкѣ верхомъ, на спинѣ козла лицомъ къ хвосту, на штыкѣ башибузука и въ заключеніе посадили на колъ...

Исторія уже давно опредѣлила весь ходъ событій той интересной эпохи, а если я касаюсь здѣсь лицъ, отмѣченныхъ на ея страницахъ, то лишь по естественному праву каждаго добавлять и свои впечатлѣнія о тѣхъ, кого приходилось видѣть или знать тамъ, на мѣстѣ. У меня также сохранилось много курьезовъ изъ области прессы, руководимой въ тѣ времена британскимъ цензоромъ, возьмемъ хотя на выдержку меню завтрака, которымъ собирался угостить на Южномъ берегу Крыма адмиралъ турецкаго флота Гобартъ-паша князя Горчакова и генерала Игнатьева. Переводу буквально съ англійскаго текста: 1) „Росбифъ—шапка; 2) макароны—кнутъ; 3) кабанья голова, фаршированная турецкими пулями, à la Княжевацъ; 4) спаржа—казацкія пики; 5) самоваръ (?); 6) десертъ: сальныя свѣчи и водка.

Здѣсь читатель, вѣроятно, подумаетъ: „ахъ, опять та же сказка про бѣлаго бычка: кнутъ, свѣчи, казаки! Но „росбифъ—шапка“ это еще что?“

Вотъ я и веду къ тому рѣчь, чтобы объяснить, гдѣ именно заключалась соль остроумія автора меню. Дѣло было такъ: однажды генералъ Игнатьевъ, какъ разсказывали люди, близко стоявшіе къ

нему, оспаривая доводы сэра Эліотта, утверждавшаго, что турецкая армія по численности и боевымъ качествамъ составляла замѣтную величину даже въ Европѣ, возразилъ ему якобы слѣдующее: „ну этихъ оборванцевъ съ ихъ башибузуками мы и шапками закидаемъ“. Печать, конечно, подхватила, разукрасила небылицами, и летучее словечко, такимъ образомъ, стало ходячимъ изреченіемъ.

Но развѣ только это? Вся атмосфера тогда была захвачена политическими сплетнями и злобной, яростной клеветой на Россію, при чемъ не брезгали положительно никакими средствами, лишь бы затемнить истину: достаточно упомянуть, что газетные писаки наперекоръ стихіямъ отрицали даже фактъ избіенія башибузуками христіанъ въ Болгаріи, называя его легендой русской дипломатіи— однимъ словомъ, выходило такъ, что болгары сами себя рѣзали, чтобы досадить Англіи и Австріи...

Впрочемъ, оставимъ пока эту щекотливую тему, а иначе по невольному сцѣпленію идей я могу зайти въ такія дебри мудреныхъ комбинацій, что выбраться оттуда мнѣ будетъ уже не подъ силу.

Промелькнулъ и знойный іюль, но Ибрагимъ не вернулся съ желаннымъ отвѣтомъ, такъ какъ его перечислили въ Малоазіатскій низамъ, гдѣ онъ и остался.

Къ тому времени въ моей душѣ совершился незамѣтно громадный переломъ, а жизнь потянула къ новымъ впечатлѣніямъ—такова уже природа человѣка!

И вотъ, оплакивая погибшую мечту, я невольно ловила себя на томъ, что все якобы дѣлается къ лучшему: это, конечно, давало мнѣ иллюзію и другое настроеніе. Тогда волшебно прекрасный образъ блѣднѣлъ и удалялся, какъ это бываетъ иногда въ первую минуту пробужденія отъ глубокаго сна.

Въ началѣ августа мы собрались на нѣсколько дней въ Константинополь, чтобы повидаться съ братомъ Магіе, директоромъ Оттоманскаго банка, гдѣ хранилась часть капитала моего дяди въ турецкихъ бумагахъ, о которыхъ необходимо было позаботиться вслѣдствіе того, что ожидали сильнаго паденія ихъ на биржѣ; но по пути намъ пришлось заѣхать еще въ Смирну и остаться тамъ до слѣдующаго рейса.

Нашъ компанейскій пароходъ „Цесаревна“ бросилъ якорь и подалъ сигналъ. Въ обширной бухтѣ, наполненной всегда торговымъ движеніемъ судовъ подъ флагами всѣхъ государствъ въ мірѣ, теперь царила какая-то необычайная суматоха.

Нѣсколько турецкихъ военныхъ транспортовъ разводили паръ и готовились къ плаванію. Великое множество шлюпокъ, баркасовъ,

лодокъ, арабскихъ фелукъ длинными вереницами тянулись къ ихъ бортамъ съ грузами и лошадьми.

На громадномъ пространствѣ береговой линіи, колыхаясь, рокотала подобно океану въ часы прилива несмѣтная толпа народу—издали казалось, что все населеніе города собралось къ морю.

— Что такое? что случилось у васъ?—спрашиваютъ пассажиры комиссіонеровъ, забиравшихъ вещи съ палубы, чтобы перевезти ихъ въ гостиницу.

— Изъ дальнихъ вилайетовъ прибываютъ сегодня части низама и редифа съ конницей башибузуковъ, для отправленія на Балканы—война съ Россіей!—отвѣчаютъ имъ.

Мы взяли каикъ и съѣхали на берегъ. Здѣсь насъ встрѣтили родственники моей тетушки, увѣдомленные телеграммой, а также друзья и знакомые.

Смирна по-турецки „Исмиръ“, какъ уже говорилось выше, носитъ типичную физіономію большого коммерческаго порта, являя собою главный центръ малоазіатской торговли между Востокомъ и Западомъ. На ея улицахъ вѣчный калейдоскопъ племенъ и народностей, собравшихся сюда, какъ на базаръ, со всѣхъ концовъ земного шара для эксплоатаціи страны, богатствомъ которой они безраздѣльно пользуются, не встрѣчая къ тому ни малѣйшихъ препятствій со стороны деспотическаго режима султанскаго правительства.

Мы направились къ дому, выходившему окнами на широкую гранитную набережную; проталкиваясь впередъ сквозь густую массу людей, я съ невольнымъ любопытствомъ прислушиваюсь къ говору. Вотъ оживленно бесѣдуетъ кучка левантинцевъ о злобѣ дня.

— Плохи дѣла Россіи! И куда только лѣзетъ со своими бѣлыми медвѣдями и сальными свѣчами—вѣдь Турція пойдетъ не одна: за ея спиной Англія!—горделиво заявляетъ мѣстный британецъ.

— Ну, такъ ей и надо—забыла, отъ кого приняла вѣру и цивилизацію! отлично безъ нея управились бы съ проклятыми болгарами,—говорятъ наши друзья греки, всей душой ненавидящіе славянъ больше, чѣмъ мусульмане.

— Пошли, Господи, чтобы ее хорошенько растрепали—заберемъ Кавказъ!—молятся о побѣдѣ турецкаго оружія армяне.

— Гобартъ-паша уже приготовилъ мѣрку самаго лучшаго крупнаго овса, чтобы угостить имъ въ севастопольской конюшнѣ во славу русскаго флота, какъ въ 54-мъ году эту старую лошадь, князя Горчакова!—надрываясь отъ хохота, выкрикиваетъ бравый морякъ съ французскаго авизо, стоявшаго въ гавани. Взрывъ не-

обычайнаго веселія слѣдуетъ за тѣмъ. И ни одного, рѣшительно ни одного слова доброжелательства къ намъ!..

Передавая сейчасъ отрывочныя уличныя сужденія толпы, мнѣ кажется, я не ошибаюсь, утверждая, что этого вполнѣ достаточно для иллюстраціи настроеній и чувствъ, которыми охвачена была разноязычная масса христіанскаго населенія въ Турецкой Имперіи передъ кампаніей 1877 года.

Какъ ни грустно сознаться въ томъ, но фактъ останется фактомъ...

Вдругъ стали доноситься звуки барабанной дроби: море человѣческихъ головъ заколыхалось, разговоры умолкли, и вотъ изъ прилегающихъ къ набережной улицъ начали выходить полки низама.

Стройными рядами, свободные въ движеніяхъ, чуждые автоматической выправки, широкимъ, вольнымъ шагомъ въ ногу проходили рослые солдаты, веселые, довольные, точно отправляясь на парадъ.

— Башибузуки!! башибузуки!—раздались тревожные выкрики, и все перемѣшалось тогда въ одинъ хаотическій шумъ. Напоромъ толпы меня отбросило въ сторону, а затѣмъ вынесло дальше, и я увидѣла себя прижатой у входа въ какой-то ресторанъ, гдѣ подъ навѣсомъ изъ живой зелени за разставленными прямо на улицѣ столиками дѣловая публика пила свой утренній кофе.

Къ счастію, здѣсь оказалось много знакомыхъ; одинъ изъ нихъ австрійскій вице-консулъ, Крамеръ, немедленно взялъ меня подъ свою защиту. Вскорѣ, однако, тѣмъ же потокомъ живой рѣки и еще нѣсколько дамъ были занесены также сюда; но изъ предосторожности хозяинъ гостиницы устроилъ насъ во второмъ этажѣ на балконѣ, откуда мы безъ всякихъ опасеній могли наблюдать интересное зрѣлище.

Вотъ показались банды редифа и стали дефилировать мимо, направляясь къ пристани. Внушительными казались только зейбеки въ огромнѣйшихъ тюрбанахъ, съ цѣлымъ арсеналомъ оружія за широкими поясами и длинными мушкетами въ рукахъ—на бедрѣ у каждаго висѣла кривая сабля. Они шли подъ командой турецкихъ офицеровъ, на которыхъ не обращали ни малѣйшаго вниманія, отставая, разбѣгаясь и безобразничая по пути.

Курды и лазы представляли собой безпорядочныя кучки оборванцевъ, живописныхъ даже въ лохмотьяхъ; бедуины красиво драпировались въ широкіе бурнусы; наши сородичи, черкесы, поражали чрезвычайно неряшливымъ видомъ своего обмундированія: на нихъ были до невѣроятія грязные, бараньи тулупы, а клочки тряпокъ вмѣсто папахъ украшали ихъ головы.

На монхъ глазахъ разыгралась такая сценка.

За однимъ изъ столиковъ внизу подъ нашимъ балкономъ сидѣлъ мѣстный коммерсантъ, нѣкто Джонъ Гарди, очень толстый, флегматичный англичанинъ и, заложивъ ногу за ногу, съ полнѣйшимъ равнодушіемъ пилъ свой портеръ.

Вдругъ изъ партій зейбековъ, проходившихъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ ресторана, выбѣжалъ настоящій атлетъ, косая сажень въ плечахъ и остановился передъ мистеромъ Гарди.

— Это мнѣ не нравится!—заоралъ великанъ, хлопая ладонью по колѣнямъ невозмутимаго Джона:—такъ не сидятъ въ присутствіи воиновъ падишаха!

Толстякъ даже не шевельнулся, считая, вѣроятно, ниже своего національнаго величія безпокоить себя ради нелѣпыхъ претензій какого-то разбойника. Но малоазіатскій Рокамболь не унимался, заставляя упрямаго бритта перемѣнить позу, на что послѣдній отвѣтилъ лишь презрительнымъ взглядомъ и закинулъ ногу еще выше.

Однако, случилось то, чего никакъ не ожидалъ гордый сынъ Альбіона: моментъ, и силачъ, точно играя въ бильбоке, подбросилъ его, какъ мячикъ, выше своей головы, а затѣмъ при бѣшеномъ взрывѣ хохота публики съ комической осторожностью усадилъ ошеломленнаго британца на прежнее мѣсто.

Намъ разсказывали въ Константинополѣ, что инцидентъ съ мистеромъ Гарди былъ предметомъ запроса англійской дипломатіи къ Высокой Портѣ и требованія указать виновнаго; но такъ какъ это значило все равно, что если бы вздумали искать въ полѣ вѣтра или слѣдовъ улетѣвшей за моря птицы, то Рушди-паша, всегда находчивый, далъ отвѣтъ въ слѣдующей редакціи: „дерзкій уже несетъ плоды возмездія въ глубинѣ своего сердца“...

И торжественно и растяжимо—понимай, какъ хочешь, молъ! Впрочемъ, сэръ Элліотъ остался вполнѣ доволенъ распорядительностью турецкаго администратора...

Даровому спектаклю, которымъ угостилъ насъ „остроумный“ башибузукъ, суждено было имѣть весьма интересный финалъ: изъ другой банды редифа отдѣлился еще болѣе свирѣпаго вида Геркулесъ и направился бѣглымъ шагомъ прямо въ нашу сторону.

Поднявъ случайно кверху голову, онъ замѣтилъ меня, а рядомъ со мной нѣсколькихъ дамъ, также приглашенныхъ на балконъ.

Зейбекъ остановился, точно пораженный удивительнымъ для него зрѣлищемъ, и вдругъ, совершенно неожиданно, принялся осыпать насъ такими любезностями:

— Эй, вы, гуріи христіанскаго рая,—кричалъ онъ во все горло, размахивая кулаками:—чего повылѣзли изъ щелей и норъ, какъ тараканы, да еще уставились на мужчинъ — сію минуту маршъ по гаремамъ, а иначе я васъ!...

Съ этимъ восклицаніемъ онъ сорвалъ съ какого-то франта щегольскую панаму и швырнулъ ею въ нашу компанію.

Мы, конечно, не замедлили исполнить его желаніе и тотчасъ же убѣжали въ комнаты.

Таково было начало гастролей буйныхъ сыновъ Тавра, а продолженіе ихъ видѣли уже болгары.

Глава XXIV.

Въ августѣ Черняевъ успѣлъ нѣсколько оправиться отъ жестокихъ пораженій въ началѣ кампаніи и вернуться къ берегамъ Моравы. Здѣсь борьба сторонъ уже продолжалась съ перемѣннымъ успѣхомъ. Этому, конечно, посодѣйствовалъ значительный приливъ нашихъ добровольцевъ въ сербскую армію. Но въ полосѣ военныхъ дѣйствій между черногорцами и Мухтаръ-пашою картина рисовалась въ другомъ освѣщеніи, и счастье улыбалось маленькому, геройскому племени: въ іюлѣ отрядъ воеводы Божидара Петровича, переступивъ границы Босніи, разбилъ турецкія полчища, захвативъ даже въ плѣнъ двухъ пашей. Такая несравненная отвага борцовъ съ Черной Горы вызывала единодушное восхищеніе Европы, но не приносила имъ ни малѣйшей пользы, озлобляя еще болѣе враговъ славянства, а кончилось тѣмъ, что въ отместку за тріумфъ устроили кровавую бойню въ несчастной Болгаріи. Ни для кого не было тогда секретомъ, что именно либеральная партія, руководившая убійствомъ Абдулъ-Азиса, направляла свирѣпыя банды малоазіатскаго редифа на христіанъ. И вотъ, такимъ образомъ, новые люди, ставшіе у руля государственной власти, обѣщая зорю прекрасныхъ дней и скрываясь подъ маской высокопарныхъ пышныхъ тенденцій, дѣйствовали заодно въ полнѣйшемъ согласіи съ тѣми же башибузуками.

Къ тому времени Турція нѣсколько осложнила свое и безъ того запутанное международное положеніе убійствомъ въ Салоникахъ двухъ консуловъ, французскаго и германскаго; но это ей великодушно простили, въ счетъ будущей расплаты не поставили, такъ какъ всѣ усилія европейской дипломатіи клонились лишь къ тому, чтобы заставить насъ подраться и уйти съ береговъ Босфора къ устьямъ Дуная.

Слѣдующимъ рейсомъ мы отправились въ Константинополь. Нашъ пароходъ запоздалъ почему-то въ пути и бросилъ якорь въ глубину Золотого Рога, когда послѣдній лучъ солнца уже догоралъ на высочайшихъ точкахъ необъятной панорамы Царьграда.

По существующему правилу иностраннымъ судамъ въ Босфорѣ не даютъ практики послѣ вечерней зари, вслѣдствіе чего мы оставались до утра на рейдѣ.

Нашъ пріѣздъ въ столицу Оттоманской имперіи весьма удачно совпадалъ для меня съ кануномъ торжества Курбанъ-Байрама и, такимъ образомъ, предстояло видѣть очень интересное зрѣлище.

Я уже говорила о подвижности мусульманскаго календаря сообразно фазамъ луны, а потому въ зависимости отъ начала года всѣ праздники Ислама также перемѣщаются изъ одного сезона въ другой; но опредѣленно этотъ байрамъ всегда бываетъ на 10-й день мѣсяца Дзулгаше и по своему важному значенію соотвѣтствуетъ нашей Пасхѣ.

Едва только удары пушекъ съ высотъ Топхане возвѣстили „акшамъ“, т. е. закатъ, какъ волшебная декорація праздника уже развернулась надъ грандіознымъ амфитеатромъ Константинополя: весь онъ засіялъ, отражаясь въ прозрачномъ Босфорѣ свѣтовыми эффектами иллюминаціи и пиротехники. Вотъ его картина: по берегамъ двухъ материковъ Европы и Азіи тянутся огненныя ленты плошекъ; военные корабли и вся громада торговаго флота украсились гирляндами разноцвѣтныхъ фонариковъ; съ холмовъ Стамбула взлетаютъ къ облакамъ ракеты; здѣсь, тамъ, повсюду шипитъ бенгальскій огонь и жгутъ фейерверкъ; но меня чаруетъ болѣе всего видъ освѣщенныхъ минаретовъ: въ глубокой тьмѣ южной ночи ихъ очертанія скрыты отъ глазъ, а горящіе вокругъ балкончиковъ ряды шкаликовъ создаютъ удивительно прелестную иллюзію, какъ будто между небомъ и землей висятъ золотыя, блестящія кольца.

Я проснулась очень рано въ душной каютѣ и вышла на верхнюю площадку, чтобы освѣжиться. Рейдъ уже былъ наполненъ звуками и движеніемъ: необозримое множество каиковъ, шлюпокъ, парусныхъ лодокъ, грузовыхъ баржъ по всѣмъ направленіямъ рѣзали синюю воду; въ дымкахъ туманныхъ испареній качался на волнахъ цѣлый лѣсъ мачтовыхъ судовъ; гремѣли выстрѣлы Езана [1]) и будили правовѣрныхъ къ молитвѣ; точно задернутые голубымъ тюлемъ берега просыпались навстрѣчу первымъ лучамъ восхода, и шумъ жизни необъятнаго города захватывалъ дремавшую атмосферу.

Вскорѣ намъ разрѣшили подчалить ближе къ Галата, и паро-

[1]) Восходъ солнца.

ходный свистокъ еще не успѣлъ закончить своей тягучей, оглушительной трели, возвѣщая о прибытіи, какъ уже мы были взяты на абордажъ несмѣтной флотиліей Константинопольскихъ „пиратовъ“: не ожидая трапа, словно обезьяны, цѣплясь ногтями за что ни попало, карабкаются эти господа на палубы и рубки, вступая даже въ рукопашную съ матросами, толкавшими ихъ обратно за борта; но ничто не дѣйствуетъ: легіоны комиссіонеровъ раздаютъ пассажирамъ карточки, снимки магазиновъ, ресторановъ, афиши увеселительныхъ заведеній и пр. Швейцары отелей лѣзутъ, бѣдные, изъ кожи; гиды разнообразныхъ типовъ и видовъ клянутся, что туристы погибнутъ безъ нихъ въ Константинополѣ; армія продавцовъ всякой дряни предлагаетъ купить античные предметы, якобы найденные въ развалинахъ Ефеса; здѣсь же шныряютъ проводники лошадей, хамалы, банщики, парикмахеры, кафеджи, чибукчи — словомъ, нѣтъ рода занятій, представитель котораго не явился бы сюда. Идетъ суматоха великая! Слышна рѣчь на всѣхъ языкахъ, и надо думать, что въ дни вавилонскаго столпотворенія было куда больше порядку, чѣмъ въ минуты прибытія иностранцевъ въ гавань Золотого Рога.

Но это все ничего—самое интересное еще впереди.

Якори, наконецъ, брошены, трапъ спущенъ, и что затѣмъ происходитъ — изобразить на бумагѣ невозможно: были даже моменты, когда такъ и казалось, что вотъ-вотъ насъ разорвутъ въ клочки.

И дѣйствительно, едва только злополучный пассажиръ достигаетъ нижней площадки сходней, а уже десятки рукъ перевозчиковъ тянутся къ нему: начинается потасовка, арабская, турецкая брань, крикъ, гвалтъ и въ заключеніе его швыряютъ на дно какой-нибудь лодки. Съ дамами еще того хуже: ихъ просто безъ всякой церемоніи хватаютъ съ трапа, перекидываютъ какъ свертки и везутъ къ таможнѣ, а потому нерѣдко случается, напримѣръ, что мужъ уплываетъ въ одной шлюпкѣ, жена въ другой, дѣти, багажъ еще съ кѣмъ-либо и т. д. „Сейчасъ пристань — тамъ и разберетесь“,—хладнокровно отвѣчаютъ на всѣ протесты.

Я также попала къ чужую компанію, хотя все обошлось какъ нельзя лучше. Но вернемся къ Байраму.

Праздникъ этотъ установленъ Магометомъ въ память жертвоприношенія Авраамомъ не Исаака, какъ гласитъ библія, а Измаила, сына Агари, отъ котораго арабы ведутъ свое происхожденіе.

Религіозный обрядъ Курбанъ-Байрама заключается въ слѣдующемъ: послѣ утренняго богослуженія каждый мусульманинъ, не исключая даже султана и высшихъ сановниковъ, обязанъ собственно-

ручно заколоть ягненка, а жертвенное мясо предоставить кому угодно взять себѣ.

Обыкновенно церемонія жертвоприношенія совершается гдѣ-нибудь за городомъ по преимуществу на холмѣ или на вершинѣ горы.

Толпы бѣдняковъ, нищихъ, въ большинствѣ христіане, заранѣе приходятъ къ извѣстному мѣсту и уносятъ колотыхъ животныхъ.

Всѣ четыре дня Байрама проводятся очень шумно въ Константинополѣ: пять разъ въ сутки муэдзины призываютъ правовѣрныхъ въ мечети, что возвѣщается грохотомъ 101 пушечнаго выстрѣла.

Нарядныя группы женщинъ снуютъ по улицамъ, направляясь за городъ къ монастырямъ дервишей за благословеніемъ или же въ роскошный паркъ Анадоли-Хиссаръ съ его вѣковыми платанами—любимое мѣсто прогулки турецкихъ дамъ; но мужчины предпочитаютъ всему кладбище въ Скутари, гдѣ подъ тѣнью густыхъ кипарисовъ на зеленыхъ лужайкахъ они располагаются, какъ у себя дома.

Съ тѣмъ же торжественнымъ блескомъ празднуется и другое важное событіе въ исторіи Ислама, вознесеніе Пророка на небо. Тамъ онъ, какъ разсказывала мнѣ Элиме, прежде всего усѣлся на серпъ луны, а на мой вопросъ: зачѣмъ? объяснила, что по интригамъ дракона были нарочно затеряны ключи отъ рая; но командированный на розыски архангелъ Гавріилъ принесъ ихъ вскорѣ обратно.

Къ моему глубокому разочарованію на церемонію Селямлика Мурадъ V не прибылъ: хотя печать упорно замалчивала фактъ, но тѣмъ не менѣе вездѣ уже ходили зловѣщіе слухи, что онъ, и прежде не совсѣмъ нормальный, съ каждымъ днемъ слабѣлъ, обнаруживая признаки полнѣйшаго разстройства душевныхъ силъ.

Такъ или иначе, а участь несчастнаго султана уже была предрѣшена, и замѣстителемъ его общественное мнѣніе называло сына покойнаго Абдулъ-Азиса Юсуфъ-Изединъ-эфенди; но судьба въ лицѣ роковаго генія славянства, еврея Дизраэли, распорядилась, какъ извѣстно, совсѣмъ иначе...

Е. А. Рагозина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Настроеніе русской арміи на поляхъ Венгріи въ 1848—49 г.г. [1]).

Въ интересной и содержательной статьѣ молодого ученаго Борецкаго-Бергфельда, помѣщенной въ мартовской книжкѣ „Revue de Hongrie“, на основаніи отзывовъ, извлеченныхъ изъ дневниковъ и записокъ русскихъ офицеровъ, дается любопытная картина чувствъ и настроеній русской арміи, сражавшейся вмѣстѣ съ австрійскими войсками, по выраженію Императора Николая I, „для возстановленія въ Европѣ порядка“ и для „утвержденія пошатнувшихся троновъ“.

Цѣлый рядъ фактовъ, изложенныхъ въ запискахъ, на которыя ссылается авторъ вышеупомянутой статьи, свидѣтельствуютъ о томъ, что наша армія далеко не сочувствовала въ то время австрійцамъ и не понимала истиннаго смысла похода противъ народа, къ которому русскіе никогда не питали никакихъ враждебныхъ чувствъ; какъ бы чувствуя всю несправедливость этого военнаго предпріятія, русскіе солдаты и офицеры нерѣдко пытались загладить ее почти демонстративнымъ проявленіемъ своего расположенія къ венгерцамъ.

Въ своей статьѣ Борецкій-Бергфельдъ освѣщаетъ попутно и роль блюстителя европейскаго порядка, принятую на себя въ то время Императоромъ Николаемъ.

„События, происходившія въ австрійской имперіи въ 1848 году, говоритъ авторъ упомянутой статьи, очень волновали Императора

---

[1]) La Russie et la révolution hongroise de 1848—49. par. N. Boretzky-Bergfeld. Revue de Hongrie. 15 Mars 1912.

Николая I. Въ своихъ письмахъ къ генералу Паскевичу [1]), предшествовавшихъ посылкѣ русскихъ войскъ въ Венгрію, обсуждая вопросъ о томъ, какъ Императору надлежало держать себя по отношенію къ Европѣ, онъ повторяетъ неоднократно, что ему слѣдуетъ быть „на стражѣ“ и высказываетъ опасеніе, что нерѣшительному и трусливому Императору Фердинанду не удастся подавить разгорающееся возстаніе и что „оно охватитъ Галицію и Венгрію изъ конца въ конецъ“.

Если революціонная пропаганда не будетъ скоро прекращена, „именемъ самого Императора Фердинанда, писалъ Императоръ Николай I, я займу край и задушу замыслы мятежниковъ“.

Такимъ образомъ Венгріи суждено было стать театромъ военныхъ дѣйствій, на которомъ впервые были мобилизованы силы реакціи, стремившейся подавить въ Европѣ революціонное движеніе.

„Между Россіей и Венгріей не существовало въ то время никакого историческаго антагонизма, во всякомъ случаѣ между ними происходило несравненно менѣе дипломатическихъ и политическихъ конфликтовъ, нежели между Россіей и Австріей, такъ какъ между этими двумя державами существовало уже въ XVIII вѣкѣ тайное соперничество относительно Балканскаго полуострова и придунайскихъ княжествъ, изъ которыхъ образовалась впослѣдствіи Румынія.

„Въ тотъ роковой и тревожный годъ, когда отзвуки февральской революціи докатились до предѣловъ Россіи, Императоръ Николай I сдѣлалъ серьезныя приготовленія для занятія Галиціи и Буковины. Не подлежитъ сомнѣнію, что во время первыхъ революціонныхъ вспышекъ Императоръ не уяснилъ еще себѣ опасность, угрожавшую монархическому принципу на континентѣ, и не рѣшилъ еще связать воихъ личныхъ интересовъ (оккупировать упомянутыя австрійскія провинціи) съ безпощадной ненавистью къ революціи. 1 (13) апрѣля 1849 г. онъ былъ занятъ только этими двумя провинціями и не думалъ еще о подавленіи „революціонной гидры“.

„Австрійцы, писалъ Императоръ Паскевичу 1 (13) апрѣля 1849 г., не сладивъ сами (съ венгерцами), хотятъ теперь чужими руками жаръ загребать, это и легко и пріятно; но я того не хочу. Занять Галицію согласенъ. Ежели мятежники ворвутся туда, ихъ уничто-

---

[1]) Генералъ-фельдмаршалъ кн. Паскевичъ; его жизнь и дѣятельность, т. VI, приложенія.

жить тамъ или въ Буковинѣ будетъ наше дѣло, но входить въ Трансильванію намъ нѣтъ причины, это дѣло прямо австрійцевъ... было бы глупо мнѣ поправлять русской кровью ихъ ошибки".

„Но по мѣрѣ того какъ борьба австрійскаго абсолютизма съ венгерскимъ возстаніемъ обозначалась яснѣе и яснѣе, и по мѣрѣ того какъ венгерцы начали брать верхъ, отношеніе Императора Николая I къ событіямъ совершенно измѣнилось.

Революціонное движеніе, въ сущности, нисколько не угрожало въ то время Россіи; даже близость венгерской границы, гдѣ оно какъ будто локализировалось, не представляла никакой опасности; по свидѣтельству Литухина, русскаго офицера, служившаго въ 4-мъ пѣхотномъ корпусѣ и оставившаго интересныя записки о венгерскомъ походѣ, въ началѣ апрѣля 1848 г. въ Россіи, по крайней мѣрѣ въ мѣстахъ пограничныхъ Галиціи, не было никакихъ безпорядковъ".

Но побужденія высшаго порядка, необходимость утвердить въ Европѣ престижъ неограниченной власти, побудили въ концѣ концовъ Императора Николая I принять рѣшительныя мѣры. Всего недѣлю спустя послѣ вышеприведеннаго письма его къ Паскевичу, Царь писалъ ему дословно слѣдующее:

„Признаюсь, крѣпко не хочется вступаться во все это; по примѣру прежняго, предвижу одну зависть, злость и неблагодарность и вѣрно не вмѣшался бы, ежели бы не видалъ въ Бемѣ и прочихъ мошенникахъ въ Венгріи не однихъ враговъ Австріи, но враговъ всемірнаго порядка и спокойствія, олицетворенныхъ злодѣевъ и губителей, которыхъ истребить надо, для нашего же спокойствія [1])".

Послѣ каждаго новаго пораженія австрійцевъ въ войнѣ съ революціонной венгерской арміей, намѣренія Императора Николая I становятся болѣе угрожающими. Венгрія становится въ его глазахъ пугаломъ; она его преслѣдуетъ, и онъ сознаетъ необходимость подавить ея возстаніе.

Въ его частыхъ письмахъ къ будущему умиротворителю Венгріи, Паскевичу, въ которыхъ рѣчь идетъ почти исключительно объ этой войнѣ, роль Императора обнаруживается все яснѣе. 13 (25) апрѣля 1849 года онъ пишетъ: „Не одна помощь

---

[1]) Письмо отъ 8 (20) апрѣля 1849 г.

Австріи для укрощенія внутренняго мятежа, и по ея при-зыву, меня къ тому побуждаетъ; чувство и долгъ защиты спокойствія предѣловъ Богомъ ввѣренной мнѣ Россіи меня вызываютъ на бой, ибо въ венгерскомъ мятежѣ явственно видны усилія общаго заговора противъ всего священнаго и въ особенности противъ Россіи, ибо во главѣ мятежа и главными орудіями его—вѣчные враги наши поляки".

Нѣсколько дней спустя, давая послѣднія инструкціи Паскевичу, передъ его отправленіемъ въ Венгрію во главѣ двухсоттысячной арміи, Императоръ напутствуетъ его слѣдующими, весьма характерными для даннаго момента, словами:

„Дѣйствуй на нашихъ враговъ быстро, по-русски". При этомъ Императоръ говоритъ, что если вступаться, то „вмѣшательство должно быть рѣшительное, все ниспровергающее"; „вразуми Ридигера, пишетъ онъ Паскевичу, сколь нужно ему будетъ дѣйствовать быстро, осторожно и рѣшительно, надо, чтобы съ перваго удара нашего дѣло было переложено въ пользу праваго дѣла".

„Такъ какъ успѣхи венгровъ приняли самые опасные размѣры, то они явно заодно съ поляками, потому и намъ прямо угрожаетъ опасность; отказать въ помощи (австрійцамъ) мы не можемъ, но дать ее должны осторожно, дабы успѣхъ былъ елико можно безъ сомнѣнія".

II.

Таково было положеніе, занятое по отношенію къ Венгріи Императоромъ Николаемъ и русскимъ правительствомъ. Но русское общество думало иначе о событіяхъ, происходившихъ въ этой странѣ. Чтобы составить себѣ понятіе о томъ, какъ оно отнеслось къ пораженію, нанесенному Паскевичемъ венгерскимъ мятежникамъ, сражавшимся не только за независимость своей страны, но и за политическую свободу, надобно прослѣдить отзывы русской печати того времени.

Почти во всѣхъ брошюрахъ и во всѣхъ газетныхъ и журнальныхъ статьяхъ той эпохи выражается глубокое сожалѣніе по поводу того, что венгерскій народъ утратилъ свою независимость вслѣдствіе вмѣшательства Россіи.

Эта мысль проходитъ красной нитью во всѣхъ статьяхъ, трак-

тующихъ о событіяхъ 1848 года. Развитіе либеральныхъ идей въ Европѣ подготовило русское общество къ сочувствію событіямъ, разыгравшимся въ Венгріи въ 1848—49 г. г.

„Изучая внимательно эту эпоху и въ особенности исторію сближенія русскаго и австрійскаго правительства, послѣ побѣды подъ Вилагосомъ, мы убѣдились говоритъ г. Борецкій-Бергфельдъ, въ томъ, что за исключеніемъ правительственныхъ лицъ русскіе, вообще говоря, порицали эту политику, не сочувствовала ей и русская армія, посланная царемъ въ Венгрію подъ начальствомъ Паскевича.

„Офицеры, находившіеся во главѣ войска, составляли лучшую часть русскаго общества того времени, и что же? если просмотрѣть записки, веденныя ими во время этого злополучнаго похода, то окажется, что русская армія не сочувствовала дѣлу, которое ее заставили выполнить.

„Весьма интересны въ этомъ отношеніи воспоминанія русскаго офицера Фатѣева, появившіяся десять лѣтъ спустя послѣ венгерскаго похода.

„1 августа (ст. ст.) 1849 было несчастнымъ днемъ для венгерцевъ,—такъ начинаетъ Фатѣевъ свою статью; шестимилліонный, храбрый и благородный народъ потерялъ въ этотъ день надолго, если не навсегда, надежду отстоять съ оружіемъ въ рукахъ свою свободу противъ деспотической власти Австріи“. Говоря далѣе, о „безнадежномъ положеніи“, въ какомъ очутились венгерцы, окруженные австрійцами и русскими, когда Гергей былъ вынужденъ „отступить передъ роковой силой событій“, Фатѣевъ говоритъ съ искренней и глубокой грустью, что эти прискорбныя событія „надолго подавили въ душѣ венгерцевъ всякую мысль объ освобожденіи“.

Общественное мнѣніе Россіи высказалось по поводу этого событія совершенно опредѣленно; тотчасъ послѣ побѣды, одержанной надъ венгерцами генераломъ Паскевичемъ, весьма многіе единодушно выражали свое отрицательное отношеніе къ участію русскаго войска въ усмиреніи венгерскаго мятежа.

„Мы хорошо помнимъ,—пишетъ одинъ изъ участниковъ похода, скрывшій свою фамилію подъ иниціалами А. Л., что въ русской арміи, направленной для спасенія Габсбурговъ, несмотря на безусловное и строгое исполненіе воинскаго долга, вовсе не обнаруживалось на малѣйшей симпатіи къ Австріи. Армія шла и дѣйствовала потому, что ей это было высочайше повелѣно, и тѣмъ исполнила свой святой долгъ. Но въ то же время, весьма нерѣдко, въ

рядахъ ея проявлялось нерасположеніе не только къ австрійскому правительству, но и къ временнымъ соратникамъ и союзникамъ—къ австрійской арміи".

Но возвратимся еще разъ къ воспоминаніямъ Фатѣева, изъ коихъ отрывокъ приведенъ выше.

„Утро было восхитительное, пишетъ онъ, наши войска двинулись въ разныхъ направленіяхъ, заняли позиціи и приготовились къ бою. Равнина огласилась тысячею разнообразныхъ голосовъ: гомономъ людей, ржаньемъ лошадей, грохотомъ орудій; все это сливалось въ одинъ оглушительный шумъ. Венгерская армія еще не появлялась. Нашъ эскадронъ выстроился въ линію, послѣ чего всѣ спѣшились. Я также сошелъ съ лошади, легъ на траву влажную отъ росы и принялся думать. О чемъ думалъ я въ эту минуту? До сихъ поръ помню это вполнѣ ясно. Во-первыхъ, моему національному самолюбію льстило и втайнѣ радовало меня, что *эта кровопролитная и ненужная война скоро кончится.* Но преобладающимъ чувствомъ въ душѣ моей было *сожалѣніе объ униженіи непріятеля.* Я не только не чувствовалъ къ нему въ душѣ никакой ненависти, напротивъ, я ощущалъ къ нему уваженіе и искреннюю симпатію, а къ австрійцамъ равное этому отвращеніе".

Другой участникъ похода, Дроздовъ, адъютантъ начальника штаба 3-го армейскаго корпуса, генерала Фролова, описывая свои впечатлѣнія при первой встрѣчѣ съ генераломъ Гергеемъ, говоритъ о Вилагосской катастрофѣ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ и его воспоминанія о ней проникнуты такою же грустью, какъ и воспоминанія прочихъ участниковъ похода.

Когда Гергей рѣшилъ прекратить неравную борьбу и сложить оружіе, то онъ извѣстилъ генерала Ридигера о томъ, что это будетъ исполнено только передъ войсками русскаго Императора, „ибо я торжественно объявляю, писалъ онъ, что скорѣе рѣшусь подвергнуть весь мой корпусъ истребленію въ отчаянной битвѣ противъ сильнѣйшаго противника, чѣмъ безусловно сложить оружіе передъ австрійскими войсками". Тогда Ридигеръ послалъ въ Вилагосъ, къ Гергею, генерала Фролова, чтобы условиться относительно церемоніала сдачи венгерскаго войска и сложенія оружія. Фроловъ и его свита, въ которой находился Дроздовъ, были приглашены Гергеемъ къ столу. Дроздовъ пишетъ:

„Всѣ были въ какомъ-то тревожномъ состояніи духа. Даже мы сами находились въ странномъ, никогда не испытанномъ положеніи.

Душу мою наполняла мрачная мысль: неужели, по страшному

опредѣленію судьбы, они собрались здѣсь для рокового празднованія своей собственной тризны. Несчастные! многіе изъ нихъ не ошиблись въ предчувствіи своей погибели“ [1]).

Фатѣевъ, присутствовавшій при сдачѣ венгерцами оружія, говоритъ, что русская армія пережила весьма тягостныя минуты, присутствуя при этомъ печальномъ зрѣлищѣ, и описываетъ его такъ:

„Пройдя передъ войсками, генералъ Ридигеръ, которому сдался Гергей, подошелъ ближе, остановился и приказалъ передать ему знамена. Это приказаніе произвело на венгерцевъ тяжелое, ошеломляющее впечатлѣніе. Казалось, какъ будто до этой минуты они считали возможнымъ иной исходъ. Но приказъ отданъ и глухо передается по рядамъ изъ устъ въ уста. Раздается похоронный маршъ, и трехцвѣтное знамя, священный символъ отечества и чести венгерской арміи, послѣдній разъ проходитъ передъ фронтомъ и какъ бы тихо склоняется прежде, нежели его передадутъ въ руки русскихъ.

„Въ этой церемоніи было нѣчто чрезвычайно тяжелое не для однихъ венгерцевъ. Тягостное впечатлѣніе этого дня надолго будетъ запечатлѣно въ памяти многихъ изъ насъ, бывшихъ свидѣтелями этой душу раздирающей сцены. Дѣло въ томъ, что всѣ солдаты и офицеры русской арміи, безъ различія, словно чувствовали сожалѣніе по поводу того, что они были сообщниками въ великомъ несчастіи, постигшемъ венгерцевъ; потому мы были печальны и удручены.

„Ровно въ часъ, Гергей, сопровождаемый своимъ блистательнымъ штабомъ, быстро мчался къ намъ, разсказываетъ Дроздовъ, на прекрасномъ золотисто-гнѣдомъ конѣ, въ своемъ скромномъ пальто, съ сумкой черезъ плечо и въ бѣлой круглой пуховой шляпѣ съ перомъ. Остановивъ штабъ свой въ почтительномъ отъ насъ разстояніи, онъ, съ поникнутой головой, приблизился къ графу Ридигеру и открылъ торжественный актъ сложенія оружія продолжительнымъ объясненіемъ; въ заключеніе подалъ графу рапортъ о числѣ сдавшихся войскъ и оружія... Пѣхота съ грустью снимала съ себя боевую аммуницію и ставила ружья въ козлы; солдаты, прощаясь, плакали и цѣловали знамена своихъ полковъ. Гусары, остав-

---

[1]) Дроздовъ. Сдача венгерской арміи нашему войску передъ Вилагошомъ (Воен. Сборникъ, 1870, № 9).

ляя своихъ коней, обнимали ихъ и, рыдая, прощались съ ними; столь же горько прощались они со своимъ ружьемъ.

„Невыразимо трогателенъ былъ видъ этого войска, стройнаго, сильнаго и бодраго, которое за нѣсколько мѣсяцевъ было такъ страшно для Австріи, а въ эту минуту стояло обезоруженное, покорное и какъ бы обреченное на казнь, ожидало исполненія своего приговора!.. Грустнымъ взглядомъ провожали насъ. Солдаты и офицеры, поникнувъ головами, плакали". Есть основаніе думать, что впечатлѣніе, произведенное Вилагосской катастрофой на офицеровъ—участниковъ похода, вполнѣ согласовалось съ состояніемъ духа всей русской арміи. Является вопросъ, дѣйствительно ли русская армія, приведенная въ Венгрію генераломъ Паскевичемъ, ясно представляла себѣ, что ее заставляли дѣлать? Война требуетъ увлеченія: она пробуждаетъ патріотизмъ и требуетъ энтузіазма. Въ данномъ случаѣ, какъ свидѣтельствуетъ Фатѣевъ и другіе, было обратное: русское войско было глубоко удручено. Одною изъ причинъ этого подавленнаго состоянія духа было отсутствіе настоящаго врага. Передъ лицомъ его, солдатъ вспоминаетъ объ обидѣ, причиненной его отечеству, о страданіяхъ, за которыя онъ долженъ отомстить. Невольно является вопросъ, какой оборотъ приняли бы событія, если бы армія Гергея могла оказать нѣкоторое время сопротивленіе? Быть можетъ, удрученное состояніе духа русскаго войска произвело бы поворотъ, благопріятный для венгерцевъ. Но судьба судила иначе.

Вотъ что разсказываетъ Фатѣевъ объ отношеніяхъ къ побѣжденнымъ.

„Подъ вліяніемъ событій этого дня (сдачи оружія), я шелъ задумчиво во главѣ моего эскадрона, эскортировавшаго баталіонъ плѣнныхъ. Ко мнѣ подошелъ венгерскій офицеръ, въ гусарскомъ ментикѣ, съ большой каштановой бородой.

— Consummatum est—сказалъ онъ серьезно, вопросительно глядя на меня.

— Я не нашелъ абсолютно ничего отвѣтить ему. Я хотѣлъ пожать ему руку, но не смѣлъ.

— Neška priide na nas zli čas, brate? (Неужели же для насъ настанетъ ужасный часъ?), прибавилъ онъ, вздыхая и качая головой. Вся его наружность храбраго солдата ясно говорила о его нравственномъ страданіи".

Негодованіе, испытанное солдатами и офицерами при видѣ униженія, причиненнаго венгерцамъ проявилось съ особенной силой послѣ капитуляціи Гергея, когда венгерцы стали плѣнными арміи Паскевича.

Въ арміи былъ пущенъ слухъ, что походъ 1849 года былъ необходимъ для освобожденія братьевъ славянъ, порабощенныхъ венгерцами. Извѣстно, что оффиціальное толкованіе вмѣшательства Россіи въ дѣла Австріи было основано на этой идеѣ. Но „славянскій патріотизмъ“ былъ пустымъ звукомъ для русской арміи, сражавшейся въ Венгріи.

Офицеръ Лихутинъ, оставившій интересныя записки о походѣ въ Венгрію, говоря о состояніи духа русской арміи въ 1849 г., доказываетъ, что мысль о помощи славянамъ въ Венгріи была для солдатъ дѣломъ второстепеннымъ. Главнымъ поводомъ войны въ ихъ глазахъ былъ союзъ Россіи съ Австріей.

„Являясь союзникомъ австрійскаго правительства, пишетъ Лихутинъ—и разрушая могущество мадьяръ, мы дѣйствовали тѣмъ самымъ въ пользу славянъ и пріобрѣли благодарность и расположеніе ихъ. Они положительно сочувствовали нашему вмѣшательству, это фактъ. Можно было думать, что мысль о союзѣ съ Австріей вызоветъ въ нашей арміи чувство солидарности и уваженія къ австрійцамъ. Но, по словамъ очевидцевъ, случалось какъ разъ обратное“.

„Произошло, какъ пишетъ другой офицеръ, явленіе, свидѣтельствующее о христіанскихъ воззрѣніяхъ, глубоко коренившихся въ болѣе просвѣщенной массѣ нашего народа, среди которой армія, безъ сомнѣнія, занимаетъ весьма замѣтное мѣсто“.

Вопреки законамъ военной логики, вопреки историческому ходу событій, вызванныхъ единственно недоброжелательствомъ Императора Николая и русскихъ реакціонеровъ къ венгерскимъ мятежникамъ, симпатія русскихъ къ побѣжденной арміи и народу возростала съ каждымъ днемъ.

Вчерашніе враги сдѣлались, послѣ сдачи Вилагоса, искренними друзьями.

„Наша дружба съ венгерцами тѣмъ болѣе бросалась въ глаза, говоритъ Лихутинъ, что въ то же время между русскими и австрійцами, коихъ было много въ Гроссвардейнѣ, сближенія, не было и случались ссоры. Все это могло показаться страннымъ и заслуживало вниманія. Мы пришли помогать австрійцамъ и помогли имъ, и вдругъ наши симпатіи оказались на сторонѣ тѣхъ, во вредъ которымъ мы дѣйствовали“.

Фатѣевъ разсказываетъ, что русскіе солдаты дружески бесѣдовали съ венгерцами, на томъ языкѣ, который наши солдаты придумали сами, чтобы разговаривать съ иностранцами. Они раздѣляли съ плѣнными пищу, въ которой послѣдніе терпѣли недостатокъ.

Словомъ, ничто не напоминало о томъ, что еще наканунѣ они были врагами.

Лихутинъ пытается объяснить дружбу нашихъ солдатъ съ венгерцами. „Причины этому были разнообразны, пишетъ онъ: отчасти, великодушіе, сожалѣніе къ побѣжденному, но выказывавшему намъ расположеніе непріятелю. Съ другой стороны, это былъ какъ бы молчаливый протестъ противъ того, что сами исполнили,—отчасти заносчивость нѣкоторыхъ австрійскихъ офицеровъ или, можетъ быть, отчасти напускной либерализмъ“ и т. д.

По мнѣнію Лихутина, присутствіе въ рядахъ обѣихъ армій поляковъ и нѣмцевъ, которые не могли не сочувствовать венгерцамъ, въ рядахъ которыхъ служило также много поляковъ и нѣмцевъ, также объясняетъ странный фактъ братанья русскихъ съ венгерцами.

Такимъ образомъ, благодаря отсутствію традицій племенной ненависти, слагающейся путемъ историческихъ столкновеній, русская армія не имѣла ни малѣйшей причины питать къ венгерцамъ враждебныя чувства, и венгерцы, со своей стороны, не питали, никакой злобы къ этимъ солдатамъ, вторгнувшимся въ ихъ страну и вызвавшимъ Вилагосскую катастрофу.

Находясь въ главной квартирѣ русской арміи, гдѣ были плѣнные венгерскіе офицеры, Фатѣевъ имѣлъ случай близко наблюдать ихъ, и онъ говоритъ вполнѣ искренно, что „всѣ они откровенно выражали свою симпатію къ русскимъ“. Вмѣшательство Россіи въ австро-венгерскія дѣла было для нихъ не только неожиданно, но и непонятно.

„Послѣ того какъ генералъ Гергей сложилъ оружіе, говоритъ Фатѣевъ, когда многіе были убѣждены въ томъ, что Венгрія навсегда утратила свою независимость, и когда въ рядахъ венгерской арміи то и дѣло происходили самоубійства, многіе полагали, что Венгрія отойдетъ къ Россіи“, и были этимъ довольны.

Въ тотъ моментъ вражда къ Австріи была такъ сильна, что венгерцы готовы были бы присоединиться къ любому народу, лишь бы ихъ не принуждали подчиняться австрійской реакціи.

„Трудно было ожидать, чтобы Австрія оказалась великодушной, говоритъ Фатѣевъ,—какъ только слухи о сдачѣ венгерской арміи подтвердились, многіе венгерцы поспѣшили исчезнуть“.

Эта симпатичная для венгерцевъ атмосфера, созданная русской арміей, до такой степени мало соотвѣтствовала тому, чего могли ожидать мятежники, что она породила въ умѣ венгерскаго народа

самые фантастическіе проекты; временами страхъ смѣнялся въ ихъ душѣ самымъ слѣпымъ довѣріемъ. Чтобы понять это состояніе духа, любопытно прочесть разговоръ, который имѣлъ въ то время Лихутинъ въ Гроссвардейнѣ съ молоденькой дочерью одного знатнаго венгерца. Она высказала ему между прочимъ, что прежде она была республиканкой, а послѣ пораженія стала роялисткой.

„Теперь я не желаю республики, сказала дѣвушка; теперь всѣ мадьяры желали бы принадлежать Россіи, великой націи, прославленной великими дѣлами“.

По словамъ Лихутина, мысль и желаніе принадлежать къ Россіи высказывались въ это время многими мадьярами.

По свидѣтельству офицеровъ, сами вожди венгерской арміи были удивлены великодушнымъ отношеніемъ къ венгерскимъ плѣннымъ. Дроздовъ передаетъ, что Гергей, въ письмѣ къ коменданту крѣпости Арадъ, генералу Дамьяничу, пославшему въ штабъ русскихъ войскъ парламентеровъ, чтобы вести переговоры о сдачѣ этой крѣпости, писалъ:

„Съ нами такъ обходятся, что мы тому удивляемся и почти того стыдимся. Ибо если бы мы были въ обратномъ положеніи, то я не могъ бы, кажется, ручаться за такое же милое великодушное обхожденіе со стороны нашихъ офицеровъ въ отношеніи къ непріятельскимъ военно-плѣннымъ“.

Лихутинъ также подтверждаетъ этотъ фактъ и присовокупляетъ, что Гергей, прощаясь съ арміей, совѣтовалъ ей поддерживать дружескія отношенія съ русскими, которые въ отношеніи ихъ были безупречны.

„И дѣйствительно, говоритъ Лихутинъ, мы всегда встрѣчали у жителей Венгріи ласковый пріемъ,—обстоятельство, доказывающее политическій тактъ, который, надо замѣтить, бываетъ не у всѣхъ народовъ“.

III.

„Послѣ всего сказаннаго, мы считаемъ возможнымъ высказать опредѣленное мнѣніе о душевномъ настроеніи русской арміи во время достопамятнаго венгерскаго похода 1849 г. Все то, что говорятъ въ своихъ запискахъ участники этого похода, даетъ право утверждать, что между монархическими взглядами Императора Николая I и душевнымъ построеніемъ русской арміи въ 1848—49 годахъ не было согласія.

Когда горячія симпатіи, которыя питали въ рядахъ нашей арміи къ венгерцамъ, оказали на побѣжденныхъ воздѣйствіе, и когда со всѣхъ сторонъ стали получаться извѣстія о томъ, что венгерскія войска и крѣпости были готовы сдаться русскимъ, но не австрійцамъ, и главный штабъ увѣдомилъ объ этомъ Императора Николая I, то Императоръ высказался въ письмѣ къ Паскевичу:

„Удовлетворить прихоти венгровъ, сдавать крѣпости однимъ намъ нахожу противнымъ разсудку и *здравой политикѣ*. Это не арміи въ полѣ, отъ упорства которыхъ война продлиться могла бы; армій не существуетъ, крѣпости рано или поздно сдаться должны, и *сдаться своему законному Государю*, а никакому другому“ [1]).

Императоръ Николай I не забывалъ ни на минуту, что русское войско было послано въ Венгрію, чтобы усмирить народъ, поднявшій знамя мятежа противъ своего законнаго монарха. Поэтому онъ внимательно слѣдилъ за тѣмъ, какія отношенія установятся между русскими и венгерцами. Онъ боялся, чтобы эти отношенія не принесли опасныхъ плодовъ для его имперіи.

„Прошу настоятельно—пишетъ Императоръ Паскевичу 7 (19) авг., получивъ отъ Главнокомандующаго извѣстіе о капитуляціи Вилагоса—чтобы не было со всей этою с. никакихъ у насъ близкихъ сношеній, ибо легко отъ этого сближенія и наша молодежь заразиться можетъ. Они бунтовщики, и намъ подло и низко съ ними сближаться. Довольно и того, что ихъ милуемъ“.

Какъ только всѣ формальности, связанныя со сдачей венгерскихъ войскъ нашей арміи, были окончены, отъ Императора немедленно было получено приказаніе вывести русскія войска изъ Венгріи и покинуть этотъ „очагъ революціи“.

Но въ то время какъ генералу Паскевичу отдавали по повелѣнію Императора, по всему пути его тріумфальнаго шествія въ Россію, царскія почести русская армія осталась, по возвращеніи на родину, подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ сознанія, что она помогла совершить большую историческую несправедливость.

Со смутнымъ чувствомъ покидали войска страну, гдѣ они стяжали побѣдные лавры и проливали свою кровь, защищая интересы Габсбургской монархіи.

„Оставляя очаровательныя долины и равнины Венгріи, пишетъ одинъ изъ участниковъ похода, мы всѣ невольно часто останавливались и смотрѣли назадъ. Наконецъ, въ послѣдній разъ мы долго

---

[1]) Письмо къ Паскевичу отъ 2 (14) августа 1899 г.

смотрѣли на отдаленную, безконечную степь, виднѣвшуюся узкою полосой между боками зеленыхъ горъ. Прощай, Венгрія, строптивая и укрощенная красавица, поприще нашихъ трудовъ и славы, будущее свѣтлое воспоминаніе нашей старости! Не даромъ полюбили тебя гунны и угры. Наша мысль будетъ часто перелетать съ нашихъ снѣжныхъ полей на твои зеленыя поля и виноградники, на твои высокія горы, покрытыя лѣсомъ и облаками, и безпредѣльныя равнины съ безоблачнымъ горячимъ небомъ. Какъ прелестная женщина, ты, можетъ быть, привлечешь еще когда-нибудь влюбленный, но роковой взглядъ завоевателей“.

В. Т.

Сто лѣтъ назадъ.

Письма И. П. Одинталя къ А. Я. Булгакову о петербургскихъ новостяхъ и слухахъ [1]).

11.

С.-Петербургъ. Февраля 2-го, 1812.

Письмо Ваше, любезнѣйшій Александръ Яковлевичъ, отъ 25-го января имѣлъ я удовольствіе получить. Благодарю Васъ за отвѣты по моимъ запросамъ. Благодарю за забавныя новости.—Итакъ, гр. Ѳедоръ Васильевичъ долженъ быть уже у насъ. Поздравляю Васъ, что Вы съ этимъ настоящимъ русскимъ бариномъ познакомились. Мы, почтовые чиновники, ни его, ни Дм. Прокофьевича [2]) по сіе время забыть не можемъ. Это благодѣтели рода человѣческаго. Отечество лишилось въ нихъ надежнѣйшихъ опоръ. Государь теряетъ, что не приближаетъ ихъ къ себѣ. Но не будемъ ли мы чѣмъ-нибудь обрадованы въ настоящій пріѣздъ гр. Растопчина? Я надѣюсь съ нимъ видѣться у Калинина [3]).

Неудачно зажигавшій себѣ мозгъ долженъ быть тотъ самый, который имѣлъ дуэль съ кн. Голицинымъ за оброненный кадансъ. Отъ него лучшаго нельзя было ожидать.

---

[1]) См. „Русская Старина“, апрѣль 1912 г.

[2]) Трощинскій. Одно время завѣдывалъ управленіемъ почтъ и удѣловъ; въ 1812 году былъ въ отставкѣ и жилъ въ Москвѣ.

[3]) Калининъ, Николай Игнатьевичъ, былъ въ то время петербургскимъ почтъ-директоромъ.

Здѣсь съ нетерпѣніемъ ожидаютъ прибытія кн. Куракина изъ Москвы. Онъ обѣщалъ унять одного пакостника. Дай Богъ, чтобы онъ сдержалъ свое слово!

Гр. Викторъ Павловичъ [1]) заступилъ, наконецъ, въ Государственномъ Совѣтѣ мѣсто гр. Завадовскаго.

Поговариваютъ теперь, что у насъ скоро будетъ новый министръ просвѣщенія, и именно Оленинъ [2]).

Ждите о мирѣ извѣстія отъ братца, а отъ меня побочныхъ свѣдѣній токмо въ то время, когда еще дѣло нейдетъ на ладъ. Турецкіе уполномоченные находятся еще однакожъ въ Бухарестѣ. Музюльмане насъ боятся: рады бы помириться, да не смѣютъ.

Я не понимаю, откуда взялся здѣсь неимовѣрный слухъ о нѣкоторомъ происшествіи между нашимъ Стакельбергомъ и фран. посломъ въ Вѣнѣ. До сихъ поръ считаю я происшествіе сіе выдумкою.—Шила въ мѣшкѣ не утаишь. Вскорѣ услышимъ или подтвержденіе, или опроверженіе.

Былъ у Лаваля [3]) во вторникъ большой праздникъ. Званныхъ было 400 особъ. Говорятъ, что угостилъ такъ, что и настоящему россійскому барину не стыдно бы было въ тотъ вечеръ занять его мѣсто.

Сколько слышу эпиграммъ на сего урода!

Хитровъ, какъ мнѣ сказывали, уже уѣхалъ въ Вѣну.—Свадьба кн. Щербатова будетъ 18-го сего мѣсяца.—Камеръ-юнкеръ Байковъ женится на какой-то пребогатой молдаванкѣ или гречанкѣ.—Изъ Вильны пишутъ мнѣ отъ 21 генваря, что тамъ дрался молодой кн. Четвертинскій съ какимъ-то полякомъ на сабляхъ. Полякъ раненъ небережно въ руку, а Четвертинскій тяжело въ голову. Поссорились въ Казино на пикникѣ за генеральшу Беннигсенъ.—Вотъ все, что могу Вамъ сей разъ сообщить.

Да! Я чай не писалъ Вамъ, что генералъ баронъ Розенъ женится на гр. Дмитрія Александровича Зубова дочери, а можетъ быть, уже женился? A ce moment arrive le courier et apporte la nouvelle, que Valence est prise par les français.

---

[1]) Кочубей.

[2]) Алексѣй Николаевичъ.

[3]) Графъ Лаваль, Иванъ Степановичъ, французскій эмигрантъ, дѣйствительный камергеръ и церемоніймейстеръ Высочайшаго Двора.

12.

С.-Петербургъ. Февраля 6-го 1812 г.

Не сравняйте меня, любезнѣйшій Александръ Яковлевичъ, съ Крюковою. Я, передавая слухи, могу впадать въ тѣ же ошибки, которыхъ причастны и тѣ, которые передаютъ мнѣ враки, бредни, сплетни или, какъ хотите назовите, неосновательныя новости. Въ моихъ послѣднихъ долженъ однако же сдѣлать одни токмо варіанты, ибо онѣ по существу своему не опровергаются, а только по локальности и персонажамъ.

Вмѣсто Вѣны прошу поставить Неаполь, вмѣсто Стакельберга кн. Долгорукова и секунданта его Бенкендорфа. Божусь вамъ, что сколь обстоятельно ни разсказываютъ здѣсь о семъ чрезвычайномъ происшествіи, я все-таки остаюсь при прежней моей погудкѣ, что cela n'est pas cela.

Сочиненные покойному фельдмаршалу гр. Каменскому стихи можно теперь возобновить для Беннигсена. Il ne faut pas parler aux Prusses, wie machtman ein Wolkfayfer. Поведи ихъ токмо хорошо, такъ докажутъ себя.

Я еще не слыхалъ о пріѣздѣ сюда гр. Растопчина. То-то будутъ пялить глаза! Чтобы, отдавъ сына въ военную службу, самъ не вступилъ въ штатскую! Дай Господи! Я, по крайней мѣрѣ, много добра ожидаю для Россіи отъ этого вельможи. Еще у васъ сидитъ въ Москвѣ одинъ умный человѣкъ. Давайте намъ его сюда въ работу!

13.

С.-Петербургъ. 9 Февраля 1812 года.

Почтовый день. Надобно писать къ любезнѣйшему Александру Яковлевичу,—И новыя газеты пришли. Зовутъ ихъ цензировать. Нужды нѣтъ! Да что же сообщить Вамъ интереснаго? Право, я самъ почти ничего не знаю, ничего не слыхалъ.—Сказать Вамъ, что 6-го числа во вторникъ былъ спландидный балъ у французскаго посла: не все ли одно, что говорить Вамъ о дурной и хорошей погодѣ? Монаршія милости велики! Заслуги нынѣ не остаются безъ награжденія. Дмитрію Александровичу Гурьеву пожаловано нѣсколько тысячъ десятинъ земли.

Всѣ здѣшніе офицеры смотрятъ марціональнѣе. Не нужно ихъ спрашивать, отъ чего?—Это видно, кто умѣетъ читать лица, какъ книги,—что русская кровь закипѣла при извѣстномъ словѣ.

14.

С.-Петербургъ. Февраля 13. 1812 года.

Такъ гр. Ѳедоръ Васильевичъ обрадуетъ насъ пріѣздомъ своимъ не прежде марта? Tous les vils intriguans ont changé de couleur dès qu'ils ont appris son apparition. Правду сказать, канальи всегда боятся честныхъ людей, да еще такихъ, которые и съ грознымъ царемъ никогда не терялись въ духѣ. Я видалъ его, Александръ Яковлевичъ, говорящимъ съ Государемъ Павломъ Петровичемъ. Однимъ словомъ—это хватъ—это мой человѣкъ!—Ежели будетъ кстати, произнесите сему многоуважаемому мною мужу мизерную мою фамилію. Онъ при хорошей своей памяти долженъ меня помнить. Я былъ имъ командированъ по важной комиссіи въ Ригу. Я имъ былъ весьма доволенъ, не менѣе того долженъ заключить изъ сего, что и онъ мною. За душу его могу, могу поручиться. Прекрасное дѣло мирить Государя съ подданными!

Вамъ было больно говорить о несчастной Каленбергъ, а мнѣ прискорбно слушать. Кто былъ родитель ея?—И Фридрихъ Второй называлъ его диктаторомъ! Я увѣренъ, что Семеновъ взбѣситъ задорную Жоржъ. Предварите обнемогающагося друга Вашего чтобы онъ не допустилъ ихъ до драки. Французская Аѳинея дерзка на руку, жретъ всякій день птичьи мозги и отъ того непомѣрно сильна. Здѣсь она доказала свою мощь надъ одною знатною дамою. Боже! и эту Перонелль не выслали за границу!—Въ Парижъ ее обратно! Тамъ ожидаютъ ее кредиторы и тюрьма.

Какова сцена была въ Астрахани!—Губернаторы съ вице-губернаторами представляютъ нынѣ атлетовъ. Генералъ Ильинъ посланъ смѣнить старшаго.—У насъ 11 числа въ началѣ 6-го часа ввечеру была молнія.—Страшенными глыбами упадаетъ съ нечищенныхъ крышъ снѣгъ. Онъ замѣняетъ тотъ, который былъ свезенъ съ улицъ.

15.

С.-Петербургъ. Февраля 16. 1812 года.

Благодарю моего принца де Линья за другое письмо отъ одного и того же числа. Оба отъ 7-го февраля.

Дѣлайте чаще такіе анахронизмы, только не лишайте поклонника талантовъ отрады, которую онъ находитъ въ Вашихъ эпистолахъ. Приложеніе стиховъ Ю. А. Нелединскаго заслуживаетъ особенную признательность къ труду Вашему. Cela prouve

beaucoup selon ma façon de penser. Спасибо вамъ, москвичамъ-патріотамъ, что вы не даете любимицы музъ, въ Россіи взлелѣянной, въ обиду иностранной шлюхѣ, которая не стоитъ лѣваго мизинца плѣнительницы моей Семеновой.

Что хотите Вы знать?—О мирѣ?—О немъ еще самъ ничего не слыхалъ.—О новыхъ налогахъ, поборахъ, пошлинахъ?—Извольте.—Я воображаю, что Вы меня назовете несноснымъ, нестерпимымъ за мои извѣщенія. Пожалуйте, будьте справедливы! Я бы самъ желалъ Вамъ описывать вѣчно очаровательность игры Семеновой, но насъ всѣхъ умѣютъ разочаровывать обстоятельства, случайные люди. Ихъ за то награждаютъ.

Prions Dieu.

На сихъ дняхъ пріѣхалъ сюда шведскій министръ.

Не удалось узнать его фамиліи: но къ чему и фамилія, когда уже извѣстно, что онъ хватъ. Cela veut dire—супостатъ.

Въ воскресенье въ придворной церкви будутъ совершены три свадьбы, въ томъ числѣ и князя Щербатова.

16.

С.-Петербургъ, февраля 20 1812 г.

Сію минуту кончилъ цензуру новыхъ газетъ. Видѣлъ съ удовольствіемъ, какъ у французовъ оттягали Ціудадъ-Рогдриго, какъ отогнали ихъ отъ Тариффы, какъ гишпанскіе инсургенты не унываютъ при всѣхъ неудачахъ. Тревожьте, тревожьте! не давайте покою тѣмъ, которые нарушаютъ спокойствіе всей Европы!

Ich veiss nicht, was ich Ihnen sagen soll vom Preussen.

Туда вступили уже войска. Отгадывайте сами, чьи. Надобно Вильгельму сказать: Je suis pour ou contre.—Кажется, что Берлинъ скоро будетъ занятъ чужестранными войсками. Кто раньше всталъ, да палку взялъ, тотъ и капралъ.—Какихъ важныхъ происшествій должно ожидать!—Пруссаки хотѣли прежде поѣсть картофелю, а потомъ уже приступать къ категорическому отвѣту. Имъ не даютъ времени. Ихъ вопрошаютъ, за нихъ и отвѣчаютъ. On joue le proverbe. И у насъ есть актеръ Фрожеръ, который препорядочно играетъ этотъ фарсъ; да чортъ ли въ фарсахъ, когда надо тягаться въ силахъ! Наступай! Налегай! Тискай! Дави! Бей и добивай!—Вотъ какъ безсмертный Суворовъ въ катехизисѣ своемъ велитъ дѣйствовать противъ стоглавой гидры.

Меня спрашиваютъ многіе: пріѣхалъ ли сюда Дюрокъ?—Да мнѣ почему знать!

На прошедшей недѣлѣ выступило отсюда нѣсколько полковъ только не гвардейскихъ. Съ ними прощались по-русски, провожали ихъ по-русски, обѣды дѣлали за нихъ по-русски.—Они будутъ дѣйствовать по русски.

Три возвѣщенныя мною свадьбы совершены въ воскресенье. Какое восхитительное время для молодыхъ, а особливо для кн. Любомірскаго!

17.

С.-Петербургъ, февраля 23 1812 г.

У насъ новостей никакихъ не слышно, или, лучше сказать,—въ моемъ лазаретномъ углу.—Здѣсь теперь отмѣчается пріѣхавшая изъ Германіи славная мимическая актриса Шицъ. Въ нѣмецкій театръ мудрено нашему брату попасть, когда она играетъ.

Давка престрашная. Платятъ по 15 р. за кресло, а по 50 за ложу. О ней мнѣ что-то много наговорили, но я, пока самъ ее не увижу, ничего Вамъ не скажу.

18.

С.-Петербургъ, февраля 27 1812 г.

Что жъ бы мнѣ Вамъ, умница мой, перекинуть отсюда изъ новостей?—Говорятъ, что Государевы походные экипажи уже отправились въ путь. Войска попеременно продолжаютъ оставлять резиденцію. Дневные для нихъ переходы назначены въ 40 верстъ. Александръ Львовичъ [1]) дѣйствительно прежде Вашего письма прикатилъ сюда какъ гонецъ, даромъ что ѣхалъ въ тяжелыхъ экипажахъ. Сегодня у него нарядный балъ. У Дмитрія Львовича [2]) на сихъ дняхъ приготовляется удивительный праздникъ.

Онъ передѣлалъ парадныя комнаты: надобно ихъ показать.

Спасибо гр. Ростопчину, что онъ ни въ чемъ не измѣняетъ тому высокому мнѣнію, которое я о немъ имѣю. Ѣзди чаще, Ѳедоръ Васильевичъ, къ Булгакову! ходатайствуй за него, за брата его!—

19.

С.-Петербургъ, марта 1-го 1812 г.

У Алекс. Львовича отмѣненъ балъ во вторникъ. Тутъ вышли обстоятельства. За то гр. Орловъ въ ту ночь продержалъ у себя

---

[1]) Нарышкинъ.

[2]) Нарышкина.

на праздникѣ гостей до 6 часовъ утра. Едва-ли не запрещены теперь подъ рукою балы. Такъ, по крайней мѣрѣ, я подъ рукою слышалъ.—Идутъ, ѣдутъ на рать.

Однѣ и тѣ же вѣсти. Я по этимъ движеніямъ крайне занятъ. Формируется полевой почтамтъ. Кто гуще смыслитъ, на томъ и выѣзжаютъ, а послѣ покажутъ шишъ.

20.

С.-Петербургъ, марта 5-го 1812 г.

Наша масленица провалила съ свистомъ, гаркомъ. Сегодня провожаемъ маскарадомъ въ двухъ мѣстахъ нѣмецкій карнавалъ. И я на старости плетусь за молодыми.

Хотя гвардіи продолжаютъ выходить, по нѣкоторымъ слухамъ однакожъ могутъ еще ихъ поворотить съ дороги. Для меня слухи десятая вода на киселѣ.

Курьеровъ нашихъ изъ Лутеціи пріѣзжаетъ множество, и чужестранныхъ не меньше. О нихъ говорятъ, какъ о добрыхъ вѣстникахъ. Я остаюсь на одномъ пунктѣ, и повторяю пословицу: мягко стелетъ, да жестко будетъ лежать.

Балы, которые здѣсь собирались давать по случаю богатыхъ и знатныхъ свадебъ, всѣ почти не состоялись. Кончились такія затѣи вечеринками безъ плясокъ. Не слыхалъ, чѣмъ замѣнилъ Дмитрій Львовичъ великолѣпный праздникъ въ новоотдѣланныхъ своихъ покояхъ. О пріуготовленіяхъ къ оному за мѣсяцъ говорили въ городѣ. Дмитрій Львовичъ болѣе другого обязанъ съ братомъ своимъ дѣлать угодное общему нашему повелителю. И нашъ министръ при fureur'ѣ своемъ къ баламъ нашелся въ необходимости обуздать себя на сей разъ. Племянница хоть и поплакала, а дядюшка представилъ таки во всей наружной формѣ царедворца. То-то, сударь, дѣтина! Я, приближаясь къ нему, всегда беру платокъ въ ротъ. Угадайте, для чего? Для него у меня дурной запахъ изо рту.

Сужу по молчанію любезнаго Максима Ѳедоровича, что бригадная формировка кругомъ отрѣзываетъ у него свободное время. Слышу, что онъ даже и къ супругѣ своей не пишетъ. Да! ужъ онъ службы не покинетъ назади. C'est un vrai militaire, je l'aime et je l'estime. Прошу лично ему кланяться съ моимъ почтеніемъ.

21.

С.-Петербургъ, марта 8 1812 г.

Говорятъ, что Лутецкій Юпитеръ въ крайности. Давай Богъ, чтобы это была не ложь!—У него-де нѣтъ денегъ!—Кабы намъ чу-

жими устами пить этотъ медъ!—Жена его поскакала въ Вѣну просить на колѣняхъ у отца пособія.—Совѣтую ей не просить ничего, а остаться у родителя своего.—Молодецъ-де тягу далъ во Франкфуртъ.

Вчерась ожидали сюда Екатерину Павловну [1]). Не знаю, изволила ли прибыть.

22.

С.-Петербургъ, марта 12 1812 г.

О гр. Ѳедорѣ Васильевичѣ уже идетъ здѣсь между угадчиками слухъ, что онъ поѣдетъ вмѣстѣ съ Государемъ къ арміи. Въ числѣ сопровождающихъ Высочайшую его Особу считаютъ между прочими и гр. фонъ-деръ Палена. Поелику Балашовъ [2]) тоже съ ними отправляется, то градоначальникомъ здѣсь, какъ говорятъ, останется Вязмитиновъ [3]). Въ будущую субботу походъ отсюда войскъ заключится кавалергардами. Судя по хорошему состоянію зимняго пути, должно думать, что Государь не поспѣшитъ отъѣздомъ своимъ.

Снѣгу до Вильны выпало много, и морозы по утрамъ простираются до 15-ти градусовъ.

Man spricht hier immer fort, dass es nicht zum Hauen kommen wird. Ja, du, lieber Gott! wer kann hier genug klug sein, wie nicht durch das allerlei Gerede in Verwirrung zu gerathen? Also viel Lärmen und Nichts.

Какъ мастерски отдѣлалъ гр. Ростопчинъ Стройновскаго! [4]) Для меня теперь возраженіе сіе переписывается. Вы мнѣ о немъ ни разу не упоминали: развѣ Вы его не читали? У насъ здѣсь ходитъ по рукамъ и другое —Лѣнивцова: но это брань, и брань вздорная, скучная, несносная. Онъ, впрочемъ и самъ теперь это чувствуетъ, и желалъ бы лучше не писать его.

Письмо кн. Козловскому доставлено.

23.

С.-Петербургъ, марта 15 1812 г.

Que voulez vous, que je vous communique d'içi?—Les préparatifs sont à la guerre, les bruits à la paix. Узелъ хотятъ те-

---

[1]) Великую Княгиню.

[2]) Александръ Дмитріевичъ, военный губернаторъ Петербурга и министръ полиціи.

[3]) Сергѣй Козьмичъ, с.-петербургскій главнокомандующій.

[4]) Валеріанъ Венедиктовичъ, авторъ сочиненія „О условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами“. Вильна 1809 г.

перь развязывать раздѣломъ Пруссіи. На сіе потребна вѣра, коей я не имѣю. Il y va à qui réussira à tricher l'autre. Я занимаюсь только финальностію. Имброглiо чудесное. Всякая проницательность о него притупляется.—Я имѣю самыя свѣжія письма изъ Вильны. Въ тамошнемъ краю все подружейное въ движеніи.—О гр. Ѳедорѣ Васильевичѣ еще ничего достовѣрнаго не узнаю.—Гр. Кочубей отправится съ Государемъ докладывать по части Государственнаго Совѣта.—Полковъ теперь здѣсь осталось столько, что и считать ихъ нельзя.

Конная гвардія выступаетъ, какъ мнѣ сказывали, сегодня. Кавалергардамъ, стало быть, достанется идти уже на будущей недѣлѣ.

24.

С.-Петербургъ, марта 19 1812 г.

О гр. Ѳедорѣ Васильевичѣ идутъ здѣсь разные выгодные для него слухи, и хотя положительнаго еще ничего не знаю, но достовѣрнымъ мнѣ кажется то, что въ Москву его назадъ не пустятъ. Ему приписываютъ о сю пору большое вліяніе на чрезвычайную перемѣну, которая послѣдовала въ теченіе вчерашнихъ сутокъ. Въ 3 часа по полуночи помчали куда-то статсъ-секретаря Магницкаго [1]), а въ 4 часа по полудни повезли также въ надежное мѣсто страшнаго моего антагониста—Сперанскаго [2]). Къ Трощинскому писалъ я ровно за два года то, что теперь рѣшились токмо вывести наружу. Еще много осталось здѣсь изверговъ ихъ шайки. Худо сдѣлаютъ, ежели и ихъ не заберутъ.—Служившій у министра полиціи по особенной части нѣкто Дезангленъ [3]) взятъ въ статсъ-секретари. Онъ какъ неблагодарный человѣкъ разстался съ Балашовымъ. Я почитаю нравственность его не лучше Сперанской. Большія вышли денежныя награды. Гр. Кочубей получилъ 100 тысячъ рублей; Козодавлевъ 90 т., Тючкову 50 тысячъ, а тамъ еще другимъ военнымъ, и въ томъ числѣ барону Розену, который, кажется, недавно женился на графинѣ Зубовой.—Сегодня отъѣзжаетъ Цесаревичъ, которому выдано 150 тысячъ.—День Государева отъѣзда назначенъ 27 марта.—На границахъ прусскихъ и герцогства Варшавскаго составлено три арміи.

---

[1]) Михаилъ Леонтьевичъ, впослѣдствіи попечитель Казанскаго учебнаго округа.

[2]) Гр. Михаилъ Михайловичъ, государственный секретарь.

[3]) Де-Сангленъ, Яковъ Ивановичъ, начальникъ тайной полиціи.

Главнокомандующіе суть: гр. Кутузовъ, кн. Багратіонъ и Барклай-де-Толли. Главное начальство надъ молдавскою арміею поручено генералу Дохтурову.—Послѣдніе кавалергарды выступили отсюда 17-го числа. Теперь не осталось намъ провожать никакихъ полковъ.—Сегодня отпѣваютъ въ Невскомъ монастырѣ князя Василія Васильевича Долгорукова, коего тѣло повезутъ послѣ великолѣпной церемоніи въ деревню.

Важное наше событіе произвело здѣсь сильное ощущеніе. Что-то еще откроется по бумагамъ, которыя забраны и разсматриваются? Кого-то еще поддѣнутъ за добрый промыселъ? Не знаю, куда дѣвалъ Сперанскій деньги свои и гдѣ онѣ пласированы, но по моимъ соображеніямъ у него должны быть милліоны. Ежели хорошенько примутся, такъ много найдутъ прихвостниковъ у бывшаго государственнаго секретаря!—Боже! какъ я коротко этого человѣка зналъ, когда еще онъ былъ въ Невской академіи префектомъ и партикулярнымъ секретаремъ и учителемъ у князя Алексѣя Борисовича [1]). Не понимаю, что въ немъ нашли отмѣннаго, кромѣ езуитства, котораго онъ впрочемъ отъ разборчивыхъ глазъ скрывать не умѣлъ. Помудрилъ же онъ на свой пай! Едва, едва не утопилъ онъ насъ всѣхъ!

Что онъ дѣлалъ съ дворянскимъ сословіемъ! Какихъ людей съ адскимъ намѣреніемъ ввелъ онъ въ правительствующіе члены!—Wass die grossen Vorbereitungen anbetrifft; so will man noch durchaus wiessen dass diese Keinen Krigerischen Zweck haben. Es soll den armen Preussen aufs Tell gehen.

Наполеонъ ѣдетъ съ супругою въ Варшаву, а австрійскій императоръ въ Дрезденъ. Это напечатано въ берлинскихъ газетахъ.

25.

С.-Петербургъ, марта 23. 1812.

Меня утащили по утру въ четвертокъ въ Кронштадтъ, съ тѣмъ чтобъ въ ночь возвратиться; но планы наши испровергнуты. Насъ едва выпустили добрые пріятели нынѣшнимъ утромъ. Я прогулялъ чрезъ то вчерашнюю легкую почту въ Москву. Какая досада!—Засталъ у себя на столѣ посланіе любезнѣйшаго Александра Яковлевича.

Сейчасъ имѣлъ двухъ посѣтителей, но отъ нихъ ничего путнаго не могъ отобрать. Говорятъ, что Сперанскаго дочь умерла, что у него найдено въ потаенныхъ ящикахъ 400 тысячъ червонныхъ,

[1]) Куракина.

что за Трощинскимъ, графами Панинымъ и Марковымъ посланы курьеры, что многихъ сообщниковъ посадили еще въ крѣпость etc. etc.; но за достовѣрность всѣхъ сихъ слуховъ Вамъ не ручаюсь.

Флигель-адъютантъ и полковникъ Воейковъ за похищеніе важныхъ бумагъ въ тотъ же день сосланъ, какъ и Кутейникъ [1]) съ другомъ своимъ. C'est une mer à boire, que les bruits du jour.

О гр. Ростопчинѣ говорятъ сто различными манерами, всякая дѣлаетъ ему однако же честь.

Разноглаголаній нѣсть конца.—До дипломата Жерве [2]), ежели еще не добрались, то, нѣтъ сомнѣнія, что доберутся. Онъ былъ закадычный другъ Сперанскаго. Ожидаемъ большихъ перемѣнъ въ правительствѣ, и надобно думать, что онѣ послѣдуютъ до Высочайшаго отъѣзда, который наипозднѣе назначенъ 29-го марта. Барклай-де-Толли [3]) уже отправился къ ввѣренной ему арміи.—Денежныя награды статскимъ особамъ, о которыхъ я писалъ Вамъ, сказываютъ, пріостановлены, ибо за нашего Капристрангулатора ходатайствовалъ Кутейникъ. Князю Багратіону [4]) и прочимъ военнымъ денежныя вспоможенія тотчасъ состоялись, Кутейникъ здѣсь въ крѣпости, дочь его не умерла. Иные увѣряютъ, что она съ бабкою поѣхала въ Нижній-Новгородъ.

Не далъ-ли хитрякъ заблаговременно комиссіи увидѣться съ эмиссаромъ своимъ Фесслеромъ [5]), котораго опредѣлилъ онъ къ Злобину? Это шельма иллюминатъ, котораго привезъ онъ изъ Эрфурта. На каретѣ былъ у измѣнника девизъ: *„je l'atteindrai pour sûr“*, это говоритъ стрѣла, летящая къ цѣли. Далеко мѣтилъ злодѣй. Нѣтъ сомнѣнія, что шайка его велика. И у васъ въ Москвѣ найдется довольно изверговъ. Теперь всякому ясно, почему дозволили печа-

---

[1]) Т. е. Сперанскій.

[2]) Жерве, Андрей Андреевичъ, д. ст. сов., управлялъ дѣлами заграничныхъ миссій и завѣдывалъ экспедиціей дешифровки депешъ.

[3]) Кн. Барклай-де-Толли, Михаилъ Богдановичъ, военный министръ, главнокомандующій I-й Западной арміей.

[4]) Кн. Багратіонъ, Петръ Ивановичъ, главнокомандующій II-й Западной арміей.

[5]) Фесслеръ, Игнатій-Аврелій, по происхожденію эльзасецъ. Род. въ маѣ 1756, † въ декабрѣ 1839 г. въ Петербургѣ, орд. профессоръ Львовскаго университета, докторъ богословія и масонъ. Въ 1810 г., по приглашенію Сперанскаго занялъ каѳедру еврейскаго языка въ СПБ. Духовной академіи, а потомъ философіи, гдѣ пробылъ 5 мѣсяцевъ, былъ зачисленъ корреспондентомъ въ комиссіи составленія законовъ по части уголовнаго права. Жилъ сначала въ Саратовѣ, потомъ въ Сарептѣ. Въ 1826 г. былъ вызванъ въ Петербургъ, гдѣ и остался жить.

тать Стройновскимъ революціонныя книги, переводить Котеньшинъ романъ о Пугачевѣ. Et qui n'a pas vu de nous dans les actes du g... l'intention infernal du scélérat! Намъ не совѣтовали о томъ и заикаться. Насъ намѣревались уходить. И Капристрангулярный человѣкъ былъ на насъ напущенъ яко на сумасшедшихъ, и врачъ разстраивалъ здоровье наше по возстановленіи извѣстныхъ ложъ. Неужели ихъ не уничтожатъ! Будетъ бѣда!

О Трощинскомъ продолжаютъ говорить, что его вызываютъ, но я достовѣрно еще до сихъ поръ не знаю, рѣшенъ ли этотъ вопросъ.

Полагаю, что для гр. Ѳедора Васильевича приготовляется что-нибудь важное.—На сихъ дняхъ Государь долженъ отправиться въ путь. Вчерась говорили даже, что, можетъ быть, по обстоятельствамъ поѣдетъ и сегодня.—Пестель [1]) ходилъ нѣсколько дней съ завязанною головою и тужилъ, что ему нельзя было ѣхать на аудіенцію во дворецъ. Присутствіе гр. Ѳедора Васильевича для него очень непріятно. Онъ что-то для себя приготовлялъ.—На прошедшей недѣлѣ Монархъ изволилъ удостоить своего посѣщенія фельдмаршала гр. Салтыкова [2]). Изъ этого выводятъ, что ему поручено въ отсутствіе Государя какое-нибудь главное управленіе.—Ни на кого еще не могъ напасть, который бы обѣщалъ мнѣ доставить Лѣнивцево возраженіе. Меня нѣкоторые увѣряли, что два или три рукописные экземпляра, имъ друзьямъ своимъ данные, опять имъ же отобраны при появленіи по сему предмету сочиненія гр. Ростопчина. Эдакій отзывъ меня однакожъ не остановитъ. Я буду домогаться всячески удовлетворить желанію Александра Яковлевича.

Вотъ каковъ Вашъ корреспондентъ, что въ самое изобилующее новостями время онъ менѣе ихъ Вамъ сообщаетъ, нежели когда мало ихъ знаетъ. Мимоходомъ столько ихъ слышалъ и столь между собою несогласующихся, что благоразумнѣйшимъ почитаетъ ожидать дальнѣйшаго вскрытія. Одни дипломата Жерве видятъ всякій день прогуливающимся по бульварамъ, а другіе разсказываютъ о трагическомъ его прощаніи съ его семействомъ. Кажется, вѣрнѣе то, что онъ и Кавелинъ [3]) живутъ до сихъ поръ въ прежнихъ своихъ квартирахъ.

---

[1]) Пестель, Иванъ Борисовичъ, р. 1765 † 1843. Съ 1806 г. былъ сибирскимъ генералъ-губернаторомъ, но съ 1809 г. управлялъ Сибирью заочно, живя въ Петербургѣ.

[2]) Кн. Салтыковъ, Николай Ивановичъ, р. 1736 † 1816 г., воспитатель Государя Александра Павловича, фельдмаршалъ.

[3]) Кавелинъ, Дмитрій Александровичъ, р. 1780 † 1851 г., былъ директоромъ медицинскаго департамента министерства полиціи.

Государственный канцлеръ [1]) очень не веселъ: не ходитъ болѣе и прогуливаться, какъ мнѣ сказывали.

Валилъ черезъ пень колоду. Ожидаю каждую минуту иностранной почты.

27.

С.-Петербургъ, марта 29. 1812.

Графъ Ѳедоръ Васильевичъ уже теперь у Васъ въ Москвѣ. Можетъ быть, отъ него любезнѣйшій мой Александръ Яковлевичъ болѣе узнаетъ, нежели что я ему въ нынѣшней бесѣдѣ сказать могу.

Въ среду взяли еще дѣйствительнаго статскаго совѣтника Бека который находился въ иностранной коллегіи. Въ тотъ же день удаленъ отъ должности и Жерве. Его мѣсто заступилъ знакомецъ Вашъ князь Козловскій.—Графъ Николай Ивановичъ Салтыковъ сдѣланъ, кажется, въ Высочайшее отсутствіе президентомъ Совѣта.

Военнымъ губернаторомъ назначенъ Вязмитиновъ [2]). Онъ же будетъ завѣдовать до возвращенія Балашова и полицейскую часть.

Пестелю, какъ мнѣ сказывали, велѣно наконецъ ѣхать отсюда въ свои губерніи. Хотя по его доказательствамъ побывавшіе въ Сибири и за семь тысячъ верстъ видятъ такъ же хорошо, какъ мы съ Вами на разстояніи полуаршина можемъ читать Сѣверную Почту, однакожъ уѣхавшій къ Вамъ патріотъ [3]) успѣлъ опровергнуть таковые его доводы. Онъ во многомъ исполнилъ желаніе цѣлой Россіи. Она ожидаетъ его въ маѣ на дѣйствительную службу.—Вы уже вѣрно читали манифестъ о рекрутскомъ наборѣ.

О содержаніи его мнѣ говорить Вамъ нечего, но, можетъ быть, захотите знать, кто его сочинялъ?—Такъ это Александръ Семеновичъ Шишковъ [4]).—Nouvelle preuve, что можно быть изрядным литераторомъ, но не годиться для составленія манифестовъ.

Лѣнивцово возраженіе я уже досталъ для Васъ, остается его только переписать. Оно однако же не въ томъ болѣе видѣ, въ каковомъ видѣлъ я его прежде. Многія мѣста умягчены, а иныя и совсѣмъ выброшены.—Государь, по словамъ достовѣрнѣйшихъ, изволитъ отправиться въ путь 2-го апрѣля.

---

[1]) Гр. Николай Петровичъ Румянцовъ.

[2]) Вязмитиновъ, Сергѣй Козьмичъ, генералъ-отъ-инфантеріи.

[3]) Гр. Ѳедоръ Васильевичъ Ростопчинъ.

[4]) Государственный секретарь послѣ Сперанскаго; генералъ-адъютантъ, адмиралъ, президентъ Россійской академіи и министръ народнаго просвѣщенія.

Гр. Кочубей и Козодавлевъ освобождены отъ казенныхъ долговъ. Первому простили 100, а послѣднему 96 тысячъ. Это та самая награда, о которой я Вамъ уже писалъ.—Комиссія, которая составлена изъ Вязмитинова, кн. Голицына, Балашова и Молчанова [1]) для изслѣдованія Сперанскаго шашней, собирается въ собственномъ его домѣ.—Дочь измѣнника дѣйствительно съ бабкою своею Стефенсъ [2]) уѣхала въ Нижній-Новгородъ. Отправилась также къ мужу и Магницкая, но куда именно, того не знаю. Милосердіе Монарха ознаменовало надъ сею несчастною выдачею ей трехъ тысячъ рублей.—Что-то вымотаютъ теперь изъ хитраго Бека? Это креатура графа фонъ-деръ-Палена, у котораго онъ былъ учителемъ. Все учители! Змѣевъ, Сперанскій, Бекъ.

Отъ Дмитрія Прокофьевича [3]) получилъ третьяго дня письмо отъ 13-го марта изъ Кіева. Онъ здоровъ: стало быть, ежели его потребуютъ, онъ можетъ ѣхать. Здѣсь не перестаютъ говорить, что за нимъ послали. Мы радуемся, что добраго графа Головина опредѣлили хотя ко двору. Да воскресаетъ коренная знать!—Nun habe ich mein Wortwefflicher Bulgacoff, meinen Sack ausgeleert. До послѣдняго зернышка все изъ него вытряхнулъ для Васъ. Я всегда такъ поступалъ съ покойнымъ Яковомъ Ивановичемъ [4]), могу ли быть не откровеннымъ и предъ достойнѣйшимъ его сыномъ. Смотрите! Ежели гр. Ростопчинъ пособитъ Вамъ теперь скорѣе кончить Вашъ процессъ, такъ обязываемъ Васъ тотчасъ вступить въ такую службу, гдѣ бы таланты Ваши для отечества не пропадали.

28.

С.-Петерб. Апрѣля 2. 1812 г.

Нынѣшній день назначенъ для Высочайшаго отъѣзда. Вчерась за болѣзненными моими припадками, за ненастною погодою нигдѣ не былъ, никого не видалъ. Посему точно и не могу сказать, послѣдуетъ ли по назначенію путешествіе: но кажется, по состоянію дорогъ отлагать его долѣе невозможно.—Слышу, что Бекъ оправдался и пользуется опять свободою.

Истинные патріоты начинаютъ тревожиться, чтобъ и всѣ преступники не успѣли себя очистить. Правду сказать, какъ идутъ теперь дѣла, то ничему удивляться не должно. Quel menagement

---

[1]) Молчановъ, Петръ Степановичъ, съ 1868 г. управляющій дѣлами комитета министровъ.

[2]) Теща Сперанскаго.

[3]) Трощинскаго.

[4]) Булгаковымъ, отцомъ Александра Яковлевича.

y-a-t-il a faire avec des traitres? On compromettroit de la sorte la sureté publique.—И Пестель остается здѣсь въ какомъ-то комитетѣ членомъ наравнѣ съ министрами. Зная этого человѣка вдоль и поперекъ, я не могу удерживаться отъ вздоховъ. Чего ожидать отъ лазутчиковъ, кромѣ эгоизма? Общее благосостояніе приносится въ жертву наушничества. И его поддерживаютъ кн. Лопухинъ и Чичаговъ.

Какъ прикажете разумѣть покровителей? On les reconnoit d'après leurs protegés. Es ist unmöglich seinen Unwillen darüber zu aussern.

Боже! спаси Россію.

Съ Лѣнивцовымъ возраженіемъ я еще вожусь, любезнѣйшій Александръ Яковлевичъ. Не могъ найти порядочнаго писца въ нашемъ департаментѣ свободнымъ. Подождите, самъ какъ-нибудь управлюсь. Вы мнѣ повѣрите, что я не празденъ; а то бы охотно посвятилъ вамъ цѣлое утро для сей потребы.

Жерве ни въ чемъ до сихъ поръ уличить не могли, и для того при удаленіи отъ прежней его должности оставленъ онъ въ коллегіи съ сохраненіемъ стараго оклада, который со всѣми эмолюментами хватаетъ за 10-ть тысячъ рублей. По подозрѣніямъ невинныхъ не удаляютъ отъ должностей, а преступниковъ не оставляютъ безъ соразмѣрнаго наказанія. Vous voyez, que tout est encore enigmatique.

Гр. Александру Николаевичу Салтыкову [1]) поручено управленіе иностраннымъ департаментомъ во время Высочайшаго отсутствія. Нѣкоторые хотятъ знать, что гр. Ник. Петр. Румянцовъ ѣдетъ въ Москву. Изволь теперь токмо растопыривать уши, чтобъ впускать въ нихъ разноглаголанія. Здравый разсудокъ для разбора настоящихъ обстоятельствъ совершенно безполезенъ.

Вы недавно обнаружили мнѣ свое мнѣніе о нашемъ Лафонтенѣ, а я вчерась получилъ изъ Вильны отъ истиннаго мнѣ друга слѣдующіе стихи, рожденные въ немъ чувствованіями подобными Вашимъ.

Когда еще на той
Ты не былъ степени высокой,
На кою Царскою взведенъ теперь рукой,
Твой умъ, нашъ Лафонтенъ, обширный и глубокій,
И кисть пріятная и вольная твоя,
Какъ бы предчувствіе какое-то тая,
Въ двухъ пастухахъ примѣръ царямъ нарисовала [2]),

[1]) Кн. Салтыковъ, Александръ Николаевичъ, р. 1775 † 1837 г., тайный совѣтникъ гофмейстеръ, членъ Государственнаго Совѣта, сенаторъ.

[2]) Царь и два пастуха, г—на Дмитріева.

Тамъ! правду баснь твоя сказала:
Спокойство стада, пастуховъ,
Зависитъ все отъ *добрыхъ* псовъ;
Ихъ выборъ къ общему даетъ блаженству знаки:
Такъ будь же *добръ* и ты, когда попалъ въ собаки.

29.

С.-Петербургъ, апрѣля 5. 1812.

Отзывъ вашъ о Кутейникѣ почитаю я гласомъ Москвы, слѣдовательно, и цѣлой Россіи. Бѣда той землѣ, гдѣ иначе подобныхъ ему людей разумѣютъ. Я начинаю по нѣкоторымъ слухамъ страшиться, чтобы волку опять не поручили стеречь стада. Вообще можно сказать, что мы находимся въ Strudel-ѣ. Есть люди, которые хотятъ насъ изъ него вытащить, но, кажется, тщетно. Монархъ еще съ нами, и теперь уже неизвѣстно, когда намѣревается онъ и ѣхать. Я былъ вчера въ такомъ домѣ, гдѣ обѣдалъ Чичаговъ [1]). И онъ ничего положительнаго о Высочайшемъ отъѣздѣ не знаетъ.

Здѣсь разные слухи бродятъ о преображенскомъ полковникѣ Дризенѣ. Ежели онъ лишился жизни на поединкѣ, то легче бы было дижерировать, нежели смерти его приписывать неповиновеніе рядовыхъ. Его уже и до похода называли бѣльмомъ на глазу. Это сынъ курляндца, измѣнившаго отечеству своему. Хорошаго плода отъ худаго дерева ожидать нельзя.

Вы какъ будто въ конкурренцію пускаетесь съ Сѣв. Почтою. Въ то самое время, какъ Вы сообщили мнѣ происшествіе съ мальчикомъ при водвореніи статуи въ Благородномъ вашемъ собраніи безсмертной Монархини,

Которая бъ и въ низкой долѣ
И не на царскомъ бы престолѣ,
Была великою женой,

и этотъ эфемерный листъ поѣхалъ въ болото за сѣномъ, когда Вы скосили его на ароматныхъ лугахъ. Ich sage noch einmal, wir sind im Strudel.

Вчерась у главнаго редактора сей постыдной для Россіи эмблемы было ввечеру большое собраніе. Онъ былъ именинникъ. Меня,

---

[1]) Чичаговъ, Павелъ Васильевичъ, р. 1767 † 1849 г., извѣстный адмиралъ, бывшій морской министръ, членъ Государственнаго Совѣта, пользовавшійся большимъ довѣріемъ и расположеніемъ Императора Александра I.

возвращавшагося домой мимо шумнаго его подъзда, чуть было не задавили какъ козу. — Промѣняли мы кукушекъ на ястребовъ. Чѣмъ-то вся настоящая фантасмагорія кончится! Худо всѣмъ намъ будетъ, ежели ей не сдѣлаютъ скоро конца. Autrement tout sera mis sens dessus dessous. Вотъ гдѣ очевиденъ адскій умыселъ Кутейника! Это все его креатуры. — Да! Дезангленъ сдѣланъ какимъ-то главнымъ директоромъ по особенной части при арміяхъ. Er wird über Todt und Leben ausshrechen. Спаси, Господи, люди твоя! So gehen die Sachen!—Que fait le patriote R...? Ah! Dieu! je tremble qu'il ne nous ait abandonné pour toujours. Не махнулъ ли онъ руками и не поѣхалъ ли удалиться отъ нечестивыхъ? То-то видѣлъ онъ бурду! Ахта! ахти! Je vous embrasse.

30.

С.-Петербургъ, апрѣля 9. 1812.

Оба приложенія отъ 1 апрѣля немедленно черезъ нарочнаго доставлены по надписи. Послѣ оговорки вашей, ловкій Александръ Яковлевичъ, на счетъ обманчиваго числа стоило бы прямому Оденталю что-нибудь сказать о той мистификаціи, которую хотите Вы выдать за подлинное мнѣніе Ваше. Царь Отецъ, отецъ Царь, Надежа-Государь, и въ какомъ бы отношеніи къ подданнымъ своимъ мы Его ни взяли, онъ все земной Саваоѳъ. Соотвѣтственно понятію сему и должно Его изображать, приличныя сану Его влагать въ уста и словеса.

Ne me taxez pas de pédanterie. Que j'en suis loin! Не дѣепричастіями, отъ которыхъ, дѣйствительно, пошелъ смрадъ, осрамлю я себя въ сравненіяхъ: нужно только взять манифестъ на учрежденіе 20-ти лѣтняго банка: „Двадцать пятое лѣто любезный намъ народъ, Россія, господствуемъ Мы надъ тобою etc.“—чтобы имѣть идею о языкѣ царей земныхъ, а я еще служилъ у Безбородки.

Вотъ бы вышло большое вычисленіе манифестамъ, на которые я мѣчу! Да что говорить о вещахъ, до насъ не касающихся, que par bricole. Вы мнѣ сообщили, надѣюсь, не мистификацію, когда говорите, что убѣдились представленіями друзей Вашихъ вступить въ службу. Я восхищенъ до третьяго неба симъ извѣстіемъ. За что же при семъ радостномъ возвѣщеніи сдѣлали Вы Дмитрія Прокофьевича затворникомъ, схимникомъ? Cela m'a fait à coté de la joie de la peine. Одинъ патріотъ развѣ не захочетъ себѣ въ помощь взять другихъ патріотовъ? Пусть дѣлаютъ, творятъ, мудрятъ, что хотятъ, или что удастся, намъ, мизернымъ людямъ, да позволено будетъ по крайней мѣрѣ воздыхать. Ай, ай, воздыхать по

неволѣ. Какъ можешь догадываться. Мнѣ-то надобно теперь, любезнѣйшій Александръ Яковлевичъ, помышлять о уединенной жизни, буде, какъ Вы, вѣрно, лучше меня знаете, Дмитрій Прокофьевичъ дѣйствительно ужъ затворникъ.

Изъ Вильны не получилъ я некрологическаго возвѣщенія о Стройновскомъ. Да полно правда ли, что онъ умеръ? Здѣсь пять разъ принимались его морить, а онъ еще все живъ съ водяною въ груди. Черезъ десять дней буду имѣть подтвержденіе или опроверженіе отъ самаго достовѣрнаго человѣка.

Выставленныя для Государя лошади распущены съ прошлаго четверга, и до сихъ поръ нѣтъ о новой выставкѣ никакого приказанія, да и вообще говорятъ, что Государь поѣдетъ уже послѣ Пасхи.

Оберъ-гофмейстеръ Кошелевъ отставленъ. Не знаю, какъ это случилось. Celui, qui ne cesse de repéter le mot la base, ne pouvait pas sans *base* demander ou obtenir son congé.

Въ Вильну уже пріѣхалъ 30-го марта Барклай-де-Толли. Онъ и нашею почтою не доволенъ и тѣми войсками, которыя уже видѣлъ. Въ то же время подоспѣлъ туда изъ Бухареста и віолончелистъ Ромбергъ. Я сего виртуоза считаю главнымъ инспекторомъ всѣхъ нашихъ армій. 26-го числа сего мѣсяца онъ долженъ дать здѣсь концертъ. Вѣрно будетъ играть дуэтъ съ Лористономъ въ его отелѣ. Сюда пріѣхалъ въ субботу англійскій курьеръ. Сахаръ уже подешевѣлъ, и сукна должны, какъ меня увѣряютъ, весьма скоро упасть въ цѣнѣ.

Какой-то нашъ гонецъ удивительно скоро совершилъ путь свой изъ Стокгольма, черезъ Торнео сюда съ важными депешами. Сей разъ только и всего. Дожидайтесь пятничной почты.

31.

С.-Петербургъ, апрѣля 12. 1812.

Около 9 дней перевожу и изготовляю бумаги для апелляціи въ Сенатъ одному моему курляндскому знакомому, у котораго герцогъ Александръ Виртембергскій отнимаетъ 40 т. талеровъ.

Нельзя ли мнѣ достать копію съ возраженія гр. Ѳедора Васильевича? Можетъ быть, я читалъ изуродованную.

Оленина чуть было не хватилъ параличъ, когда узналъ о новомъ званіи Шишкова. Сего послѣдняго я знаю столь же хорошо, какъ и перваго.

Одинъ—самыхъ честнѣйшихъ правилъ, а другой далеко умнѣе, ученѣе, дѣятельнѣе и имѣетъ лучшее перо.

Графиня Головкина, урожденная Нарышкина, 11 день въ жестокой плёрези. Еще вчерашній день она не была внѣ опасности.

Разные министры собираются отсюда ѣхать.

Wir werden bald vie gange Sizzschaft nicht mehr sehen. Кажется, намъ будетъ легче.

Отчего-то велѣно раздавать 2 милліона порцій румфордова супу?—Отвратятъ ли таковымъ пособіемъ мятежъ 2-хъ милліоновъ голодныхъ, разоренныхъ войною, доведенныхъ до отчаянія?

Сто когортъ вездѣ ли успѣютъ отсѣкать головы гидрамъ мятежа? Чтобы не заняли токмо опять слишкомъ извнѣ ярую неистовую націю, когда дойдетъ дѣло до междоусобій!

Вмѣсто того, дабы рѣзаться между собою, они кинутся давить душить, грабить другихъ.

Серебро хотя пошло на сихъ дняхъ въ гору, надѣются однакожъ скоро пониженія и дешевизны на иностранные товары и продукты. Въ Вильнѣ 3 апрѣля давали 18 р. сер. за сто рублей ассиг., и мѣдный пятакъ стоилъ только 1 коп. серебромъ.

Начала и у насъ весна показывать свой носъ.

Бекъ еще содержится. Неправду сказали, что онъ оправдался.

32.

С.-Петербургъ. Апрѣля 16. 1812 г.

Бѣдны мы теперь безъ земного нашего Владыки новостями. Слышалъ токмо, какъ уже и между знати начинаютъ многіе заступаться за Кутейника. Cela me revolte. Они въ душѣ его ненавидятъ, но надобно къ чему-нибудь придираться, находить пятна въ людяхъ, къ коихъ партіи они пристать не надѣются. Я вижу приготовленіе безсмѣтныхъ крамолъ.

Нашли же моментъ производить оныя въ дѣйство!

Je gemis en voyant, en apprenant toutes les machinations sourdes. Россіяне! берите примѣръ съ англичанъ! Какія бы личности между собою они ни имѣли, но когда дѣло идетъ о пользѣ отечественной, то всякое другое чувство передъ нею молчитъ. Воздвигните тому монументъ, кто низвергъ Кутейника! Онъ спасъ васъ всѣхъ, цѣлую Россію! Вы твердите: да не было явной измѣны, онъ ни въ чемъ не уличенъ.—Прочтите же всѣ его акты. Что Вы въ нихъ найдете? Окиньте глазомъ тѣхъ, которыхъ онъ токмо допускалъ къ участію въ правленіи.

Гр. Румянцевъ вскорѣ уѣхалъ за Государемъ; послѣ него и супругъ Екатерины Павловны. О прочихъ отъѣхавшихъ или отъѣзжающихъ не удалось слышать.

Говорятъ, что изъ Финляндіи пишутъ, что наши войска въ соединеніи съ шведскими будутъ подъ начальствомъ Бернадота. Какъ прикажете сіе принять? Я готовъ всему вѣрить, ежели того потребуютъ.

Главнокомандующій Барклай-де-Толли издалъ уже въ Вильнѣ прокламацію. Едва-ли не будетъ она напечатана въ завтрашней Сѣв. Почтѣ.

Это къ войскамъ, а то есть бумага и къ Литовскому дворянскому сословію въ разсужденіи замедленія въ поставкѣ для арміи хлѣба, который долженствовалъ замѣнить прощенную ему недоимку по другимъ сборамъ.

33.

С.-Петербургъ, апрѣля 19-го. 1812.

Наша Нева исподтишка вскрылась 16 числа въ исходѣ второго часа по полудни. О семъ и Сѣв. Почта краснорѣчиво уже возвѣстила въ прошедшую среду. Итальянецъ содрогнется въ Неаполѣ, когда прочтетъ, что величественная рѣка сія полгода находится въ ледяныхъ оковахъ. Надобно быть дѣйствительно сѣвернымъ жителемъ, чтобы безъ непріятнаго ощущенія представлять себѣ такое продолженіе Бореева дыханія.

Гр. Аракчеевъ, Кочубей, Чичаговъ уже уѣхали.

Сегодня отправляется и Балашовъ. Кажется, болѣе назначенныхъ къ Высочайшей Особѣ чиновъ изъ здѣшней резиденціи и ѣхать некому.

Улицы у насъ почти всѣ очистились отъ льду.

Ежели сверху не будетъ падать влаги, и атмосфера не подвергнется холоднымъ вѣтрамъ, то мы можемъ считать на сухую и теплую Пасху.

Качелей, лѣтнихъ горъ, лубочныхъ театровъ строятъ на Исаакіевской площади безъ недостатку. Черному народу приготовляется порядочная оказія спустить тяжело заработанныя денежки. И я, грѣшный, при хорошей погодѣ для дѣтей собираюсь туда же тащиться.

Я думаю, что и Александръ Яковлевичъ хотя однажды махнетъ подъ Новинское. Простите до вторника. Можетъ быть, тогда удастся Вамъ сообщить Виленскихъ новостей. До сей минуты не имѣю еще свѣжихъ оттуда писемъ. Послѣднія отъ 7-го апрѣля.

34.

С.-Петербургъ, апрѣля 23. 1812.

Хвостъ обличаетъ Державина въ неправильности утвержденія: „Глава не ждетъ отъ ногъ ума“.

Подлинно хвостъ будетъ теперь начальствовать надъ головою. Но, можетъ быть, что все поправится тѣмъ, что хвостъ покорится головѣ. Этого по крайней мѣрѣ желать должно для общей пользы.

Вы здраво судите, любезнѣйшій Александръ Яковлевичъ, о произведеніи Магницкаго. Не токмо ни противъ одного пункта мнѣнія Вашего спорить не буду, но даже всѣ подмахну крупными словами: *Основательнѣе ничего сказать не можно.* Есть еще здѣсь другая пьеса, данная руководствомъ извѣстному комитету по случаю отбытія того, съ кѣмъ Вы имѣете счастье носить одинаковое имя. Il faut être la cause d'un mal pour l'appréhender.

Имѣю изъ Вильны извѣстія. Государь изволилъ туда прибыть въ вербное воскресенье въ два часа по полудни, точно какъ Христосъ въ Іерусалимъ. Его между прочими встрѣчали и дѣти еврейскія.

Здѣсь церемоніальный департаментъ не зналъ до самой страстной субботы, что дѣлать ему на второй день Пасхи съ иностранными министрами. На отношеніе получилъ апробованную неизвѣстно кѣмъ записку, чтобы послать нотификацію къ чужестраннымъ посламъ и министрамъ о имѣющемъ быть 22 числа въ Зимнемъ дворцѣ въ большомъ нарядѣ съѣздѣ; но ничего не упомянуто, что это для принесенія поздравленій Высочайшимъ особамъ.

Графиня Головина оправляется. Она на себя не похожа. При ея сухощавости лишиться послѣдняго значитъ сравниться съ остовомъ. За то она никого почти къ себѣ не пускаетъ.

О заграничныхъ извѣстіяхъ я ничего порядочнаго не слышу. Достовѣрно токмо то, что первая противничья позиція утверждена на Вислѣ.

Скоро ли Патріотъ нашъ отправится въ Вильну? Не поѣдете ли и Вы за нимъ? Какъ бы я желалъ, чтобы онъ соблюлъ такимъ выборомъ и свой, и общій интересъ. Простите до пятницы.

Да, забылъ сказать, что главная квартира 1-ой Западной арміи скоро будетъ подвинута ближе къ Вислѣ изъ Вильно.

С. О. Долговъ.

Въ маѣ 1812 года.

Приводимъ въ этой статьѣ выдержки изъ изданныхъ интересныхъ матеріаловъ Военно-Ученаго Архива Генеральнаго штаба. Томъ XII и т. XVIII даютъ цѣнныя свѣдѣнія о томъ, что происходило въ этомъ мѣсяцѣ въ 1812 году: какія свѣдѣнія были получаемы въ Россіи о французскихъ войскахъ, что дѣлалось у насъ; здѣсь приведены также два письма Императора Александра I Салтыкову, рисующія общее положеніе дѣлъ за это время, а также переводъ письма Наполеона князю Куракину. *Т.*

Собственноручное письмо Императора Александра I кн. Николаю Ивановичу Салтыкову, 13 мая 1812 г. изъ Вильно [1]).

„Разныя поездки не позволили мнѣ ответствовать вашему сіятельству на три письма ваши и васъ за оныя благодарить.

Весьма согласенъ съ мненіемъ вашимъ о Лисенціяхъ. Нужно съ симъ повременить, темъ более что решеніе не замедлится. По известіямъ Наполеонъ выехалъ изъ Парижа въ Дрезденъ. Онъ ко мнѣ присылалъ гр. Нарбона съ письмомъ въ коемъ уверяетъ еще все о желаніи своемъ сохранить съ нами миръ.

Другое письмо было отъ ихъ министра иностранныхъ дѣлъ къ канцлеру гдѣ послѣ весьма долгаго изчисленія разныхъ неудовольствій на нашъ щетъ кои однакожѣ всѣ безъ изъятія несправедливы, а иныя и выдуманныя, изъявляется равнымъ образомъ желаніе сохранить миръ, и въ семъ намереніи сообщаютъ намъ новый подвигъ которой они зделали дабы взойтить въ сношеніе о мирѣ съ англинскимъ кабинетомъ. Кондиціи таковы что сумнительно чтобы сіе

[1]) Орѳографія сохранена. *Ред.*

имело далнее последствіе. Я ответствовалъ на все сіе что съ моей стороны онаго желанія никогда не было какъ сохранить согласіе между нами, и что всѣ неудовольствія на нашъ щетъ суть пустыя.

При семъ возвращаю журналъ комитета 13-го генваря 1807 года.

Равномерно прилагаю здесь записку присланную отъ С. К. Вязмитинова съ вложеніемъ въ оную письма довольно дерзскаго. Нужно подробно добраться кто сочинитель подобныхъ бумагъ. Сіе письмо уже дошло до меня и другимъ путемъ, какъ равно и другое здесь приложенное отъ имени сенатора Теплова. Оно не новое и несколько летъ уже ходило подъ подписію Маркова. Желательно весьма обратить на сіи предметы должное вниманіе. При семъ прилагаю также рапортъ министра внутреннихъ дѣлъ. Его нужно обратить въ комитетъ 13-го генваря. Наконецъ записку о толкахъ ходящихъ по Петербургу единственно для соображенія.

Важный предметъ на которой долженъ я обратить вниманіе вашего сіятельства есть отпускъ суммъ для потребностей арміи. Министръ финансовъ весьма медленно ихъ высылаетъ. Отъ сего произходитъ совершенный въ оныхъ недостатокъ въ арміи. Полки нуждаясь принуждены брать отъ земли безъ платы что заводитъ разныя безпорядки. Великую услугу окажетѣ государству взойдя подробно въ сей предметъ въ секретномъ комитетѣ финансовъ. Те же суммы но бывъ ранее высылаемы отвратили бы совершенно весь недостатокъ и безпорядки отъ онаго произходящія.

Пребываю на всегда вамъ искренно доброжелательнымъ

АЛЕКСАНДРЪ“.

Письмо Императора Александра I кн. И. Н. Салтыкову. 22 мая 1812 г. изъ Вильно.

„У насъ новаго ничего не происходитъ, но рѣшеніе не замедлится и въ теченіе нѣсколькихъ дней явно узнаемъ какой оборотъ все приметъ.

Пребываю на всегда вамъ искренно доброжелательнымъ

АЛЕКСАНДРЪ“.

Копія письма Императора Наполеона I князю Куракину, мая (?) 1812 г. [1]).

(Переводъ). „Князь Куракинъ! Скажите Вашему Императору, что не бездѣйствіемъ сохраняютъ и увеличиваютъ Имперіи. Съ тѣхъ

[1]) Резолюція ген. Барклая-де-Толли: „Сія тайна государственная и Высочайше повелѣно изслѣдовать, у кого есть этакія копіи и взять строгія мѣры, чтобы не простирались (?)“.

поръ какъ сраженія рѣшаютъ судьбы Европы, монархи вынуждены защищать и увеличивать свои владѣнія съ оружіемъ въ рукахъ. Нерѣдко великія державы бываютъ слабы; только большія семьи процвѣтаютъ. Я назвалъ вашего Императора Властелиномъ сѣвера, это могло служить для него указаніемъ того, что я хотѣлъ изъ него сдѣлать. Его существованіе было необходимо для моей системы, но если онъ хочетъ нарушить ее, я измѣню свои планы и предоставлю другимъ державамъ тѣ преимущества, которыя я предназначилъ для него.

Свиданіе въ Мемелѣ настроило Александра благопріятно. Онъ обѣщалъ мнѣ не слѣдовать долѣе совѣтамъ какихъ-то Строгановыхъ или Салтыковыхъ, продавшихся англичанамъ, и устранить ихъ вліяніе. Ничего этого не было сдѣлано! Я узналъ, что онъ приблизилъ ихъ къ себѣ — что въ Петербургѣ всѣ преданы Англіи. Монархъ, который терпитъ подлѣ себя постороннее вліяніе, не есть монархъ, а лишь орудіе нѣсколькихъ шпіоновъ или льстецовъ. Князь Куракинъ! Я управляю самъ, я управляю одинъ; мною никто не управляетъ; управляя, я пріобрѣлъ много опытности. Я преподалъ, насколько было въ моей власти, совѣты моему брату Александру, Императору Россійскому; если бы онъ имъ послѣдовалъ, они сдѣлали бы его могущественнымъ и снискали бы ему уваженіе; но англійская партія испортила его; я боюсь, что онъ объ этомъ пожалѣетъ, быть можетъ слишкомъ поздно.

Австрія такъ же предалась этой партіи, которую англичане создаютъ себѣ вездѣ, гдѣ берутъ ихъ деньги и вѣрятъ ихъ обѣщаніямъ.

Вы видите, что сталось съ Австріей, это была первоклассная держава, нынѣ эта держава второстепенная. Взгляните, какъ упали ея финансы; у нея обращаются нынѣ однѣ бумажныя деньги; это паденіе произошло благодаря англичанамъ. Въ настоящее время Австрія присоединилась къ континентальной системѣ, и ея финансы начинаютъ уже процвѣтать; я далъ этой державѣ обѣщанія, которыя я выполню, но вашъ Государь не долженъ завидовать ей. Его Имперія достаточно велика, чего онъ желаетъ еще? У васъ не было средствъ для осуществленія его предпріятій, я далъ ему эти средства и желалъ бы, чтобы они были выполнены Имъ, а не кѣмъ инымъ, но онъ испугался и пересталъ повиноваться внушеніямъ своего сердца.

Горе монархамъ, которые не принимаютъ рѣшеній самостоятельно, подчиняются постороннимъ вліяніямъ. Вашъ повелитель хочетъ быть непричастнымъ къ тѣмъ мѣрамъ, которыя я счелъ нужнымъ принять, чтобы уничтожить вліяніе Англіи на континентѣ.

Повѣрьте мнѣ, князь, этотъ нейтралитетъ погубитъ его, ибо въ борьбѣ, во главѣ которой я стоялъ, должны неминуемо погибнуть либо Англія, либо континентъ—это результатъ неизбѣжный.

Горе тому, кто разойдется со мною, или кто образуетъ коалицію противъ меня. Сугубое горе ихъ престоламъ, ибо они превратятся въ прахъ; какъ возникли эти безумные планы, которые вашъ монархъ считаетъ себя призваннымъ выполнить? Къ чему эти усиленные наборы, которые,—не правда ли, князь?—не соотвѣтствуютъ количеству населенія Россіи?

Къ чему эти форсированные марши, къ чему этотъ разрывъ, коимъ онъ мнѣ угрожаетъ. У меня нѣтъ близъ вашей границы ни одного солдата. Всѣ войска, которыя имѣются у меня въ Германіи, удалены отъ васъ на сотни верстъ. Не думаетъ ли онъ угрожать мнѣ?

Я поставлю въ двѣ недѣли на ноги противъ него 500 тысячное войско, чтобы занять снова позиціи, которыя я занималъ на Мемелѣ пять лѣтъ тому назадъ.

Если французская армія пойдетъ на Петербургъ, чтобы отомстить за нарушеніе мира на континентѣ, и разгонитъ властвующую тамъ англійскую партію — виновною въ этомъ будетъ Англія, а не я.

Я ничего не хочу отъ вашего Императора, чего же онъ хочетъ отъ меня? Весь континентъ замиренъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ мятежниковъ, состоящихъ на жалованьи у Англіи, которые возбуждаютъ волненія въ Испаніи, и которыхъ мое войско съумѣетъ покарать; не думаютъ ли, что это есть благопріятный моментъ для того, чтобы атаковать меня? Въ Испаніи и Португаліи у меня не болѣе 80 т. человѣкъ, но у меня есть 500 т. человѣкъ самаго храбраго войска, не считая моихъ вѣрныхъ союзниковъ — членовъ Рейнской конфедераціи. Не думаютъ ли запугать меня? Не думаютъ ли, что я откажусь отъ своихъ плановъ въ Испаніи! Что я откажусь отъ мѣръ, принятыхъ мною противъ Англіи? Ошибаются. Вмѣсто того, чтобы помѣшать имъ, какъ полагаютъ, этимъ могутъ ускорить осуществленіе этихъ мѣръ. Англія, въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, продавала континентальнымъ державамъ свои колоніальные продукты и свои товары по цѣнамъ, установленнымъ ею по своей доброй волѣ; въ настоящее время англичане не смѣютъ привезти въ европейскіе порты ни одной унціи индиго, ни одного фунта сахара, ни куска камеди — исключеніе составляютъ только русскіе порты, которые готовы предаться всецѣло Англіи. Не то обѣщалъ мнѣ Александръ. Когда монархи не соблюдаютъ даннаго другъ другу слова, тогда на землѣ нѣтъ болѣе лояльности, нѣтъ болѣе

вѣрности, нѣтъ болѣе гарантій для трактатовъ, тогда безполезны всѣ мирные трактаты.

Когда Австрія атаковала меня послѣдній разъ, я имѣлъ въ Испаніи 150 т. человѣкъ, я рѣшилъ наказать Австрію, и мѣсяцъ спустя я былъ въ Вѣнѣ, куда вступилъ вторично; пусть не вынуждаютъ меня идти на Петербургъ, ибо, вступивъ, въ эту столицу, я не покину ее прежде, нежели я оттѣсню имперію царей въ пустыни Сибири или въ Камчатскія степи.

Человѣку, стоящему во главѣ Франціи, державы, которая уже 1.500 лѣтъ имѣетъ вѣсъ въ Европѣ, нельзя терпѣть оскорбленіе отъ имперіи, едва начинающей свое существованіе, существующей не болѣе 150 лѣтъ и извѣстной только жестокостью своихъ царей и варварствомъ своихъ жителей. Я прекрасно знаю, что подобныхъ вещей не говорятъ Императору, въ особенности въ присутствіи Нарышкиныхъ; я знаю, что его окружаютъ людьми, имѣющими на него вліяніе. Ну что же, если меня къ тому вынудятъ, я постараюсь уничтожить ихъ обаяніе быстрыми и энергичными дѣйствіями. Еще живы храбрые воины Аустерлица и Эйлау, они полны храбрости и отваги, они съумѣютъ снова занять позиціи на Мемелѣ, которыя были очищены мною только тогда, когда Александръ посулилъ мнѣ свою дружбу и поклялся, что онъ никогда не будетъ воевать противъ меня. Я полагалъ тогда, что между нами все кончено; быть можетъ онъ не хочетъ вынудить меня еще разъ обнажить мечъ? Да будетъ ему извѣстно, что я не вложу его въ ножны такъ легко, какъ въ то время, когда, подкупленный его обѣщаніями, я увелъ свои храбрыя войска съ путей, ведущихъ въ Петербургъ, женщины обольщаютъ монарховъ — всѣ принцессы, подкупленныя англичанами или ихъ друзьями, дорого заплатили за свои ошибки, онѣ ихъ горько оплакали и оплакиваютъ до сихъ поръ. Женщины предназначены природою рожать дѣтей и воспитывать ихъ,—вотъ чего мы должны ожидать отъ нихъ, но не допускать, чтобы онѣ заходили дальше, и чтобы въ ихъ рукахъ былъ скипетръ. Напишите вашему двору, скажите ему, что его политика мнѣ не нравится, что его шаги тревожатъ меня. Я хочу, чтобы было прекращено вліяніе женщинъ и льстецовъ, подкупленныхъ англійскимъ золотомъ; мнѣ нуженъ покой, я не хочу войны; благо моихъ народовъ требуетъ моихъ заботъ, поэтому я жажду спокойствія. Если же будутъ пресѣчены мѣры, принятыя мною для обезпеченія блага народовъ, это поведетъ только къ его вящему упроченію. Замѣтьте это себѣ, князь, пока я считаю себя въ правѣ разсчитывать на ваше усердіе—я считаю себя въ правѣ вѣрить, что вы не допустите до оскорбленія вашего государя, тѣмъ болѣе, что я имѣю

собственноручныя доказательства его неоспоримаго ко мнѣ уваженія. Въ вашихъ рукахъ, князь, основы вашего будущаго блага и вашего будущаго величія. Я знаю, князь Куракинъ, что вы принадлежите къ французской партіи и что вы одобряете мою систему. Слушайте же! Вы еще можете спасти своего повелителя, если вы передадите ему откровенно то, что я сказалъ вамъ; скажите ему, съ какой энергіей я дѣйствую во всемъ, что я дѣлаю, и въ особенности въ томъ, что касается англичанъ. Вы согласитесь съ тѣмъ, что вашего императора напрасно напугали. Занятіе Ганзеатическихъ городовъ есть естественное послѣдствіе Континентальной системы, придуманной вами же и вами осуществленной.

Города эти до того были склонны возродить контрабандную торговлю и служить складочнымъ мѣстомъ англійскихъ товаровъ, что было бы крайне неприлично передъ лицомъ всей Европы терпѣть болѣе существованіе этихъ тайныхъ и гнусныхъ предпріятій, существовавшихъ тамъ, несмотря на мое могущество и вопреки заключенной нами конвенціи;—я овладѣлъ этими городами, не изъ властолюбія, они были мнѣ необходимы во время мира. Чтобы воевать, мнѣ нужны порты, матросы и суда. Вашъ императоръ жалуется на то, что я занялъ города маленькаго принца Ольденбургскаго и что я вынудилъ его бѣжать въ Россію; къ чему же онъ противился мнѣ? Почему отказывалъ онъ мнѣ въ томъ, что я требовалъ отъ него? Обязанъ ли я ради покровительства вашего императора щадить такихъ принцевъ, которые во Франціи считались бы даже вельможами и которые вздумаютъ, быть можетъ, отвѣчать отказомъ на мои требованія;—въ особенности могу ли я дать понять имъ, что на землѣ есть монархъ, имѣющій право стать посредникомъ между ними и мною, или пріостановить сдѣланныя мною распоряженія къ походу. Права собственности не заслуживаютъ никакого вниманія, коль скоро они не соотвѣтствуютъ разсчетамъ, сдѣланнымъ по моей волѣ, не принимая во вниманіе интересовъ нѣкоторыхъ частныхъ лицъ.

Я прекрасно знаю, что при вашемъ дворѣ не дошли до высоты этихъ принциповъ, что всѣ сожалѣютъ несчастнаго принца Ольденбургскаго, но я далъ бы этому Ольденбургскому принцу вознагражденіе, если бы онъ своимъ упрямымъ упорствомъ не былъ недостоинъ моего покровительства и той благосклонности, какую я хотѣлъ оказать ему.

Мой братъ царь персидскій отослалъ въ угоду англичанамъ моего посланника и тѣмъ вызвалъ мой гнѣвъ.

Князь! желать причинить намъ безпокойство равносильно лишить самихъ себя покоя; ничто не можетъ противиться намъ. Мы

обладаемъ такой силою, передъ которой всѣ державы были вынуждены преклониться. Я не хочу уничтожить европейскіе троны, это не входитъ въ мои планы, ибо всѣ тѣ, кои занимаютъ ихъ, близки моему сердцу, но когда заключаютъ союзы противъ меня, когда мнѣ не только отказываютъ въ содѣйствіи, но когда пытаются задержать меня пустыми интригами и противодѣйствіемъ,— тогда долгъ по отношенію къ самому себѣ, къ интересамъ моихъ народовъ и къ успѣху моихъ замысловъ, равно какъ и забота о безопасности моей Имперіи требуютъ, чтобы я наказалъ тѣхъ, кто оскорбляетъ меня и кто подвергаетъ опасности мою священную систему.

Европа давно уже пользовалась бы миромъ, если бы великія державы захотѣли столковаться со мною; вмѣсто того онѣ образовали коалиціи подъ предлогомъ защиты интересовъ, для завоеванія странъ, претендовать на которыя они не имѣли никакого права, и для того вообще, чтобы доставить преуспѣяніе исключительно англійской торговлѣ и тиранніи. Маленькія державы—эти полумонархіи, нуждающіяся въ покровительствѣ болѣе сильныхъ, не могущія и не умѣющія защищать самихъ себя, не должны обладать полнотой такою, какою она была въ моментъ монархической власти. Если бы меня оставили въ покоѣ, я бы удовлетворился Франціей такою, какою она была въ моментъ моего вступленія на престолъ; но войны, веденныя мною, показали мнѣ, что Европа должна быть преобразована по новому образцу и на основаніи новыхъ принциповъ. Я испыталъ всю тяжесть обязательства совершить это всеобщее преобразованіе во всѣхъ отрасляхъ—но если бы монархи повиновались исключительно своимъ личнымъ склонностямъ или сердечнымъ чувствамъ, то они подвергали бы себя часто опасности и рѣдко могли бы осуществить реформы, требуемыя обстоятельствами. Если, для достиженіи этой великой цѣли, я заставляю подчиниться моей власти второстепенныя мелкія государства, это не должно тревожить великія державы; я это доказалъ, сохранивъ даже существованіе Пруссіи, въ угоду вашему императору; я доказалъ это, разведясь съ женою, чтобы взять себѣ супругу изъ австрійскаго дома. Я знаю, что вашъ императоръ былъ встревоженъ этимъ бракомъ; быть можетъ, его тщеславіе и ложная гордость одного изъ членовъ его семьи были этимъ оскорблены. Мы въ то время были связаны гораздо тѣснѣе, но это не бѣда, онъ не долженъ думать, что я отношусь къ Австріи и ея монарху съ какимъ-нибудь особеннымъ чувствомъ съ тѣхъ поръ, какъ я съ нимъ сблизился. Эти соображенія не заставятъ меня отказаться отъ моихъ принциповъ, они не заставятъ меня отнестись снисходительно ко всякому

дерзкому поступку или уступить передъ какими-либо препятствіями. Все должно идти своимъ обычнымъ ходомъ; надобно быть готовымъ понести наказаніе, даже быть расчлененнымъ и уничтоженнымъ, смотря по тому, какъ велика опасность, которой себя подвергаешь.

Сообщите Вашему двору все вами слышанное отъ меня.

(подписано) Наполеонъ".

Капитанъ Гирсъ ген.-отъ-инф. Дохтурову 1 мая 1812 г. изъ Радзивилова.

Французская армія весьма обдерта, и во многомъ, особливо въ продовольствіи, весьма нуждается. Кавалерія весьма изнурена, особливо тѣ полки, кои пришли изъ Испаніи. Пудъ сѣна продается по два талера серебромъ.

Приказъ прусскаго генерала Граверта въ гл. кварт. въ Кенигсбергѣ, 1 мая 1812 г. [1]).

Симъ объявляю корпусу, что онъ пользуется преимуществами состоять подъ главнымъ начальствомъ его сіятельства, г. маршала Ауэрштедскаго и принца Экмюльскаго. Я просилъ его сіятельство въ случаѣ открытія войны доставить прусскимъ корпусамъ сколь возможно скорѣе случай оказать себя дѣлами, достойными чести сражаться въ глазахъ знаменитаго героя и близь привыкшихъ къ побѣдѣ французскихъ армій.

Полковникъ Эйхень 2 ген.-ад. кн. Волконскому 4 мая 1812 г. изъ Дриссы.

Доноситъ о произведенныхъ по 4 мая работахъ по устройству укрѣпленій въ лагерѣ подъ Дриссой, и затѣмъ, 27 мая доноситъ вторично, что къ концу мая всѣ работы будутъ готовы.

Кн. Ливенъ ген. Барклаю де-Толли 4 мая изъ Берлина.

Наполеонъ 9 мая выѣхалъ изъ Парижа, вмѣстѣ съ императрицей и 17-го мая пріѣдетъ въ Дрезденъ. Макдональдъ третьяго дня выѣхалъ изъ Берлина, Жюно съ своими войсками выступилъ изъ Силезіи.

Иванъ Жисъ ген.-отъ-инф. кн. Багратіону, 4 мая 1812 г. изъ Кобрина.

Польскія войска выступили изъ Модлина по дорогѣ въ Тикоцинъ, на мѣсто ихъ въ Модлинъ ожидаютъ прусскія войска. Генералъ Заенчикъ, имѣя при себѣ князя Радзивила, отправился съ войскамъ изъ Кассіенска въ Островъ.

Въ Варшавѣ нынѣ 10.000 поляковъ.

---

[1]) Очевидно переводъ. Подлиннаго приказа на нѣмецкомъ языкѣ въ дѣлахъ Военно-Ученаго Архива не сохранилось. *Ред.*

Вестфальской король съ 30-ю человѣками своей гвардіи 20-го числа къ вечеру прибылъ въ Варшаву, на другой день былъ онъ при разводѣ, 23-го числа ожидаютъ маршала Даву въ Варшаву.

Ген.-отъ-инф. гр. Кутузовъ Государю Императору, 7 мая 1812 г. изъ Бухареста.

Его Императорскому Величеству ген.-отъ-инф. гр. Голенищева-Кутузова рапортъ.

Всемилостивѣйшее Вашего Императорскаго Величества повелѣніе съ прибывшимъ сюда вчерашняго числа адмираломъ Чичаговымъ, удостоившись получить, съ вѣрноподданническою признательностью исполнить оное не замедлю, какъ скоро получится мною отъ верховнаго визиря ратификація посланнаго мною къ нему мирнаго трактата, съ чѣмъ и надобность присутствія моего здѣсь сама собою прекратится.

Подписалъ: ген.-отъ-инф. гр. Кутузовъ.

С. Щербининъ Военному министру, 13 мая 1812 г. Секретно.

Г-ну воен. мин. главнокомандующему 1-ю Западною арміею.

Вашему высокопр-ству имѣю честь почтеннѣйше донести, что польскія войска, стоявшія по сіе время сосредоточенными около Варшавы, на сихъ дняхъ перешли и расположились двумя линіями, изъ коихъ одна начинается у Нура, проходитъ чрезъ Высокій и кончается въ Тыкочинѣ, а другая начинается у Брока и простирается чрезъ Островъ, Снядовъ, Ломжу и Щучинъ. Они составляютъ пять дивизій, изъ коихъ одна подъ командою Домбровскаго, другая—Заіончека, третья—Рожнецкаго, четвертая—Конопки и пятая—Каминскаго.

Ген.-маіоръ Иловайскій 4-й ген. Платову, 15 мая 1812 г. изъ Кнышина.

Полка имени моего отъ сотника Сиротина, состоящаго на пограничномъ татарскомъ кордонѣ, по достовѣрнымъ тайнымъ словамъ ему отъ обывателей герцогства Варшавскаго, сего числа получилъ я рапортъ, что французскій императоръ Наполеонъ въ ночь подъ 13-е число сего мѣсяца прибылъ въ городъ Варшаву, и что французскія войска, переправляясь чрезъ рѣку Вислу, дѣлаютъ движеніе къ Брестъ-Литовску и мѣстечкамъ Бѣлой и Мезеричу; о чемъ вашему высокопр-ству долгомъ поставляю донесть.

Подпись: Ген.-маіоръ Иловайскій 4-й.

Г.-м. Иловайскій 4-й ген. Платову, 16 мая 1812 г. изъ Кнышина.

Находящійся въ заграничномъ городѣ Тикочинѣ подпрефектъ

Бель-Фруа на сихъ дняхъ получилъ отъ маршала Даву повелѣніе: всю коммуникацію города съ нами прекратить, почему теперь рогатка со стороны ихъ замкнута и ключъ хранится расположеннаго тамъ уланскаго полка у полковника Домбровскаго. Кромѣ сего, достовѣрно извѣстно мнѣ, что помянутый маршалъ Даву находится въ Варшавѣ, пять польскихъ, кромѣ французскихъ, подъ командою его состоящихъ дивизій придвинулись къ границѣ и расположились отъ оной не далѣе четырехъ и пяти миль: 1-я Домбровскаго—въ Высокомъ Мазовецкомъ, 2-я Заіончека—въ Зомбровѣ, 3-я Конопки—въ Островѣ, 4-я Рожнецкаго—въ Снядовѣ, 5-я Каменскаго—въ двухъ отъ пограничнаго Пяткова Двора миляхъ и въ Ломжѣ два кавалерійскихъ полка. При Сельцахъ же между Брестомъ и Дрогичина находится армія вице-короля Италійскаго Евгенія изъ 80 т. италіанцевъ, баварцевъ и саксонцевъ состоящая; они предполагаютъ сдѣлать атаку на Россіянъ и тѣмъ предупредить всему нашему дѣйствію; а тѣмъ изъ ихъ арміи, кои доставятъ плѣнныхъ, давать въ награду за офицера по три, а за рядового по одному червонцу.

Вашему высокопр-ству я честь имѣю о семъ почтеннѣйше донесть.

Подпись: Ген.-м. Иловайскій 4-й.

Ген.-лейт. Тучковъ 1-й ген.-лейт. Лаврову, 18 мая 1812 г. изъ Вильно.

Отъ обывателей герцогства Варшавскаго берутъ въ реквизицію 10-ю часть скота и птицъ; съ каждой влоки земли—30 гарнцевъ варшавскихъ овса и другого хлѣба, центеръ или три пуда сѣна и 60 фунтовъ соломы. Сверхъ того наличный провіантъ и фуражъ у всѣхъ жителей осмотрѣнъ, исчислено его количество и назначенъ для отдачи по первому требованію въ казну, оставляя только хозяевамъ небольшую часть для домашняго расхода; причемъ замѣчено, что вообще у помѣщиковъ хлѣба достаточно.

Дороги во всѣхъ мѣстахъ починяются, на перекресткахъ дѣлаются столбы съ надписью, куда дорога идетъ, и разстоянія мѣста отъ мѣста.

Сверхъ того, посредствомъ помѣщика, живущаго на самой границѣ, въ селеніи Живульчишкахъ, получено слѣдующее увѣдомленіе:

1) Что якобы маршалъ Ней съ войскомъ французскимъ слѣдуетъ въ Пруссію къ Кенигсбергу въ числѣ 6.000.

2) Маршалъ Удино съ французскими и прусскими войсками, въ 60 тысячахъ, въ томъ числѣ и нѣсколько польскихъ войскъ, имѣетъ направленіе къ Меричу и Олитѣ.

3) Маршалъ Даву съ арміей въ 130.000 противъ Бреста, въ томъ числѣ 24.000 поляковъ, подъ командою князя Понятовскаго.

4) Конскрипція брана нынѣшняго времени изъ пяти дымовъ одного человѣка.

Подпись: Ген.-лейт. Тучковъ 1-й.

Ген. Тормасовъ Военному министру, 19 мая 1812 г. изъ Житоміра.

Получа именное Его Императорскаго Величества повелѣніе объявленное мнѣ вашимъ высокопр-вомъ, о всемилостивѣйшемъ удостоеніи меня Высочайшей довѣренности начальствовать надъ 3-й Западною арміею и о усиленіи оной войсками отъ 2-й арміи, поспѣшаю довести до свѣдѣнія вашего, что я немедленно вошелъ въ сношеніе съ главнокомандующимъ 2-ю Западною арміею господиномъ генераломъ княземъ Багратіономъ и распорядился, чтобы, по мѣрѣ выступленія войскъ, назначенныхъ къ движенію, сосредоточить на мѣста ихъ войска мнѣ ввѣренныя, а между тѣмъ, составя примѣрное росписаніе всѣмъ войскамъ 3-й Западной арміи, имѣю честь представить оное при семъ на разсмотрѣніе.

Подпись: Генералъ-отъ-кавалеріи Тормасовъ.

Ген.-отъ-инф. кн. Багратіонъ ген.-лейт. Эссену 1-му, 20 мая 1812 г. изъ Луцка.

Войска ввѣренной мнѣ 2-й Западной арміи уже на походѣ. Первая колонна изъ оныхъ, имѣя направленіе по Ковельской дорогѣ чрезъ Кобринъ, будетъ въ окрестностяхъ Пружанъ къ 25-му мая. Вторая, слѣдуя по дорогѣ Колковской чрезъ Яново и Хомскъ, прибудетъ къ Пружанамъ 4-го іюня. Казачьи же полки пойдутъ проселочными дорогами между Бугомъ и первою колонною, держась ближе дороги, по коей пойдетъ первая колонна, чтобы быть далѣе отъ границы. О расположеніи сихъ войскъ въ окрестностяхъ Пружанъ я покорнѣйше прошу ваше пр-ство сдѣлать ваше распоряженіе, держась дислокаціи, отправленной по моему приказанію начальникомъ главнаго штаба къ таковому же, при ввѣренномъ вамъ корпусѣ состоящему.

Подпись: Князь Багратіонъ.

Извѣстія изъ Германіи отъ 23 мая (7 іюня) 1812 г.

Король Неаполитанскій и Императоръ Наполеонъ были въ Данцигѣ. Французская армія наступаетъ двумя колоннами отъ средней и нижней Вислы, одна направляется на Гродно, другая на Гумбинген. На Прегелѣ около Велау расположенъ значительный корпусъ.

Ген.-лейт. гр. Витгенштейнъ Военному министру, 24 мая 1812 г. изъ Шавель.

Но, какъ извѣстно мнѣ изъ полученныхъ изъ-за границы свѣдѣ-

ній, что непріятель силы свои направляетъ болѣе противъ большой арміи, то навѣрное полагать должно, что тамъ прежде начнутся и дѣйствія.

Гр. Ливенъ ген. Барклаю де-Толли, 25 мая (6 іюня) 1812 г. изъ Берлина. Воен.-Учен. Арх., отд. II, № 1882, л. 398.

Наполеонъ передъ своимъ отъѣздомъ изъ Дрездена отдалъ приказаніе своимъ войскамъ наступать.

Извѣстія изъ герцогства Варшавскаго 25 мая 1812 г.

Мая 13-го въ ночи прибылъ Наполеонъ въ Варшаву, въ конвоѣ его находилось не болѣе 12-и солдатъ; остановясь у Саксонскаго дворца, не выходя изъ коляски, по перемѣнѣ только лошадей, тотъ же часъ поѣхалъ въ Модлинъ; при немъ находился италіанскій вице-король, а изъ Варшавы съ нимъ отправился и вестфальскій король. Изъ Модлина уже куда поѣхалъ Наполеонъ—неизвѣстно. Вестфальскій же король отправился въ Луковъ для осмотра войскъ; для сего ревю собраны были: изъ союзныхъ войскъ—баварцы, саксонцы, вестфальцы и поляки; начальники, производящіе ревю—король вестфальскій, изъ польскихъ—генералъ Рожницкій, генералъ Каминскій и генералъ Турнеръ.

Выдержки изъ „Кенигсбергскихъ вѣдомостей“ отъ 25 мая 1812 г.

Парижъ, 11 мая.

Въ сегодняшнемъ „Монитерѣ“ помѣщено слѣдующее: Его Величество Императоръ и Король 9-го сего мѣсяца отправился осматривать собравшіяся на берегу Вислы войска свои. Ея Величество Императрица сопровождаетъ его до Дрездена, гдѣ она надѣется видѣться со своими родителями, а оттуда намѣревается возвратиться въ Парижъ въ іюнѣ мѣсяцѣ.

Изъ Саксоніи 15 мая.

Ихъ Величествъ Императора французскаго и Императрицу ожидаютъ навѣрное 17 сего мѣсяца въ Дрезденъ. (Они, дѣйствительно, прибыли туда 16-го ввечеру). Прежде ихъ, сказываютъ, прибудутъ Императоръ и Императрица австрійскіе. Ихъ Величества саксонскій король и королева поѣхали навстрѣчу Императору Наполеону и супругѣ его во Фрейбергъ. Въ свитѣ Императора находятся неаполитанскій король и королева и вел. герц. Вюрцбургскій. Полагаютъ, что сіи высокія особы пробудутъ недѣлю въ Дрезденѣ. По другимъ извѣстіямъ Его Величество Императоръ пробудетъ тамъ два дня.

Варшава, 2 мая.

Его Величество Король Вестфальскій прибылъ въ прошедшую ночь въ сей городъ и остановился въ такъ называемомъ домѣ Брюля, который былъ для него приготовленъ.

Кенигсбергъ, 23 мая.

По сегодняшнимъ письмамъ изъ Берлина король неаполитанскій прибылъ туда неожиданно и остановился въ Липовой улицѣ (Unter den Linden) въ трактирѣ подъ знакомъ солнца. Онъ пробылъ только одинъ день и на другое утро въ 4 часа отправился черезъ Позенъ въ Маріенвердеръ. Вмѣстѣ съ нимъ прибылъ въ Берлинъ маршалъ Мортье, герцогъ Тревизскій, но не останавливаясь поѣхалъ немедленно далѣе черезъ Франкфуртъ.

По полученнымъ въ Берлинѣ партикулярнымъ извѣстіямъ, Императоръ Наполеонъ прибылъ 16 мая въ Дрезденъ, но оффиціальнаго свѣдѣнія о томъ еще не получено, между тѣмъ ежеминутно ожидаютъ курьера, который не прежде будетъ отправленъ, пока князь Галцфельдъ будетъ имѣть аудіенцію у Императора, причемъ король прусскій узнаетъ, когда и гдѣ онъ можетъ видѣть Императора, который можетъ быть поѣдетъ черезъ Берлинъ. По полученной эстафетѣ изъ Ольса корпусъ прусскаго генерала Клейста долженъ былъ остановиться, поелику 50 тыс. корпусъ французовъ взялъ ту же дорогу черезъ Калишъ и онъ долженъ дожидаться покуда сей пройдетъ далѣе. Въ Эльбингѣ и Брансбергѣ начинаютъ дѣлать движенія французы и уже пошли къ Гейлигенбейлю. Говорятъ, что они пойдутъ къ сторонѣ Растенбурга.

П. Чичаговъ А. П. Тормасову, 25 мая 1812 г. изъ Бухареста. Секретно.

М. г. мой, Александръ Петровичъ!

Вашему высокопр-ству конечно уже извѣстно, что Государю Императору угодно было назначить меня главнокомандующимъ Дунайскою арміею и Черноморскимъ флотомъ. По всѣмъ предположеніямъ миръ съ Турціею долженъ вскорѣ совершиться, и сіе счастливое событіе положитъ съ сей стороны конецъ дѣйствіямъ ввѣренной мнѣ арміи. Но настоящее поведеніе Австріи заставляетъ насъ озабочиваться съ другой стороны. По дошедшимъ до меня свѣдѣніямъ австрійцы начинаютъ дѣлать движенія, изъ которыхъ примѣчаются пріуготовленія ихъ къ непріязненнымъ противу насъ дѣйствіямъ. Они приближаютъ къ границамъ Молдавскимъ нарочитые отряды войскъ, отправляютъ къ онымъ артиллерію и заготовляютъ въ Буковинѣ провіантъ и фуражъ.

Польза Имперіи требуетъ принять и съ нашей стороны мѣры осторожности на случай внезапнаго нападенія. Для сего я необходимымъ считаю войти съ вашимъ высокопр-ствомъ въ сношенія, за-

ключая изъ описанныхъ мною обстоятельствъ, что войскамъ, вамъ и мнѣ ввѣреннымъ, должно будетъ сблизиться, и можетъ быть взаимно подкрѣплять себя.

Но чтобы въ семъ общемъ дѣлѣ мы могли надежнѣе другъ на друга полагаться и, въ случаѣ надобности, въ подкрѣпленіе успѣшнѣе удовлетворять взаимнымъ нашимъ требованіямъ, я не излишнимъ поставляю увѣдомить васъ, что находящаяся въ моемъ распоряженіи армія состоитъ изъ 4 дивизій пѣхотныхъ и 2 кавалерійскихъ. Также прошу и васъ, м. г. мой, дать мнѣ знать, до какой степени ввѣренныя вамъ силы простираются, и какія мѣста нынѣ занимаютъ.

Равнымъ образомъ нужно мнѣ имѣть свѣдѣніе и о мѣстѣ пребыванія вашего, дабы я могъ по дѣламъ службы сноситься съ вами безостановочно.

Съ совершеннымъ почтеніемъ . . . . . слуга.

Подпись: П. Чичаговъ.

Письмо изъ Вѣны 27 мая 1812 года.

Появилась прокламація, въ которой французскій императоръ говоритъ, что онъ принужденъ начинать войну противъ русскихъ. Она слѣдующаго содержанія:

„Солдаты! Я поведу Васъ противъ Россіи; въ началѣ іюня вы будете въ Петербургѣ. Король Прусскій обѣщалъ мнѣ свою дружбу. Его армія уже состоитъ подъ моимъ командованіемъ. Пруссаки не питаютъ къ намъ больше ненависти, они поступаютъ хорошо...“ Обращаясь къ полякамъ, онъ говоритъ: „Я Вамъ дамъ короля! Вы образуете націю, болѣе великую, чѣмъ подъ властью Станислава. Я въ Петербургѣ буду устанавливать границы Александру. Вашимъ королемъ будетъ мой дядя великій герцогъ Вюрцбургскій“...

Донесеніе консула Фаціуса отъ 27 мая изъ Кенигсберга.

Корпусъ войскъ подъ начальствомъ принца Экмюльскаго состоитъ изъ 120 тысячъ.

Донесеніе шт.-кам. Вульфета изъ Ковно въ концѣ мая.

Въ 8-ми миляхъ отъ Ковно къ Ломжѣ, въ городкахъ Маріенполѣ, Ентреновѣ и Кальвари стоятъ 80.000 польскихъ и французскихъ войскъ и между онымъ много артиллеріи. Корпусамъ симъ командуетъ Даву, коего главная квартира близъ Маріенполя, въ деревнѣ Елыбедшики. У помѣщиковъ отнимаютъ весь хлѣбъ и часть скота; въ Остроленкѣ заложены большіе запасные магазины.

На той сторонѣ выбраны непріятелями три мѣста для наведенія мостовъ на случай надобности въ томъ: 1-е между — Ковно и Вар-

швисомъ, 2-е противъ Вилони, въ 5-ти миляхъ за Юрбургомъ и 3-е противъ Борека, въ 1½ милѣ по ту сторону Юрбурга.

Ф. Сиверсъ ген.-лейт. гр. Витгенштейну, 29 мая 1812 г. Секретно.

М. г. графъ Петръ Крестьяновичъ!

Получа предписаніе г-на военнаго министра отъ 25 сего мая съ изъявленіемъ Высочайшаго повелѣнія, чтобъ всѣ казенныя суммы въ пограничныхъ мѣстахъ хранящіяся, перевезти немедленно оттуда въ казенныя палаты внутрь Имперіи, какъ-то изъ Юрбурга и Полангена въ Митаву и т. д., о каковой Высочайшей волѣ извѣщая, я покорнѣйше прошу, такъ какъ оныя таможни состоятъ въ вѣдомствѣ Виленской губ. учинить имъ о семъ предписаніе и для препровожденія оной суммы соблаговолите приказать отрядить конвой.

Съ истиннымъ пожеланіемъ . . . . . слуга.

Подпись: Федоръ Сиверсъ

Извѣстія изъ Германіи въ маѣ 1812 года.

Наполеонъ выступаетъ съ главной арміей изъ Торна, Плоцка и Варшавы къ Гродно и постарается встать между 1-й и 2-й арміями, чтобы быть въ состояніи раздѣлить ихъ совершенно, бить ихъ по частямъ и обезпечить себѣ *операціонную* линію на Москву.

Въ такомъ положеніи представлялось русскимъ начальникамъ въ концѣ мая расположеніе французской арміи и намѣренія Наполеона.

Въ концѣ мая русскія войска были расположены такъ: 1-я армія, подъ командой — Барклая-де-Толли имѣла главную квартиру въ Вильно и состояла изъ 8 корпусовъ (127 т.), кромѣ того въ Бѣлостокѣ стоялъ Платовъ съ 15 казачьими полками.

Въ окрестностяхъ Пружанъ была расположена 2 армія Багратіона, въ составѣ 6 корпусовъ—48 т.

Третья обсерваціонная армія Тормасова 49 т. была въ нынѣшнемъ Кіевскомъ округѣ и наблюдала за Австріей.

Въ нынѣшней Румыніи находилась армія Чичагова, которая состояла изъ 6 дивизій.

Войска Наполеона состояли изъ 610 т.

Т.

Редакторъ-издатель П. Вороновъ.